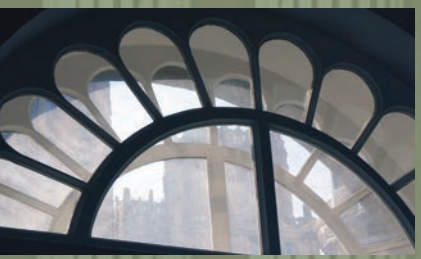
ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК
№ 2 (167) 2025

ВЕСТНИК

Адвокатской палаты города Москвы

Выпуск № 2 (167) 2025

Москва
2025

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 146 29 мая 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Варенцова Светлана Альбертовна
2. Варнашев Максим Сергеевич
3. Герасимова Евгения Викторовна
4. Евдокимова Алена Николаевна
5. Елисеев Дмитрий Александрович
6. Жигатов Азамат Асланович
7. Задорожная Валерия Александровна
8. Исаулова Наталья Анатольевна
9. Карпов Дмитрий Юрьевич
10. Колпиков Константин Васильевич
11. Логинов Сергей Николаевич
12. Мальцев Андрей Борисович
13. Миронова Анна Александровна
14. Смирнов Денис Валерьевич
15. Суяров Санжар Султанмурадович
16. Чернов Александр Владимирович.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключены** из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Вершинина Наталья Игоревна, регистрационный номер 77/16687 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

2. Граненкова Ольга Михайловна, регистрационный номер 77/12765 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

3. Дадов Азамат Асланович, регистрационный номер 77/15948 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

4. Селиверстов Владимир Вячеславович, регистрационный номер 77/16947 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

5. Шамаев Евгений Викторович, регистрационный номер 77/13031 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Алексеенко Ирина Викторовна, регистрационный номер 77/14174 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

2. Апевалова Елена Анатольевна, регистрационный номер 77/4702 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

3. Голиков Сергей Николаевич, регистрационный номер 77/10248 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

4. Денисов Андрей Юрьевич, регистрационный номер 77/11521 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

5. Забрамная Наталья Юрьевна, регистрационный номер 77/2434 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

6. Зверева Людмила Алексеевна, регистрационный номер 77/11612 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

7. Каширина Элина Николаевна, регистрационный номер 77/8971 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

8. Коротков Сергей Николаевич, регистрационный номер 77/988 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

9. Лепшаков Кирилл Ильич, регистрационный номер 77/14604 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

10. Мукаилов Руслан Магомедович, регистрационный номер 77/15499 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

11. Ронда Люция Вячеславовна, регистрационный номер 77/13547 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Гайданов Виталий Олегович, регистрационный номер 77/9556 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

2. Кобзева Полина Валерьевна, регистрационный номер 77/8365 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 мая 2025 года.

3. Ожима Александр Анатольевич, регистрационный номер 77/12000 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

4. Петраченко Тимур Рамазанович, регистрационный номер 77/10712 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

5. Понамарев Борис Борисович, регистрационный номер 77/1124 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Аврех Михаил Аронович, регистрационный номер 77/242 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

2. Алексеев Александр Всеволодович, регистрационный номер 77/5437 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

3. Антонов Олег Алексеевич, регистрационный номер 77/103 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

4. Ахлынов Юрий Владимирович, регистрационный номер 77/5799 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

5. Балабаев Евгений Андреевич, регистрационный номер 77/16290 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

6. Балашов Игорь Алексеевич, регистрационный номер 77/5288 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

7. Баранков Дмитрий Петрович, регистрационный номер 77/7120 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

8. Белова Наталия Викторовна, регистрационный номер 77/7262 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

9. Ботнев Владимир Константинович, регистрационный номер 77/9192 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

10. Бочарова Маргарита Тихоновна, регистрационный номер 77/3323 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

11. Варёнова Марина Анатольевна, регистрационный номер 77/4722 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

12. Веришко Ирина Викторовна, регистрационный номер 77/4817 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

13. Владимиров Эдуард Францевич, регистрационный номер 77/1512 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

14. Войлокова Наталья Александровна, регистрационный номер 77/8192 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

15. Вяхирева Маргарита Викторовна, регистрационный номер 77/14103 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

16. Гаспарян Инна Владимировна, регистрационный номер 77/3620 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

17. Гаухман Михаил Сергеевич, регистрационный номер 77/3605 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

18. Голоднюк Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/6124 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

19. Гончаров Валерий Петрович, регистрационный номер 77/6140 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

20. Греку Илья Захарович, регистрационный номер 77/7763 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

21. Греку Раиса Афанасьевна, регистрационный номер 77/7764 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

22. Гречишкин Игорь Сергеевич, регистрационный номер 77/2661 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

23. Громаков Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/79 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

24. Дарий Наталья Евгеньевна, регистрационный номер 77/5339 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

25. Добриков Павел Васильевич, регистрационный номер 77/2720 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

26. Дурнов Владимир Алексеевич, регистрационный номер 77/7317 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

27. Ефремов Олег Николаевич, регистрационный номер 77/5361 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

28. Зайцев Аркадий Рафаилович, регистрационный номер 77/276 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

29. Калмыков Дмитрий Анатольевич, регистрационный номер 77/8828 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

30. Касенова Мадина Балташевна, регистрационный номер 77/3043 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

31. Кирилловская Вера Андреевна, регистрационный номер 77/5169 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

32. Комлев Сергей Владимирович, регистрационный номер 77/12498 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

33. Кондрашов Игорь Николаевич, регистрационный номер 77/393 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

34. Корогодин Сергей Николаевич, регистрационный номер 77/11518 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

35. Костина Тамара Николаевна, регистрационный номер 77/2383 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

36. Кошелев Николай Александрович, регистрационный номер 77/1898 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

37. Кравцова Светлана Ивановна, регистрационный номер 77/5820 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

38. Краснова Наталья Леонидовна, регистрационный номер 77/3040 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

39. Крестинский Михаил Владимирович, регистрационный номер 77/2138 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

40. Кузицын Альберт Валентинович, регистрационный номер 77/12595 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

41. Латыфич Алла Ивановна, регистрационный номер 77/919 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

42. Лемешев Анатолий Александрович, регистрационный номер 77/867 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

43. Липцер Елена Львовна, регистрационный номер 77/6210 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

44. Ломджария Иракли Темурович, регистрационный номер 77/3139 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

45. Лычагина Галина Александровна, регистрационный номер 77/5487 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

46. Мартынов Игорь Анатольевич, регистрационный номер 77/2372 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

47. Медведева Татьяна Михайловна, регистрационный номер 77/4084 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

48. Менделеева Елена Валерьевна, регистрационный номер 77/5381 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

49. Милованова Галина Васильевна, регистрационный номер 77/11530 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

50. Митюшина Ирина Николаевна, регистрационный номер 77/1335 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

51. Моисеева Ирина Михайловна, регистрационный номер 77/4379 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

52. Молощенкова Кристина Владимировна, регистрационный номер 77/14473 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

53. Мюллер Игорь Эвальдович, регистрационный номер 77/2097 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

54. Назарова Татьяна Панфиловна, регистрационный номер 77/2927 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

55. Накутный Василий Владимирович, регистрационный номер 77/1759 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

56. Никитченко Александра Андреевна, регистрационный номер 77/10165 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

57. Нилус Галина Николаевна, регистрационный номер 77/8470 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

58. Новиков Валерий Анатольевич, регистрационный номер 77/2323 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

59. Носов Григорий Николаевич, регистрационный номер 77/7161 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

60. Нуртдинов Рустам Гемирович, регистрационный номер 77/14046 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

61. Паневкин Николай Алексеевич, регистрационный номер 77/1600 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

62. Пантелеева Юлия Ильинична, регистрационный номер 77/2697 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

63. Пластун Игорь Сергеевич, регистрационный номер 77/13233 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

64. Политыко Анатолий Петрович, регистрационный номер 77/392 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

65. Предеин Владимир Михайлович, регистрационный номер 77/9071 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

66. Провоторский Геннадий Михайлович, регистрационный номер 77/4525 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

67. Пуковский Александр Владимирович, регистрационный номер 77/1177 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

68. Рабинова Галина Анатольевна, регистрационный номер 77/5597 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

69. Ризаева Марина Олеговна, регистрационный номер 77/2048 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

70. Роменский Валерий Алексеевич, регистрационный номер 77/4743 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

71. Саенко Георгий Витальевич, регистрационный номер 77/2503 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

72. Санаева Елена Геннадьевна, регистрационный номер 77/4893 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

73. Семенова Евгения Сергеевна, регистрационный номер 77/12921 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

74. Семкина Светлана Александровна, регистрационный номер 77/11787 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

75. Сергеев Константин Константинович, регистрационный номер 77/1561 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

76. Серегина Анастасия Анатольевна, регистрационный номер 77/8536 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

77. Сильнов Михаил Александрович, регистрационный номер 77/8038 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

78. Симонова Татьяна Павловна, регистрационный номер 77/1530 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

79. Скрипка Александра Сергеевна, регистрационный номер 77/11670 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

80. Скрипниченко Любовь Ивановна, регистрационный номер 77/5783 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

81. Слепнев Георгий Павлович, регистрационный номер 77/6024 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

82. Солецкий Юрий Петрович, регистрационный номер 77/2954 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

83. Солобнева Ольга Васильевна, регистрационный номер 77/13922 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

84. Тамаев Рамзан Сугаипович, регистрационный номер 77/10731 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

85. Тимофеева Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/3760 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

86. Тимошенко Александр Михайлович, регистрационный номер 77/2536 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

87. Титова Елена Петровна, регистрационный номер 77/1499 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

88. Туренко Наталия Сергеевна, регистрационный номер 77/6945 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

89. Федина Лилия Симховна, регистрационный номер 77/6314 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

90. Федотов Александр Георгиевич, регистрационный номер 77/15581 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

91. Худякова Татьяна Григорьевна, регистрационный номер 77/6847 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

92. Шагалова Елена Петровна, регистрационный номер 77/6081 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

93. Шубина Виктория Викторовна, регистрационный номер 77/6985 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

94. Шубина Ольга Юрьевна, регистрационный номер 77/1582 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

95. Шувалова Ирина Николаевна, регистрационный номер 77/945 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

96. Шумков Николай Павлович, регистрационный номер 77/6613 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

97. Эвентов Михаил Ильич, регистрационный номер 77/6252 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

98. Яблочкина Светлана Нахимовна, регистрационный номер 77/1591 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

99. Ягодкина Марина Александровна, регистрационный номер 77/11596 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Амелина Дмитрия Михайловича, регистрационный номер 77/794 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 февраля 2025 года.

2. Багаутдинова Руслана Ринатовича, регистрационный номер 77/9190 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 февраля 2025 года.

3. Кудакина Николая Николаевича, регистрационный номер 77/8712 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 июля 2023 года.

4. Кузьмичева Вадима Ивановича, регистрационный номер 77/5775 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 мая 2025 года.

5. Пахоменко Алексея Александровича, регистрационный номер 77/15800 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 мая 2025 года.

6. Саркисова Артура Владимировича, регистрационный номер 77/13777 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 января 2025 года.

7. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Капалиной Эльвиры Казбековны, регистрационный номер 77/7079 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Басистов Алексей Евгеньевич, регистрационный номер 77/681 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

2. Белявская Мария Павловна, регистрационный номер 77/4714 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

3. Галаванов Феликс Парменович, регистрационный номер 77/11945 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

4. Георгиевская Мария Александровна, регистрационный номер 77/16071 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

5. Граненкова Ольга Михайловна, регистрационный номер 77/12765 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

6. Гуршумов Рамин Рамизович, регистрационный номер 77/10933 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

7. Заботкин Андрей Владимирович, регистрационный номер 77/11923 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

8. Каштанова Лариса Владимировна, регистрационный номер 77/11233 в Едином государственном реестре адвокатов, с 16 июня 2025 года.

9. Кузьмина Дарья Евгеньевна, регистрационный номер 77/14707 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

10. Пинаевский Василий Евгеньевич, регистрационный номер 77/6903 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

11. Подгорбунская Анастасия Игоревна, регистрационный номер 77/15636 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 мая 2025 года.

12. Рагулина Индира Тагировна, регистрационный номер 77/12281 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

13. Цомаев Феликс Александрович, регистрационный номер 77/10528 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

14. Шиварева Клавдия Васильевна, регистрационный номер 77/10403 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июня 2025 года.

9. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы:

– 1 адвоката, с 20 апреля 2025 года по 06 сентября 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

– 1 адвоката, с 29 мая 2025 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет;

– 1 адвоката, с 29 мая 2025 года, в связи с инвалидностью по зрению.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 147 29 мая 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Бабаева Саадат Нариман кызы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5161, с 21 мая 2025 года.
2. Бунаков Владимир Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5378, с 12 мая 2025 года.
3. Вержбицкий Александр Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5382, с 15 мая 2025 года.
4. Воропаева Алла Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5384, с 04 апреля 2025 года.
5. Гобанов Сергей Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5383, с 19 мая 2025 года.
6. Драгунова Елена Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5379, с 12 мая 2025 года.
7. Дрягин Александр Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5380, с 06 мая 2025 года.
8. Дудаков Алексей Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5387, с 26 мая 2025 года.
9. Заикин Петр Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5373, с 25 апреля 2025 года.
10. Исмайлов Федор Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5374, с 01 мая 2025 года.

11. Ичигеев Александр Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5377, с 12 мая 2025 года.

12. Котельников Роман Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5385, с 22 мая 2025 года.

13. Пикалева Ирина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2958, с 28 мая 2025 года.

14. Полоротова Анна Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5386, с 26 мая 2025 года.

15. Рахманова Ангелина Георгиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5381, с 13 мая 2025 года.

16. Серченя Андрей Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5388, с 27 мая 2025 года.

17. Силантьев Андрей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5376, с 05 мая 2025 года.

18. Стародубец Сергей Георгиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5389, с 02 июня 2025 года.

19. Ушанов Алексей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-825, с 05 мая 2025 года.

20. Хомутовский Владимир Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5375, с 05 мая 2025 года.

21. Шевчук Леонид Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5372, с 05 апреля 2025 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Алексеенко Ирина Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5357, с 25 мая 2025 года.

2. Альперович Леонид Эдуардович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4612, с 30 апреля 2025 года.

3. Амелин Дмитрий Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-25, с 26 февраля 2025 года.

4. Багаутдинов Руслан Ринатович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4378, с 17 февраля 2025 года.

5. Бережная Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4873, с 24 апреля 2025 года.

6. Голиков Сергей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2035, с 29 мая 2025 года.

7. Гречишкин Игорь Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2085, с 29 мая 2025 года.

8. Ефремов Олег Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-245, с 29 мая 2025 года.

9. Зверева Людмила Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2821, с 29 мая 2025 года.

10. Кобзева Полина Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1153, с 01 июня 2025 года.

11. Кубатаев Магомед Гаджиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1034, с 24 апреля 2025 года.

12. Кузьмин Максим Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3008, с 30 апреля 2025 года.

13. Магадов Тимур Рамазанович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5106, с 01 июня 2025 года.

14. Марышева Жанна Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5358, с 19 мая 2025 года.

15. Мельников Геннадий Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4981, с 01 мая 2025 года.

16. Папченков Александр Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2434, с 29 апреля 2025 года.

17. Пичугин Владимир Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4923, с 28 апреля 2025 года.

18. Селимов Феликс Джамалханович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5083, с 27 мая 2025 года.

19. Суворов Евгений Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1432, с 01 апреля 2025 года.

20. Филиппова Светлана Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1411, с 24 апреля 2025 года.

3. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «Суворов, Кузнецова и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-541, с 01 апреля 2025 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Гребенюк и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-542, с 15 апреля 2025 года.

4. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Гриб и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-264, с 31 марта 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 148 29 мая 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания:

1. Гайтаеву Абусупьяну Юсуповичу, регистрационный номер 77/638 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Карманову Александру Владимировичу, регистрационный номер 77/4873 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
3. Магомадову Андарбеку Шарановичу, регистрационный номер 77/4907 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
4. Макаровой Наталии Михайловне, регистрационный номер 77/2169 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
5. Рой-Григорьевой Екатерине Борисовне, регистрационный номер 77/7627 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).
6. Романенкову Александру Федоровичу, регистрационный номер 77/6852 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
7. Токаревой Галине Владимировне, регистрационный номер 77/690 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
8. Хазиеву Шамилю Николаевичу, регистрационный номер 77/5409 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1),

наградить
Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы:

1. Бурлаченко Сергея Николаевича, регистрационный номер 77/12104 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Войнаровского Виктора Ивановича, регистрационный номер 77/11213 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской муниципальной коллегии адвокатов.
3. Клепневу Екатерину Васильевну, регистрационный номер 77/14679 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
4. Любкину Татьяну Александровну, регистрационный номер 77/14627 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
5. Парамонова Олега Николаевича, регистрационный номер 77/15731 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
6. Салкина Михаила Игоревича, регистрационный номер 77/15593 в Едином государственном реестре, адвоката Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).
7. Скороварову Наталью Юрьевну, регистрационный номер 77/15571 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Коллеги адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).
8. Уколову Юлию Александровну, регистрационный номер 77/10824 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской муниципальной коллегии адвокатов.
9. Черкашина Сергея Михайловича, регистрационный номер 77/10867 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской муниципальной коллегии адвокатов.

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

Почетной грамотой
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации:

1. Александров Андрей Витальевич, регистрационный номер 77/11270 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Макаров Алексей Константинович, регистрационный номер 77/4953 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).
3. Назарова Дарья Юрьевна, регистрационный номер 77/10447 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

4. Ободзинская Светлана Петровна, регистрационный номер 77/11401 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

5. Поликаркин Владислав Николаевич, регистрационный номер 77/10312 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской муниципальной коллегии адвокатов.

6. Поляков Александр Игоревич, регистрационный номер 77/15032 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

7. Сизова Марина Олеговна, регистрационный номер 77/15217 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

8. Строгин Николай Николаевич, регистрационный номер 77/14555 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» (МГКА-1).

9. Трегуб Ольга Анатольевна, регистрационный номер 77/11635 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

10. Устинюк Максим Владимирович, регистрационный номер 77/10486 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»,

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан II степени»:

1. Бободжанова Гульнара Давлятбековна, регистрационный номер 77/3846 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

2. Ефимчиков Владимир Васильевич, регистрационный номер 77/8624 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской муниципальной коллегии адвокатов.

3. Серегин Николай Борисович, регистрационный номер 77/8368 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 149 29 мая 2025 года

Об определении полномочий Президента, первых вице-президентов, вице-президентов и членов Совета Адвокатской палаты города Москвы

Заслушав доклад Президента Адвокатской палаты города Москвы Зубкова С.Б., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 3 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Установить следующие полномочия Президента, первых вице-президентов, вице-президентов и членов Совета Адвокатской палаты города Москвы:

ЗУБКОВ Сергей Борисович – Президент

Осуществляет общее руководство деятельностью Адвокатской палаты города Москвы.

Представляет Адвокатскую палату города Москвы в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями, а также с физическими лицами.

Осуществляет связь с органами юстиции.

Осуществляет взаимодействие с Президентом и Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации; осуществляет взаимодействие с региональными адвокатскими образованиями.

Осуществляет международное сотрудничество.

Действует от имени Адвокатской палаты города Москвы без доверенности; выдает доверенности и заключает сделки от имени Адвокатской палаты города Москвы.

Распоряжается имуществом Адвокатской палаты города Москвы по решению Совета в соответствии со сметой и назначением имущества.

Организует работу аппарата Адвокатской палаты города Москвы и осуществляет контроль за ведением текущего делопроизводства.

Осуществляет прием на работу и увольнение работников аппарата Адвокатской палаты города Москвы, курирует организацию кадровой работы, применяет меры поощрения и взыскания к штатным работникам аппарата.

Издает приказы и распоряжения.

Организует ведение бухгалтерского учета и хранение документов бухгалтерского учета.

Созывает заседания Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Обеспечивает исполнение решений Совета и решений собраний (конференций) адвокатов.

Возбуждает дисциплинарное производство в отношении адвоката при наличии допустимого повода и в порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката.

Осуществляет распределение между членами Совета обращений граждан, организаций и запросов адвокатов для подготовки проектов ответов, правовых заключений и разъяснений, подготовки ответов на входящие обращения и осуществляет редактирование окончательных текстов документов.

Координирует реализацию взаимодействия дознавателей, следователей, судов города Москвы и Адвокатской палаты города Москвы по назначению адвокатов в качестве защитников и представителей в порядке ст. 50–51 УПК РФ, ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ.

Осуществляет контроль за организацией бесплатной юридической помощи и юридической помощи по назначению и за их государственным финансированием.

Возглавляет редакционный совет издания «Вестник Адвокатской палаты города Москвы».

ПОЛЯКОВ Игорь Алексеевич – первый вице-президент

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления; организует сотрудничество с правозащитными и общественными организациями, а также взаимодействие со средствами массовой информации.

Оказывает содействие Президенту в организации работы аппарата Адвокатской палаты города Москвы, в том числе в части взаимодействия с органами юстиции по вопросам ведения реестра адвокатов и статистического учета, а также в осуществлении контроля за ведением текущего делопроизводства.

Оказывает содействие Президенту Адвокатской палаты города Москвы по взаимодействию с Президентом и Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а также взаимодействию с региональными адвокатскими палатами.

Курирует вопросы международного сотрудничества, работу отдела по общественным и международным связям.

Осуществляет координацию реализации программы использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информационных технологий в работе Адвокатской палаты города Москвы.

Организует электронное делопроизводство в Адвокатской палате города Москвы.

Организует работу сайта Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Координирует организацию и техническое обеспечение работы Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, Комиссии по защите прав адвокатов, иных комиссий и органов, созданных Советом Адвокатской палаты города Москвы.

Координирует работу по реализации полномочий Совета по применению мер поощрения и видов профессиональных отличий путем предварительного рассмотрения и оценки обоснованности соответствующих представлений, готовит доклады Совету о результатах рассмотрения представлений о применении мер поощрения и видов профессиональных отличий.

Координирует работу по представительству Адвокатской палаты города Москвы в судах.

Осуществляет контроль за исполнением решений, принятых конференциями адвокатов и Советом.

Вносит в Адвокатскую палату города Москвы представления о возбуждении дисциплинарного производства и о награждении адвокатов.

Участвует в работе редакционного совета издания «Вестник Адвокатской палаты города Москвы».

Координирует работу, связанную с решением вопросов по обеспечению Адвокатской палаты города Москвы служебными помещениями.

РЕЗНИК Генри Маркович – первый вице-президент

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления; организует сотрудничество с правозащитными и общественными организациями, а также взаимодействие со средствами массовой информации.

Курирует вопросы международного сотрудничества, работу отделов по международным связям и по связям с общественностью.

Координирует и контролирует работу Комиссии по защите прав адвокатов.

Вносит в Адвокатскую палату города Москвы представления о возбуждении дисциплинарного производства и о награждении адвокатов.

КИПНИС Николай Матвеевич – вице-президент

Осуществляет функции Ответственного секретаря Совета.

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления и сотрудничество с правозащитными и общественными организациями.

Оказывает содействие Президенту Адвокатской палаты города Москвы по организации и техническому обеспечению работы Совета Адвокатской палаты города Москвы, Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, Ревизионной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, Комиссии по защите прав адвокатов, Комиссии по награждениям и иных комиссий и органов, созданных Советом Адвокатской палаты города Москвы.

Координирует работу по подготовке локальных нормативных актов Адвокатской палаты города Москвы.

Оказывает содействие Президенту в организации работы аппарата Адвокатской палаты города Москвы, в том числе в части взаимодействия с органами юстиции по вопросам ведения реестра адвокатов и статистического учета, а также в осуществлении контроля за ведением текущего делопроизводства.

Осуществляет контроль за оплатой обязательных отчислений адвокатами.

Осуществляет контроль за исполнением решений, принятых конференциями адвокатов и Советом.

Организует разработку, подготовку программ и методик повышения квалификации адвокатов и обучения стажеров адвокатов, профессиональное обучение по данным программам, повышение профессионального уровня адвокатов, работу по учету времени учебы адвокатов, включенных в реестр адвокатов города Москвы; ведет работу по взаимодействию с адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации по совместному проведению мероприятий повышения квалификации и учебы адвокатов.

Подготавливает решения, связанные с издательской деятельностью Адвокатской палаты города Москвы, и организует их исполнение.

Вносит в Адвокатскую палату города Москвы представления о возбуждении дисциплинарного производства и о награждении адвокатов.

Участвует в работе редакционного совета и отвечает за выпуск издания «Вестник Адвокатской палаты города Москвы».

КЛЮВГАНТ Вадим Владимирович – вице-президент

Контролирует подготовку дисциплинарных производств к рассмотрению Советом и докладывает материалы дисциплинарных производств на заседании Совета.

Организует и контролирует подготовку членами Совета проектов решений Совета по дисциплинарным производствам.

Координирует и контролирует работу Комиссии по защите прав адвокатов.

Курирует организацию информирования органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, а также физических лиц о деятельности Совета и членов Совета.

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления и сотрудничество с правозащитными и общественными организациями.

Курирует вопросы международного сотрудничества, работу отдела по общественным и международным связям.

Организует работу по выявленным фактам недобросовестной рекламы адвокатской деятельности в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Координирует работу по подготовке правовых заключений и разъяснений по вопросам адвокатской деятельности.

Подготавливает обобщения дисциплинарной практики.

Осуществляет контроль за исполнением решений, принятых конференциями адвокатов и Советом.

Вносит в Адвокатскую палату города Москвы представления о возбуждении дисциплинарного производства и о награждении адвокатов.

Участвует в работе редакционного совета и отвечает за выпуск издания «Вестник Адвокатской палаты города Москвы».

БОБКОВ Евгений Олегович – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Координирует взаимодействие Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов с Советом.

Осуществляет организацию и проведение мероприятий, направленных на защиту прав адвокатов, ведет работу по взаимодействию с комиссиями по защите прав адвокатов субъектов Российской Федерации и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации по совместному проведению этих мероприятий.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

ГЛУХОВ Лев Валерьевич – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Участвует в реализации программы использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информационных технологий в работе Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в развитии электронного делопроизводства Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в реализации проекта по взаимодействию дознавателей, следователей, судов города Москвы и Адвокатской палаты города Москвы по назначению адвокатов в качестве защитников и представителей в порядке ст. 50–51 УПК РФ, ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ.

Осуществляет взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

ГОРБАЧЕВ Алексей Вячеславович – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Участвует в реализации программы использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информационных технологий в работе Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в развитии сайта и страниц в социальных сетях Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в работе по выявленным фактам недобросовестной рекламы адвокатской деятельности в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Участвует в развитии электронного делопроизводства Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в организации бесплатной юридической помощи и юридической помощи по назначению и за их государственным финансированием.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

ГРИВЦОВ Андрей Андреевич – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Осуществляет взаимодействие с Комиссией Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов, в том числе по вопросам обеспечения и представления интересов адвокатов по вопросам защиты их социальных и профессиональных прав.

Участвует в разработке программ и методик повышения квалификации адвокатов и обучения стажеров адвокатов, профессиональном обучении по данным программам, повышении профессионального уровня адвокатов.

Осуществляет взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

ЖИВИНА Алла Викторовна – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Обеспечивает реализацию полномочий Совета по применению мер поощрения и видов профессиональных отличий путем предварительного рассмотрения и оценки обоснованности соответствующих представлений, участвует в подготовке докладов

Совету о результатах рассмотрения представлений о применении мер поощрения и видов профессиональных отличий.

Участвует в осуществлении контроля за организацией бесплатной юридической помощи и юридической помощи по назначению и за их государственным финансированием.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

КРАВЧЕНКО Дмитрий Валерьевич – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями, предпринимательским сообществом, участвует в работе по подготовке отзывов на законопроекты, предложений по вопросам деятельности органов законодательной власти.

Координирует взаимодействие Совета Адвокатской палаты города Москвы с Советом молодых адвокатов.

Участвует в разработке программ и методик повышения квалификации адвокатов и обучения стажеров адвокатов, профессиональном обучении по данным программам, повышении профессионального уровня адвокатов.

Участвует в работе по международному сотрудничеству.

Участвует в работе по подготовке локальных нормативных актов Адвокатской палаты города Москвы.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

КРАСНОВА Ирина Викторовна – член Совета

Взаимодействует с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Участвует в реализации программы использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информационных технологий в работе Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в развитии сайта и страниц в социальных сетях Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в развитии электронного делопроизводства Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в работе по международному сотрудничеству.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъ-

яснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

РИВКИН Константин Евгеньевич – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Участвует в реализации программы использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информационных технологий в работе Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в развитии электронного делопроизводства Адвокатской палаты города Москвы.

Проводит занятия в системе повышения профессиональной квалификации адвокатов.

Обеспечивает реализацию полномочий Совета по применению мер поощрения и видов профессиональных отличий путем предварительного рассмотрения и оценки обоснованности соответствующих представлений, участвует в подготовке докладов Совету о результатах рассмотрения представлений о применении мер поощрения и видов профессиональных отличий.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

САПРОНОВ Александр Витальевич – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Участвует в работе по выявленным фактам недобросовестной рекламы адвокатской деятельности в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам.

Принимает участие в организации сотрудничества Адвокатской палаты города Москвы с адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации.

Участвует в организации мероприятий по повышению квалификации адвокатов.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

ФЛЕЙШМАН Игорь Ефимович – член Совета

Осуществляет связь с органами государственной власти, органами местного самоуправления, правозащитными и общественными организациями.

Осуществляет организацию и проведение спортивных соревнований, торжественных мероприятий, деловых и творческих встреч, ведет работу по взаимодействию с адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации по совместному проведению этих мероприятий.

Осуществляет взаимодействие с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Участвует в реализации программы использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информационных технологий в работе Адвокатской палаты города Москвы.

Участвует в реализации проекта по взаимодействию дознавателей, следователей, судов города Москвы и Адвокатской палаты города Москвы по назначению адвокатов в качестве защитников и представителей в порядке ст. 50–51 УПК РФ, ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ.

Подготавливает проекты решений Совета Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарным производствам и проекты ответов, правовых заключений и разъяснений по обращениям граждан, организаций и запросам адвокатов по вопросам адвокатской деятельности.

Осуществляет представительство Адвокатской палаты города Москвы в судах.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 178 26 июня 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Аксёнов Владимир Викторович
2. Биккулова Регина Ряшитовна
3. Войткова Анастасия Викторовна
4. Гагулова Елена Николаевна
5. Горчханова Асет Абубакаровна
6. Зыкин Вадим Владимирович
7. Каргов Владислав Олегович
8. Клинов Сергей Владимирович
9. Лаштабо Андрей Сергеевич
10. Маршенкулов Кантемир Мухамедович
11. Мильский Андрей Сергеевич
12. Наталичев Василий Владимирович
13. Николенко Сергей Анатольевич
14. Павлов Алексей Витальевич
15. Перекатова Мария Дмитриевна
16. Сидорова Анна Владимировна
17. Швецов Роман Евгеньевич
18. Шмонова Мария Андреевна
19. Шуваева Юлия Владимировна
20. Яровицкий Олег Викторович.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключена** из членов Адвокатской палаты города Москвы

Мельгунова Маргарита Игоревна, регистрационный номер 77/11854 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Максимов Игорь Вячеславович, регистрационный номер 77/3852 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
2. Шмелев Дмитрий Борисович, регистрационный номер 77/3645 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
3. Назарова Инесса Валерьевна, регистрационный номер 77/9539 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
4. Силин Владимир Игоревич, регистрационный номер 77/8951 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Гурьянова Екатерина Игоревна, регистрационный номер 77/16363 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.
2. Зайцев Олег Владимирович, регистрационный номер 77/667 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
3. Юнсен Элизэ Бишваруповна, регистрационный номер 77/14663 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Авраменко Игорь Анатольевич, регистрационный номер 77/4031 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2025 года.
2. Агарков Виталий Михайлович, регистрационный номер 77/4191 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
3. Азизова Татьяна Ивановна, регистрационный номер 77/6031 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
4. Акентьева Екатерина Викторовна, регистрационный номер 77/12759 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
5. Александрова Екатерина Юрьевна, регистрационный номер 77/13854 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
6. Александрова Елена Васильевна, регистрационный номер 77/6180 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
7. Алферова Наталья Николаевна, регистрационный номер 77/4679 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.
8. Ануфриев Александр Дмитриевич, регистрационный номер 77/6240 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.
9. Ануфриева Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/7397 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

10. Ануфриева Юлия Аркадьевна, регистрационный номер 77/5981 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

11. Афонина Галина Андреевна, регистрационный номер 77/5798 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

12. Багрова Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/489 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

13. Бакай Иван Павлович, регистрационный номер 77/15199 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

14. Барбашова Ирина Сергеевна, регистрационный номер 77/7294 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

15. Бекетова Нина Михайловна, регистрационный номер 77/6196 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

16. Беляев Игорь Яковлевич, регистрационный номер 77/1488 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

17. Бережная Ольга Григорьевна, регистрационный номер 77/1034 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

18. Бицуренко Ирина Юрьевна, регистрационный номер 77/5153 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

19. Богатов Дмитрий Юрьевич, регистрационный номер 77/2275 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

20. Богомолова Вера Валерьевна, регистрационный номер 77/7285 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

21. Брынская Татьяна Михайловна, регистрационный номер 77/10429 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

22. Брысин Андрей Иванович, регистрационный номер 77/1453 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

23. Буева Инесса Георгиевна, регистрационный номер 77/9566 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

24. Бурмистров Алексей Николаевич, регистрационный номер 77/11899 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

25. Буряк Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/1263 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

26. Вайпан Виктор Алексеевич, регистрационный номер 77/6118 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

27. Варлахин Александр Николаевич, регистрационный номер 77/7589 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

28. Василенко Ирина Анатольевна, регистрационный номер 77/4659 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

29. Вафина Асия Хаматсафиновна, регистрационный номер 77/4075 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

30. Величко Нина Борисовна, регистрационный номер 77/13041 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

31. Верещагин Николай Иванович, регистрационный номер 77/4054 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

32. Гайданов Олег Иванович, регистрационный номер 77/762 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

33. Гараева Ильмира Шамилевна, регистрационный номер 77/3120 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

34. Гареев Аскар Бареевич, регистрационный номер 77/1115 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

35. Гладкова Ирина Александровна, регистрационный номер 77/1792 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

36. Глинкина Ирина Петровна, регистрационный номер 77/4771 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

37. Гордеева Нина Константиновна, регистрационный номер 77/9680 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

38. Граненов Владимир Михайлович, регистрационный номер 77/680 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

39. Грибков Николай Николаевич, регистрационный номер 77/4331 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

40. Гришин Роман Павлович, регистрационный номер 77/13635 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

41. Данилина Анна Владимировна, регистрационный номер 77/14646 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

42. Данилов Сергей Александрович, регистрационный номер 77/2881 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

43. Данилова Светлана Владимировна, регистрационный номер 77/6287 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

44. Данилочкин Алексей Константинович, регистрационный номер 77/3452 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2025 года.

45. Данильченко Виктор Владимирович, регистрационный номер 77/7022 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

46. Денисова Татьяна Владимировна, регистрационный номер 77/1589 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

47. Долгих Олег Владимирович, регистрационный номер 77/8927 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

48. Долгов Сергей Андреевич, регистрационный номер 77/4773 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

49. Донченко Александр Евгеньевич, регистрационный номер 77/7992 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

50. Дубенский Петр Павлович, регистрационный номер 77/8622 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

51. Дубинина Ольга Васильевна, регистрационный номер 77/5465 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

52. Дудий Николай Николаевич, регистрационный номер 77/2248 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

53. Дунаевская Вера Фоминична, регистрационный номер 77/5545 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

54. Евдокимов Александр Леонидович, регистрационный номер 77/1318 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2025 года.

55. Евсеев Геннадий Владимирович, регистрационный номер 77/5363 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

56. Ермаков Владимир Васильевич, регистрационный номер 77/7469 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

57. Ермилова Любовь Владимировна, регистрационный номер 77/5495 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

58. Ефремов Игорь Анатольевич, регистрационный номер 77/7251 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

59. Жарова Екатерина Валерьевна, регистрационный номер 77/1654 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

60. Запольская Валерия Михайловна, регистрационный номер 77/14933 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

61. Змиевский Владислав Николаевич, регистрационный номер 77/13525 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

62. Иванов Николай Евгеньевич, регистрационный номер 77/2701 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

63. Кавун Алла Евгеньевна, регистрационный номер 77/3472 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

64. Калинин Леонид Павлович, регистрационный номер 77/3457 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

65. Карпиченко Виктория Артуровна, регистрационный номер 77/1571 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

66. Катарыгина Наталия Викторовна, регистрационный номер 77/3463 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

67. Кауричев Виталий Евгеньевич, регистрационный номер 77/3272 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

68. Кашутина Елена Владимировна, регистрационный номер 77/5605 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

69. Ковалев Сергей Алексеевич, регистрационный номер 77/4079 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

70. Ковалева Наталья Ивановна, регистрационный номер 77/3395 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

71. Козокина Ольга Владимировна, регистрационный номер 77/3466 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

72. Колесникова Ольга Александровна, регистрационный номер 77/5675 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

73. Коломойцева Наталия Юрьевна, регистрационный номер 77/3919 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

74. Колосова Елена Викторовна, регистрационный номер 77/3580 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

75. Косарева Ирина Анатольевна, регистрационный номер 77/3764 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

76. Кострома Мария Андреевна, регистрационный номер 77/13193 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

77. Кудрявцева Елизавета Михайловна, регистрационный номер 77/5281 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

78. Кузьмицкий Юрий Михайлович, регистрационный номер 77/5279 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

79. Ланцова Наталия Петровна, регистрационный номер 77/3948 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

80. Ларченко Родион Александрович, регистрационный номер 77/13824 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

81. Лебедева Эльвира Кимовна, регистрационный номер 77/13050 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

82. Ленских Галина Ивановна, регистрационный номер 77/4884 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

83. Люкс Яна Игоревна, регистрационный номер 77/7644 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

84. Магомадов Абдул-Вагап Шаранович, регистрационный номер 77/9485 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

85. Макаров Андрей Михайлович, регистрационный номер 77/3548 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

86. Макаров Павел Николаевич, регистрационный номер 77/4418 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

87. Матрохина Любовь Александровна, регистрационный номер 77/2021 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

88. Матус Владимир Павлович, регистрационный номер 77/1775 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

89. Мещерякова Елена Анатольевна, регистрационный номер 77/2070 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

90. Милютина Ольга Владимировна, регистрационный номер 77/1794 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

91. Миронова Людмила Ивановна, регистрационный номер 77/2922 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

92. Моисеенко Татьяна Дмитриевна, регистрационный номер 77/3024 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

93. Морозова Екатерина Анатольевна, регистрационный номер 77/4903 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

94. Моршинин Дмитрий Александрович, регистрационный номер 77/4490 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

95. Мурманцева Анна Владимировна, регистрационный номер 77/3266 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

96. Мусина Евгения Алиевна, регистрационный номер 77/11953 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 июня 2025 года.

97. Мухин Игорь Николаевич, регистрационный номер 77/6759 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

98. Мшенский Олег Станиславович, регистрационный номер 77/4603 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

99. Налышева Татьяна Петровна, регистрационный номер 77/11072 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

100. Нейгебауэр Лариса Владимировна, регистрационный номер 77/3405 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

101. Немшевич Ирма Муртазиевна, регистрационный номер 77/4037 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

102. Николаев Александр Николаевич, регистрационный номер 77/6507 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

103. Новожилкина Дарья Сергеевна, регистрационный номер 77/14043 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

104. Нюхалкина Дарья Васильевна, регистрационный номер 77/14135 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

105. Ожима Александр Анатольевич, регистрационный номер 77/12000 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

106. Осиновская Наталья Игоревна, регистрационный номер 77/10710 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

107. Охота Александр Павлович, регистрационный номер 77/1138 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

108. Панкратова Людмила Васильевна, регистрационный номер 77/54 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

109. Панютина Наталья Юрьевна, регистрационный номер 77/5631 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

110. Пахомов Игорь Петрович, регистрационный номер 77/16344 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

111. Петрова Наталья Николаевна, регистрационный номер 77/8064 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

112. Помелова Юлия Александровна, регистрационный номер 77/11686 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

113. Попова Екатерина Сталиановна, регистрационный номер 77/6214 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

114. Протопопова Сусанна Петровна, регистрационный номер 77/14556 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

115. Пушкина Марина Сергеевна, регистрационный номер 77/2698 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

116. Рагимов Фарман Сабирович, регистрационный номер 77/2111 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

117. Решетилова Ирина Васильевна, регистрационный номер 77/56 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

118. Рогожин Андрей Евгеньевич, регистрационный номер 77/1239 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

119. Родионов Александр Алексеевич, регистрационный номер 77/2278 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

120. Родригес-Аргуэльес Марина Рикардовна, регистрационный номер 77/6728 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

121. Рокоссовский Павел Вильевич, регистрационный номер 77/3035 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

122. Сай Валерий Васильевич, регистрационный номер 77/5410 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

123. Самодайкин Александр Валерьевич, регистрационный номер 77/9596 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

124. Саркисова Ирина Анатольевна, регистрационный номер 77/1562 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

125. Сергеева Елена Сергеевна, регистрационный номер 77/6005 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

126. Соколков Юрий Павлович, регистрационный номер 77/3020 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

127. Соколова Людмила Михайловна, регистрационный номер 77/6964 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

128. Соколова Светлана Александровна, регистрационный номер 77/12900 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

129. Солопон Сергей Александрович, регистрационный номер 77/1595 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

130. Степанов Михаил Васильевич, регистрационный номер 77/4353 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

131. Стрекалёв Сергей Алесандрович, регистрационный номер 77/656 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

132. Суббочева Алла Юрьевна, регистрационный номер 77/9704 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

133. Танина Софья Николаевна, регистрационный номер 77/11886 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

134. Телицына Татьяна Викторовна, регистрационный номер 77/7841 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

135. Теницкий Олег Викторович, регистрационный номер 77/11360 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

136. Тимофеев Алексей Анатольевич, регистрационный номер 77/9305 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

137. Тимофеев Геннадий Михайлович, регистрационный номер 77/6099 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

138. Усманова Екатерина Равильевна, регистрационный номер 77/12545 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

139. Устьянцева Екатерина Владимировна, регистрационный номер 77/4850 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

140. Ушаков Руслан Иванович, регистрационный номер 77/6666 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

141. Фоков Анатолий Павлович, регистрационный номер 77/6726 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

142. Фомина Анна Анатольевна, регистрационный номер 77/15813 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

143. Хабибуллин Закиулла Зиннатуллович, регистрационный номер 77/6079 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

144. Хабибуллин Рафаил Гаясович, регистрационный номер 77/7815 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

145. Хаджабекова Виктория Юрьевна, регистрационный номер 77/8635 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

146. Хакиев Хоза Исмаилович, регистрационный номер 77/14282 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

147. Хараджиев Руслан Федорович, регистрационный номер 77/10718 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

148. Хастинов Эльдар Магомедович, регистрационный номер 77/10806 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

149. Храмовичев Виктор Иванович, регистрационный номер 77/5616 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

150. Черняева Наталия Николаевна, регистрационный номер 77/4116 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

151. Чухрий Евгений Валерьевич, регистрационный номер 77/12146 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

152. Шарунов Артём Михайлович, регистрационный номер 77/11855 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

153. Шаумян Владимир Иванович, регистрационный номер 77/6307 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

154. Швецова Мария Геннадьевна, регистрационный номер 77/6597 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

155. Шелихова Наталья Михайловна, регистрационный номер 77/7800 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

156. Шустова Вера Петровна, регистрационный номер 77/4117 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

157. Шутова Татьяна Юрьевна, регистрационный номер 77/5999 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

158. Щеглов Юрий Анатольевич, регистрационный номер 77/1165 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

159. Щеглова Ирина Витальевна, регистрационный номер 77/1895 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

160. Юрздицкий Аркадий Иосифович, регистрационный номер 77/2287 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

161. Юрова Ольга Ивановна, регистрационный номер 77/1671 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

162. Яблочкина Алла Нахимовна, регистрационный номер 77/3799 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

163. Яковлева Людмила Николаевна, регистрационный номер 77/306 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

164. Ямпольская Евгения Михайловна, регистрационный номер 77/6561 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Амирова Асифа Танрыверди-оглы, регистрационный номер 77/2249 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июля 2024 года.

2. Бабенко Вилорика Вилориковича, регистрационный номер 77/10800 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 октября 2024 года.

3. Гришина Александра Александровича, регистрационный номер 77/4133 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 июня 2025 года.

4. Доли Бориса Георгиевича, регистрационный номер 77/11265 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 мая 2025 года.

5. Меренковой Ирины Николаевны, регистрационный номер 77/5834 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 ноября 2023 года.

6. Регулы Натальи Викторовны, регистрационный номер 77/3363 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 января 2024 года.

7. Тарановой Ольги Валерьевны, регистрационный номер 77/6815 в Едином государственном реестре адвокатов, с 14 мая 2025 года.

8. Щекотихина Владимира Николаевича, регистрационный номер 77/7237 в Едином государственном реестре адвокатов, с 13 августа 2023 года.

7. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката:

Нариманова Эльхана Наримана-оглы, регистрационный номер 77/14285 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Алексеев Владимир Сергеевич, регистрационный номер 77/10141 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 сентября 2025 года.

2. Данилова Татьяна Валерьевна, регистрационный номер 77/8505 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

3. Дроздов Андрей Валерьевич, регистрационный номер 77/16476 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

4. Еремина Надежда Алексеевна, регистрационный номер 77/5500 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 сентября 2025 года.

5. Жмотов Николай Алексеевич, регистрационный номер 77/15075 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

6. Захаров Вадим Александрович, регистрационный номер 77/3712 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

7. Локтионова Анна Владимировна, регистрационный номер 77/362 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 ноября 2025 года.

8. Любинская Екатерина Сергеевна, регистрационный номер 77/13106 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

9. Мельгунова Маргарита Игоревна, регистрационный номер 77/11854 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

10. Новикова Ольга Валентиновна, регистрационный номер 77/7511 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

11. Орлова Виктория Вячеславовна, регистрационный номер 77/11393 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 июня 2025 года.

12. Ослон Светлана Викторовна, регистрационный номер 77/8147 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

13. Ранчинский Константин Леонидович, регистрационный номер 77/10131 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2025 года.

9. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы:

– 1 адвоката, с 05 мая 2025 года по 21 сентября 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

– 1 адвоката, с 16 мая 2025 года по 02 октября 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

– 1 адвоката, с 22 февраля 2025 года по 11 июля 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

– 1 адвоката, с 03 июня 2025 года по 20 октября 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам.

10. Изменить с 03 апреля 2024 года основание приостановления статуса адвоката Оводкова Дмитрия Александровича, регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов 77/13442 (статус приостановлен с 29 сентября 2022 года по Решению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2022 года № 267 (пп. 16 п. 2)), с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» на пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 179 26 июня 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Абдуллин Руслан Саидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5391, с 03 июня 2025 года.
2. Аминов Евгений Раульевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5405, с 04 июня 2025 года.
3. Антас Каролина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5403, с 17 июня 2025 года.
4. Апаликов Никита Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5396, с 11 июня 2025 года.
5. Бобровская Наталья Константиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5395, с 02 июня 2025 года.
6. Жигатов Азамат Асланович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5400, с 17 июня 2025 года.
7. Зацаренко Анатолий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5407, с 19 июня 2025 года.
8. Мутавчук Сергей Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5390, с 02 июня 2025 года.
9. Некрасов Сергей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5397, с 01 июня 2025 года.
10. Подгорбунская Анастасия Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5399, с 09 июня 2025 года.

11. Проводин Дмитрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-643, с 11 июня 2025 года.

12. Пушкарева Гюзель Рауфовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5394, с 22 мая 2025 года.

13. Савельева Ирина Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5402, с 17 июня 2025 года.

14. Сарбаев Григорий Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5401, с 17 июня 2025 года.

15. Сивкова Марина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5398, с 04 июня 2025 года.

16. Смирнов Денис Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5406, с 19 июня 2025 года.

17. Тай Юлий Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5404, с 04 июня 2025 года.

18. Теплова Ульяна Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5392, с 03 июня 2025 года.

19. Чебан Ирина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-5409, с 20 июня 2025 года.

20. Чижова Марина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5408, с 25 июня 2025 года.

21. Шиварева Клавдия Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5393, с 03 июня 2025 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Амиров Асиф Танрыверди-оглы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-26, с 28 июля 2024 года.

2. Бабенко Вилорик Вилорикович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2507, с 19 октября 2024 года.

3. Козаков Алексей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5354, с 26 мая 2025 года.

4. Лисенко Александр Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3975, с 23 мая 2025 года.

5. Максимов Игорь Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2656, с 26 июня 2025 года.

6. Матвеева Мария Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2511, с 26 мая 2025 года.

7. Нариманов Эльхан Нариман-оглы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5254, с 26 июня 2025 года.

8. Регула Наталья Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4027, с 15 января 2024 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московский филиал Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга «ОВЛ Групп», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1084, с 21 апреля 2025 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «МаК партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1085, с 26 мая 2025 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московская коллегия адвокатов «Мутавчук, Бобровская и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-625, с 28 апреля 2025 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «Верные партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-543, с 12 мая 2025 года.

2. Московское городское адвокатское бюро «ВердиктЪ», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-544, с 15 мая 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 180 26 июня 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания

Гасаненко Владиславу Леонидовичу, регистрационный номер 77/4805 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита»,

наградить
Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы:

1. Махарламова Евгения Алексеевича, регистрационный номер 77/14403 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Озолина Владимира Анатольевича, регистрационный номер 77/15042 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
3. Подлипного Вадима Александровича, регистрационный номер 77/14407 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

Почетной грамотой
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации:

1. Александрова Юлия Андреевна, регистрационный номер 77/12410 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

2. Евтеев Константин Игоревич, регистрационный номер 77/14005 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

3. Латынцева Татьяна Васильевна, регистрационный номер 77/14601 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

4. Нестерова Галина Владимировна, регистрационный номер 77/12336 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

5. Ряховский Олег Александрович, регистрационный номер 77/14534 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

6. Хохлов Сергей Анатольевич, регистрационный номер 77/3670 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

7. Шишкина Юлия Борисовна, регистрационный номер 77/12705 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»,

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан II степени»:

1. Ефимов Андрей Вячеславович, регистрационный номер 77/7023 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва).

2. Литвин Андрей Николаевич, регистрационный номер 77/7528 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»,

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан I степени»:

1. Рыжкова Татьяна Феоктистовна, регистрационный номер 77/11081 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

2. Турчин Александр Анатольевич, регистрационный номер 77/531 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 200 15 июля 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Алтунин Виктор Анатольевич
2. Гуно Жанна Магометовна
3. Иванова Ирина Ивановна
4. Калинов Максим Анатольевич
5. Коломеец Илья Юрьевич
6. Кулиева Гюльшан Фикрат кызы
7. Луньков Владислав Владимирович
8. Лютиков Иван Иванович
9. Лямов Евгений Александрович
10. Малов Александр Анатольевич
11. Моршед Елена Владимировна
12. Петров Роман Эдуардович
13. Пономаренко Олеся Николаевна
14. Пояскова Ирина Александровна
15. Разувакин Артём Андреевич
16. Рыжкова Евгения Викторовна
17. Ситников Игорь Александрович
18. Скрипник Марьяна Витальевна
19. Терехова Ольга Юрьевна

20. Трубецкая Елена Николаевна
21. Эйхерт Дмитрий Александрович
22. Юсупов Эмиль Фаилевич.

2. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил статус** адвоката Соловьев Алексей Александрович, регистрационный номер 77/14409 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Алекперов Фуад Рафик оглы, регистрационный номер 77/3947 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 июля 2025 года.
2. Алексеева Надежда Борисовна, регистрационный номер 77/9414 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2025 года.
3. Играев Николай Владимирович, регистрационный номер 77/564 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
4. Митюсова Анастасия Алексеевна, регистрационный номер 77/17453 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
5. Становова Анна Вячеславовна, регистрационный номер 77/16185 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
6. Уманская Яна Артуровна, регистрационный номер 77/3281 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
7. Чехова Алена Антоновна, регистрационный номер 77/9345 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
8. Якушев Валерий Кимович, регистрационный номер 77/5452 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Воронцова Елена Михайловна, регистрационный номер 77/5395 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
2. Назаров Павел Николаевич, регистрационный номер 77/15500 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 июля 2025 года.
3. Лошагин Сергей Олегович, регистрационный номер 77/14270 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2025 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Агапов Игорь Александрович, регистрационный номер 77/7045 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
2. Амаспюр Кнарик Арсеновна, регистрационный номер 77/4678 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
3. Атаршиков Андрей Михайлович, регистрационный номер 77/7283 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.
4. Бушуев Артем Александрович, регистрационный номер 77/16127 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

5. Горбачева Марина Михайловна, регистрационный номер 77/9401 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

6. Гриб Виталий Викторович, регистрационный номер 77/14931 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

7. Губин Евгений Парфирьевич, регистрационный номер 77/3380 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

8. Дудукчян Гаянэ Сергеевна, регистрационный номер 77/2404 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

9. Замятнин Сергей Иванович, регистрационный номер 77/1665 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

10. Захаров Михаил Владимирович, регистрационный номер 77/15767 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

11. Карагезьян Карен Юрьевич, регистрационный номер 77/5846 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

12. Келлерман Алла Васильевна, регистрационный номер 77/3616 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

13. Коровина Анжелика Юрьевна, регистрационный номер 77/9008 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

14. Лабутина Надежда Анатольевна, регистрационный номер 77/6935 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

15. Либрант Марина Анатольевна, регистрационный номер 77/13409 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

16. Лобачева Светлана Владимировна, регистрационный номер 77/8201 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

17. Макаров Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/3859 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

18. Николаева Людмила Анатольевна, регистрационный номер 77/3099 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

19. Орлова Елена Евгеньевна, регистрационный номер 77/9329 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

20. Порошина Надежда Александровна, регистрационный номер 77/8832 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

21. Свистунов Вадим Осипович, регистрационный номер 77/1554 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

22. Селезнев Александр Егорович, регистрационный номер 77/2419 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

23. Семина Валентина Николаевна, регистрационный номер 77/10383 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

24. Скрябин Денис Вячеславович, регистрационный номер 77/15572 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

25. Соловьев Борис Григорьевич, регистрационный номер 77/6437 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

26. Степанов Рафаэл Ашотович, регистрационный номер 77/613 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

27. Факторович Артем Аркадьевич, регистрационный номер 77/13163 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

28. Хан Маргарита Леонидовна, регистрационный номер 77/14733 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

29. Ширяева Дарья Павловна, регистрационный номер 77/15348 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Антонова Александра Евгеньевича, регистрационный номер 77/11982 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 января 2024 года.

2. Бурова Юрия Алексеевича, регистрационный номер 77/4404 в Едином государственном реестре адвокатов, с 02 ноября 2013 года.

3. Гусева Вадима Александровича, регистрационный номер 77/7717 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 сентября 2019 года.

4. Каплия Павла Олеговича, регистрационный номер 77/13045 в Едином государственном реестре адвокатов, с 07 мая 2024 года.

5. Манова Александра Григорьевича, регистрационный номер 77/3411 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 мая 2025 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Зайнутдинова Альфия Рафаэлевна, регистрационный номер 77/8817 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 августа 2025 года.

2. Куликов Роман Викторович, регистрационный номер 77/9454 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

3. Рыжков Илья Викторович, регистрационный номер 77/4698 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 июля 2025 года.

8. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы:

– 1 адвоката, с 17 июня 2025 года по 03 ноября 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

– 1 адвоката, с 26 октября 2024 года по 14 марта 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам.

9. Изменить с 01 июля 2022 года основание приостановления статуса адвоката Перова Станислава Евгеньевича, регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов 77/14201 (статус приостановлен с 30 июня 2022 года по Решению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 июня 2022 года № 146 (пп. 16 п. 2)), с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» на пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 201 15 июля 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Бойков Евгений Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5413, с 25 июня 2025 года.
2. Кравченко Леонид Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5410, с 01 июля 2025 года.
3. Кузнечик Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5411, с 08 июля 2025 года.
4. Мишуков Олег Онуфриевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5412, с 01 июля 2025 года.
5. Николенко Сергей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5414, с 10 июля 2025 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Алексеева Надежда Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2446, с 01 августа 2025 года.
2. Белых Олег Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1942, с 26 июня 2025 года.
3. Воронцова Елена Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1763, с 15 июля 2025 года.
4. Лобанов Сергей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4312, с 03 июля 2025 года.

5. Манов Александр Григорьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4532, с 19 мая 2025 года.

6. Мельгунов Николай Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1015, с 26 июня 2025 года.

7. Михеев Олег Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4014, с 29 июня 2025 года.

8. Молоканов Алексей Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4103, с 01 июля 2025 года.

9. Мукин Владимир Ильич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2950, с 09 июля 2025 года.

10. Назаров Павел Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5308, с 31 июля 2025 года.

11. Сычев Антон Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3420, с 27 июня 2025 года.

12. Хавкин Павел Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5116, с 10 июля 2025 года.

13. Чуманова Наталья Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4907, с 26 июня 2025 года.

14. Якушев Валерий Кимович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-955, с 15 июля 2025 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Авангард Права», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1086, с 27 мая 2025 года.

2. Московская Городская Коллегия Адвокатов «Михеев и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1087, с 24 апреля 2025 года.

4. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «АСП», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-545, с 19 июня 2025 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «Люмен» (Свет), регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-546, с 30 мая 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 202 15 июля 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания:

1. Ныркову Юрию Игоревичу, регистрационный номер 77/5439 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Ямпольскому Александру Витальевичу, регистрационный номер 77/6080 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита»,

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы:

1. Бойко Татьяну Олеговну, регистрационный номер 77/11411 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Вахтинского Виктора Викторовича, регистрационный номер 77/14290 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
3. Ваюкина Василия Викторовича, регистрационный номер 77/13012 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокатский кабинет.
4. Князькова Дениса Дмитриевича, регистрационный номер 77/14292 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлен:

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «За заслуги в защите прав и свобод граждан II степени»

Хохлов Дмитрий Викторович, регистрационный номер 77/686 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

Отзыв на законопроект Минюста РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»

Утвержден Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 23 июля 2025 года (Протокол № 10)

Совет Адвокатской палаты города Москвы рассмотрел проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (ID 158248), подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации и размещенный на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов[1] для общественного обсуждения (далее – законопроект), и считает необходимым обратить внимание разработчиков законопроекта и всех заинтересованных лиц на нижеприведенные обстоятельства.

1. Как отмечал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28.01.1997 № 2-П и Постановлении от 16.07.2004 № 15-П, государство в целях гарантирования права на квалифицированную юридическую помощь должно не только обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов, но и установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии. Определение соответствующих критериев относится к компетенции законодателя. При этом законодатель вправе предусмотреть преимущества для адвокатов при допуске их в качестве представителей в суде, если необходимость таких преимуществ обусловлена публичными интересами.

С учетом очевидной важности судебного разбирательства для защиты прав граждан и обеспечения требований правового государства сама по себе идея дальнейшей профессионализации судебных представителей и повышения качества оказания юридической помощи при представлении интересов граждан и организаций в суде, безусловно, поддерживается.

2. Как отмечается в Основных принципах, касающихся роли юристов, принятых восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 года), правительства, профессиональные ассоциации юристов и учебные заведения обеспечивают надлежащую квалификацию и подготовку юристов, знание ими профессиональных идеалов и моральных обязанностей, а также прав человека и основных свобод, признанных национальным и международным правом (п. 9). При этом юристы при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии (п. 12).

Квалифицированная юридическая помощь по общему правилу должна обеспечиваться, в том числе, гарантиями независимости и самоуправления юристов, соблюдения разумных стандартов образования и этического регулирования.

С учетом более чем 20-летнего развития на основе нового законодательства российской адвокатуры, сформировавшейся в настоящее время в единственное в сообществе судебных представителей эффективное самоуправляемое профессиональное объединение всероссийского уровня, которым разработаны этические стандарты,

[1] См.: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=158248#

понятные и наиболее прозрачные механизмы вступления в сообщество с проверкой профессиональных знаний, дисциплинарные механизмы, позволяющие независимо от государства и без его существенного воздействия обеспечивать соблюдение юристами базовых этических требований, а также исключать из корпорации лиц, не соответствующих профессиональным и этическим требованиям, **предложенное законопроектом продолжение профессионализации судебного представительства на базе адвокатуры также поддерживается.**

Более того, Совет Адвокатской палаты города Москвы считает, что соответствующая реформа, связанная с профессионализацией судебного представительства, в имеющемся историческом контексте и с учетом опыта развития института адвокатуры может быть состоятельна только при условии ее проведения на базе адвокатуры.

3. Принципиальным условием обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи является не только наличие профессиональных и этических стандартов, но и независимость адвокатской профессии, в первую очередь от государства. Независимость предполагает, что государство не может ключевым образом вмешиваться в деятельность профессионального (адвокатского) сообщества и создавать условия, позволяющие государственным органам принимать итоговое решение о праве на профессию адвоката, который имманентно – в силу специфики профессии – во многих случаях является оппонентом государственных органов. Иное означало бы недопустимый конфликт интересов, при котором адвокат, обязанный в силу смысла профессии осуществлять защиту доверителей, в том числе от действий государства становится зависимым от собственного процессуального оппонента.

В действующем российском законодательстве идея независимости адвокатуры в настоящее время реализована оптимальным и сбалансированным образом.

Так, основополагающими принципами адвокатской деятельности, основанными на положениях Конституции РФ и закрепленными в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон № 63-ФЗ, ФЗ-63), являются законность, независимость, самоуправление, корпоративность, а также равноправие адвокатов (п. 2 ст. 3). На органы государственной власти возложена обязанность обеспечивать гарантию независимости адвокатуры (п. 3 ст. 3). При этом адвокатура, являясь институтом гражданского общества, не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления (п. 1 ст. 3). Такой статус и такие принципы деятельности предопределены публично-правовым характером адвокатской деятельности по обеспечению конституционной гарантии каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

Названные принципы реализуются, прежде всего, в самостоятельном регулировании адвокатским сообществом правил профессиональной деятельности и профессионального поведения адвокатов, их дисциплинарной ответственности за нарушения этих правил и порядком привлечения адвокатов к такой ответственности, подразумевающим в том числе исключительные полномочия органов адвокатского самоуправления по окончательному разрешению дисциплинарных дел. Регулирование всех этих вопросов осуществляется актом делегированного законодательства – Кодексом профессиональной этики адвоката (п. 2 ст. 4 ФЗ-63)

и иными актами корпоративного регулирования, принимаемыми в соответствии с ним.

Вместе с тем сохраняется и сбалансированное и соразмерное влияние государственной власти на деятельность адвокатской корпорации в следующих основных формах:

– основные принципы и положения адвокатской деятельности и устройства адвокатуры регулируются федеральным законом, принимаемым федеральной законодательной властью (п. 1 ст. 4 ФЗ-63);

– федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере адвокатуры (Минюст России), осуществляет в пределах своей компетенции надзор и контроль в сфере адвокатуры;

– законом (п. 2 ст. 33 ФЗ-63) установлен паритетный принцип формирования квалификационных комиссий адвокатских палат, осуществляющих прием в адвокатуру и дисциплинарное производство в отношении адвокатов. В соответствии с этим принципом состав квалификационных комиссий формируется как из адвокатов, так и из представителей федеральных органов исполнительной и судебной власти, а также представителей законодательной власти субъекта РФ и представителей научного сообщества;

– нормативно установлен исчерпывающий перечень допустимых поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката. При этом само дисциплинарное производство осуществляется только органами адвокатского самоуправления, а в возбуждении дисциплинарного производства по внесенным федеральным органом юстиции, территориальным органом юстиции в Федеральную палату адвокатов или адвокатскую палату субъекта Российской Федерации представлениям не может быть отказано; в п. 3 ст. 17.1 ФЗ-63 прямо указывается, что представления федерального органа юстиции, территориального органа юстиции, внесенные в соответствии с п.п. 1 и 2 ст. 17.1, подлежат обязательному рассмотрению квалификационной комиссией и советом соответствующей адвокатской палаты.

Описанный выше баланс взаимоотношений адвокатуры и государства, установленный действующим законодательством, является результатом тщательного учета всех конституционно значимых факторов и интересов. Этот баланс неоднократно проверялся Конституционным Судом РФ, который каждый раз признавал его верным и обеспечивающим надлежащую охрану конституционных ценностей[2].

Отнесение регулирования дисциплинарного производства в отношении адвокатов к исключительным полномочиям адвокатской корпорации объясняется Конституционным Судом РФ следующим образом:

– установление порядка рассмотрения и разрешения жалоб, представлений, обращений в отношении адвокатов в рамках специального правового акта – Кодекса профессиональной этики адвоката вызвано необходимостью соблюдения **принципов независимости и самоуправления адвокатуры**, а также тем, что **предполагается более полное и четкое регулирование вопросов адвокатской деятельности самим адвокатским сообществом**[3];

---

[2] См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П, от 18.07.2019 № 29-П/2019; определения Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 293-О-О, от 17.06.2013 № 907-О, от 30.01.2020 № 34-О.

[3] См.: Определения Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 293-О-О, от 13.10.2009 № 1302-О-О, от 24.04.2018 № 1098-О.

– нормы пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, закрепляющего поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, **адресованы адвокатам и направлены на регулирование отношений, складывающихся в рамках адвокатуры как института гражданского общества, не входящего в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления**. **При этом установление оснований, поводов и порядка привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности прямо отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества** (пп. 9 п. 3, п. 7 ст. 31 и п. 7 ст. 33 Федерального закона № 63-ФЗ)[4].

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, ч. 1 ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. **При этом Конституционный Суд РФ прямо указал на то, что дисциплинарное производство, проводимое в отношении адвоката, не влияет на правовое положение лица, которое его инициирует[5]. Соответственно, у такого лица отсутствует материально-правовое основание для подачи иска.**

Дисциплинарное производство осуществляется в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката, причем только квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты, членом которой состоит адвокат (п.п. 1 и 5 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката). Согласно п. 1 ст. 23 Кодекса оно осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. Таким образом, все субъекты, наделенные правом инициирования дисциплинарного производства, включая органы юстиции и судей (суды), в качестве участников дисциплинарного производства находятся в равноправном положении.

Следовательно, внесение изменений в действующее правовое регулирование, в результате которых у одного из участников дисциплинарного производства, наделенных в соответствии п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката правом инициировать дисциплинарное производство, появилось бы право на судебное обжалование решений совета адвокатской палаты по дисциплинарному производству в отношении адвоката, противоречило бы не только идее независимости адвокатуры, но и правовым позициям Конституционного Суда РФ и положениям ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом, поскольку из принципа юридического равенства, применительно к реализации конституционного права на судебную защиту, вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом[6].

Наконец, важно отметить, что дисциплинарное производство является одним из наиболее эффективных способов защиты прав адвокатов. Такая защита, в свою очередь, является необходимым и незаменимым элементом обеспечения независимости адвокатов и их профессиональной деятельности. При этом обязанность по осуществлению защиты прав и интересов адвокатов возложена законом на органы адвокатского самоуправления (п. 4 ст. 29, пп. 10 п. 3 ст. 31 ФЗ-63). Эффективность

[4] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1514-О-О/2010.

[5] См.: Определения Конституционного Суда РФ от 01.03.2007 № 293-О-О, от 25.11.2010 № 1514-О-О/2010.

[6] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П.

защиты прав адвокатов в дисциплинарном производстве обеспечивается состязательностью его процедуры, основанной на презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой и доказывания выдвинутого дисциплинарного обвинения возложена на заявителя, а также в значительной степени тем, что дисциплинарное дело окончательно разрешается внутри адвокатской корпорации её уполномоченными органами. Это позволяет преодолевать необоснованное давление силовых структур и судов, которые сами же зачастую и являются источниками нарушения профессиональных прав адвокатов и инициаторами их преследования. Перенесение же окончательного разрешения дисциплинарного производства в суд (где будут действовать совсем иные стандарты доказывания – «каждая сторона обязана доказать обстоятельства, на которые она ссылается», и иные фактические приоритеты) путем предоставления «стороне обвинения», в чьем бы то ни было лице, права судебного обжалования решения совета адвокатской палаты в неблагоприятных для адвоката целях (а иных целей такое обжалование не предполагает) предсказуемо приведет к тому, что **дисциплинарное производство перестанет быть эффективным способом защиты прав адвокатов** в отсутствие реальной альтернативы. В свою очередь это вызовет «замораживающий эффект» в отношении адвокатской деятельности, нередко осуществляемой в условиях острого конфликта с правоохранительными органами и судами.

С учетом вышеизложенного Совет Адвокатской палаты города Москвы не поддерживает предложенные законопроектом дополнения статьи 17.1 ФЗ-63 п.п. 5 и 6 (пп. «в» п. 10 законопроекта), предусматривающие возможность обжалования федеральным органом юстиции любых решений совета региональной палаты, вынесенных по результатам рассмотрения представлений органа юстиции, в Федеральную палату адвокатов и в суд, равно как и продекларированную авторами законопроекта саму по себе цель предоставления органам государства возможности своим решением исключать из профессиональной деятельности недобросовестных, по мнению государства, адвокатов, поскольку такими нормами и целью нарушаются принципы равенства всех перед законом и судом, принцип независимости и самоуправления адвокатуры и ставятся под угрозу описанные выше фундаментальные основы реализации конституционной гарантии по оказанию квалифицированной юридической помощи каждому, кто в ней нуждается. Иными словами, реализация предложенных новелл привела бы к недопустимой подмене законодательно закрепленных принципов деятельности адвокатуры и конституционного смысла этой деятельности.

4. Не меньшие риски для независимости адвокатуры создает пп. «а» п. 20 ст. 1 законопроекта в части введения в Федеральный закон № 63-ФЗ пп. 5^4 п. 3 ст. 37, в соответствии с которым Совет Федеральной палаты адвокатов не только утверждает требования к организации работы адвокатского образования, к ведению делопроизводства, «порядок осуществления адвокатской палатой контроля за надлежащим исполнением указанных требований в адвокатском образовании и порядок осуществления адвокатской палатой контроля за исполнением указанных требований», но и делает это «по согласованию с федеральным органом юстиции».

Оснований для вмешательства федерального органа юстиции в текущую деятельность адвокатских образований, в том числе в форме «контроля за надлежащим исполнением требований» к «организации работы» и «ведению делопроизводства»

адвокатского образования, авторами законопроекта не приводится. Предложенные полномочия не только касаются внутренних дел корпорации, но и сформулированы как ничем не ограниченные.

С учетом того, что необходимые требования и стандарты деятельности адвокатских образований, обусловленные интересами доверителей и организации адвокатуры, в течение длительного времени устанавливаются Федеральной палатой адвокатов в рамках имеющихся у нее полномочий, предусмотренных п.п. 4–5.2, 9–10 ст. 37 Федерального закона № 63-ФЗ, очевидно, что **введение данной нормы предлагается авторами законопроекта исключительно для установления элементов существенного контроля государства за текущей деятельностью адвокатских образований.**

По причинам конституционного характера, приведенным выше, соответствующая норма также принципиально не поддерживается. Действующее регулирование в этой части представляется достаточным и оптимальным.

5. Совет Адвокатской палаты города Москвы безусловно поддерживает предложенные законопроектом изменения в Федеральный закон № 63-ФЗ, предусматривающие усиление гарантий прав адвокатов, а именно сокращение срока рассмотрения адвокатских запросов до десяти дней (с возможностью продления на десять дней), что позволит обеспечить получение в сжатые сроки документов, имеющих значение для оказания эффективной и своевременной юридической помощи доверителю.

6. Совет Адвокатской палаты города Москвы обращает внимание на непроработанность и недостаточную обоснованность отдельных положений законопроекта и недостатки юридической техники в его тексте. В частности, Совет считает необходимым отметить следующие ключевые недостатки законопроекта.

6.1. Пункт 5 ст. 1 законопроекта предусматривает дополнение п. 2 ст. 9 Закона № 63-ФЗ подпунктом 3 следующего содержания: «*3) имевшие судимость за совершение особо тяжкого преступления или тяжкого преступления*.».

Предложенная формулировка фактически предусматривает пожизненный запрет на профессию, в том числе для лиц, судимость которых снята или погашена. При этом, как отмечал Конституционный Суд РФ, за пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой общеправовые опосредованные последствия; в таких случаях возможные ограничения прав, не будучи уголовным наказанием, тем не менее, являются общеправовым последствием судимости, а потому сроки, на которые они вводятся, по общему правилу, также должны соответствовать срокам судимости; в порядке исключения, если это необходимо в целях защиты конституционных ценностей, вопрос о сроках может быть решен в федеральном законе иным образом – с учетом предмета регулирования и при соблюдении критериев разумности и соразмерности[7].

В рассматриваемом случае авторами законопроекта не обосновываются конституционные интересы, защищаемые столь существенным пожизненным ограничением конституционного права на труд и свободу деятельности. Более того, подобное ограничение с учетом включения в категории тяжких преступлений в том числе неумышленных деяний, является очевидно несоразмерным.

[7] См.: Постановление от 10.10.2013 № 20-П.

Представляется, что действующие нормы Федерального закона № 63 (пп. 2 п. 2 ст. 9, пп. 4 п. 1 и абз. 2 п. 3 ст. 17), согласно которым не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления; статус адвоката прекращается в случае совершения умышленных преступлений; запрет на судебное представительство действует до момента погашения или снятия судимости, но не менее 5 лет со дня прекращения статуса адвоката; являются оптимальными и достаточными для соразмерного соотношения статуса адвоката и института судимости.

В связи с этим соответствующую норму законопроекта предлагается исключить.

6.2. Изменение, предлагаемое пп. «б» п. 10 ст. 1 законопроекта в части внесения в ст. 17.1 нормы о том, что представления федерального органа юстиции или территориального органа юстиции, внесенные на основании п. 1 ст. 17 Федерального закона № 63, вносятся в совет адвокатской палаты и не подлежат рассмотрению квалификационной комиссией, может быть поддержано при условии переноса основания для прекращения статуса адвоката по пп. 6 п. 1 ст. 17 Закона из п. 1 в п. 2 соответствующей статьи. Осуществление адвокатской деятельности адвокатом, приостановившим статус, во многих случаях не является бесспорным и требует рассмотрения в квалификационной комиссии в целях установления фактических обстоятельств такой деятельности.

6.3. Неудачной представляется формулировка, предложенная пп. «а» п. 7 ст. 1 законопроекта, которой предлагается приносить присягу «совету адвокатской палаты». Более правильной была бы формулировка, указывающая на принесение присяги «на заседании совета адвокатской палаты».

6.4. Очевидно требует уточнения пп. «а» п. 16 ст. 1 законопроекта, полностью разрешающий стажерам заниматься адвокатской деятельностью. Фактически указанная норма законопроекта, который в целом направлен на профессионализацию судебного представительства, предоставляет возможность для лиц, не имеющих статус адвоката, в течение срока стажировки (1–2 года) неограниченно заниматься адвокатской деятельностью, то есть в том числе представлять интересы граждан в суде без сдачи экзамена и без контроля со стороны органов адвокатского самоуправления. Представляется, что выполнение стажерами адвоката отдельных элементов адвокатской деятельности должно допускаться в соответствии с корпоративным регулированием, а именно только по поручению адвоката и под его контролем. С учетом изложенного целесообразно изложить пп. «а» п. 16 ст. 1 законопроекта в следующей редакции: «а) в пункте 2 второе предложение изложить в следующей редакции: ‘‘Порядок прохождения стажировки и участия стажера адвоката в оказании правовой помощи определяется Советом Федеральной палаты адвокатов’’».

При этом требует дополнительной проработки ответственность стажера и адвоката-наставника за действия стажера в ходе его участия в оказании правовой помощи.

Кроме того, пп. «д» п. 16 ст. 1 законопроекта, предусматривающий согласование с федеральным органом юстиции Советом Федеральной палаты адвокатов порядка прохождения стажировки, очевидно являющегося внутренним делом корпорации, не имеет надлежащего обоснования и предлагается к исключению.

6.5. Подпункт «а» п. 18 законопроекта предусматривает, что в совет адвокатской палаты могут избираться лица, имеющие стаж работы по юридической специальности не менее пяти лет.

Действующим законом предусмотрено, что членами квалификационной комиссии адвокатской палаты могут быть адвокаты, имеющие стаж адвокатской деятельности не менее 5 лет, для членов совета действующее законодательство не предусматривает обязательного стажа адвокатской деятельности.

В случае реализации предусмотренной законопроектом идеи ускоренного вхождения в адвокатуру практикующих в настоящее время юристов, представляется целесообразным введение в Закон нормы об избрании в члены совета палаты лиц, имеющих стаж адвокатской деятельности не менее пяти лет, а не лиц, имеющих стаж по юридической специальности не менее пяти лет, что будет способствовать сохранению традиций российской адвокатуры.

6.6. Пункт 19 ст. 1 законопроекта предусматривает возврат в состав квалификационной комиссии президента палаты в качестве председателя комиссии и сокращение за счет этого количества членов комиссии от адвокатской палаты до шести. В Пояснительной записке к законопроекту нет обоснования необходимости возврата президента палаты в состав квалификационной комиссии, при этом сокращение количества членов комиссии от адвокатуры приведет к колоссальному увеличению нагрузки на оставшихся членов комиссии, особенно в палатах с большим объемом дисциплинарных производств, а также к увеличению нагрузки на президентов палат.

Более того, отказ от включения президента адвокатской палаты в состав квалификационной комиссии, реализованный недавними законодательными изменениями, был обусловлен повышением объективности работы квалификационной комиссии. Так, именно президент адвокатской палаты возбуждает дисциплинарное производство и в дальнейшем – в составе совета адвокатской палаты – участвует в вынесении итогового решения на основании решения квалификационной комиссии. С учетом этого исключение президента палаты из состава квалификационной комиссии позволяло последней действовать более объективно.

Помимо этого, рассмотрение советом палаты дисциплинарного производства осуществляется на основании решения квалификационной комиссии, и поэтому участие президента в обоих дисциплинарных органах нарушает базовый правовой постулат «nemo judex in causa sua» («никто не может быть судьей в собственном деле»).

С учетом изложенного и в целях обеспечения последовательности законодательного регулирования предлагается исключить соответствующую новеллу из законопроекта.

6.7. Пункт 20 ст. 1 законопроекта, как представляется, не учитывает как минимум сложившуюся практику муниципального регулирования дизайн-кодов городов, в том числе определения органами местного самоуправления норм и стандартов по оформлению вывесок и указателей. Соответствующая норма представляется чрезмерной.

Установление тем же пунктом единых требований к оформлению сайтов адвокатских образований в Интернете также представляется очевидно чрезмерным

регулированием, необоснованно ограничивающим свободу творчества (ст. 44 Конституции РФ) и свободную конкуренцию и экономическую деятельность (ст. 8, 34 Конституции РФ).

6.8. В ст. 2, 3, 4 законопроекта вероятно упущено, что работники организаций, которые могут представлять организации в суде, должны иметь высшее юридическое образование, в то время как в статье 5 законопроекта такое указание имеется.

6.9. В ст. 2–5 законопроекта понятие близких родственников необоснованно сужено (в том числе в их состав – с учетом целей регулирования – по неясным причинам не включены супруг, супруга, усыновители, усыновленные, дедушка, бабушка, внуки и т.д.). Соответствующие нормы нуждаются в уточнении.

7. В целом Совет Адвокатской палаты города Москвы констатирует, что предложенная законопроектом профессионализация судебного представительства на базе адвокатуры является оптимальным способом дальнейшего развития института оказания квалифицированной юридической помощи и, как указывал Конституционный Суд РФ, конституционно допустима для установления законодателем. При этом с учетом позиций Конституционного Суда РФ[8] о необходимости соблюдения в случае введения соответствующего регулирования конституционных балансов и надлежащего обеспечения конкурирующих конституционных интересов в ходе доработки законопроекта перед его внесением субъектом права законодательной инициативы следует дополнительно проанализировать вопрос о введении компенсаторных механизмов для представляемых в суде лиц и судебных представителей для исключения чрезмерного ограничения их конституционных прав.

Среди механизмов, позволяющих соразмерно компенсировать влияние на конкурирующие конституционные интересы, в частности, приводятся следующие:

– дополнение АПК РФ, ГПК РФ, законодательства о несостоятельности нормами, аналогичными ст. 55 КАС РФ, согласно которой технические и не требующие специальной квалификации действия в суде (получение извещений, копий судебных актов, исполнительных документов, копирование материалов дела и т.д.) могут осуществляться лицами, не имеющими статуса адвоката;

– одновременная корректировка регулирования адвокатских образований, позволяющая сблизить их с действующими предпринимательскими формами юридического бизнеса, упрощающая переход «бизнес-юристов» в адвокатуру и делающая этот переход отвечающим современным деловым реалиям; в частности, создание возможности при ликвидации адвокатских образований распределять оставшееся имущество между партнерами, обеспечивать «наем» адвоката в адвокатское образование и т.п.;

[8] В частности, Конституционный Суд РФ в своих позициях, выраженных в Постановлениях от 16.07.2004 № 15-П, от 16.07.2020 № 37-П, Определениях от 05.12.2003 № 446-О, от 05.02.2004 № 25-О указывал, что сужение свободы выбора представителей в суде затрагивает такие конституционные права, как право на доступ к правосудию и судебную защиту, защита прав потерпевших от преступлений, право на достоинство личности, а также конституционные принципы юридического равенства, диспозитивности и свободы гражданского оборота, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности, прав на использование способностей и имущества для не запрещенных законом видов деятельности и т.д.

– расширение состава форм деятельности, учитываемых при определении «юридического стажа» (п. 4 ст. 9 Федерального закона № 63-ФЗ), в том числе с включением в него «юридической» работы в статусах ИП, самозанятого, юриста, оказывающего услуги по договорам гражданско-правового характера;

– расширение круга лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, и ситуаций, в которых такая помощь предоставляется, и др.

Эти и иные компенсаторные механизмы с очевидностью заслуживают тщательного обсуждения в рамках прохождения законопроекта и в «переходный период».

Кроме того, комплексная реформа, направленная на дальнейшую профессионализацию судебного представительства, нуждается в одновременном повышении гарантий адвокатской деятельности и расширении прав адвокатов, среди которых в адвокатском сообществе предлагаются:

– создание возможности для адвоката обеспечивать доказательства (допрос свидетелей, назначение экспертизы, осмотр доказательств и т.д.);

– обеспечение конфиденциальности переписки адвоката с лицами, находящимися под стражей;

– гарантии допуска адвоката к участию в следственных и процессуальных действиях;

– повышение гарантий защиты адвокатов от необоснованного преследования со стороны государства;

– расширение возможностей по доступу адвокатов в суды, подразделения правоохранительных органов, СИЗО, использованию в указанных учреждениях электронных устройств;

– установление ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности и т.п.

Названные и иные предложения, направленные на повышение правовой значимости статуса адвоката и улучшение реальных условий для состязательности в различных видах судопроизводства, подлежат обсуждению одновременно с введением норм и требований, предложенных законопроектом, в качестве комплексной реформы, а также в переходный период.

Таким образом, Совет Адвокатской палаты города Москвы поддерживает концептуальную идею законопроекта о дальнейшей профессионализации судебного представительства на базе адвокатуры. При этом представляется, что с учетом крайне ограниченных сроков общественного обсуждения законопроекта (после его опубликования) в дальнейшем – перед внесением его субъектом права законодательной инициативы – требуются глубокое, всестороннее и тщательное обсуждение и доработка законопроекта с участием всех заинтересованных лиц, включая как саму адвокатуру, так и других представителей юридической профессии и науки, а также – в переходный период – проработка и принятие дополнительных мер, направленных на обеспечение конституционных прав граждан, повышение гарантий осуществления адвокатской деятельности. Совет Адвокатской палаты города Москвы готов принять участие в такой работе.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 229 19 августа 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Баграмян Армен Валерьевич
2. Бекетов Максим Николаевич
3. Буторина Мария Михайловна
4. Волощук Татьяна Васильевна
5. Гришина Наталья Владимировна
6. Дворецкий Илья Николаевич
7. Каманина Екатерина Андреевна
8. Каменщикова Наталья Александровна
9. Киреев Михаил Андреевич
10. Кузьмина Ольга Анатольевна
11. Кунец Максим Игоревич
12. Левицкий Михаил Владимирович
13. Нагайбеков Руслан Амирович
14. Николаев Игорь Юрьевич
15. Потапова Юлия Сергеевна
16. Почепаев Андрей Андреевич
17. Прокопьева Ольга Олеговна
18. Пыжикова Дарья Вячеславовна
19. Рахмилов Александр Игоревич

20. Сибаев Абубакар Магомедович
21. Сироткин Кирилл Игоревич
22. Смирнова Мария Анатольевна
23. Сорокина Кристина Томасовна
24. Софронова Александра Дмитриевна
25. Спасибова Ольга Геннадьевна
26. Стакановский Дмитрий Николаевич
27. Фирсова Алёна Алексеевна
28. Шаповалов Артур Геннадьевич.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **исключены** из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Богомолов Дмитрий Геннадиевич, регистрационный номер 77/12340 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
2. Малиновская Милена Романовна, регистрационный номер 77/10939 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Ганелина Лина Вадимовна, регистрационный номер 77/13844 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
2. Дрягин Геннадий Анатольевич, регистрационный номер 77/12896 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
3. Лютов Алексей Владимирович, регистрационный номер 77/14364 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
4. Овакимян Карин Бениаминович, регистрационный номер 77/15528 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 августа 2025 года.
5. Сизов Тимофей Александрович, регистрационный номер 77/17723 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
6. Сулейманова Оксана Абэсовна, регистрационный номер 77/7773 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
7. Черкашина Мария Викторовна, регистрационный номер 77/8582 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
8. Шуваев Юрий Николаевич, регистрационный номер 77/16520 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.
9. Ягудаев Ренат Сергеевич, регистрационный номер 77/17032 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил статус** адвоката

Рыбин Валентин Владимирович, регистрационный номер 77/17667 в Едином государственном реестре адвокатов, с 23 июля 2025 года.

5. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановила статус** адвоката

Бредихина Эльвира Александровна, регистрационный номер 77/10195 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

6. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Боровлёва Елена Серафимовна, регистрационный номер 77/4249 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

2. Бочкарева Татьяна Юрьевна, регистрационный номер 77/1169 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

3. Груздева Елена Васильевна, регистрационный номер 77/10050 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

4. Гурьянов Данил Сергеевич, регистрационный номер 77/13786 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

5. Детков Александр Альбертович, регистрационный номер 77/2222 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

6. Емельянова Анна Юрьевна, регистрационный номер 77/4344 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

7. Зайцев Олег Владимирович, регистрационный номер 77/667 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

8. Корницкий Андрей Ефимович, регистрационный номер 77/12947 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

9. Макарова Юлия Игоревна, регистрационный номер 77/13231 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

10. Меликсетян Марианна Олеговна, регистрационный номер 77/14628 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

11. Москаленко Анастасия Владимировна, регистрационный номер 77/16674 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

12. Попова Ирина Юрьевна, регистрационный номер 77/3100 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

13. Прошкина Татьяна Владимировна, регистрационный номер 77/13838 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

14. Свердлова Надежда Андреевна, регистрационный номер 77/1525 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

15. Уваров Борис Иванович, регистрационный номер 77/3840 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

16. Шабунина Екатерина Владимировна, регистрационный номер 77/14257 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

17. Шарапов Анатолий Александрович, регистрационный номер 77/3973 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

18. Шишова Светлана Ивановна, регистрационный номер 77/1429 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

19. Янгуразов Рашид Гаязъевич, регистрационный номер 77/11932 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

7. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Лавровой Наталии Сергеевны, регистрационный номер 77/8494 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 апреля 2025 года.

2. Мартынова Вячеслава Анатольевича, регистрационный номер 77/7335 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 июля 2025 года.

3. Панина Владимира Александровича, регистрационный номер 77/4507 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 июля 2025 года.

4. Снежинского Александра Валентиновича, регистрационный номер 77/14484 в Едином государственном реестре адвокатов, с 11 августа 2025 года.

5. Цискаришвили Владлена Александровича, регистрационный номер 77/1695 в Едином государственном реестре адвокатов, с 04 августа 2025 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Ведмедовская Оксана Александровна, регистрационный номер 77/11108 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 августа 2025 года.

2. Докшокова Зара Азаматовна, регистрационный номер 77/7822 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 августа 2025 года.

3. Куцурова Лиана Захаровна, регистрационный номер 77/7938 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

4. Любогощев Александр Игоревич, регистрационный номер 77/2468 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

5. Ольховой Александр Анатольевич, регистрационный номер 77/13282 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 августа 2025 года.

6. Харевский Александр Иванович, регистрационный номер 77/8140 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 сентября 2025 года.

9. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы одного адвоката, с 24 июля 2025 года по 10 декабря 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 230 19 августа 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Баранов Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5417, с 24 июля 2025 года.
2. Басистов Алексей Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5418, с 30 июля 2025 года.
3. Бирюлин Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5424, с 05 августа 2025 года.
4. Горшенин Андрей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5429, с 11 августа 2025 года.
5. Гуриева Элина Георгиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3783, с 13 августа 2025 года.
6. Иванова Ирина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5422, с 05 августа 2025 года.
7. Карабаев Сергей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5427, с 07 августа 2025 года.
8. Лебедева Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5416, с 28 июля 2025 года.
9. Луньков Владислав Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5420, с 01 августа 2025 года.
10. Мирошниченко Константин Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5432, с 15 августа 2025 года.

11. Михеев Олег Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4014, с 06 августа 2025 года.

12. Моршед Елена Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5430, с 14 августа 2025 года.

13. Наталичев Василий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5428, с 12 августа 2025 года.

14. Романова Юлия Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5425, с 06 августа 2025 года.

15. Саблина Ульяна Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5415, с 16 июля 2025 года.

16. Соколов Яков Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5421, с 04 августа 2025 года.

17. Филиппова Екатерина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5423, с 05 августа 2025 года.

18. Хитров Кирилл Ленгвардович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3052, с 31 января 2025 года.

19. Шеерман Ирина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-5431, с 15 августа 2025 года.

20. Шубин Устин Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5419, с 21 июля 2025 года.

21. Эйхерт Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5426, с 06 августа 2025 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Богомолов Дмитрий Геннадиевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3872 с 19 августа 2025 года.

2. Брунов Марк Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4932, с 05 августа 2025 года.

3. Засорин Александр Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2909, с 23 июля 2025 года.

4. Кривцова Оксана Павловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5011, с 26 июня 2025 года.

5. Курчин Виктор Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5301, с 23 июля 2025 года.

6. Мингалеев Рамиль Тагирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5252, с 11 июля 2025 года.

7. Никитин Денис Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4815, с 23 июля 2025 года.

8. Парфенов Дмитрий Робертович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5332, с 01 августа 2025 года.

9. Платковский Владимир Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1781, с 15 августа 2025 года.

10. Снежинский Александр Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4539, с 11 августа 2025 года.

11. Черкашина Мария Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1277, с 19 августа 2025 года.

12. Шуваев Юрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4833, с 19 августа 2025 года.

13. Ягудаев Ренат Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5194, с 19 августа 2025 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Абгарян, Мурадян и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1088, с 25 июня 2025 года.

2. Московская городская коллегия адвокатов «Аспект», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1089, с 18 июня 2025 года.

3. Московская городская коллегия адвокатов «Славинская, Платковский, Федосиади и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1090, с 26 мая 2025 года.

4. Московская городская коллегия адвокатов «Курчин, Либриус и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1091, с 23 июля 2025 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов «Карабаев и партнеры» г. Москва, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-248, с 06 августа 2025 года.

5. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро «Право будущего» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-547, с 03 июля 2025 года.

6. Ликвидированы адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московское адвокатское бюро «ЗаконоведЪ», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-196, с 18 июля 2025 года.

2. Адвокатское бюро «Самойлов, Золотарев и партнеры» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-512, с 28 июля 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 231 19 августа 2025 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив ходатайства о награждении, поступившие из адвокатских образований, решил:

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»
с вручением удостоверения и нагрудного знака

Чернядьеву Валерию Алексеевичу, регистрационный номер 77/1781 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской городской арбитражной и налоговой коллегии адвокатов «Люди дела»,

присвоить звание «Заслуженный адвокат
Адвокатской палаты города Москвы»
с вручением Свидетельства о присвоении звания

Охрименко Александру Николаевичу, регистрационный номер 77/4998 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокату Московской коллегии адвокатов «Защита»,

наградить Почетной грамотой
Адвокатской палаты города Москвы:

1. Голосова Евгения Васильевича, регистрационный номер 77/14077 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Комиссарова Юрия Юрьевича, регистрационный номер 77/13658 в Едином государственном реестре адвокатов, адвоката Московской коллегии адвокатов «Защита».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

Почетной грамотой
Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации:

1. Воронцов Александр Николаевич, регистрационный номер 77/6888 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».
2. Рощин Дмитрий Николаевич, регистрационный номер 77/11926 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»,

медалью Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации
«За заслуги в защите прав и свобод граждан II степени»

Агасиев Александр Сергеевич, регистрационный номер 77/1608 в Едином государственном реестре адвокатов, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 248 25 сентября 2025 года

Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(извлечение)

Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь статьями 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абрамова Наталья Анатольевна
2. Асламазов Артур Андреевич
3. Благушина Любовь Павловна
4. Врадий Андрей Николаевич
5. Гаджиев Артур Закариевич
6. Гаренко Алексей Игоревич
7. Гасинов Беслан Аскерович
8. Грановская Марина Анатольевна
9. Грибанова Дарья Валерьевна
10. Захарова Наталья Сергеевна
11. Ибрагимов Рифат Рэстэмович
12. Кожокарь Екатерина Андреевна
13. Краснов Алексей Владимирович
14. Максимов Евгений Юрьевич
15. Маргарян Арсен Азатович
16. Мустафин Азат Фаритович
17. Новак Илья Михайлович
18. Сайгитов Сайгит Умалатович
19. Серебренников Александр Сергеевич

20. Соколенко Ирина Сергеевна
21. Ткаченко Виктор Павлович
22. Хижняков Александр Николаевич
23. Шавенкова Айлана Анатольевна.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Архипов Юрий Сергеевич, регистрационный номер 77/13968 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

2. Атаев Владимир Аманмурадович, регистрационный номер 77/10488 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

3. Бобков Сергей Владимирович, регистрационный номер 77/17434 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

4. Козубовский Юрий Николаевич, регистрационный номер 77/15403 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

5. Колганов Роман Петрович, регистрационный номер 77/7160 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

6. Коленцова Валентина Владимировна, регистрационный номер 77/10691 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

7. Посашков Павел Анатольевич, регистрационный номер 77/15313 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 сентября 2025 года.

8. Пчелин Дмитрий Геннадьевич, регистрационный номер 77/4892 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 октября 2025 года.

9. Филиппов Виталий Александрович, регистрационный номер 77/13353 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

3. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановил статус** адвоката

Мартынов Александр Иванович, регистрационный номер 77/2264 в Едином государственном реестре адвокатов, с 11 ноября 2023 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Засолкина Юлия Александровна, регистрационный номер 77/10611 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

1. Сорокин Николай Валерьевич, регистрационный номер 77/16589 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Андреева Наталия Сергеевна, регистрационный номер 77/5366 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

2. Аристов Дмитрий Павлович, регистрационный номер 77/7198 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

3. Бабаян Арсен Александрович, регистрационный номер 77/12555 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

4. Богачева Наталья Юрьевна, регистрационный номер 77/2210 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

5. Ведерников Владимир Николаевич, регистрационный номер 77/9678 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

6. Власова Ирина Евгеньевна, регистрационный номер 77/3341 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

7. Володин Евгений Иванович, регистрационный номер 77/6412 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

8. Гербель Светлана Эдуардовна, регистрационный номер 77/4671 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

9. Горячев Валерий Сергеевич, регистрационный номер 77/7167 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

10. Грачев Александр Николаевич, регистрационный номер 77/2665 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

11. Данилова Елена Мироновна, регистрационный номер 77/1573 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

12. Емельянов Владимир Иванович, регистрационный номер 77/6882 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

13. Жуков Георгий Михайлович, регистрационный номер 77/6025 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

14. Захарова Оксана Аркадьевна, регистрационный номер 77/6757 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

15. Исаченков Александр Михайлович, регистрационный номер 77/5494 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

16. Капранова Юлия Алексеевна, регистрационный номер 77/3596 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 октября 2025 года.

17. Квициния Апполон Константинович, регистрационный номер 77/7868 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

18. Киселёв Александр Григорьевич, регистрационный номер 77/7247 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

19. Кононенко Александр Тимофеевич, регистрационный номер 77/5298 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

20. Королькова Ольга Николаевна, регистрационный номер 77/3352 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

21. Коршунов Геннадий Николаевич, регистрационный номер 77/229 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

22. Кусайко Роман Яковлевич, регистрационный номер 77/11681 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

23. Лапов Артем Евгеньевич, регистрационный номер 77/15960 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 октября 2025 года.

24. Ларина Елена Александровна, регистрационный номер 77/14253 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

25. Любогощев Александр Игоревич, регистрационный номер 77/2468 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

26. Максимович Андрей Яковлевич, регистрационный номер 77/4954 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

27. Орлова Елена Геннадьевна, регистрационный номер 77/11821 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

28. Плеханова Наталия Алексеевна, регистрационный номер 77/1599 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

29. Ракита Марина Львовна, регистрационный номер 77/3441 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

30. Рачиков Геннадий Васильевич, регистрационный номер 77/1773 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

31. Рязанова Юлия Павловна, регистрационный номер 77/7696 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

32. Симкин Лев Семенович, регистрационный номер 77/5336 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

33. Скотникова Оксана Дмитриевна, регистрационный номер 77/3391 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

34. Скузоватова Елена Александровна, регистрационный номер 77/4397 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

35. Степашкина Вера Николаевна, регистрационный номер 77/542 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

36. Стройков Владимир Иванович, регистрационный номер 77/4535 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

37. Таганцева Елена Степановна, регистрационный номер 77/3031 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

38. Тойгильдин Геннадий Викторович, регистрационный номер 77/12050 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

39. Федотова Мария Аркадьевна, регистрационный номер 77/3559 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

40. Фейзетдинова Марина Евгеньевна, регистрационный номер 77/2906 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

41. Фомина Ольга Викторовна, регистрационный номер 77/5670 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

42. Хруслова Евгения Ильинична, регистрационный номер 77/6116 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

43. Чагина Екатерина Ноевна, регистрационный номер 77/10049 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

44. Шайнога Олег Степанович, регистрационный номер 77/419 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

45. Шевченко Тарас Вячеславович, регистрационный номер 77/3051 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

46. Шолохов Александр Геннадьевич, регистрационный номер 77/1060 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

47. Январев Борис Анатольевич, регистрационный номер 77/6584 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Алексеева Валерия Валентиновича, регистрационный номер 77/5202 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 октября 2017 года.

2. Бакулина Алексея Михайловича, регистрационный номер 77/6355 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 января 2025 года.

3. Балынского Владимира Лаврентьевича, регистрационный номер 77/2216 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 декабря 2023 года.

4. Белопольской Ирины Григорьевны, регистрационный номер 77/5282 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 января 2017 года.

5. Владовой Ирины Израильевны, регистрационный номер 77/3346 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

6. Галмановой Веры Николаевны, регистрационный номер 77/5476 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 ноября 2020 года.

7. Гущина Вячеслава Александровича, регистрационный номер 77/4732 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 марта 2018 года.

8. Данилова Аркадия Борисовича, регистрационный номер 77/1572 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 августа 2015 года.

9. Данильченко Виктора Николаевича, регистрационный номер 77/295 в Едином государственном реестре адвокатов, с 20 сентября 2025 года.

10. Демиденко Виктора Ивановича, регистрационный номер 77/2986 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 октября 2019 года.

11. Долгих Ивана Владимировича, регистрационный номер 77/3809 в Едином государственном реестре адвокатов, с 02 марта 2009 года.

12. Душина Льва Петровича, регистрационный номер 77/5506 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 июля 2014 года.

13. Ермакова Владимира Ивановича, регистрационный номер 77/7009 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 января 2021 года.

14. Забродина Анатолия Афанасьевича, регистрационный номер 77/4182 в Едином государственном реестре адвокатов, с 23 июля 2016 года.

15. Игнатенкова Михаила Викторовича, регистрационный номер 77/4569 в Едином государственном реестре адвокатов, с 03 августа 2015 года.

16. Козлова Евгения Александровича, регистрационный номер 77/1051 в Едином государственном реестре адвокатов, с 05 ноября 2023 года.

17. Кокина Павла Геннадьевича, регистрационный номер 77/6278 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 июня 2015 года.

18. Комлевой Ларисы Александровны, регистрационный номер 77/3573 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 сентября 2023 года.

19. Макаева Шарипа Курбановича, регистрационный номер 77/10645 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

20. Маргиева Петра Михайловича, регистрационный номер 77/7254 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 марта 2012 года.

21. Марова Михаила Алексеевича, регистрационный номер 77/1423 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

22. Мачковского Леонида Григорьевича, регистрационный номер 77/1540 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 ноября 2023 года.

23. Михайловой Любови Анатольевны, регистрационный номер 77/6274 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 апреля 2025 года.

24. Мозолина Виктора Павловича, регистрационный номер 77/4736 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 февраля 2015 года.

25. Мушкина Павла Ивановича, регистрационный номер 77/6362 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

26. Натаровой Надежды Владимировны, регистрационный номер 77/1507 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 ноября 2022 года.

27. Никишина Юрия Петровича, регистрационный номер 77/4456 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 апреля 2012 года.

28. Подшибякина Александра Сергеевича, регистрационный номер 77/2311 в Едином государственном реестре адвокатов, с 31 декабря 2016 года.

29. Пудовкиной Екатерины Сергеевны, регистрационный номер 77/8301 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 февраля 2018 года.

30. Ракитина Юрия Ивановича, регистрационный номер 77/3030 в Едином государственном реестре адвокатов, с 27 августа 2019 года.

31. Румянцевой Тамары Григорьевны, регистрационный номер 77/5956 в Едином государственном реестре адвокатов, с 22 сентября 2024 года.

32. Рябцева Александра Валерьевича, регистрационный номер 77/1403 в Едином государственном реестре адвокатов, с 30 мая 2024 года.

33. Савченко Ирины Анатольевны, регистрационный номер 77/12166 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 февраля 2024 года.

34. Смирнова Леонида Леонидовича, регистрационный номер 77/4460 в Едином государственном реестре адвокатов, с 15 февраля 2008 года.

35. Соболева Виктора Николаевича, регистрационный номер 77/3880 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 ноября 2011 года.

36. Спориш Эльвиры Александровны, регистрационный номер 77/6012 в Едином государственном реестре адвокатов, с 21 марта 2006 года.

37. Теличко Дениса Владимировича, регистрационный номер 77/9841 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 июля 2014 года.

38. Трифоновой Антонины Ивановны, регистрационный номер 77/3981 в Едином государственном реестре адвокатов, с 06 июля 2017 года.

39. Царевой Татьяны Алексеевны, регистрационный номер 77/5387 в Едином государственном реестре адвокатов, с 10 апреля 2021 года.

40. Цепоухова Сергея Сергеевича, регистрационный номер 77/3308 в Едином государственном реестре адвокатов, с 28 июня 2019 года.

41. Чижука Алексея Васильевича, регистрационный номер 77/374 в Едином государственном реестре адвокатов, с 19 марта 2018 года.

42. Шалинец Светланы Андреевны, регистрационный номер 77/2931 в Едином государственном реестре адвокатов, с 18 октября 2017 года.

43. Шарчилевой Елены Валерьевны, регистрационный номер 77/6082 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 сентября 2024 года.

44. Шкурина Игоря Юрьевича, регистрационный номер 77/4118 в Едином государственном реестре адвокатов, с 08 ноября 2021 года.

45. Явич Ирины Семеновны, регистрационный номер 77/2691 в Едином государственном реестре адвокатов, с 29 ноября 2023 года.

46. Ястребова Виктора Викторовича, регистрационный номер 77/3093 в Едином государственном реестре адвокатов, с 17 июля 2020 года.

7. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Жужукало Оксаны Евгеньевны, регистрационный номер 77/15654 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Вильковская Яна Витальевна, регистрационный номер 77/14917 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

2. Гвоздева Светлана Валерьевна, регистрационный номер 77/15292 в Едином государственном реестре адвокатов, с 26 сентября 2025 года.

3. Залыгаев Евгений Викторович, регистрационный номер 77/13522 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 октября 2025 года.

4. Кириенко Евгений Николаевич, регистрационный номер 77/12881 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 октября 2025 года.

5. Кожуховский Юрий Владиславович, регистрационный номер 77/13650 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

6. Коломин Максим Владимирович, регистрационный номер 77/13576 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

7. Куликов Павел Викторович, регистрационный номер 77/12491 в Едином государственном реестре адвокатов, с 01 октября 2025 года.

8. Хасанова Эльвира Гумаровна, регистрационный номер 77/16321 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

9. Ягудаев Ренат Сергеевич, регистрационный номер 77/17032 в Едином государственном реестре адвокатов, с 25 сентября 2025 года.

9. В соответствии с п. 20 Решения Двадцать третьей ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 4 апреля 2025 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы:

– 1 адвоката, с 25 сентября 2025 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет;

– 1 адвоката, с 01 июля 2023 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет;

– 1 адвоката, с 03 сентября 2025 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет;

– 1 адвоката, с 30 декабря 2024 года по 18 мая 2025 года, в связи с отпуском по беременности и родам;

– 1 адвоката, с 03 сентября 2025 года, в связи со стажем адвокатской деятельности свыше 40 лет.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

город Москва № 249 25 сентября 2025 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, решил:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Бедёркин Александр Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5443, с 16 сентября 2025 года.
2. Веремьёва Александра Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5447, с 23 сентября 2025 года.
3. Волощук Татьяна Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5445, с 23 сентября 2025 года.
4. Гадельшина Эльвира Рамилевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5434, с 18 августа 2025 года.
5. Дигмар Юнис, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5437, с 02 сентября 2025 года.
6. Журавлев Алексей Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5433, с 19 августа 2025 года.
7. Засимов Иван Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5435, с 28 августа 2025 года.
8. Ковальская Алла Антоновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2324, с 31 августа 2025 года.
9. Лавров Алексей Семенович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5440, с 09 сентября 2025 года.
10. Левицкий Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5441, с 16 сентября 2025 года.

11. Лютиков Иван Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5442, с 18 сентября 2025 года.

12. Малахова Анастасия Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5448, с 23 сентября 2025 года.

13. Махнев Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5446, с 24 сентября 2025 года.

14. Мукин Владимир Ильич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2950, с 27 августа 2025 года.

15. Осипов Леонид Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5444, с 22 сентября 2025 года.

16. Ослон Светлана Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5436, с 03 сентября 2025 года.

17. Паньшина Елена Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5438, с 01 сентября 2025 года.

18. Прокопьева Ольга Олеговна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5439, с 05 сентября 2025 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Ведерников Владимир Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1895, с 25 сентября 2025 года.

2. Додгаев Мингиян Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5319, с 29 августа 2025 года.

3. Ерасов Александр Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-5323, с 29 июля 2025 года.

4. Козубовский Юрий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4852, с 25 сентября 2025 года.

5. Мартынов Александр Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2935, с 11 ноября 2023 года.

6. Савченко Ирина Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3856, с 15 февраля 2024 года.

7. Солтаханов Булат Харонович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2770, с 31 июля 2025 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов города Москвы «Лигал Таск Солюшнс (Правовые Решения)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1092, с 23 июня 2025 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Арбитриум (Воля)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1093, с 09 июля 2025 года.

3. Коллегия адвокатов города Москвы «Солтаханов Легал Групп», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1094, с 31 июля 2025 года.

4. Коллегия адвокатов города Москвы «ЭГО ПОТЭСТ (Я СМОГУ)», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1095, с 11 августа 2025 года.

5. Московская коллегия адвокатов «Бревис», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1096, с 19 августа 2025 года.

6. Московский филиал Коллегии адвокатов «Право на защиту» г. Волгоград, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-1097, с 18 июля 2025 года.

4. Ликвидированы коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская городская коллегия адвокатов «Сафроненко», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-549, с 17 июля 2025 года.

2. Московская коллегия адвокатов «Р.О.З.А.», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-536, с 26 августа 2025 года.

3. Филиал Коллегии адвокатов Волгоградской области «Легион» в г. Москве, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-810, с 21 июля 2025 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «ЮрКон», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-548, с 06 июня 2025 года.

2. Адвокатское бюро г. Москвы «Косенков, Суворов и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-549, с 29 июля 2025 года.

6. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро «Аэролекс» г. Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-75, с 08 сентября 2025 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы С.Б. Зубков

АДВОКАТСКОЕ СООБЩЕСТВО

Приняли присягу и получили статус адвоката

29 мая 2025 года

1. Алиева Елизавета Андреевна
2. Алимов Антон Ринатович
3. Дорофеев Богдан Юрьевич
4. Матвеева Юлия Игоревна
5. Моисеева Дарья Евгеньевна
6. Нехорошева Полина Сергеевна
7. Романова Анна Станиславовна
8. Рыбин Валентин Владимирович
9. Снопкова Анастасия Викторовна
10. Шашкина Анастасия Алексеевна

26 июня 2025 года

1. Быстров Арсений Янович
2. Быханова Евгения Валерьевна
3. Виноградова Евгения Николаевна
4. Игошина Татьяна Витальевна
5. Кобычев Антон Евгеньевич
6. Ковальчук Станислав Игоревич
7. Разумный Алексей Станиславович
8. Рахутина Мария Максимовна
9. Спесивцев Алексей Владимирович

15 июля 2025 года

1. Алексеева Дарья Александровна
2. Балыбердин Арсений Юрьевич
3. Легкова Елена Сергеевна
4. Ломакина Наталья Васильевна
5. Меркулова Мария Александровна
6. Мингалеев Павел Рамилевич
7. Панина Елизавета Дмитриевна
8. Семашко Анна Геннадьевна
9. Сизов Тимофей Александрович
10. Соболев Дмитрий Евгеньевич

19 августа 2025 года

Чупатинова Татьяна Сергеевна

25 сентября 2025 года

1. Батяев Сергей Владимирович
2. Ванифатьев Антон Александрович
3. Джиоева Екатерина Зелимовна
4. Жабин Данила Александрович
5. Кейзеров Кирилл Петрович.

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Дисциплинарное производство прекращено в связи с отсутствием доказательств действий адвоката вопреки интересам доверителя. При этом Совет указал на необходимость активного участия адвоката в формировании защитительной позиции доверителя, а также на то, что разоблачение самооговора доверителя является правом, но не обязанностью адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката В. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 17 июля 2024 г. в отношении адвоката В.

Квалификационная комиссия 05 марта 2025 г. вынесла Заключение:

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе Б., в части дисциплинарного обвинения в непредоставлении адвокатом В. заявителю Б. копии соглашения об оказании последней юридической помощи, копий платежных документов, подтверждающих внесение денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского кабинета, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе Б., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Б., извещенная своевременно о дате и времени рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство об отложении рассмотрения дисциплинарного производства в связи с профессиональной занятостью всех ее представителей – адвокатов М. и Я., а также П., просила провести заседание Совета в другой день с ее участием и участием ее представителей.

Представители заявительницы Б. – адвокаты М. и Я., а также П., своевременно и надлежащим образом извещенные о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела и получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, заявили совместное письменное ходатайство об отложении рассмотрения Советом дисциплинарного производства в связи с их профессиональной занятостью. В ходатайстве указано на «несвоевременное» получение Заключения Комиссии (10 апреля 2025 г.), а также на то, что в связи со значительным объемом Заключения представителям необходимо время для подготовки мотивированных возражений. Кроме того, авторы ходатайства ссылаются на свою занятость

и указывают номера дел, время их рассмотрения и суды, в заседаниях которых они участвуют 24 апреля 2025 г.

Совет, рассмотрев ходатайства заявительницы Б. и ее представителей об отложении рассмотрения дисциплинарного производства, отказал в их удовлетворении, поскольку копия Заключения Квалификационной комиссии была направлена им и получена ими заблаговременно (со значительным превышением установленного п. 3 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката 10-дневного срока для подготовки и представления возражений и иных заявлений по поводу Заключения), а время рассмотрения дисциплинарного производства назначено с учетом представленных адвокатами Я. и П. сведений о занятости в судебных заседаниях. При этом Совет отмечает, что адвокат самостоятельно принимает решение о выборе приоритетов при совпадении времени исполнения поручений различных доверителей и несет ответственность за этот выбор. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся заявительницы Б. и ее представителей.

Адвокат В. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась с ним, с выводами, изложенными в Заключении, полностью согласна. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат В. дала следующие пояснения:

– фразу «*…по сути была готова поддержать любую позицию, которую занимала Б.*» она сказала «*не от большого ума*». Уточнила, что готова была поддержать любую «законную» и «соответствующую действительности» позицию Б.;

– в случае, если бы узнала о самооговоре Б., обратилась бы за помощью в Совет Палаты или к старшим товарищам;

– под «законной» позицией доверителя Б. понимает отсутствие самооговора, а под «не соответствующей действительности» понимает позицию, не соответствующую ее видению и представлениям;

– вступая в дело в защиту интересов Б., она провела беседу с последней, которая сама настаивала на необходимости участия в ней лиц, которым она доверяла. В этой беседе она задавала Б. прямой вопрос о том, давала ли та ранее какие-либо показания/объяснения сотрудникам правоохранительных органов, и получила ответ Б., что она давала такие же показания, которых в дальнейшем придерживалась с ее (адвоката В.) участием. При этом содержание объяснений, в действительности данных Б. 19 августа 2022 г., ей было неизвестно. Предпринятая ею попытка получить эти сведения путем обжалования постановления о возбуждении уголовного дела успехом не увенчалась, поскольку следователь не представил суду никаких материалов дела, а суд отказал в рассмотрении жалобы по существу;

– при предъявлении следователем заключений экспертов с выводами о том, что подписи в договорах цессии выполнены не Б., а иным лицом, Б. вела себя абсолютно спокойно и продолжала самостоятельно утверждать, что договоры подписывала она, а такие выводы сделаны экспертом, вероятно, потому, что экспертиза проводилась по копиям документов. В такой ситуации она не сочла нужным провести с Б. конфиденциальное обсуждение этой ситуации;

– на протяжении всего времени оказания помощи Б. последняя свою позицию не меняла. Первоначальная тактика отказа от дачи показаний со ссылкой на ст. 51 Конституции РФ была избрана Б.

по рекомендации тех лиц, на которых она во всем ориентировалась. Она (адвокат В.) с такой тактикой была не согласна и говорила об этом, но придерживалась позиции доверительницы;

– она признает, что по делу была возможность сформировать такую защитительную позицию Б., которая влекла бы минимальный риск привлечения к уголовной ответственности как по ст. 159 УК РФ, так и по ст. 173.1–173.2 УК РФ. Однако поскольку Б. полностью полагалась на мнение близких ей лиц, она (адвокат В.) не проявляла активности в формировании и согласовании с Б. такой позиции, а следовала позиции последней как своей доверительницы. При этом она занимала позицию об отсутствии в действиях Б. по заключению договоров цессии состава преступления;

– полагает, что как профессиональный советник по правовым вопросам допустила ошибку, не проявив в необходимой степени профессиональную активность в обсуждении и согласовании с Б. позиции по делу, а также ее возможной корректировки с учетом всей совокупности обстоятельств. Тем не менее считает, что вреда интересам доверительницы не причинила. Причинно-следственной связи между своим профессиональным поведением и предъявлением Б. обвинения не видит, поскольку это решение могло быть принято следователем самостоятельно, вне зависимости от позиции Б.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката В., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

26 июля 2022 г. К. обратилась в правоохранительные органы с заявлением о преступлении «по факту хищения права требования, принадлежащего К. на сумму …руб. путем изготовления подложных договоров цессии», а именно:

– договора уступки права требования (цессии) от 01 апреля 2021 г. № … согласно которому цедент К. уступает, а цессионарий ООО «…» в лице его генерального директора Б. принимает право требования к ООО «М.», возникшее на основании решения Р. городского суда М. области от 25 апреля 2019 г. по гражданскому делу № … о взыскании денежных средств в сумме …руб. и исполнительного листа от 31 мая 2019 г., выданного на основании данного решения;

– договора уступки права требования (цессии) от 08 декабря 2021 г. № … согласно которому цедент ООО «…» в лице его генерального директора Б. уступает, а цессионарий Па. принимает вышеуказанное право требования к ООО «М.». 19 августа 2022 г. в ходе проверки в порядке ст. 144 УПК РФ вышеуказанного заявления К. о преступлении и.о. дознавателя МУ МВД России «Р.» Мол. с участием адвоката Ш. была опрошена Б., которая сообщила, что в 2016 г. или 2017 г. к ней обратились ее знакомые с просьбой «оформить на ее имя» организацию ООО «…», на что Б. согласилась, после чего поехала в налоговую инспекцию, «где зарегистрировала на свое имя организацию ООО ‘‘…’’», а затем выдала доверенность на право управления организацией лицу, которое она не помнит, не имея никакого отношения к ее финансово-хозяйственной деятельности и не подписывая никаких связанных с деятельностью ООО «…» документов, в том числе и вышеуказанных договоров уступки права требования (цессии).

В сентябре 2022 г. к адвокату В. обратился адвокат Ш., предложив принять поручение на оказание юридической помощи Б. В дальнейшем между адвокатом В. и Р. было заключено Соглашение

об оказании юридической помощи от 25 сентября 2022 г., которое в качестве предмета поручения предусматривало «обязанности по защите Б. на стадии следствия». Согласно п. 2.4.1 Соглашения на доверителя Р. возлагается обязанность по выплате адвокату В. вознаграждения из расчета …руб. за каждое следственное действие, связанное с выездом, путем внесения денежных средств в кассу адвокатского образования.

27 сентября 2022 г. постановлением старшего следователя СУ МУ МВД России «Р.» С. по результатам проверки заявления К. о преступлении было возбуждено уголовное дело № … в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Не позднее 25 октября 2022 г. адвокат В. приступила к оказанию юридической помощи Б. по этому делу.

01 декабря 2022 г. СО ОМВД России по городскому округу Ж. в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело № … по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, которое 21 июня 2024 г. соединено в одном производстве с уголовным делом № … с присвоением соединенному уголовному делу номера № … на что указано в постановлении начальника СУ МУ МВД России «Р.» В.Н. от 29 июля 2024 г. об отмене незаконного (необоснованного) постановления следователя.

15 декабря 2022 г. Б. с участием адвоката В., представившей ордер от 01 ноября 2022 г. № … была допрошена в качестве свидетеля по уголовному делу № … следователем С. Согласно протоколу допроса свидетель Б. неоднократно воспользовалась правом не свидетельствовать против себя и своих близких, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации. Также в указанном протоколе допроса отражено заявление адвокатом В. о приобщении к материалам уголовного дела ходатайств о передаче уголовного дела по месту производства предварительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ, а также о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

20 января 2023 г. следователем С. с участием адвокатов Ф. и В. произведена очная ставка между потерпевшей К. и свидетелем Б. Согласно протоколу очной ставки от 20 января 2023 г. свидетель Б. вновь неоднократно воспользовалась правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Согласно заключению № … составленному 12 мая 2023 г. экспертом отдела по ЭКО МУ МВД России «Р.» ЭКЦ ГУ МВД России по М. области К., подпись, выполненная от имени Б. в договоре уступки права требования (цессии) от 01 апреля 2021 г. № … выполнена не Б., образцы почерка которой представлены на экспертизу, а каким-то другим лицом. 03 июля 2023 г. это заключение эксперта предъявлено Б. следователем в ходе очной ставки, произведенной с участием адвокатов Л. и В. между свидетелями Е. и Б. Согласно протоколу очной ставки на просьбу следователя пояснить указанный вывод эксперта свидетель Б. показала: «Я настаиваю на том, что договор цессии № … от 01 апреля 2021 г. подписывала от своего имени я. Почему в экспертизе дан другой ответ, я не знаю, пояснить не могу».

10 октября 2023 г. начальник отдела СУ МУ МВД России «Р.» Г. вынес постановление о выделении в отдельное производство материалов из уголовного дела № … для проведения проверки на предмет наличия в действиях Б. признаков преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ. В дальнейшем указан-

ные материалы направлены для проведения проверки в ОЭБ и ПК УМВД России по городскому округу В. 22 декабря 2023 г. и. о. дознавателя УМВД России по данному городскому округу П.В. по результатам рассмотрения материала проверки по факту возможных противоправных действий Б. и неустановленных лиц вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в обоснование которого указано, что «в настоящее время признаки состава преступления, предусмотренного ст. 173.2 УК РФ в действиях Б. не установлены», тогда как «для принятия законного и обоснованного решения необходимо проведение опроса Б.». Сведений об иных процессуальных решениях по вопросу об уголовно-правовой оценке действий Б. на предмет наличия или отсутствия в них состава указанных преступлений в материалах дисциплинарного производства не имеется.

28 декабря 2023 г. Б. с участием защитника – адвоката В. допрошена в качестве подозреваемой по уголовному делу № … следователем СУ МУ МВД России «Р.» Ф. В ходе указанного допроса Б. на вопрос следователя «Что вы можете пояснить, что согласно заключению эксперта подпись от имени К. в договоре уступки права требования (цессии) от 01 апреля 2021 года выполнена не К., а иным лицом?» сообщила: «По данному факту я ничего пояснить не могу». В тот же день следователем с участием защитника – адвоката В. предъявлено Б. обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и она допрошена в качестве обвиняемой.

Согласно заключению эксперта № … составленному 28 декабря 2023 г. экспертом отдела по ЭКО МУ МВД России «Р.» ЭКЦ ГУ МВД России по М. области Ф.А., подпись от имени Б. в договоре уступки права требования (цессии) от 08 декабря 2021 г. № … выполнена не Б., образцы почерка которой представлены на экспертизу, а другим лицом, при условии, что оригинал документа выполнен без применения технических приемов и средств.

25 января 2024 г. Б. посредством мессенджера *WhatsApp* уведомила адвоката В. об отказе от ее юридической помощи с 24 января 2024 года. 29 января 2024 г. новые защитники обвиняемой Б. – адвокаты М. и Я. заявили ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке, установленном п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, которое в тот же день было удовлетворено следователем. 13 февраля 2024 г. указанные защитники ознакомились с материалами уголовного дела № … предусмотренными п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, и ходатайствовали о приобщении к материалам уголовного дела их совместного заявления о выявленном стороной защиты факте самооговора обвиняемой Б., направленного в МУ МВД России «Р.» 01 февраля 2024 г. в электронной форме.

01 марта 2024 г. следователем СУ МУ МВД России «Р.» Ф. с участием защитников обвиняемой Б. – адвокатов М. и Я. произведен дополнительный допрос Б., в ходе которого Б. заявила, что совершила самооговор по причине того, что ее запугивали и шантажировали, а также убеждали в том, что если она будет давать заученные ею показания, которые ей присылали, то уголовное дело будет закрыто. Данные действия согласно показаниям Б. совершались адвокатом В. и С., а также «А.В.».

14 марта 2024 г. Б. выслала адвокату В. почтовое отправление, а также отправила ей сообщение в мессенджере *WhatsApp*, содержащее запрос о предоставлении документов: копии соглашения (соглашений) об оказании юридической помощи Б., а также копий платежных документов, подтверждающих внесение денежных средств в кассу

адвокатского кабинета в качестве вознаграждения за оказанную Б. юридическую помощь, отчета об оказанной Б. юридической помощи, заявления Б. о ее согласии на оказание ей юридической помощи, материалов адвокатского производства по оказанию юридической помощи доверителю Б. 14 марта 2024 г. адвокат В. ответила Б. в мессенджере *WhatsApp* следующим сообщением: «*Добрый вечер, конечно я отправлю документы тебе и твоему адвокату*», однако 25 марта 2024 г. сообщила о том, что «ждет справку о пожаре». Из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 14 апреля 2024 г., вынесенного старшим дознавателем отдела надзорной деятельности и профилактической работы по городскому округу Д. Главного управления МЧС России по М. области П., усматривается, что 16 марта 2024 г. в жилище адвоката В. и ее семьи произошел пожар, в результате которого обгорели перекрытия, конструкции дома и личные вещи в помещениях на общей площади 500 кв. м.

22 апреля 2024 г. Б. со ссылкой на вышеуказанные обстоятельства самооговора обратилась с заявлением о преступлении на имя начальника СУ по ... ГСУ СК РФ по г. Москве О. Сведений о каких-либо процессуальных решениях по вопросу об уголовно-правовой оценке действий указанных лиц на предмет наличия или отсутствия в них состава преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, или иных преступлений против правосудия в материалах дисциплинарного производства не имеется.

21 июня 2024 г. уголовные дела № … и № … соединены в одном производстве, соединенному уголовному делу присвоен номер № …

29 июля 2024 г. постановлением начальника СУ МУ МВД России «Р.» В. отменены постановления следователя Ф. о привлечении Б. в качестве обвиняемой по уголовному делу № … и об избрании в отношении нее меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В обоснование данного процессуального решения указано, что по уголовному делу был проведен ряд следственных действий, по результатам которых установлено, что Б. фактически не выполняла в компании ООО «…» хозяйственно-распорядительные и управленческие функции, а также не взаимодействовала с П. и К. по факту подписания вышеуказанных договоров цессии. В этот же день следователем Ф. со ссылкой на вышеуказанное процессуальное решение вынесено постановление о прекращении уголовного преследования Б. в части совершения ею преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, вследствие отсутствия в ее действиях состава данного преступления.

Согласно сведениям, приведенным в письме заместителя начальника – начальника Следственного управления МУ МВД России «Р.» В. от 13 января 2025 г., уголовное дело № … «в настоящее время рассматривается в Р. городском суде М. области». Однако по информации, размещенной на официальном сайте указанного суда, поступившее 18 ноября 2024 г. в суд уголовное дело № … в отношении П. 03 марта 2025 г. возвращено прокурору.

Из жалобы усматривается, что против адвоката В. заявительницей Б. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в непредставлении заявительнице Б. копий соглашения об оказании последней юридической помощи, платежных документов, подтверждающих внесение денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского кабинета, а также отчета об оказанной юридической помощи;

– в оказании неквалифицированной юридической помощи Б. и в умышленных действиях против ее интересов, вы-

разившихся в выборе тактики и стратегии ее защиты, заключающейся в даче Б. заведомо ложных показаний относительно ее роли в руководстве и управлении ООО «…», которые были подготовлены для Б. адвокатом В. совместно с С. и мужчиной по имени А.В. и в которых сообщались не соответствующие действительности сведения о подписании Б. договоров цессии.

Рассматривая доводы жалобы о неисполнении адвокатом В. обязанностей по формализации отношении с доверителем, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно п. 1 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката под доверителем адвоката понимается как лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, так и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом. Согласно пункту 1 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 г. (Протокол № 8) (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы 2019. № 2 (145). С. 127–131), лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается юридическая помощь (третье лицо / назначенное лицо / обвиняемый (подозреваемый)), в силу положений ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката оба являются доверителями адвоката, однако имеют различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи. Правом распоряжения сведениями, являющимися адвокатской тайной, и полным безусловным доступом к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи, обладает только обвиняемый (подозреваемый), которому оказывается юридическая помощь. Он же вправе свободно выбирать защитника (в том числе одобрять или не одобрять выбор, сделанный в его интересах лицом, заключившим соглашение с адвокатом) и оценивать качество оказанной юридической помощи, тогда как лицо, заключившее соглашение, также именуемое доверителем адвоката, имеет право на предъявление дисциплинарных обвинений, касающихся формализации отношений между ним как стороной в соглашении об оказании юридической помощи третьему лицу и адвокатом.

Согласно не опровергнутым в результате дисциплинарного разбирательства объяснениям адвоката В. юридическая помощь доверителю Б. оказывалась ею на основании Соглашения от 25 сентября 2022 г., заключенного с Р. в интересах Б., которое не сохранилось у нее вследствие пожара.

При этом адвокатом В. не представлено доказательств получения и оприходования вознаграждения по Соглашению от 25 сентября 2022 г. Однако вопросы, связанные с выплатой ей вознаграждения по данному соглашению., заключенному в интересах Б. с Р., относятся к вопросам формализации отношений между доверителем, заключившим соглашение, и адвокатом, в связи с чем только этот доверитель имеет право на выдвижение дисциплинарных обвинений, связанных с ненадлежащей формализацией отношений между ним и адвокатом.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Б. была согласна на оказание ей юридической помощи адвокатом В. и добровольно принимала эту юридическую помощь

на протяжении длительного времени. Доказательств оказания на Б. незаконного воздействия для получения такого согласия не представлено. Каких-либо жалоб на нарушение порядка формализации отношений с адвокатом В. в связи с заключением Соглашения от 25 сентября 2022 г. от Р., заключившего это соглашение в качестве доверителя, в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в непредоставлении адвокатом В. отчета об оказанной юридической помощи, Совет пришел к следующим выводам.

В соответствии с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене или по исполнении поручения адвокат должен предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе. Как описано выше, письменное обращение Б. к адвокату В. с запросом отчета «о выполненных адвокатских действиях» было сделано 14 марта 2024 г. Адвокат В. указывает, что не могла подготовить соответствующий отчет и направить его доверителю Б. в связи со случившимся 16 марта 2024 г. пожаром в ее доме, в результате которого все материалы ее адвокатских производств сгорели. Факт пожара подтвержден документами, представленными адвокатом В. в материалы дисциплинарного производства. При таких обстоятельствах Совет не усматривает умысла или грубой неосторожности в бездействии адвоката В., выразившемся в непредставлении доверителю Б. отчета о проделанной работе. При этом в соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности к адвокату может иметь место только в случае совершения им нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре умышленно или по грубой неосторожности. По этой причине Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. в части рассматриваемого дисциплинарного обвинения неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в умышленных действиях адвоката В. против интересов Б., выразившихся в выборе тактики и стратегии ее защиты, заключающейся в даче Б. под влиянием третьих лиц заведомо ложных показаний относительно ее роли в руководстве и управлении ООО «…», приведших к самооговору и, как следствие, к ухудшению положения доверителя Б. в уголовном деле, а именно в привлечении ее в качестве обвиняемой, Совет приходит к следующим выводам.

В соответствии с п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне» (подп. 1), «занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного» (подп. 2).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Б. неоднократно меняла фактологическую позицию относительно своего участия в деятельности ООО «…»: в первоначальном объяснении, данном до вступления в дело адвоката В., заявила о не-

участии в заключении вышеуказанных договоров цессии в качестве генерального директора ООО «…», а также о неучастии в управлении данным Обществом, затем с участием адвоката В. дала показания о заключении указанных договоров именно ею и настаивала на этих показаниях даже после предъявления ей заключений эксперта о том, что подписи на договорах выполнены не ею, а после вступления в уголовное дело в качестве ее защитников адвокатов М. и Я. отказалась от этой позиции и вернулась к первоначальной позиции о своей непричастности к указанным действиям.

Первоначальное изменение позиции относительно фактических обстоятельств дела заявительницей Б. и ее представителями – адвокатами М. и Я. объясняется незаконным воздействием со стороны группы лиц, в состав которых, по их оценке, входили С., его «деловой партнер» «А.В.» и адвокат В. Это воздействие, согласно утверждениям Б. и ее представителей, выражалось в угрозах привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 173.1, 173.2 УК РФ («за номинальность»). Возвращение же Б. к первоначальной позиции о неучастии в деятельности ООО «…» и непричастности к заключению вышеуказанных договоров цессии произошло в связи предъявлением обвинения Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, после чего заявительница Б. и ее мать Ч. обратились за юридической помощью к другим адвокатам.

Совет отмечает, что утверждение Б. и ее представителей о том, что адвокат В. знала (в том числе от самой Б., а также из содержания ее описанных выше объяснений Б. от 19 августа 2022 г. в ходе опроса, произведенного и.о. дознавателя МУ МВД России «Р.» Мол. с участием адвоката Ш.) о неучастии Б. в деятельности ООО «…» и о ее непричастности к заключению спорных договоров цессии, какими-либо доказательствами не подтверждено. Как описано выше, сама адвокат В. свою осведомленность об этом, а следовательно, и об изменении Б. своей первоначальной позиции отрицает. При этом адвокат В. пояснила, что выясняла эти обстоятельства у Б. при первой встрече с ней, но та не сообщила ей об истинном содержании своих первоначальных объяснений, заявив, что сообщила в них о своей деятельности в качестве генерального директора ООО «…» и о заключении ею договоров цессии. Из содержания переписки Б. и адвоката В. в мессенджере *WhatsApp* также не усматривается, что последняя была осведомлена о том, что Б. изменила свою позицию, занятую ранее при опросе 19 августа 2022 г. Не содержится в материалах дисциплинарного производства и иных доказательств такой осведомленности адвоката В.

Б. вплоть до изменения ее процессуального статуса 22 декабря 2023 г. являлась свидетелем, а потому адвокат В. не имела возможности реализовать процессуальное полномочие, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Кроме того, заявительницей Б. не представлено доказательств наличия копии этих ее объяснений ни у нее самой, ни у адвоката Ш., участвовавшего в этом опросе, ни у адвоката В. Более того, даже вступившие впоследствии в уголовное дело в качестве защитников Б. адвокаты М. и Я. в своем совместном ходатайстве от 29 января 2024 г. об ознакомлении с материалами уголовного дела не указали объяснение Б. от 19 августа 2022 г. в приведенном ими перечне известных им процессуальных документов, составленных с участием подзащитной.

При таких обстоятельствах позицию адвоката В. в данной части Совет признает неопровергнутой.

Не были доказаны Б. и ее представителями и доводы об оказании адвокатом В. недопустимого воздействия на Б. Факты направления адвокатом В. в адрес Б. заранее подготовленных текстов ее показаний сами по себе не свидетельствуют о таком воздействии, поскольку подобные действия являются способом оказания юридической помощи. В отсутствие доказательств того, что Б. эти показания навязывались, а также того, что их содержание заведомо для адвоката В. противоречило интересам Б., основания для вывода о действиях адвоката В. вопреки интересам Б. отсутствуют. При этом адвокат В. последовательно утверждает, что составляла показания со слов Б. и в ее интересах, и эти утверждения адвоката В. в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнуты, в том числе и содержанием переписки между ней и Б.

Более того, из жалобы заявителя Б. следует, что первоначально она встречалась с С. и человеком, представившимся «А.В.», в отсутствие адвоката В. При этом из содержания жалобы и материалов дисциплинарного производства следует, что в указанный период Б. не только не находилась с данными лицами в конфликте, но, напротив, полностью доверяла им, тем более что С. – близкий друг ее семьи. Мать Б. – Ч. связывали продолжительные дружеские и деловые отношения с С. и членами его семьи. Данные обстоятельства указывают на то, что адвокат В. не имела разумных оснований рассматривать С. и «А.В.» как лиц, враждебных Б. и действующих вопреки ее интересам.

При таких обстоятельствах Совет признает неопровергнутой позицию адвоката В. о том, что она не склоняла Б. к какому-либо изменению показаний вопреки ее интересам, в том числе путем угроз привлечения Б. к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 173.1, 173.2 УК РФ.

Таким образом, дисциплинарное обвинение в совершении адвокатом В. умышленных действий против воли и законных интересов доверителя Б. не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, вследствие чего дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании адвокатом В. неквалифицированной юридической помощи Б., выразившейся в том числе в отсутствии реагирования на самооговор последней, Совет приходит к следующим выводам.

Определение, а также изменение позиции по уголовному делу являются исключительным правом лица, привлекаемого к уголовной ответственности. При этом адвокат, являющийся в силу закона (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») независимым профессиональным советником по правовым вопросам, обязан оказать доверителю профессиональную помощь в формировании такой позиции, в том числе путем анализа фактических и правовых аспектов конкретной ситуации, сравнительного анализа альтернативных вариантов позиции (при наличии таковых) с точки зрения преимуществ, недостатков и рисков каждого из них для интересов доверителя, дачи доверителю соответствующих рекомендаций на основе результатов проведенного анализа. Такая профессиональная обязанность адвоката прямо следует из совокупности требований, предусмотренных подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4–6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.). Однако

принятие решения о выборе позиции всегда остается за доверителем.

Выбор же стратегии и тактики реализации избранной доверителем позиции, включая принятие решений о необходимости, целесообразности и моменте совершения защитником конкретных процессуально значимых действий, равно как и самостоятельное и независимое толкование закона относятся к исключительной компетенции самого адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам. По этой причине органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику, определяемую адвокатом при ведении конкретного дела, а лишь рассматривают соответствие работы адвоката требованиям законодательства и профессиональной этики. Иными словами, критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие нарушения норм законодательства и профессиональной этики, совершенные адвокатом умышленно или по грубой неосторожности, которые влекут неисполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем или наступление негативных публично-правовых последствий.

Представители заявителя ссылались на то, что «любому адвокату совершенно очевидно, что она (Б.) не проявляет никакой осведомленности, присущей генеральному директору или учредителю», а также отмечали, что адвокат В. не заняла позицию о самооговоре Б. даже тогда, когда Б. было предъявлено заключение эксперта с выводом о том, что подпись в договоре уступки права требования выполнена не Б., а иным лицом.

Адвокат В., в свою очередь, пояснила, что достоверно знала о том, что Б. занимала должность генерального директора ООО «…», получала в нем заработную плату, выдавала доверенность от имени этого Общества, обращалась к нотариусу для совершения нотариальных действий в интересах Общества. Поэтому с учетом примечания к ст. 173.1 УК РФ она не считала Б. подставным лицом. Также адвокат В. указала на то, что Б. неоднократно подтверждала ей факт подписания ею договора цессии. При этом адвокат В. последовательно занимала позицию об отсутствии в действиях Б. состава какого-либо преступления и, соответственно, о незаконности ее уголовного преследования.

Факт привлечения Б. к уголовной ответственности повлек ретроспективную негативную оценку последней отстаиваемой адвокатом В. позиции и ее действий, как и действий С. Однако Б. не доказано, что адвокат В. в период оказания ей юридической помощи обладала достаточным объемом информации для того, чтобы иметь основания заявить о самооговоре доверительницы, в том числе вопреки позиции последней. Совет в этой связи также считает необходимым подчеркнуть, что разоблачение самооговора доверителя является правом адвоката, но не его обязанностью. Принятие решения о реализации этого права находится в исключительной компетенции адвоката, и такое решение принимается им в каждом конкретном случае с учетом всей совокупности известных ему обстоятельств и с обязательным учетом интересов доверителя.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат В. при оказании юридической помощи Б. не допустила как умышленно, так и по грубой неосторожности нарушений требований законодательства и профессиональной этики адвоката, которые бы могли являться основанием для вывода о неисполнении (ненадлежащем исполнении) ею профессиональных обязанностей перед доверителем, в том числе

в виде оказания неквалифицированной юридической помощи.

Одновременно Совет считает необходимым подчеркнуть и обратить внимание адвоката В., что адвокату, особенно при вступлении в уголовное дело после замены доверителем адвоката, следует, обеспечивая неукоснительное исполнение всех перечисленных выше требований законодательства, Кодекса профессиональной этики адвоката и Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, максимально тщательно подходить к интервьюированию своего доверителя, выяснению позиции, которой он придерживался до вступления адвоката в дело, и к обсуждению с доверителем всех имеющихся альтернативных вариантов и рисков при формировании позиции по делу. Это особенно важно при осуществлении защиты по уголовным делам, в которых предметом расследования являются деятельность юридических лиц, взаимоотношения участников корпоративных отношений, и в силу этого высока вероятность конфликта интересов между исполнительным органом юридического лица, его участниками (акционерами), бенефициарами и контрагентами.

Помимо этого Совет полагает необходимым указать адвокату В. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по жалобе Б. от 17 июля 2024 г.:

в части дисциплинарного обвинения в непредставлении адвокатом В. заявителю Б. копий соглашения об оказании последней юридической помощи, платежных документов, подтверждающих внесение денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского кабинета, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

1.2. Совет прекратил статус адвоката, который без разумной необходимости раскрыл сведения, полученные от доверителя в связи с оказанием ему юридической помощи и составляющие адвокатскую тайну.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К., представителя заявителя В. – адвоката З. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе В. от 25 декабря 2024 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 05 марта 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 5

п. 4 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, подп. 1, 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В. («адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия последнего; адвокат обязан честно, разумно и добросовестно… исполнять свои обязанности; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц»), выразившемся в том, что, участвуя в открытом судебном заседании Н. районного суда г. Москвы по гражданскому делу № … по иску К.Б. к К., В. о признании договоров займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г., заключенных между займодавцем К. и заемщиком В., недействительными, взыскании судебных расходов по оплате услуг представителя, расходов на проведение судебной экспертизы, адвокат К. неоднократно (29 сентября, 4 и 6 октября 2023 г.) раскрыл в отсутствие разумной необходимости сведения, сообщенные ему в связи с оказанием юридической помощи В. по широкому кругу вопросов в период с 15 февраля 2013 г. по 06 сентября 2021 г. (о взаимоотношениях В. с компанией «Б.», о судебных разбирательствах с участием компаний «Б.», «Г.», ООО «А.», АО «Н.» в судах Российской Федерации, а также в судах иностранных юрисдикций, в том числе в Высоком суде Британских Виргинских островов, о гражданско-правовых спорах между В. и ее родственниками по вопросу о наследовании имущества; о действиях, совершенных адвокатом К. в ходе оказания юридической помощи доверителю В.), использовав их в своих личных имущественных интересах, в том числе для дискредитации перед судом своего бывшего доверителя В. через заявления о ее недобросовестном и противоправном поведении (уклонение В. от получения судебных повесток; совершение контролируемой В. иностранной компании «Б.» финансовых операций, «подпадающих под принятие мер реагирования в соответствии с Федеральным законом от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма”»; вывод В. денежных средств из России через компанию «Б.». в недружественные страны; приобретение В. «совместно нажитого преступного имущества»);

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе В., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов В. о фальсификации адвокатом К. договоров займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г., а также совершении адвокатом К. финансовых операций «на сотни тысяч долларов США», в законности происхождения которых В. выражает сомнения;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе В., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен, с ее выводами не согласен. Полагает, что оснований для возбуждения дисциплинарного дела не было, поскольку адвокатскую тайну он не разглашал, а действовал по обстоятельствам. На первом судебном процессе он представил только акты выполненных работ и договоры и думал, что на этом все закончится. Но потом в отношении него была совершена провокация – подан новый иск в пользу супруга В. – К.Б., который ранее был ее юристом, а в 2014 г. они поженились и создали семью. Затем у них якобы было расторжение брака. К.Б. подал иск, ответчик В. его признала, у них была согласованная позиция. У адвоката К. не было выбора, но он считает, что никакой адвокатской тайны не раскрыл. В суде лишних людей не было: только К.Б., представитель В. – З. и судья. Адвокат К. считает, что защищался и поступил максимально корректно.

Заявитель В., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, обеспечила участие представителя – адвоката З., который в заседании Совета сообщил, что его доверитель В. с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлена, с ее выводами не согласна в той части, в которой Комиссия не усмотрела нарушений в действиях адвоката К. Подтверждает и поддерживает доводы, которые ею изложены в ходе дисциплинарного разбирательства. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что В. настаивает на своих доводах, в том числе об умышленном представлении адвокатом К. в суде документов и сведений, которые он получил в период оказания ей правовой помощи. Она считает, что именно поэтому проиграла все споры, тогда как реально адвокат К. ей денег не передавал. В судах адвокат К. представлял искаженные сведения. Он не мог бы ничего знать, если бы не был адвокатом В. на протяжении семи лет. В суде участвовали и посторонние люди. К.Б. на момент рассмотрения дела в суде являлся для В. полностью чужим человеком. Адвокат К. – спецсубъект, и это затрудняет возбуждение против него уголовного дела. В. настаивает на лишении его адвокатского статуса за его недобросовестные действия.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В период с 15 февраля 2013 г. по 06 сентября 2021 г. адвокат К. оказывал заявителю В. комплексную юридическую помощь по широкому кругу вопросов на основании заключенных ими соглашений:

– Договора № … на оказание консультационных (юридических) услуг адвокатом физическому лицу от 15 февраля 2013 г., предусматривающего консультирование «доверителя» «по правовым вопросам», а также «осуществление всех необходимых действий, предусмотренных законодательством РФ в интересах своего доверителя В., К.Б. [с 2014 по 2020 г. мужа В. – *Пояснение Совета*]», «представление интересов Доверителей в правоохранительных органах, органах суда»;

– Договора № … на оказание консультационных (юридических) услуг адвокатом физическому лицу от 18 июля 2019 г., предусматривавшего консультирование доверителя В. «по правовым вопросам», а также «осуществление всех необходимых действий, предусмотренных законодательством РФ» в ее интересах по ее требованию «при

появлении достаточных правовых оснований», «представление интересов Доверителя в следственных, судебных органах и иных организациях по вопросам, относящимся к предмету настоящего договора» при наличии юридических оснований.

В период оказания юридической помощи В. между нею как заемщиком и адвокатом К. как займодавцем были заключены договор займа денежных средств от 05 октября 2018 г. на сумму …долл. США и аналогичный договор от 24 декабря 2018 г. на сумму … долл. США. В подтверждение передачи денежных средств по вышеуказанным договорам сторонами были составлены расписки от 5 октября и от 24 декабря 2018 г. Впоследствии В. факт передачи денежных средств по данным договорам займа стала отрицать, указывая, что договоры являлись «фиктивными», т. е. безденежными.

Адвокат К. 20 ноября 2020 г. – в период оказания В. юридической помощи по Договору от 18 июля 2019 года № … – подал в Ч. районный суд г. Москвы исковое заявление о взыскании с В. в свою пользу суммы основного долга по вышеуказанным договорам займа в размере … долл. США, процентов за пользование займами – …долл. США, процентов за пользование чужими денежными средствами – …долл. США, а также расходов по оплате государственной пошлины – …руб. Решением Ч. районного суда от 26 января 2021 г. по гражданскому делу № … исковые требования адвоката К. к В. удовлетворены. С В. в пользу адвоката К. взысканы сумма займа … долл. США в рублевом эквиваленте по курсу ЦБ РФ, проценты за пользование займом …долл. США в рублевом эквиваленте, проценты за пользование чужими денежными средствами …долл. США в рублевом эквиваленте, а также расходы по оплате государственной пошлины в размере …руб. Суды апелляционной и кассационной инстанций указанное решение оставили без изменений.

Договор от 18 июля 2019 г. № … был расторгнут доверителем В. в одностороннем порядке 06 сентября 2021 г. путем направления в адрес адвоката К. уведомления (требования) от 06 сентября 2021 г. Соглашение об оказании юридической помощи от 15 февраля 2013 г. № … также расторгнуто В. в 2021 г. «в связи с нарушением адвокатской этики, злоупотреблением доверием, обманом, подачей иска против своего доверителя в период действия договора, возбуждения в отношении доверителя исполнительного производства, использования конфиденциальной информации, полученной в период действия договора против самого доверителя и в связи с иными проступками».

В декабре 2021 г. В. обратилась в Адвокатскую палату города Москвы с жалобами на действия (бездействие) адвоката К., по итогам рассмотрения которых Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 апреля 2022 г. № 72 к адвокату К. была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он в период действия соглашения об оказании юридической помощи (Договора № … от 18 июля 2019 г.) – 20 ноября 2020 г. обратился в Ч. районный суд г. Москвы с исковыми требованиями о взыскании с В. в свою пользу суммы основного долга по договорам займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г. в размере …долл. США в рублевом эквиваленте по курсу ЦБ РФ на день исполнения решения суда, процентов за пользование займами в размере …долл. США в рублевом эквиваленте по курсу ЦБ РФ на день исполнения решения суда, процентов за

пользование чужими денежными средствами в размере …долл. США в рублевом эквиваленте по курсу ЦБ РФ на день исполнения решения суда, а также расходов по оплате государственной пошлины в размере …руб.;

– нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он 12 апреля 2021 г. обратился в Ч. районный суд с заявлением об обеспечении иска по гражданскому делу № … к которому приложил выписки из Единого государственного реестра недвижимости, полученные с использованием сведений о принадлежащем В. недвижимом имуществе, ставших ему известными в ходе оказания ей юридической помощи, а затем привел информацию о недвижимом имуществе В. в заявлении от 12 мая 2021 г., поданном в Межрайонный отдел судебных приставов по особым исполнительным производствам неимущественного характера ГУ ФССП по г. Москве;

– ненадлежащее, вопреки положениям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившееся в том, что после получения 20 сентября 2021 г. просьбы доверителя В. о предоставлении отчета о проделанной работе, содержащейся в уведомлении (требовании) от 06 сентября 2021 г., он не представил доверителю В. такой отчет.

19 апреля 2022 г. в Н. районный суд г. Москвы поступило исковое заявление К.Б. к адвокату К. и В. о признании недействительными договоров займа от 5 октября и от 24 декабря 2018 г., заключенных между займодавцем К. и заемщиком В. В обоснование своих требований истец К.Б. указал, что он и ответчик В. состояли в браке с 20 марта 2014 г. по 29 мая 2020 года. 5 октября и 24 декабря 2018 г. между заемщиком В. и займодавцем К. заключены договоры займа. К.Б. об их заключении не знал и считает данные сделки мнимыми, поскольку договоры подписаны «задним числом» в преддверии бракоразводного процесса между ним и В. в начале 2020 г. в целях увеличения ее кредиторской задолженности и уменьшения таким образом общей массы активов, подлежащих разделу между бывшими супругами. Решением Н. районного суда от 06 октября 2023 г. по гражданскому делу № … отказано в удовлетворении исковых требований К.Б. к В. и К. Из решения следует, что ответчик В. указанный иск признала, однако суд, руководствуясь положениями ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, не принял признание ею иска, посчитав, что оно нарушает права и интересы ответчика К.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам… городского суда от 24 сентября 2024 г. по делу № … указанное решение суда оставлено без изменения, а апелляционные жалобы истца К.Б. и ответчика В. – без удовлетворения.

После этого в Адвокатскую палату города Москвы поступила жалоба В., в которой она выдвинула против адвоката К. дисциплинарное обвинение в использовании им в своих интересах в ходе разбирательства по гражданскому делу № … в Н. районном суде г. Москвы составляющих адвокатскую тайну сведений, полученных в связи с оказанием юридической помощи доверителю В., без ее согласия и вопреки ее интересам.

Рассматривая доводы заявителя, Совет исходит из того, что в указанном гражданском деле адвокат К. участвовал как физическое лицо – займодавец, заключивший с В. в период оказания ей юридической помощи договоры займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г. на общую сумму …долл. США. При этом ранее между адвокатом К. и его доверителем В. возникали различные гражданско-правовые споры в связи

с неисполнением последней обязательств по этим договорам займа. Несмотря на то, что адвокат К. и В. являлись соответчиками по делу, адвокат К. фактически являлся процессуальным оппонентом своих бывших доверителей – истца К.Б. и ответчика В., имевших по делу одинаковую позицию. Так, К.Б. и В. были заинтересованы в признании договоров займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г. недействительными и утверждали о мнимости заемных сделок, действуя согласованно. Позиция же адвоката К. была противоположной.

По этой причине при оценке профессионального поведения адвоката К. в полной мере применимы положения п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката: «Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу». Однако поскольку само по себе возникновение гражданского спора между адвокатом и доверителем не упраздняет институт адвокатской тайны и не прекращает действие общих предписаний подп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, в подобных случаях дисциплинарные органы адвокатского самоуправления исходят из права адвоката разгласить информацию, составляющую адвокатскую тайну, только в объеме, необходимом для обоснования своей позиции.

Из протокола судебного заседания по рассмотренному в открытом судебном заседании гражданскому делу № … следует, что 04 октября 2023 г. адвокат К. заявил ходатайство о приобщении к материалам дела «судебных актов, подтверждающих, что у В. были судебные тяжбы с наследниками, была задолженность», «постановления об отказе в удовлетворении заявления В. по исполнительному производству» и «уведомления о наличии у В. судебных тяжб за пределами РФ». Это ходатайство судом было удовлетворено только в части судебных актов. В том же судебном заседании адвокат К. заявил ходатайство о приобщении к материалам дела его письменных дополнений, где он в обоснование довода о том, что «у В. и так очень большие долги», в числе прочего изложил сведения о судебных разбирательствах с участием В., а также об отдельных их фактических обстоятельствах, в том числе:

– о вынесении судьей М. городского суда К.Н. определения от 20 мая 2019 г., которым было отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции жалобы на решение С. районного суда г. Москвы от 14 июня 2017 г. по иску компании «Б.» к В.Е., В., В.С. о взыскании задолженности по договорам займа в общей сумме …руб. При этом копия указанного определения была приобщена к материалам гражданского дела;

– о том, что «у В. шли суды, где нужны не рубли, а доллары США для процессов с братом в окружном суде округа О.», сославшись в подтверждение этого обстоятельства на копию судебного извещения о проведении судебного заседания 19 марта 2019 г., удостоверенную нотариусом города Москвы 29 апреля 2019 г.;

– о том, что у В. были очень большие расходы, связанные с судами за рубежом. В. обратилась в суд с заявлением об оспаривании полномочий управляющего акциями компании «Г.», рассмотрение которого в коммерческом

отделении Высокого суда Британских Виргинских Островов состоялось 15–16 октября 2018 г., однако судебный акт по рассмотрению данного заявления не был опубликован, и производство по делу № … было приостановлено до рассмотрения Коммерческим отделением Высокого суда Британских Виргинских островов заявления В. о прекращении полномочий временного управляющего акциями компании «Г.».

В подтверждение данных сведений адвокат К. представил в материалы дела копию постановления …Арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2021 г. № … по делу № … Копия указанного постановления была приобщена к материалам гражданского дела.

Кроме того, в указанных выше Дополнениях по делу от 04 октября 2023 г. адвокат К. привел дискредитирующие своего бывшего доверителя В. сведения, а именно:

– указал, что иностранная компания «”Б.” контролируется самой В.», сославшись на упомянутое постановление …Арбитражного апелляционного суда, также отметив, что «в настоящее сложное для России время основная цель их – вывод денежных средств из России через “Б.” в недружественные страны и по этой причине возбуждены исполнительные производства на других наследников покойного В. А. Кроме самой В.»;

– сослался на письмо Национального банка по К. Республике Южного главного управления ЦБ РФ от 09 апреля 2018 г. № … указав, что в п. 26 приведенного в нем «Перечня подозрительных операций» отражен исполнительный лист ФС № … выданный 18 января 2018 г. Арбитражным судом г. Москвы по делу № … от 05 декабря 2017 г. на сумму …руб. в пользу компании «Б.». Там же адвокат К. указал, что «действия “Б.” и ООО “А.” по отношению к списанию за счет денежных средств, находящихся в АО “Н.”, подпадают под принятие мер реагирования в соответствии с Федеральным законом от 07 августа 2001 года № 115-ФЗ ‘‘О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма’’»;

– указал, что «через С. районный суд города Москвы (судья Д.)» он был «вынужден получить документы и повестку в Гражданский суд города Ж., получения которой избегала В.».

Кроме того, негативно характеризующая В. информация была приведена адвокатом К. и при заявлении отраженных в протоколе судебного заседания устных ходатайств. Так, 29 сентября 2023 г. адвокат К. заявил ходатайство о приобщении к материалам гражданского дела «решения Арбитражного суда по банкротству истца, а также решения Арбитражного апелляционного суда о подозрении истца в легализации денежных средств». Обосновывая данное ходатайство, адвокат К. на вопрос суда пояснил, что «В. также является должником компании. Несмотря на то, что она ранее принадлежала В., на истца была оформлена доверенность. После доверенность была отозвана. В. таким образом пытается вывести денежные средства за границу».

В дальнейшем в судебном заседании 06 октября 2023 г. адвокат К. заявил: «…Здание по ул. … является совместно нажитым преступным имуществом. По данному вопросу в 2013 году было возбуждено уголовное дело. В 2017 году В.Е. признали потерпевшей. В ходе следствия было установлено, что В.Е. не подписывала нотариального согласия на регистрационные действия с данным имуществом, не подписывала никаких документов об отчуждении в пользу В. недвижимого имущества. Наследникам пришлось обращаться в суд, чтобы вернуть данное имущество в наследственную массу. Прошу суд приобщить

к материалам дела постановление о возбуждении уголовного дела в отношении неопределенного круга лиц».

Доводы адвоката К. о том, что вышеуказанные сведения были получены им из опубликованных в сети «Интернет» судебных актов, Совет отклоняет как несостоятельные, поскольку вне разумных сомнений первичная осведомленность адвоката К. о факте и обстоятельствах судебных производств с участием доверителя В. обусловлена именно оказанием им юридической помощи доверителю В. На это указывает совокупность обстоятельств, установленных в результате дисциплинарного разбирательства:

– оказание адвокатом К. в период с 15 февраля 2013 г. по 06 сентября 2021 г. комплексной юридической помощи доверителю В., включавшей представление ее интересов в судах;

– приведение в Дополнениях по делу от 04 октября 2023 г. сведений о действиях адвоката К., совершенных им лично в ходе оказания юридической помощи доверителю В. («получение документов и судебной повестки в Гражданский суд города Ж.»);

– приведение в тех же Дополнениях сведений о мотивах действий В.;

– непосредственное участие адвоката К. в качестве представителя В. в рассмотрении гражданских дел, по которым вынесены судебные решения, послужившие источником осведомленности адвоката К. об изложенных им обстоятельствах.

Так, из приложенных заявителем к жалобе копий материалов гражданского дела, в том числе протокола судебного заседания Н. районного суда г. Москвы, следует, что к материалам дела приобщены копии следующих судебных решений, в которых адвокат К. участвовал как представитель ответчика (В.):

– решения М. районного суда г. Москвы от 08 апреля 2016 г. по гражданскому делу № … по иску В.Е. к В., В.С., Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Москве о применении последствий недействительности сделки, признании права собственности;

– апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 20 декабря 2016 г. № … по гражданскому делу № …

– решения М. районного суда г. Москвы от 02 февраля 2021 г. по гражданскому делу № … по иску В.Е., В.С. к В. о признании права общей долевой собственности;

– решения С. районного суда г. Москвы по гражданскому делу № … по иску компании «Б.» к В.Е., В.А., В.С. о взыскании задолженности по договорам займа, по встречному иску В.С. к компании «Б.» о признании недействительными договоров займа, по встречному иску В.Е. к компании «Б.» о признании недействительными договоров займа.

При таких обстоятельствах приведение адвокатом К. в Дополнениях по делу от 04 октября 2023 г. вышеуказанных сведений и документов, не имеющих отношения к предмету рассматриваемого судом спора, в совокупности с его пояснениями негативного свойства в адрес своего бывшего доверителя В. свидетельствуют об использовании им в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу № … в Н. районном суде г. Москвы сведений, полученных в ходе оказания юридической помощи доверителю В., с явным превышением пределов, необходимых для защиты от иска. Избыточное раскрытие сведений, составляющих адвокатскую тайну, было мотивировано адвокатом К. необходимостью подтверждения предполагаемого наличия у В. обязательств перед иными кредиторами. Однако и для этого очевидным образом не тре-

бовалось раскрытие информации о том, что компания «”Б.” контролируется самой В.», равно как и о процессуальном поведении и действиях, совершенных самим адвокатом К. при оказании юридической помощи В., и особенно при рассмотрении спора о мнимости ранее совершенной сделки, правота в которой К. уже была подтверждена в судебном порядке. Это же относится и к приведению адвокатом К. в Дополнениях по делу от 04 октября 2023 г. конкретных обстоятельств его участия в оказании юридической помощи В. и, более того, изложению предполагаемых им мотивов процессуального поведения своего доверителя. На отсутствие объективной необходимости в раскрытии существенной части приводившейся адвокатом К. информации указывает и тот факт, что в решении Н. районного суда от 06 октября 2023 г. об отказе в удовлетворении исковых требований К.Б. к В. и адвокату К. взаимосвязь В. с компанией «Б.», наличие у нее обязательств перед другими кредиторами, равно как и обстоятельства «вывода денежных средств из России через «”Б.”» не оцениваются.

Совет обращает внимание и на то, что, действуя в отсутствие разумной необходимости и вопреки основам фидуциарных (доверительных) отношений адвоката с доверителем, адвокат К. сообщил суду составляющие адвокатскую тайну сведения в таких формулировках, которые со всей очевидностью предназначались для дискредитации его бывшего доверителя В. с целью формирования у суда внутреннего убеждения в незаконности и недобросовестности ее поведения вообще и в рамках данного судебного разбирательства в частности.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что адвокат К. использовал доверенную ему и составляющую адвокатскую тайну информацию против интересов В. и в целях ее дискредитации. При этом позиция адвоката К. обрела форму агрессивного использования в открытом судебном заседании сведений, полученных в ходе оказания В. юридической помощи, для создания ей дополнительных рисков, в том числе и уголовно-правового характера. Такие действия адвоката К. явно и заведомо выходили за пределы разумно необходимых действий по опровержению исковых требований, основанных на договорах о письменно подтвержденных займах денежных средств одним физическим лицом у другого. По этой причине Совет также признает, что использование адвокатом К. при описанных обстоятельствах сведений, составляющих адвокатскую тайну, в его собственных интересах, связанных с гражданско-правовыми отношениями, в которые он вступил с доверителем В., предоставив ей крупные денежные займы, очевидным образом подорвало доверие В. к адвокату К. и к адвокатуре в целом. При этом использование адвокатом К. сведений, полученных в ходе оказания юридической помощи доверителю В., в том числе и для ее дискредитации, Совет расценивает как злоупотребление доверием, т.е. нарушение п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Учитывая изложенное, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его умышленную вину в ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 5 п. 4 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, подп. 1, 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем В. установленной.

Вместе с тем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводам:

– о недоказанности факта обращения адвоката К. в Н. районный суд г. Москвы с «заявлением-ходатайством» (с приложением на 72 листах) с информацией, недопустимой к раскрытию;

– о необоснованности довода заявителя о недопустимости раскрытия адвокатом К. содержания произведенной им 02 сентября 2019 г. аудиозаписи его разговора с доверителем В.;

– об отсутствии нарушения профессиональной этики в приобщении адвокатом К. к материалам дисциплинарного производства Договора об открытии кредитной линии «под лимит выдачи» от 29 июля 2015 г. № … заключенного между Открытым акционерным обществом «И.» с одной стороны и совместно именуемыми «Заемщик» В. и К.Б. – с другой стороны;

– об отсутствии допустимого повода для рассмотрения в настоящем дисциплинарном производстве доводов заявителя В. о фальсификации адвокатом К. договоров займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г., а также о совершении им финансовых операций «на сотни тысяч долларов США», в законности происхождения которых В. выражает сомнения.

В Заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие обоснования каждого из перечисленных выводов, с которыми Совет также соглашается.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании адвокатом К. основополагающих требований законодательства и профессиональной этики и правил профессионального поведения. Совет признает, что действия адвоката К., совершенные им умышленно и в личных интересах, сопряженные со злоупотреблением доверием, подорвали доверие к нему как к адвокату, а также причинили существенный вред авторитету адвокатуры. В силу этих обстоятельств, а также императивного требования п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет признает профессиональное поведение адвоката К. недопустимым и несовместимым со статусом адвоката. Совет также принимает во внимание, что, несмотря на имевший место ранее факт разглашения адвокатом К. конфиденциальной информации, предоставленной ему тем же доверителем В., в связи с которым ему уже было указано Советом на недопустимость подобных действий, адвокат К. надлежащих выводов не сделал и вновь неоднократно совершил те же недопустимые действия в отношении того же доверителя В., руководствуясь личными материальными интересами и стремлением дискредитировать ее перед судом.

По этим причинам Совет приходит к выводу о применении к адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как с учетом тяжести нарушений и необходимости обеспечения требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности К., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 5 п. 4 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8, подп. 1, 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В. («адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия последнего; адвокат обязан честно, разумно и добросовестно… исполнять свои обязанности; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц»), выразившееся в том, что он, участвуя в открытом судебном заседании Н. районного суда г. Москвы по гражданскому делу № … по иску К.Б. к К., В. о признании договоров займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г., заключенных между займодавцем К. и заемщиком В., недействительными, взыскании судебных расходов по оплате услуг представителя, расходов на проведение судебной экспертизы, неоднократно (29 сентября, 4 и 6 октября 2023 г.) раскрыл в отсутствие разумной необходимости сведения, сообщенные ему в связи с оказанием юридической помощи В. по широкому кругу вопросов в период с 15 февраля 2013 г. по 06 сентября 2021 г. (о взаимоотношениях В. с компанией «Б.», о судебных разбирательствах с участием компаний «Б.», «Г.», ООО «А.», АО «Н.» в судах Российской Федерации, а также в судах иностранных юрисдикций, в том числе в Высоком суде Британских Виргинских островов, о гражданско-правовых спорах между В. и ее родственниками по вопросу о наследовании имущества; о дей-

ствиях, совершенных адвокатом К. в ходе оказания юридической помощи доверителю В.), использовав их в своих личных имущественных интересах, в том числе для дискредитации перед судом своего бывшего доверителя В. через заявления о ее недобросовестном и противоправном поведении (уклонение В. от получения судебных повесток; совершение контролируемой В. иностранной компании «Б.» финансовых операций, «подпадающих под принятие мер реагирования в соответствии с Федеральным законом от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"»; вывод В. денежных средств из России через компанию «Б.» в недружественные страны; приобретение В. «совместно нажитого преступного имущества»).

Установить в отношении К. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе В. от 25 декабря 2024 г.:

в части доводов В. о фальсификации адвокатом К. договоров займа от 5 октября и 24 декабря 2018 г., а также совершении адвокатом К. финансовых операций «на сотни тысяч долларов США», в законности происхождения которых В. выражает сомнения, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.3. Доверитель обвинил адвоката во введении его в заблуждение и в оказании юридической помощи по соображениям собственной выгоды. Совет признал эти обвинения необоснованными и прекратил дисциплинарное производство.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Л. от 25 декабря 2024 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 05 марта 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Л., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Л., надлежащим образом извещенный о дате и времени заседания Совета и получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, письменной позиции не представил. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие заявителя.

Адвокат К. в заседании Совета пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии им получено, с его выводами он полностью согласен.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К., Совет соглаша-

ется с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что между заявителем Л. и Адвокатским бюро г. Москвы «…» в лице управляющего партнера адвоката К. были заключены три соглашения об оказании юридической помощи (от 10 июня 2021 г., от 29 марта 2022 г. и от 10 января 2023 г.), предусматривающие представление интересов заявителя в судах трех инстанций по трудовому спору, содержащие условия об оплате вознаграждения адвоката в фиксированном размере (всего …руб.), которая была осуществлена. В результате рассмотрения трудового спора заявитель был восстановлен на работе, в его пользу взысканы заработная плата, компенсация морального вреда, расходы на юридические услуги, признана недействительной запись в трудовой книжке, заключенные с ним гражданско-правовые договоры признаны трудовыми договорами.

30 марта 2022 г. между заявителем Л. и Адвокатским бюро г. Москвы «…» в лице управляющего партнера адвоката К. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № … предусматривающее представление интересов заявителя по иному трудовому спору с той же организацией, не предусматривающее выплату вознаграждения в фиксированном размере. В результате рассмотрения соответствующего спора приказ об увольнении Л. был отменен как незаконный, изменена формулировка основания увольнения на увольнение по инициативе работника, изменена дата увольнения, взысканы в пользу Л. средний заработок за время вынужденного прогула, компенсация за неиспользованный отпуск и компенсация морального вреда.

Дополнительным соглашением от 07 февраля 2023 г. к вышеуказанным четырем соглашениям была установлена переменная часть вознаграждения адвоката К. в зависимости от получения заявителем Л. денежных средств на основании судебных решений. По указанному дополнительному соглашению заявитель внес в кассу адвокатского образования вознаграждение в размере … руб. в качестве переменной части вознаграждения по соглашениям от 10 июня 2021 г., от 29 марта 2022 г. и от 10 января 2023 г., претензии сторон в этой части отсутствовали.

В части соглашения от 30 марта 2022 г. переменная часть вознаграждения выплачена не была, в связи с чем Адвокатское бюро г. Москвы «…» 12 октября 2023 г. обратилось в С. районный суд г. Москвы с иском о взыскании с Л. задолженности по указанному соглашению об оказании помощи в редакции Дополнительного соглашения от 07 февраля 2023 г. Требования истца были удовлетворены.

При изложенных обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что дисциплинарные обвинение в том, что адвокат К. ввел заявителя в заблуждение и оказывал ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и признано самим заявителем, у него на момент заключения Соглашения об оказании юридической помощи от 30 марта 2022 г. имелись затруднения финансового характера. По этой причине в указанном соглашении не была предусмотрена выплата фиксированного вознаграждения, и адвокат К. представлял его интересы без получения оплаты, приняв на себя финансовые риски. Дополнительным соглашением

от 07 февраля 2023 г. стороны дополнили свои договоренности, предусмотрев обусловленное вознаграждение. Юридическая помощь по соглашению была оказана надлежащим образом, что в том числе признано судебными решениями, которыми удовлетворены как все претензии заявителя к работодателю, так и требования адвоката К. к самому заявителю о взыскании вознаграждения за оказанную Л. юридическую помощь. Подписывая Дополнительное соглашение от 07 февраля 2023 г., Л. согласился с его условиями, в том числе с размером обусловленного вознаграждения и порядком расчетов. Следовательно, заявителем Л. не доказано, что адвокат К. нарушил требования подп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой, а дисциплинарное производство в данной части подлежащим прекращению.

С учетом отказа заявителя Л. от дисциплинарного обвинения в ненадлежащем оформлении в порядке передоверия адвокатом К. полномочий юристу Б. оценка этому дисциплинарному обвинению не дается.

Таким образом, дисциплинарное производство подлежит прекращению в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Л. от 25 декабря 2024 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.4. Адвокат получил предупреждение, так как без согласия доверителя привлек к участию в оказании ему юридической помощи по уголовному делу иных лиц, а также подал кассационную жалобу, не согласовав ее с доверителем.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе... с участием заявителя С., ее представителя П. и адвоката Н. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам С. от 23 сентября и 8 ноября 2024 г. в отношении адвоката Н.

Квалификационная комиссия 05 марта 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки положениям подп. 1 п. 1 и п. 4 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. «б» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве и п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», испол-

нении адвокатом Н. профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что:

– заключив 22 августа 2023 г. соглашение с. С.З. в интересах третьего лица – С., адвокат Н. вступил в уголовное дело в качестве защитника С., а также привлек к участию в указанном деле адвоката Адвокатской палаты С. края К. и Л., не имеющую статуса адвоката, не получив на это согласия С. как получателя юридической помощи;

– приступив к исполнению поручения по Соглашению от 22 августа 2023 г., адвокат Н. не получил от С. согласие на подачу подготовленной им кассационной жалобы в том виде и в той редакции, в которой она 13 сентября 2023 г. посредством Почты России была направлена в Верховный Суд РФ;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобам С. от 23 сентября и 8 ноября 2024 г., в части доводов о том, что в действиях адвоката Н. усматриваются признаки уголовно наказуемых деяний, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобам С., в части дисциплинарных обвинений: 1) во включении адвокатом Н. в Соглашение от 22 августа 2023 г. в качестве одного из поверенных предпринимателя Л., не являющейся адвокатом; 2) в указании адвокатом Н. в названном соглашении несоответствующего действительности сведения о доверителе, подписывающем данное соглашение, а также в неуказании сведений, позволяющих идентифицировать и верифицировать лицо, заключившее и подписавшее соглашение, в том числе фамилии, имени, отчества, паспортных данных, адреса места проживания (регистрации), контактных данных (номера телефона, адреса электронной почты и др.); 3) во включении адвокатом Н. в текст указанного соглашения условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи по уголовному делу; 4) в невнесении адвокатом Н. денежных средств в размере …руб., полученных от доверителя С.З. по Соглашению от 22 августа 2023 г., в кассу или на расчетный счет соответствующего адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением, а равно в невыдаче доверителю С.З. финансового документа по проведению операции с ее средствами (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобам С., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Н. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, ознакомился с ним, с выводами Комиссии не согласен. Поддержал доводы своих письменных возражений на Заключение Квалификационной комиссии от 10 апреля 2025 г. В указанных письменных возражениях он отметил и в заседании Совета повторил, что, по его мнению, выводы Квалификационной комиссии противоречат установленным ею фактическим обсто-

ятельствам. Полагает, что согласие на оказание юридической помощи заявительнице С. и на привлечение для оказания такой помощи адвоката К. и Л., не имеющей статуса адвоката, он получил от матери заявительницы – С.З., а содержание кассационной жалобы он согласовал с заявительницей посредством направления проекта жалобы по электронному адресу адвоката Б., которая, по утверждениям адвоката Н., защищала интересы С. в К. области, где последняя отбывала наказание в колонии.

Заявительница С. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, и она не согласна с выводами Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Полагает, что Комиссия пришла к ошибочному выводу о заключении ее матерью С.З. Соглашения от 22 августа 2023 г. с адвокатом Н. Указала, что ее мать лишь передала адвокату Н. денежные средства и не может рассматриваться в качестве его доверителя, заключившего соглашение в интересах третьего лица. Кроме того, пояснила, что не вела никаких бесед с адвокатом Н. и не знала о его существовании до 25 сентября 2023 г., когда он посетил ее в колонии.

Представитель заявительницы С. – П. в заседании Совета дополнила позицию своей доверительницы и указала, что в Соглашении от 22 августа 2023 г. С.З. не указана как сторона этого соглашения, в связи с чем полагает, что соглашение ею не заключено.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

22 августа 2023 г. адвокат Н. заключил с С.З. соглашение на оказание юридической помощи ее дочери – С., отбывавшей в период с 22 мая 2022 го. по 23 мая 2024 г. наказание в ФКУ ИК… УФСИН России по К. области на основании приговора Б. городского суда С. края от 08 июня 2022 г. Предметом поручения по указанному соглашению являлась подготовка адвокатом Н. кассационной жалобы на состоявшиеся в отношении С. судебные решения, а именно приговор Б. городского суда С. края от 08 июня 2022 г., апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам С. краевого суда от 22 августа 2022 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам … кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. и подача данной жалобы в Верховный Суд РФ на предмет отмены указанных судебных решений.

В период с 21 по 24 августа 2023 г. адвокат Н., представив ордер от 23 августа 2023 г. № … ознакомился в суде с материалами уголовного дела в отношении С. Кроме того, адвокатом Н. на основании заключенного соглашения был привлечен адвокат К., которому было поручено получить надлежащим образом заверенные копии обжалуемых судебных решений, после чего направить их в адрес адвоката Н.

20 сентября 2023 г. в Верховный Суд РФ поступили кассационная жалоба в интересах С. на приговор Б. городского суда С. от 08 июня 2022 г., апелляционное определение С. краевого суда от 22 августа 2022 г. и кассационное определение …кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. по уголовному делу, подписанная адвокатом Н. в качестве защитника осужденной С. В подтверждение своих полномочий адвокат Н. приложил к жалобе ордер от 22 августа 2023 г. № … выданный ему на основании «соглашения» и преду-

сматривающий осуществление защиты С. в Верховном Суде РФ. 03 ноября 2023 г. адвокату Н. было отказано в передаче поданной им кассационной жалобы в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ.

В жалобах заявитель С. выдвинула в отношении адвоката Н. дисциплинарные обвинения в том, что он:

– действовал в защиту интересов С. в отсутствие надлежащим образом заключенного соглашения на оказание юридической помощи;

– включил в Соглашение от 22 августа 2023 г. в качестве одного из поверенных предпринимателя Л., не являющуюся адвокатом;

– в Соглашении от 22 августа 2023 г. указал не соответствующие действительности сведения о доверителе, подписывающем данное соглашение, а также не указал сведения, позволяющие идентифицировать и верифицировать лицо, заключившее и подписавшее соглашение, в том числе фамилию, имя, отчество, паспортные данные, адрес места проживания (регистрации), контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты и др.);

– включил в соглашение условие о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи по уголовному делу;

– не внес денежные средства в размере …руб., полученные от С.З., в кассу или на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, предусмотренные соглашением, и не выдал С.З. финансовый документ по проведению операции с ее средствами;

– действовал вопреки законным интересам С., используя статус адвоката в личных корыстных целях, поскольку с С. не было согласовано оказание адвокатом Н. юридической помощи в виде ее защиты в суде кассационной инстанции даже в устной форме, она не поручала адвокату Н. обжаловать приговор Б. городского суда С. края от 08 июня 2022 г. в кассационном порядке и не давала ему согласия на подачу кассационной жалобы, содержание которой ей не было известно;

– привлек к оказанию юридической помощи С. без ее согласия иных лиц и разгласил сведения, составляющие адвокатскую тайну;

– завладел обманным путем денежными средствами матери заявителя в размере …руб. и предъявлял С. требование передать ему денежные средства в размере …руб. для передачи судье Верховного Суда РФ и …руб. за ее досрочное освобождение от отбывания наказания.

Рассматривая группу дисциплинарных обвинений, связанных с ненадлежащим исполнением адвокатом Н. профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителем, Совет приходит к следующим выводам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 22 августа 2023 г. между адвокатом Н. и Л. в г. Москве было заключено соглашение с предметом поручения, изложенным в п. 1 соглашения: «…о совместной деятельности, направленной на оказание С. юридической помощи в связи с представлением интересов С. по делу, а именно: защита интересов С., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 286 УК РФ, на стадии кассационного обжалования приговора по уголовному делу № …». В тот же день адвокатом Н., находящимся в городе Бл. С. края по месту проживания матери заявителя С., было подписано с последней соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу, согласно которому адвокат Н. и гражданка Л., с одной стороны, и С., с другой стороны, заключили соглашение, в соответствии с которым: «Доверитель, пору-

чает, а Поверенный принимает на себя обязательство по оказанию Доверителю юридической помощи в связи с представлением интересов Доверителя по делу, а именно С., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 286 УК РФ, на стадии кассационного обжалования приговора по уголовному делу № …». В разделе соглашения «Подписи сторон» со стороны поверенных имеются рукописная подпись адвоката Н. и усиленная квалифицированная подпись Л. Со стороны доверителя в месте его подписи машинописным способом указано «С.» и проставлена подпись без указания ее расшифровки и каких-либо иных данных, верифицирующих и идентифицирующих подписанта, при этом сама подпись, очевидно, содержит в росчерке буквы «С» и «З». Аналогичная подпись, содержащая в росчерке буквы «С» и «З», имеется на фотографии документа, направленного 08 декабря 2023 г. в мессенджере *WhatsApp* адвокату Н. Данный документ содержит сведения о его авторе – С.З., и подпись, аналогичную подписи, проставленной на Соглашении от 22 августа 2023 г. Эта подпись в данном документе расшифрована его автором как принадлежащая С.З. В заседании Квалификационной комиссии заявитель С. указывала, что письменное обращение от 08 декабря 2023 г., адресованное адвокату Н., составлялось и подписывалось ее матерью С.З. под диктовку самой С. Из текста данного документа следует, что его составителями признается факт заключения 22 августа 2023 г. соглашения об оказании юридической помощи между адвокатом Н. и С.З. в интересах ее дочери С., поскольку в документе указано: «Н., В связи с невыполнением Вами обязательств по Соглашению и отказом от Ваших услуг моей дочери С. настоящим уведомляю о расторжении данного соглашения и возврате суммы в полном объеме в размере (…) рублей».

Адвокат Н. последовательно настаивал на том, что Соглашение от 22 августа 2023 г. подписывалось со стороны доверителя именно матерью С. – С.З. в присутствии родственницы – С.А. При этом он признает факт некорректного указания доверителя, подписавшего с ним соглашение об оказании юридической помощи, а именно С. вместо С.З. Факты нахождения 21–22 августа 2023 г. адвоката Н. по месту жительства матери заявителя С. – С.З. в городе Бл. С. края, получения адвокатом Н. вознаграждения в размере …руб. по соглашению от 22 августа 2023 г. достоверно установлены и никем из участников дисциплинарного производства не отрицаются. Заявитель С. не отрицает и тот факт, что ее мать С.З. была осведомлена о приезде адвоката Н., заранее предупреждена им о намерении посетить ее. Последняя ожидала его приезда, высказывала предложения по размещению адвоката Н. и ожидала от него «хороших новостей».

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что совокупность описанных обстоятельств свидетельствует о наличии осведомленности как С., так и С.З. о приезде адвоката Н., целях его визита к С.З., размерах необходимой к уплате денежной суммы, и причиной этой осведомленности могла быть только информация, предварительно полученная С.З. от дочери С.

С. также не отрицает факт ее общения по телефону с Л. 18 и 20 июля 2023 г. на предмет получения от нее и адвоката Н. юридической помощи в виде консультаций по вопросам обжалования состоявшихся в отношении С. судебных решений, их отмены и «принятия в отношении С. оправдательного решения». Кроме этого, С. в своей жалобе от 08 ноября 2024 г. анализирует заключенное с адвокатом Н. 22 августа 2023 г. согла-

шение, дает оценку ряда его условий, что дополнительно подтверждает факт заключения адвокатом Н. соглашения об оказании юридической помощи С., подписанного ее матерью С.З. при посещении последней по месту ее жительства 22 августа 2023 г. адвокатом Н.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, вопреки доводам жалоб С. и ее объяснениям в заседании Совета, Соглашение от 22 августа 2023 г. об оказании ей юридической помощи было заключено адвокатом Н. с С.З. – матерью С. и представляло собой соглашение об оказании юридической помощи, заключенное доверителем С.З. в интересах третьего лица, а именно осужденной С. Таким образом, дисциплинарное обвинение в оказании адвокатом Н. юридической помощи в отсутствие какого-либо соглашения не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Согласно п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату доверителем адвоката. В свою очередь, статья 6.1 того же Кодекса разъясняет, что под доверителем следует понимать не только лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения, но и лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи.

При этом в отсутствие претензий к оформлению соглашения и его условиям со стороны доверителя, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи в интересах другого лица, дисциплинарное производство не должно возбуждаться, а уже возбужденное подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В Адвокатскую палату города Москвы никаких жалоб от доверителя С.З. на нарушения, допущенные адвокатом Н. при оформлении и заключении соглашения, не поступало. При таких обстоятельствах Совет пришел к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений, связанных с ненадлежащим исполнением адвокатом Н. профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителем, выразившихся: 1) во включении в Соглашение в качестве одного из поверенных предпринимателя Л., не являющейся адвокатом; 2) в указании в соглашении не соответствующих действительности сведений о заключившем его доверителе, а также в неуказании сведений, позволяющих идентифицировать и верифицировать лицо, заключившее и подписавшее соглашение; 3) во включении в Соглашение условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи по уголовному делу; 4) в невнесении денежных средств в размере …руб., полученных от доверителя С.З. по Соглашению от 22 августа 2023 г., в кассу или на расчетный счет соответствующего адвокатского образования в порядке и сроки, предусмотренные соглашением, а равно в невыдаче доверителю С.З. финансового документа по проведению операции с ее средствами, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. Совет разъясняет С.З., что она вправе самостоятельно обратиться с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы, если считает, что этими действиями адвоката Н. нарушены ее права и интересы.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Н. действо-

вал вопреки законным интересам С., используя статус адвоката в личных корыстных целях, поскольку с С. не было согласовано оказание адвокатом Н. юридической помощи в виде ее защиты в суде кассационной инстанции даже в устной форме, она не поручала адвокату Н. обжаловать приговор Б. городского суда С. края от 08 июня 2022 г. в кассационном порядке и не давала ему согласия на подачу кассационной жалобы, содержание которой ей к тому же неизвестно, а также в привлечении адвокатом Н. к оказанию юридической помощи С. иных лиц без согласия С., Совет приходит к следующим выводам.

В соответствии с подп. «б» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2 (57). С. 140–142) адвокат в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым должен получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом.

Пунктом 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 г., Протокол № 8. См.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145). С. 129–130) установлено: «По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России "ФСИН-ПИСЬМО" <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту».

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов ад-

вокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 22 августа 2023 г. адвокат Н. заключил с С.З. соглашение на оказание юридической помощи ее дочери С., отбывавшей с 22 мая 2022 г. по 23 мая 2024 г. наказание по приговору суда в ФКУ ИК… УФСИН России по К. области, с предметом поручения «подготовка кассационной жалобы на состоявшиеся в отношении С. судебные решения». Адвокат Н. признал, что всю предшествующую заключению указанного соглашения коммуникацию с С. осуществляла Л. по телефону. Он также не отрицал того факта, что вместе с Л. впервые посетил С. в колонии только в конце сентября 2023 г., т.е. уже после подготовки и подачи кассационной жалобы в Верховный Суд РФ. До этой личной встречи с С. адвокат Н. с ней не общался. Каких-либо доказательств получения согласия С. на вступление адвоката Н. в качестве ее защитника в уголовное дело (как до подачи кассационной жалобы, так и впоследствии) материалы дисциплинарного производства не содержат. Заявитель С. категорически отрицает факт дачи ею такого согласия в какой-либо форме.

Помимо этого, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат Н. представил С. для согласования текст подготовленной им в ее защиту кассационной жалобы как до ее подачи, так и впоследствии, в том числе при посещении С. в колонии в конце сентября 2023 г.

Пояснения адвоката Н. о направлении текста кассационной жалобы по электронной почте адвокату Б., которая якобы защищала интересы С. по месту отбывания наказания, не подтверждены доказательствами и во всех случаях не свидетельствуют о том, что тест кассационной жалобы был доведен до сведения заявительницы С.

Отсутствуют в материалах дисциплинарного производства и доказательства получения адвокатом Н. в какой-либо форме согласия С. на оказание им последней юридической помощи, равно как и на привлечение для совместного ее оказания Л., не являющейся адвокатом, а также адвоката К. Вместе с тем п. 2.2 Соглашения от 22 августа 2023 г., заключенного между адвокатом Н. и С.З., прямо предусматривал получение от С. такого согласия.

Совет отклоняет как несостоятельные и противоречащие приведенным выше обязательным требованиям доводы адвоката Н. о согласовании всех этих вопросов с С.З., поскольку она не являлась получателем юридической помощи и не имела полномочий давать такое согласие вместо С. Совет в этой связи отмечает, что адвокату Н. как профессиональному советнику по правовым вопросам надлежит знать и исполнять описанные выше требования к формализации отношений с доверителем, которому он оказывает юридическую помощь.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Н. опровергнутой в указанной части дисциплинарных обвинений и приходит к выводу ненадлежащем, вопреки положениям подп. 1 п. 1 и п. 4 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. «б» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве и п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профес-

сиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», исполнении адвокатом Н. профессиональных обязанностей перед доверителем С. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая доводы жалобы о разглашении адвокатом Н. сведений, составляющих адвокатскую тайну, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что факт привлечения адвокатом Н. к выполнению поручения по соглашению адвоката К. не дает оснований для вывода о разглашении ему сведений, составляющих адвокатскую тайну, так как действия адвоката Н. были направлены на выполнение принятого на себя поручения по подготовке и подаче кассационной жалобы. Кроме того, отсутствуют доказательства разглашения адвокатом К. каких-либо сведений, полученных адвокатом Н. от доверителя и сообщенных им адвокату К.

Доводы жалобы о несоответствии позиции адвоката Н., изложенной в его кассационной жалобе, защитительной позиции С., также не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. По утверждению самой С., жалоба адвоката Н., с которой она ознакомилась лишь при рассмотрении дисциплинарного производства, фактически является копией апелляционной жалобы другого ее защитника – адвоката П. Данное утверждение заявителя С. исключает возможность наличия в кассационной жалобе адвоката Н. каких-либо сведений, которые бы противоречили позиции С. Кроме того, доказательств указания адвокатом Н. в жалобе каких-либо сведений, противоречащих позиции С. по уголовному делу, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Н. действовал вопреки воле С., руководствуясь соображениями собственной выгоды, Совет признает необоснованным ввиду следующего. Как отмечено выше, доводы С. о том, что адвокат Н. действовал в отсутствие какого-либо соглашения на осуществление ее защиты, не нашли подтверждения. Кроме того, С. подтверждает, что адвокат Н. посетил ее мать С.З. по месту проживания и получил от последней …руб. в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи. Как указано выше, это было бы невозможно, если бы сама С. не сообщила Л. место жительства свой матери и не предупредила последнюю о том, что к ней приедет адвокат Н., которому нужно заплатить …руб. Кроме того, после первичного посещения в конце сентября 2023 г. адвокатом Н. заявительницы С. и информирования ее о подаче кассационной жалобы последняя не предпринимала никаких действий, направленных на отзыв этой жалобы, поданной адвокатом Н. в отсутствие ее согласия.

Доводы жалобы С. о наличии в действиях адвоката Н. признаков уголовно наказуемых деяний не подлежат рассмотрению по существу в настоящем дисциплинарном производстве.

Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ <http://www.fparf.ru>, компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии)

адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, в связи с чем претензии С. в этой части являются недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за совершенные нарушения, Совет учитывает их умышленный, грубый и злостный характер, свидетельствующий о крайне недобросовестном исполнении адвокатом обязанностей перед доверителем и игнорировании им основополагающих требований законодательства и профессиональной этики. Такое профессиональное поведение адвоката Н. Совет признает недопустимым. Вместе с тем, учитывая значительный стаж адвокатской деятельности Н. и отсутствие у него дисциплинарных взысканий, Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки положениям подп. 1 п. 1 и п. 4 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. «б» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве и п. 5 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что он:

– заключив 22 августа 2023 г. соглашение с С.З. в интересах третьего лица – С., вступил в уголовное дело в качестве защитника С., а также привлек к участию в указанном деле адвоката Адвокатской палаты С. края К. и Л., не имеющую статуса адвоката, не получив на это согласия С. как получателя юридической помощи;

– приступив к исполнению поручения по Соглашению от 22 августа 2023 г., не получил от С. согласие на подачу подготовленной им кассационной жалобы в том виде и в той редакции, в которой она 13 сентября 2023 г. посредством Почты России была направлена им в Верховный Суд РФ.

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. по

жалобам С. от 23 сентября и 8 ноября 2024 г.:

в части доводов о том, что в действиях адвоката Н. усматриваются признаки уголовно наказуемых деяний, а также в части дисциплинарных обвинений: 1) во включении в Соглашение от 22 августа 2023 г. в качестве одного из поверенных предпринимателя Л., не являющейся адвокатом; 2) в указании в Соглашении от 22 августа 2023 г. не соответствующих действительности сведений о доверителе, подписывающем данное соглашение, а также в неуказании сведений, позволяющих идентифицировать и верифицировать лицо, заключившее и подписавшее соглашение, в том числе фамилии, имени, отчества, паспортных данных, адреса места проживания (регистрации), контактных данных (номера телефона, адреса электронной почты и др.); 3) во включении в текст Соглашения от 22 августа 2023 г. условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи по уголовному делу; 4) в невнесении денежных средств в размере …руб., полученных от доверителя С.З. по Соглашению от 22 августа 2023 г., в кассу или на расчетный счет соответствующего адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением, а равно в невыдаче доверителю С.З. финансового документа по проведению операции с ее средствами (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т. п.) в порядке, установленном действующим законодательством, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.5. Адвокат подал кассационную жалобу, пропустив установленный законом месячный срок, и не заявил ходатайство о его восстановлении, за что получил замечание.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Ж., адвоката О. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ж. от 25 декабря 2024 г. в отношении адвоката О.

Квалификационная комиссия 05 марта 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и ч. 5 ст. 188 АПК РФ, исполнении адвокатом О. профессиональных обязанностей перед доверителем Ж., выразившемся в том, что он подал в интересах Ж. кассационную жалобу на определение Арбитражного суда г. М. от 20 февраля 2024 г. и постановление …арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2024 г., принятые по обособленному спору по заявлению конкурсного управляющего ООО «…» о привлечении Ж. и иных лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела № … с пропуском установленного законодательством месячного срока, не заявив ходатайство о его восстановлении;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката О. по жалобе Ж. в части претензий Ж. к формализации отношений с доверителем (оказание юридической помощи на

основании устного соглашения, невыдача Ж. документов, подтверждающих оплату оказанной ему юридической помощи по Соглашению от 11 июня 2022 г., заключенного адвокатом О. с Ш.), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката О. по жалобе Ж., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Ж. в заседании Совета поддержал свои письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии.

Адвокат О. в заседании Совета пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии им получено, с его выводами он полностью согласен.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат О. подал в интересах Ж. кассационную жалобу на определение Арбитражного суда г. М. от 20 февраля 2024 г. и постановление …арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2024 г. по делу № … с пропуском установленного срока. Кассационная жалоба была подана адвокатом О. в электронном виде 30 мая 2024 г. и не содержала ходатайства о восстановлении пропущенного срока на ее подачу. Сведений о подаче такого ходатайства в виде отдельного процессуального документа материалы дисциплинарного производства не содержат. Судья указанного арбитражного суда М., рассмотрев кассационную жалобу, поданную адвокатом О. в интересах Ж., возвратил ее заявителю, указав, что последним днем срока для подачи жалобы было 13 мая 2024 г., и заявителем ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы не заявлено. Адвокат О. описанные обстоятельства не отрицал.

При изложенных обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает ненадлежащим, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и ч. 5 ст. 188 АПК РФ, исполнение адвокатом О. профессиональных обязанностей перед доверителем Ж. в данной части при описанных обстоятельствах.

В части дисциплинарных обвинений в ненадлежащей формализации отношений (достижение соглашения об оказании юридической помощи только в устной форме, непередача адвокатом О. заявителю финансовых документов, связанных с оплатой юридической помощи) Совет отмечает, что соглашение об оказании юридической помощи было заключено адвокатом О. с Ш., в том числе в интересах заявителя Ж. При этом в материалах дисциплинарного производства имеются документы о предоставлении Ш. отсрочки в оплате вознаграждения, а также квитанция-договор от 25 декабря 2024 г., выданная адвокатом АК № … об осуществлении Ш. в указанную дату оплаты вознаграждения. При изложен-

ных обстоятельствах Совет, соглашаясь с выводами Квалификационной комиссии и исходя из того, что претензии, связанные с формализацией отношений с доверителем, может выдвигать в отношении адвоката только лицо, заключившее соглашение, приходит к выводу об отсутствии в данной части допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат О. принял поручение и оказывал заявителю юридическую помощь в указанном обособленном споре в условиях конфликта интересов доверителей: Ж. с одной стороны, и Ш. и М.В. с другой стороны, Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что юридическую помощь М.В. адвокат О. не оказывал. Кроме того, из представленных в материалы дисциплинарного производства процессуальных документов, подготовленных адвокатом О., следует единство позиции в защиту интересов Ж. и Ш. Кроме того, адвокатом О. без ущерба для этой общей позиции были приведены дополнительные доводы в защиту интересов Ж. о том, что он подал заявление об увольнении с должности генерального директора; последовательно указывал на номинальный характер своего положения в Обществе-должнике, конечным бенефициаром которого являлась Ш., не предпринимал действий, направленных на создание или увеличение задолженности Общества, и не являлся действующим руководителем должника в момент введения процедуры наблюдения; в отношении ООО «…» у него отсутствовали документы и фактическая возможность их передать и другие. Таким образом, адвокатом О. приводились как общие доводы в защиту интересов Ш. и Ж., так и доводы в защиту интересов непосредственно последнего. При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют сведения о том, что Ж. возражал против принятия адвокатом О. поручения на одновременное оказание юридической помощи и ему, и Ш., либо возражал против оказания адвокатом О. юридической помощи Ш., либо был не согласен с правовой позицией адвоката О., которую тот занимал и представил суду в интересах заявителя и/или Ш.

В этих условиях Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу об отсутствии конфликта интересов доверителей адвоката О. – Ж. и Ш. как на момент принятия адвокатом поручения по Соглашению от 11 июня 2022 г., так и впоследствии, при оказании им юридической помощи указанным доверителям по соглашению. По этой причине отсутствуют основания для вывода о наличии в профессиональном поведении адвоката О. в данной части нарушений требований адвокатской этики, а следовательно, дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Представленные заявителем Ж. письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии не содержат доводов и аргументов, опровергающих выводы Квалификационной комиссии. В частности, довод о конфликте интересов был подробно изучен и проверен Квалификационной комиссией, но, как описано выше, не нашел подтверждения. Выдвинутые заявителем дополнительные обвинения в «нарушении принципа информированности доверителя», в частности, в непредоставлении Ж. копии соглашения об оказании юридической помощи, заключенного с Ш., и в неразъяснении рисков конфликта интересов выходят за пределы дисциплинарного разбирательства, ограниченные только доводами

жалобы заявителя. Кроме того, доводы возражений противоречат пояснениям заявителя в заседании Квалификационной комиссии, указывающим на осознание им факта оказания юридической помощи адвокатом О. как ему, так и Ш. При этом заявитель не высказывал каких-либо возражений против позиции адвоката О. в суде.

Совет ранее уже высказывал позицию о том, что адвокатам следует проявлять особую осмотрительность, принимая поручения нескольких доверителей по делам, связанным с банкротством и характеризующимся многочисленными и разнообразными конфликтами интересов («война всех против всех»). Однако в рассматриваемом случае Совет не находит оснований для вывода о том, что адвокатом О. такая осмотрительность не была проявлена.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката О. за совершенные нарушения, Совет принимает во внимание, что он, имея длительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал нарушение, совершенное им по грубой неосторожности. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату О. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату О. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и ч. 5 ст. 188 АПК РФ, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ж., выразившееся в том, что он подал в интересах Ж. кассационную жалобу на определение Арбитражного суда г. М. от 20 февраля 2024 г. и постановление …арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2024 г., принятые по обособленному спору по заявлению конкурсного управляющего ООО «…» о привлечении Ж. и иных лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела №... с пропуском установленного законодательством месячного срока, не заявив ходатайство о его восстановлении.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката О. по жалобе Ж.:

в части претензий Ж. к формализации отношений с доверителем (оказание юридической помощи на основании устного соглашения, невыдача Ж. документов, подтверждающих оплату оказанной ему юридической помощи по Соглашению от 11 июня 2022 г., заключенному адвокатом О. с Ш.), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.6. Адвокат получил предупреждение, так как, не имея намерений осуществлять защиту осужденного и законных оснований для ее осуществления, подал заявление о выдаче копии приговора по делу, чтобы передать ее третьим лицам.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П.А. от 22 января 2025 г. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П.А., выразившемся в подаче им в отсутствие предусмотренных законом оснований, не имея намерения осуществлять защиту П.А., 17 января 2025 г. в Ж. городской суд М. области заявления о выдаче заверенной копии приговора данного суда от 20 ноября 2024 г. по уголовному делу, постановленного в отношении П.А., в целях последующей передачи копии приговора третьим лицам и в представлении совместно с вышеуказанным заявлением ордера от 17 января 2025 г., в который адвокатом П. предварительно была внесена недостоверная информация о наличии у него поручения на представление интересов П.А. в указанном суде.

Заявитель П.А., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, отношения к Заключению Квалификационной комиссии не выразила. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся заявителя П.А.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с выводами которой полностью согласился.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

20 ноября 2024 г. Ж. городским судом М. области по делу №… в отношении П.А. и иных привлеченных лиц постановлен обвинительный приговор. 17 января 2025 г. адвокат П., не являвшийся участником судопроизводства по этому уголовному делу, подал в упомянутый суд заявление о выдаче ему заверенной копии указанного приговора. К заявлению адвокат П. приложил ордер от 17 января 2025 г., где в графе «поручается» указано «17.01.2025 г. Ж. гор. суд М.О. П.А.», а в графе «Основание выдачи ордера» – «17.01.2025 г.». Заявитель П.А. после получения от сотрудника данного суда запроса о том, заключала ли она соглашение на защиту с адвокатом П., 20 января 2025 г. подала в суд письменное заявление, в котором указала, что никакого соглашения об оказании юридической помощи по

каким-либо делам с адвокатом П. не заключала и никого не просила заключить в ее интересах соглашение с указанным адвокатом. Председателем указанного суда 21 января 2025 г. адвокату П. дан ответ о невозможности выдачи ему запрошенной копии приговора в отношении П.А. в связи с тем, что адвокат П. по данному уголовному делу не является защитником П.А., из представленного им ордера не следует, что в настоящее время он таковым является, основания выдачи ордера в нем не указаны.

Заявитель П.А. 30 января 2025 г. обратилась в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой, в которой выдвинула против адвоката П. следующие дисциплинарные обвинения:

– адвокат П., не имея соглашения об оказании юридической помощи, без ее согласия, действуя явно против ее законных интересов, 17 января 2025 г., используя статус адвоката, подал в Ж. городской суд заявление о выдаче ему заверенного приговора суда в отношении П.А., осужденной по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ;

– представленный в суд адвокатом П. ордер не содержит информации об адвокатской палате субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат П., предмете поручения, реквизитах соглашения об оказании юридической помощи, а также в ордере отсутствует подпись адвоката, его получившего.

Заявитель П.А. просит привлечь адвоката П. к дисциплинарной ответственности и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Оценивая профессиональное поведение адвоката П. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. В силу положений пп. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Пунктом 2.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 г. (Протокол № 8),

предусмотрено, что основаниями для выдачи ордера адвокату являются соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования. Пунктом 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам установлено, что адвокат несет ответственность за полное и правильное заполнение ордеров и корешков к ним.

Учитывая приведенные выше правовые положения и их взаимосвязь, адвокат вправе вступить в уголовное дело в качестве защитника осужденного и пользоваться процессуальными правами, предусмотренными ст. 53 УПК РФ, лишь при наличии соглашения на защиту этого лица и ордера, выданного соответствующим адвокатским образованием. В случае заключения соглашения на защиту обвиняемого (подозреваемого) иным лицом адвокат, по общему правилу, может оформить в адвокатском образовании ордер и приступить к осуществлению защиты обвиняемого (подозреваемого), предварительно получив у него согласие на это. Только при наличии исключительных либо не терпящих отлагательства обстоятельств адвокат вправе вступить в уголовное дело без получения предварительного согласия подзащитного, в дальнейшем согласовав с ним свое участие в деле при первой возможности.

Адвокат П. пояснил, что соглашения об оказании юридической помощи ни с П.А., ни с каким-либо иным лицом в ее интересах он не заключал, согласия П.А. на получение копии приговора суда у него не было. Получить заверенную копию приговора в отношении П.А. его попросил бывший коллега. Адвокат П. признает, что до обращения в суд с заявлением о получении в отношении П.А. копии приговора суда должен был убедиться в наличии на это ее согласия. Также адвокат П. указал, что 20 января 2025 г. он отозвал свое заявление о получении копии приговора суда в отношении П.А., не получил ее и в силу этого полагает, что не ухудшил положение П.А.

Из ответа председателя Ассоциации «Коллегия адвокатов города Москвы "…"», в которой состоит адвокат П., следует, что регистрация соглашения с заявителем П.А. или лиц, действующих в ее интересах, в коллегии адвокатов не производилась, денежные средства не поступали.

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат П. в отсутствие каких-либо правовых оснований, не имея намерения осуществлять защиту П.А., 17 января 2025 г. подал в Ж. городской суд М. области заявление о выдаче ему копии приговора указанного суда от 20 ноября 2024 г. по уголовному делу, постановленного в отношении П.А., к которому приложил ордер от 17 января 2025 г., предварительно внеся в него недостоверную информацию о наличии поручения на представление интересов П.А. в указанном суде.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой и приходит к выводу о нарушении им взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Совет также отмечает, что дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом П. Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам охватывается вышеизложенными выводами и самостоятельной квалификации не требует.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные нарушения, Совет учитывает их грубый и злостный характер, сопряженный с явным и умышленным нарушением основополагающих норм законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката. Подобное профессиональное поведение адвоката П. Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат П., имеющий значительный стаж адвокатской деятельности, к дисциплинарной ответственности не привлекался, а также то, что он признал допущенные им нарушения и дал Совету заверение впредь не допускать дисциплинарных нарушений. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату П. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П.А., выразившееся в подаче им в отсутствие предусмотренных законом оснований, не имея намерения осуществлять защиту П.А., 17 января 2025 г. в Ж. городской суд М. области заявления о выдаче заверенной копии приговора указанного суда от 20 ноября 2024 г. по уголовному делу, постановленного в отношении П.А., в целях последующей передачи копии приговора третьим лицам и в представлении совместно с вышеуказанным заявлением ордера от 17 января 2025 г., в который им предварительно была внесена недостоверная информация о наличии у него поручения на представление интересов П.А. в указанном суде.

1.7. Совет прекратил статус адвоката, вступившей в уголовное дело по просьбе сотрудников МВД, которые в целях имитации правомерности ее назначения защитником предприняли действия для устранения из уголовного дела другого защитника подсудимого.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 23 декабря 2024 г. в отношении адвоката Ф.

Квалификационная комиссия 05 февраля 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ф. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной

этики адвоката, выразившемся во вступлении 26 сентября 2024 г. в уголовное дело, находящееся в производстве СО ОМВД России по М. району г. Москвы, в качестве защитника Г. и участии в указанную дату в ознакомлении с материалами уголовного дела и подписании протокола, предусмотренного ст. 218 УПК РФ, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 .), а также п. 3 и абз. 4 п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утв. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176) по просьбе должностных лиц СО ОМВД России по М. району г. Москвы, которые в дальнейшем в целях имитации правомерности ее назначения защитником Г. посредством АИС АПМ предприняли ряд согласованных с адвокатом Ф. действий по обходу действующего порядка распределения дел по назначению среди адвокатов в городе Москве в целях устранения из уголовного дела иного защитника обвиняемого Г. – адвоката И.

Адвокат Ф., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, подала письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного производства без ее участия. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Ф.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката Ф. выдвинуты дисциплинарные обвинения во вступлении 26 сентября 2024 г. в уголовное дело в защиту обвиняемого Г. по назначению следователя, участии в ознакомлении с материалами уголовного дела и подписании предусмотренного ст. 218 УПК РФ протокола в отсутствие заявки в АИС АПМ.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве следователя СО ОМВД России по М. району г. Москвы М. находилось уголовное дело, возбужденное 20 сентября 2024 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. По заявке № … от 20 апреля 2024 г., размещенной следователем в АИС АПМ, защитником обвиняемого Г. был назначен адвокат И., который в установленном порядке вступил в уголовное дело и принимал участие в процессуальных действиях в качестве его защитника.

После уведомления 25 сентября 2024 г. об окончании следственных действий следователем с участием обвиняемого Г. и его защитника – адвоката И. 26 сентября 2024 г. в порядке ст. 218 УПК РФ составлен протокол об окончании ознакомления с материалами уголовного дела, в котором адвокат И. сде-

лал заявление о несоответствии суммы денежных средств, указанной в протоколе осмотра денежных средств, и «фактической суммы денежных средств».

В материалах дисциплинарного производства имеется еще один протокол окончания ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 218 УПК РФ, составленный с участием обвиняемого Г. и защитника по назначению – адвоката Ф. с 14.00 по 15.00 час. 26 сентября 2024 г., в котором каких-либо заявлений и замечаний, в том числе и по поводу указанного выше несоответствия, не отражено. Адвокат Ф. вступила в уголовное дело, представив следователю ордер от 26 сентября 2024 г. № … Однако заявок в АИС АПМ, по которым было бы произведено назначение адвоката Ф. защитником обвиняемого Г., не поступало и не имеется.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что следователь, используя заявление обвиняемого Г. от 26 сентября 2024 г. об отказе от защитника – адвоката И., в тот же день вынес постановление о его удовлетворении, что явилось основанием устранения из дела адвоката И.

Несмотря на то, что составление протокола в порядке ст. 218 УПК РФ с участием адвоката Ф. было окончено в 15.00 час. 26 сентября 2024 г., следователь в 17.59 час. того же дня разместил в АИС АПМ заявку № … на обеспечение «Г. [в написании фамилии сделана ошибка. – *Прим. Совета*])» защитником в порядке, предусмотренном ст. 50, 51 УПК РФ, в 20.00 час. того же дня по уголовному делу «№ … в написании номера сделана ошибка. – *Прим. Совета*», т.е. исказил в заявке фамилию обвиняемого и номер дела. После того, как данная заявка была распределена адвокату И., следователь отменил ее, указав в АИС АПМ ложную информацию о вступлении в уголовное дело защитника по соглашению – адвоката Ф. В результате этого в АИС АПМ сформировалась техническая (информационная) заявка № … не подлежавшая распределению.

Адвокат Ф. в ходе дисциплинарного разбирательства подтвердила, что вступила в уголовное дело в качестве защитника по назначению обвиняемого Г. по просьбе следователя и в обход АИС АПМ.

Рассматривая дисциплинарное обвинение о нарушении адвокатом Ф. Порядка участия в качестве защитника по назначению, Совет отмечает, что в силу требований п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением

случаев, предусмотренных пп. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок), п. 2.1 которого установлено: «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’, принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

На момент вступления 26 сентября 2024 г. адвоката Ф. в уголовное дело № … в качестве защитника обвиняемого Г. действовали Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденные Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 (далее – Правила).

В соответствии с п. 3 Правил «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В абз. 4 п. 10 Правил указано, что сведения, представляемые инициатором в уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных

сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело.

Аналогичные требования содержатся в Разъяснениях № 15 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной деятельности адвоката «Об отдельных вопросах участия адвокатов в делах по назначению» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 октября 2021 г., Протокол № 18). В них, в частности, указано, что недостоверность или отсутствие в заявке, поданной посредством АИС АПМ, любых сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело. При этом не имеют значения как причина отсутствия либо недостоверности сведений (техническая ошибка или намеренное искажение), так и степень их существенности. В частности, отсутствие или неправильное указание даже одного знака либо последовательности знаков является основанием для отказа адвоката от вступления в дело.

Адвокат Ф. признала факт своего вступления 26 сентября 2024 г. в уголовное дело № … в качестве защитника обвиняемого Г. и участие в составлении протокола окончания ознакомления с материалами уголовного дела с нарушением Правил, объяснив свои действия тем, что осуществляла по приглашению следователя защиту в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ.

Несмотря на то, что в АИС АПМ имеется заявка от 26 сентября 2024 г. № … с искаженными сведениями о фамилии обвиняемого и номере уголовного дела, по ней адвокат Ф. не назначалась, поскольку данная заявка была автоматически создана информационной системой в результате внесения следователем ложной информации о наличии соглашения на защиту Г. у адвоката Ф.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что установленные ею обстоятельства подтверждают согласованные действия адвоката Ф. и следователя, направленные сначала на устранение из дела адвоката И., что могло быть связано с занятой им позицией защиты по уголовному делу, потом на попытку сокрытия этого устранения путем размещения в АИС АПМ заявки с искаженными сведениями, а после повторного назначения по новой заявке адвоката И. – путем внесения в АИС АПМ ложной информации о наличии соглашения на защиту Г.

Помимо этого, адвокат Ф., вопреки Рекомендациям Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г., с предыдущим защитником по назначению – адвокатом И. не связалась.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом Ф. допущено умышленное нарушение Порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ф. опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ф. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный, грубый и злостный характер, свидетельствующий о том, что адвокат Ф. при осуществлении адвокатской деятельности откровенно игнорирует профессиональные обязанности и обязательные правила участия адвокатов в качестве защитников по назначению.

Анализ позиции адвоката Ф. показывает, что она сознательно вступила в уголовное дело в нарушение установленных Правил, считая, что имеет право на подобные действия. Так, в письменных объяснениях она, признавая, что поступила неправильно, просит за это прощения, но в то же время оправдывает допущенное нарушение своим возрастом и имеющимися у нее проблемами со здоровьем, полагая, что это дает ей и другим адвокатам старше 60 лет право на некие «послабления». При этом такое поведение адвоката Ф. носит систематический характер. Так, в ходе предыдущего дисциплинарного производства, возбужденного в отношении нее по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы от 06 сентября 2023 г. № … по аналогичному факту вступления 14 июня 2023 г. в уголовное дело в защиту подозреваемого по назначению дознавателя того же органа – ОМВД России по М. району г. Москвы в обход АИС АПМ, адвокат Ф. в письменном заявлении заняла идентичную позицию несогласия с установленным порядком назначения защитников по уголовным делам только через АИС АПМ и настаивала, что адвокатам, возраст которых превышает 60 лет, Палатой должны быть даны «послабления», позволяющие им работать «как по системе АИС АПМ, так и по приглашению дознавателя или следователя». Несмотря на то, что Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 21 декабря 2023 г. № … адвокату Ф. было указано на недопустимость подобных действий, ее позиция и профессиональное поведение остались неизменными. Это свидетельствует о стойком нежелании адвоката Ф. соблюдать обязательные правила работы по назначению. Такое профессиональное поведение адвоката Ф. вредит авторитету адвокатуры, на которую возложено исполнение публично-правовой функции по обеспечению конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь. Эта функция может реализовываться надлежащим образом лишь в условиях независимости адвоката от дознавателей, следователей и судов (судей), в том числе от их предпочтений в выборе адвоката и порядке его назначения в качестве защитника.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ф. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату Ф. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ф. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что ее профессиональное поведение, основанное на демонстративном игнорировании

обязательных требований, совместимо со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ф. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности Ф., считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ф. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во вступлении 26 сентября 2024 г. в уголовное дело № … находящееся в производстве СО ОМВД России по М. району г. Москвы, в качестве защитника Г. и участии в тот же день в ознакомлении с материалами уголовного дела и подписании протокола, предусмотренного ст. 218 УПК РФ, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.), а также п. 3 и абз. 4 п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176), по просьбе должностных лиц СО ОМВД России по М. району г. Москвы, которые в дальнейшем в целях имитации правомерности ее назначения защитником Г. посредством АИС АПМ предприняли ряд согласованных с адвокатом Ф. действий по обходу действующего порядка распределения дел по назначению среди адвокатов в городе Москве в целях устранения из уголовного дела иного защитника обвиняемого Г. – адвоката И.

Установить срок, по истечении которого Ф. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, в 1 (один) год.

1.8. Адвокат получила предупреждение за односторонний отказ от исполнения принятого на себя поручения по Соглашению об оказании юридической помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 23 декабря 2024 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 05 марта 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в одностороннем отказе, начиная с 02 июля 2024 г., от исполнения принятого на себя поручения по Соглашению об оказании юридической помощи от 23 июля 2020 г. по осуществлению ее защиты в судах апелляционной и кассационных инстанций;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Содержащаяся под стражей заявительница П., извещенная надлежащим образом, явку своего представителя в заседание Совета не обеспечила. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя жалобы и/или его представителя.

Адвокат Г., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседании Совета пояснила, что с выводами Квалификационной комиссии согласна частично. Признав свою вину в отсутствии действий по удостоверению волеизъявления доверителя о расторжении соглашения об оказании юридической помощи, вместе с тем не признала дисциплинарное обвинение в отказе от принятой на себя защиты. Полагает, что сама процедура по расторжению соглашения между доверителем и адвокатом не является обязательной в соответствии с п. 2 ст. 430 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Г., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

23 июля 2020 г. сын заявителя жалобы – П.Г. заключил с адвокатом Г. соглашение об оказании юридической помощи, согласно которому адвокат Г. приняла поручение по защите П. в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций (п. 1.2 Соглашения). По условиям соглашения моментом окончания работы адвоката Г. является исполнение условий, предусмотренных п. 1.2 Соглашения.

03 ноября 2023 г. Н. районный суд г. Москвы вынес в отношении П. и других подсудимых обвинительный при-

говор. В этот день П. последний раз общалась с адвокатом Г. Адвокат Г. 21 декабря 2023 г. подала, по мнению заявителя, формальную апелляционную жалобу на указанный приговор, дословно использовав в ней содержание выступления П. в прениях. После этого П. не получала от адвоката Г. никакой юридической помощи. При рассмотрении апелляционной жалобы в М. городском суде адвокат Г. участия не принимала, при этом она была надлежащим образом извещена о датах и времени судебного заседания, соглашение об оказании юридической помощи с ней не расторгалось, а причины своей неявки она суду не сообщала.

Заявительница П. выдвинула против адвоката Г. дисциплинарные обвинения:

– в некачественном составлении текста апелляционной жалобы с дословным использованием в нем содержания ее, П., выступлений в прениях;

– в отказе от принятой на себя защиты, выразившемся в неучастии в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката Г. и неоказании иной юридической помощи после подачи апелляционной жалобы.

Оценивая профессиональное поведение адвоката Г. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

В соответствии с предметом Соглашения адвокат Г. приняла на себя обязательство оказывать следующую юридическую помощь:

– осуществлять защиту П. в Следственном комитете России по уголовному делу;

– участвовать в судебных заседаниях по продлению или изменению меры пресечения в отношении П. в рамках уголовного дела. В случае несогласия с вынесенным судом постановлением по этим вопросам составить и подать апелляционную, кассационную жалобы;

– осуществлять защиту П. при рассмотрении уголовного дела в суде первой, апелляционной, кассационной инстанций.

Рассматривая довод заявителя о том, что адвокат Г. не участвовала в судебном заседании суда апелляционной инстанции, и довод адвоката Г. о том, что она не была уведомлена об этом судебном заседании, Совет отмечает, что согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам № 01/18 «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 16 февраля 2018 г. (Протокол № 1)) во взаимосвязи с положениями п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной деятельности адвоката, устанавливающими обязанность адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату.

Довод адвоката Г. о состоявшемся 16 апреля 2024 г. расторжении П.Г. соглашения с адвокатом Г. об оказании юридической помощи Совет отклоняет как несостоятельный, не основанный на обстоятельствах дела и требованиях законодательства. Так, согласно п. 1.7 Соглашения «окончанием работы Адвоката по настоящему Соглашению является выполнение Адвокатом условий

Соглашения п. 1.2». В силу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката под доверителем следует понимать не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом. Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения п. 2 ст. 430 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 430 Гражданского кодекса РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. Таким образом, расторжение 16 апреля 2024 г. П.Г. соглашения с адвокатом Г. об оказании юридической помощи в интересах третьего лица – П. само по себе не влекло за собой прекращение действия указанного соглашения, которое после получения согласия заявителя П. на участие адвоката в уголовном деле могло быть расторгнуто только с ее согласия, выраженного и зафиксированного в наиболее достоверной форме, исключающей разумные сомнения. Однако доказательств наличия такого согласия П. в материалы дисциплинарного производства не представлено, в то время как сама она этот факт отрицает, утверждая, что соглашение не расторгалось и согласие на его расторжение не давалось.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Г. допустила дисциплинарный проступок, выразившийся в том, что, получив от доверителя, с которым было заключено соглашение, уведомление об одностороннем отказе от исполнения поручения по осуществлению защиты в суде апелляционной инстанции, не получив от П. – лица, которому оказывает юридическую помощь в виде защиты по уголовному делу, согласия на прекращение ее защиты, прекратила ее осуществление, чем нарушила право П. на защиту.

В силу п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, принявший по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе.

Как указано выше, адвокат Г. приняла поручение на осуществление защиты заявителя как на стадии досудебного производства, так и в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций. Таким образом, адвокат Г. заведомо знала о наличии у нее такого обязательства, но не исполнила его, прекратив осуществление защиты П. после подачи апелляционной жалобы, не явившись в судебное заседание по ее рассмотрению.

Совет также отмечает непоследовательность позиции адвоката Г., которая вначале утверждала, что не была надлежащим образом уведомлена о рассмотрении М. городским судом ее апелляционной жалобы, а затем сообщила, что 16 апреля 2024 г. она подписала с сыном заявителя жалобы соглашение о расторжении соглашения об оказании юридической помощи, в связи с чем у нее больше не было обязанности оказывать П. юридическую помощь. При этом, как указано выше, оба эти довода адвоката Г. несостоятельны.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой в части данного дисциплинарного обвинения, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в некачественном (формальном) составлении адвокатом Г. апелляционной жалобы, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о его необоснованности и неконкретности, поскольку заявителем не указано, в чем именно выражается формальность составления апелляционной жалобы. Доказательств нарушения адвокатом Г. каких-либо требований уголовно-процессуального закона к содержанию апелляционной жалобы заявителем также не представлено.

Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты не подведомственны в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. Такие споры между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил оказания юридической помощи и расторжения соглашения о ее оказании. Подобное поведение адвоката Г. при исполнении профессиональных обязанностей, повлекшее существенное нарушение права доверителя на защиту, Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат Г. имеет значительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, нарушение частично признала, является матерью-одиночкой и имеет на иждивении несовершеннолетних детей. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания, повышать профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в одностороннем отказе, начиная с 02 июля 2024 г., от исполне-

ния принятого на себя поручения по Соглашению об оказании юридической помощи от 23 июля 2020 г. по осуществлению ее защиты в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе П. от 23 декабря 2024 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.9. Адвокат по просьбе следователей приняла участие в ряде процессуальных действий в нарушение Порядка назначения адвокатов в качестве защитников, чтобы устранить из уголовного дела иного защитника, за что получила предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Х. от 12 февраля и 12 марта 2025 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 16 апреля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом К. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в участии 27 апреля и 14 мая 2024 г. в проведении процессуальных действий, включая ознакомление с материалами уголовного дела и составление протокола, предусмотренного ст. 218 УПК РФ, в качестве защитника Х. по назначению по уголовному делу, находящемуся в производстве СО ОМВД России по М. району г. Москвы, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.) и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утв. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176) по просьбе должностных лиц указанного следственного отдела, которые предприняли действия по обходу действующего порядка распределения дел по назначению среди адвокатов в городе Москве в целях устранения из уголовного дела иного защитника обвиняемой Х. – адвоката И., назначенного по заявке АИС АПМ № 1 от 26 апреля 2024 г.;

2) о нарушении адвокатом К. взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в участии 22 ноября 2024 г. в проведении процессуальных действий, включая ознакомление с материалами уголовного дела и составление протокола, предусмотренного ст. 218 УПК РФ, в качестве защитника Х. по назначению по упомянутому уголовному делу, находящемуся в производстве указанного следственного отдела, в нарушение установлен-

ного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.) и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утв. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176);

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе Х., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, не согласилась с его выводами, сославшись на то, что, по ее мнению, имела право, будучи ранее назначенной защитником обвиняемого, вернуться в уголовное дело «в приоритетном порядке», минуя получение новой заявки в АИС АПМ. Полагает, что такой порядок действий предусмотрен Разъяснениями № 15 Совета Адвокатской палаты города Москвы «Об отдельных вопросах участия адвокатов в делах по назначению».

Заявитель Х., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, участие представителя не обеспечила. Совет, принимая во внимание эти обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся заявителя Х.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката К. выдвинуты дисциплинарные обвинения в осуществлении защиты обвиняемой по уголовному делу Х. по назначению следователя в нарушение установленного порядка без получения заявки в АИС АПМ, выразившемся в участии 27 апреля, 9, 14 и 27 мая, 22 ноября 2024 г. в следственных и иных процессуальных действиях.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве следователя СО ОМВД России по М. району г. Москвы Ю. находилось уголовное дело, возбужденное 15 февраля 2024 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

По заявке от 16 февраля 2024 г. № 2, размещенной следователем в АИС АПМ, защитником обвиняемого Х. была назначена адвокат К., которая вступила в уголовное дело, представив ордер от 16 февраля 2024 г. № … и 16 февраля 2024 г. участвовала в составлении протокола задержания Х. в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, объявлении ей постановления о привлечении ее в качестве обвиняемой, допросах Х. в качестве подозреваемой и обвиняемой, а 17 февраля 2024 г. – в судебном заседании М. рай-

онного суда г. Москвы по вопросу избрания в отношении Х. меры пресечения в виде домашнего ареста.

Следователем 10 апреля 2024 г. принято процессуальное решение о замене адвоката К. и размещена заявка № 3, по которой защитником обвиняемой Х. назначен адвокат В., осуществлявший ее защиту в судебном заседании указанного суда 11 апреля 2024 г. при рассмотрении вопроса о продлении срока домашнего ареста Х. В качестве дополнительной информации в АИС АПМ при осуществлении замены адвоката К. инициатором указано, что она «отказалась от исполнения заявки, ссылаясь на занятость в другом процессе».

После своей замены адвокат К. с заявлением в Адвокатскую палату города Москвы о восстановлении действия заявки на ее участие в указанном уголовном деле в АИС АПМ не обращалась, с адвокатом В. не связывалась, уголовным делом по обвинению Х. не интересовалась, не считая себя более ее защитником.

26 апреля 2024 г. следователем размещена в АИС АПМ заявка № 1, по которой в 20.27 час. защитником обвиняемой Х. был назначен адвокат И., а в 20.32 час. того же дня была размещена новая заявка № 4, по которой защитником был назначен адвокат К. Адвокат И. подал по заявке № 1 обращение в АИС АПМ, в котором сообщил, что заявления об освобождении от своего участия по ней не подавал, подзащитную ни разу не видел, инициатор заявки на звонки не отвечает, замена произведена необоснованно, что будет им обжаловано.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что следователь отказался принять от адвоката И. ордер и воспрепятствовал его вступлению в дело, мотивируя это «необходимостью быстро передать дело прокурору», а также информировал о своем намерении обратиться к первому адвокату, который ранее осуществлял защиту Х.

Адвокат К. 26 апреля 2024 г., в 23.43 час., подал обращение в АИС АПМ по заявке № 4, в котором сообщил, что замена адвоката по заявке № 1 произведена необоснованно, поскольку заявления об освобождении от участия в деле адвокат не подавал, подзащитную не видел, мотивированное постановление следователя о замене защитника не выносилось, в связи с чем он, адвокат К., посчитал свое участие в следственных действиях по данному уголовному делу, запланированных на 10.00 час. 27 апреля 2024 г., невозможным и просил восстановить предыдущего адвоката И.

Впоследствии заявка № 4 отменена следователем, а 27 апреля 2024 г. им вынесено постановление об удовлетворении ходатайства обвиняемой Х. об осуществлении ее защиты адвокатом К. При этом иных заявок в АИС АПМ об обеспечении участия защитника Х. по данному уголовному делу следователем не размещалось.

Адвокат К. участвовала в качестве защитника обвиняемой Х. 27 апреля 2024 г., в ходе ее ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, очной ставки с потерпевшей К.Л., объявления постановления о привлечении в качестве обвиняемой и допроса в качестве обвиняемой, а 14 мая 2024 г. – в судебном заседании М. районного суда г. Москвы по вопросу о продлении срока домашнего ареста обвиняемой.

После передачи 27 мая 2024 г. данного уголовного дела в указанный районный суд для рассмотрения по существу защиту обвиняемой Х. по заявке от 31 мая 2024 года № 5 осуществляла адвокат М.

25 июля 2024 г. указанный районный суд возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. В судебном заседании апелляционной инстанции М. городского суда по рассмотрению представления прокурора на это постановление суда защиту Х. осуществлял адвокат Б. на основании заявки от 28 августа 2024 г. № 6.

После возобновления 18 ноября 2024 г. предварительного следствия по данному уголовному делу адвокат К. вновь осуществляла защиту обвиняемой Х. 22 ноября 2024 г. в заседании М. районного суда по вопросу о продлении срока домашнего ареста, а также при дополнительном допросе Х., объявлении ей постановления о привлечении в качестве обвиняемой, ее допросе в порядке ст. 173 УПК РФ, уведомлении об окончании следственных действий и ознакомлении с материалами уголовного дела.

После повторного поступления уголовного дела в М. районный суд защиту подсудимой Х. осуществлял адвокат М.А. на основании заявки от 10 декабря 2024 г. № 7, размещенной в АИС АПМ судом.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом К. Порядка участия в качестве защитника по назначению, Совет отмечает, что в силу требований п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок), п. 2.1 которого установлено: «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

На момент участия адвоката К. в уголовном деле в качестве защитника обвиняемой Х. действовали Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголов-

ном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденные Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 (далее – Правила).

Согласно п. 3 Правил «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации (подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Соглашаясь с выводами Квалификационной комиссии, Совет обращает внимание на то, что согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ меры по назначению защитника дознавателем, следователем и судом принимаются только в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Иное толкование и применение данной нормы уголовно-процессуального закона, содержащееся, в частности, в процессуальных документах следователя по уголовному делу, на основании которых адвокат К. повторно дважды вступила в уголовное дело в качестве защитника обвиняемой Х., является неверным, в связи с чем адвокат К. вступила в уголовное дело в отсутствие законных оснований.

Утвержденный Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Порядок в качестве основных принципов назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве предусматривает:

– принцип независимости адвокатуры, который применительно к назначению адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве означает исключение какого-либо влияния органов дознания, органов предварительного следствия, суда, иных органов и лиц на распределение требований о назначении защитника между конкретными адвокатами;

– принцип централизации и информатизации, который применительно к назначению адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве означает их централизованное назначение в этом качестве с использованием автоматизированной информационной системы, исключающей влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами.

Порядком также закреплен принцип непрерывности защиты, который применительно к назначению адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств.

В соответствии с Разъяснением № 13 Совета «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» эффективная квалифицированная юридическая помощь при защите по уголовному делу подразумевает постоянное и системное оказание ее обвиняемому (подозреваемому) с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства. Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению в досудебном производстве, обязан участвовать не только в процессуальных действиях, проводимых следователем (дознавателем), но и в судебно-контрольном производстве в первой и апелляционной инстанциях (при избрании, изменении и продлении меры пресечения, мер процессуального принуждения, обжаловании действий (бездействия) и решений в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и др.). Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению в суде первой инстанции, обязан участвовать также в суде апелляционной инстанции при обжаловании промежуточных судебных решений. Явившись к инициатору заявки, адвокат обязан выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению.

Принцип непрерывности защиты исключает фрагментарное участие адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве.

Выявленные в результате дисциплинарного разбирательства факты многочисленного размещения инициаторам заявок для назначения защитников обвиняемой Х. указывают на недопустимую фрагментарность осуществления ее защиты рядом адвокатов, в том числе адвокатом К. Однако Совет оставляет это обстоятельство без оценки, поскольку такое дисциплинарное обвинение в отношении адвоката К., а также других адвокатов не выдвигалось.

Как указано выше, адвокат К., согласно дополнительной информации инициатора в заявке № 2, «отказалась от исполнения заявки», что явилось основанием принятия следователем процессуального решения о ее замене на другого адвоката. Несмотря на то, что назначенный адвокат вправе без заявки участвовать в качестве защитника того же обвиняемого при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, адвокат К. не предпринимала таких попыток при двукратном направлении уголовного дела в отношении Х. в суд для рассмотрения по существу.

Замена инициатором назначенного защитника на основании процессуального решения влечет для адвоката процессуальные последствия в виде прекращения его процессуальных прав и обязанностей, предусмотренных в том числе ст. 53 УПК РФ.

Вопреки несостоятельному и декларативному доводу адвоката К., Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 15 также не преду-

сматривает и не может предусматривать возможность ее вступления в уголовное дело таким способом, каким она это сделала – по договоренности со следователем и в обход АИС АПМ.

В соответствии с п. 4 Разъяснения № 15 Совета адвокат, ранее участвовавший в уголовном деле в качестве защитника по назначению, имеет приоритетное право на повторное назначение в случае замены участвующего в деле защитника того же лица. При замене защитника, инициированной посредством АИС АПМ в установленном порядке, система проверяет наличие адвокатов, которые ранее назначались защитниками данного лица по этому же делу на всех стадиях его рассмотрения, и предлагает им принять заявку, предоставляя один час на принятие решения. В случае, если ни один из адвокатов, ранее являвшийся защитником по назначению данного лица, не согласится принять заявку, она распределяется в обычном порядке.

Таким образом, из данного Разъяснения ясно следует, что вопрос о приоритетном участии адвоката при повторном назначении в случае замены защитника решается только путем использования предусмотренного алгоритма направления приглашений АИС АПМ адвокатам. Какого-либо иного толкования это Разъяснение Совета не допускает.

Совет считает необходимым подчеркнуть, что назначение адвоката защитником по уголовному делу инициируется заявкой следователя, дознавателя или суда, но осуществляется не ими, а Адвокатской палатой города Москвы с использованием АИС АПМ. Принятие в дальнейшем инициатором заявки процессуального решения, на основании которого назначенный адвокат вступает в дело, на выбор конкретного адвоката, сделанный через АИС АПМ, не влияет, и этот выбор не может быть изменен по усмотрению инициатора заявки. Не могут дознаватель, следователь и суд и осуществлять произвольное назначение адвоката в качестве защитника, минуя АИС АПМ, т.е. в нарушение Порядка и Правил. Обвиняемому (подозреваемому) право выбора защитника по назначению уголовно-процессуальным законодательством также не предоставлено.

Все эти обязательные требования законодательства и корпоративных нормативных актов не могут быть неизвестны или неясны адвокату К., являющейся профессиональным советником по правовым вопросам с большим стажем и в течение длительного времени осуществляющей защиту по назначению в г. Москве.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными и описанными выше обстоятельствами, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат К. при описанных выше обстоятельствах дважды умышленно нарушила Порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет особо отмечает, что для оценки профессионального поведения адвоката не имеет значения, вступает ли адвокат в уголовное дело в качестве защитника по назначению в обход (минуя) АИС АПМ впервые или возвращается таким способом в уголовное дело, в котором он ранее участвовал и был заменен на основании процессуального решения, если после его замены через АИС АПМ был назначен и вступил в дело другой адвокат.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что

дисциплинарное обвинение в участии адвоката К. в следственных действиях 27 мая 2024 г. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи не нашло подтверждения. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в этот день дело было передано в М. районный суд г. Москвы для рассмотрения по существу, и никакие процессуальные действия по нему не производились. Вместе с тем Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что не является процессуальным действием личное вручение следователем 09 мая 2024 г. обвиняемой Х. с участием адвоката К. уведомления в порядке ст. 172 УПК РФ о дате предъявления обвинения – 14 мая 2024 г. Согласно п. 32 ч. 1 ст. 5 УПК РФ под процессуальным действием понимается следственное, судебное и иное действие, предусмотренное УПК РФ. При этом Совет полагает, что участие адвоката К. в данном процессуальном действии, носившем подготовительный характер, охватывается дисциплинарным обвинением в неправомерном участии адвоката К. 14 мая 2024 г. в тех процессуальных действиях, о которых она была уведомлена 09 мая 2024 г.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий о том, что адвокат К. при осуществлении адвокатской деятельности игнорирует профессиональные обязанности и обязательные правила участия адвокатов в качестве защитников по назначению. Подобное профессиональное поведение адвоката К. Совет признает недопустимым и отмечает, что она, несмотря на очевидность двукратного нарушения ею прямого запрета на участие в уголовном деле в качестве защитника по назначению в нарушение установленного порядка, совершенные нарушения не признала. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат К. имеет длительный стаж адвокатской деятельности и не имеет действующих дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в участии 27 апреля и 14 мая 2024 г. в проведении процессуальных действий, включая ознакомление с материалами уголовного дела и составление протокола, предусмотренного ст. 218 УПК РФ, в качестве защитника Х. по назначению по уголовному делу, находящемуся в производстве СО ОМВД России по М. району г. Москвы, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утвержден Решением Совета Федеральной

палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.) и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176) по просьбе должностных лиц указанного следственного отдела, которые предприняли действия по обходу действующего порядка распределения дел по назначению среди адвокатов в городе Москве в целях устранения из уголовного дела иного защитника обвиняемой Х. – адвоката Ис., назначенного по заявке АИС АПМ № 1 от 26 апреля 2024 г.;

– нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в участии 22 ноября 2024 г. в проведении процессуальных действий, включая ознакомление с материалами уголовного дела и составление протокола, предусмотренного ст. 218 УПК РФ, в качестве защитника Х. по назначению по уголовному делу, находящемуся в производстве СО ОМВД России по М. району г. Москвы, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г.) и п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Х. от 12 марта 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.10. Совет прекратил дисциплинарное производство, так как между заявителем, выдвинувшим обвинения в отношении адвоката, и адвокатом не было отношений по типу «адвокат – доверитель».

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя В., его представителя – М.Н. и адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе В. от 10 декабря 2024 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе В. от 10 декабря 2024 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для

возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат М. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии им получено, поддержал свое письменное заявление от 26 мая 2025 г., в котором указал, что Квалификационная комиссия, установив, что к адвокату не могут быть применены меры дисциплинарной ответственности вследствие истечения срока давности их применения, сделала недопустимые выводы о фактических обстоятельствах, которые по указанной причине не могли быть предметом ее рассмотрения. Этот довод он основывает на правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях…», и полагает, что она применима и к дисциплинарному производству в отношении адвоката. Кроме того, полагает, что вывод Квалификационной комиссии о том, что первопричиной всех содержащихся в жалобе претензий заявителя к адвокату является выдача В. поручения, носящего заведомо незаконный характер, является произвольным. Наконец, обратил внимание Совета на то, что в ходе дисциплинарного разбирательства он неоднократно указывал, что большая часть представленной заявителем переписки относится к пересланной разным лицам переписке с адвокатом Г., и что эта переписка подвергалась редактированию. Адвокат М. просил Совет вынести решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель жалобы В. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии им получено, с выводами Квалификационной комиссии не согласен, поскольку полагает, что адвокат М. должен понести ответственность за свои действия против его интересов.

Представитель заявителя В. – М.Н., поясняя и дополняя в заседании Совета позицию ее доверителя о несогласии с выводами Квалификационной комиссии, указала, что в описательной части Заключения Комиссией верно установлены обстоятельства взаимоотношений М. и В., однако В. не согласен с выводом Комиссии о том, что давал адвокату М. заведомо незаконные поручения. Запрос В. к юристу М., адвокатский статус которого В. не был известен на момент обращения и в процессе взаимодействия с ним, касался помощи в сохранении его бизнеса и имущества. Возражая против довода адвоката М. об истечении сроков его привлечения к дисциплинарной ответственности, указала, что после окончания консультационной помощи В. в 2020 г. адвокат М. с 2022 г. начал деятельность против интересов В. в условиях конфликта интересов с ним и с использованием полученных от него сведений, составляющих адвокатскую тайну. Полагает, что это нарушение является длящимся и продолжается и в настоящее время.

Рассмотрев и обсудив заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения. Вместе с тем Совет полагает необходимым изменить обоснование этого вывода в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что у за-

явителя В. возник конфликт с его двоюродной сестрой Б., в результате которого в Арбитражный суд… были поданы заявления и рассматривались дела о признании В. несостоятельным (банкротом), а также дела о банкротстве нескольких юридических лиц, которые, по утверждению В., находились под его контролем (управлением): ООО Фирма «Д.М.» (собственник недвижимого имущества, расположенного в г. М.), ООО «А.М.» (собственник недвижимого имущества, расположенного в г. Р.), ООО «Д.С.» (собственник недвижимого имущества, расположенного в г. М.), ООО «А.П.» (собственник оборудования для изготовления пластиковой посуды). В этой связи заявитель обратился к М. как к специалисту по урегулированию проблемной задолженности, адвокатский статус которого на момент обращения заявителю не был известен. Между заявителем и М. была достигнута устная договоренность о консультировании и сопровождении как личного банкротства В., так и банкротства указанных юридических лиц, находившихся под контролем заявителя, в целях затягивания банкротных процедур и сроков рассмотрения дел судом, контроля хода банкротных процедур, для чего адвокатом М., действовавшим вне рамок адвокатской деятельности, была разработана и реализовывалась определенная схема действий. Какого-либо соглашения об оказании юридической помощи между ним и В. при этом заключено не было.

Так, адвокат М. в период с 2014 г. и до начала 2020 г. получал от заявителя различные документы, в том числе связанные с его спорами с Б. и их урегулированием, консультировал заявителя по вопросам налогообложения и иным вопросам, связанным с деятельностью ООО «Д.С.», ООО «А.К.», ООО «Д.П.», ООО «А.» и иных организаций, давал рекомендации относительно подготовки документов с их участием и совершал иные действия в соответствии с достигнутой с В. договоренностью. Помимо этого, из переписки усматривается, что заявителю как самим адвокатом М., так и с его участием направлялись документы, комментарии и «рабочие планы действий», связанные с завершением процедур банкротства ООО Фирма «Д.М.», ООО «Д.С.», ООО «А.М.» и личного банкротства заявителя, по вопросам голосования на собраниях кредиторов указанных лиц, а также по условиям мирового соглашения между заявителем и Б., в том числе в иностранных юрисдикциях. Эта переписка велась в 2018–2020 гг.

В начале 2020 г. конфликт между В. и Б. был урегулирован, с ней были достигнуты определенные договоренности и заключены соглашения, в том числе в иностранных юрисдикциях, в ходе реализации которых производились определенные процессуальные действия также в российских арбитражных судах в делах о банкротстве В. и указанных выше подконтрольных ему юридических лиц (осуществлялось процессуальное правопреемство, заключались мировые соглашения и так далее).

С конца 2020 г. и в 2021 г. адвокат М. неоднократно направлял заявителю по электронной почте различные варианты формализации (документирования) договоренностей, связанных с выходом компании «К.С.Л.» из реестра кредиторов ООО Фирма «Д.М.», в том числе: варианты (проекты) договоров об оказании правовой помощи с самим адвокатом М. и с ООО «Ю.М.», соглашений, обязательств, отчетов и иных документов к ним, в которых получателем «юридических услуг» были указаны как В., так и компания «В.Х.И.», а также П., варианты письменного обязательства и договора ипотеки с разными

залогодателями, которые должны были обеспечивать осуществление оплаты по договору об оказании правовой помощи. Из переписки усматривается, что адвокат М. не исключал возможность формализации соответствующих договоренностей путем заключения договора напрямую с заявителем В., однако никакие из перечисленных действий не совершались им в качестве адвоката и со ссылкой на имеющийся у него статус адвоката. Это обстоятельство не интересовало и заявителя В. в период взаимодействия с М., которого он воспринимал как специалиста по урегулированию проблемной задолженности и корпоративных конфликтов и именно в помощи такого специалиста был заинтересован. Об этом заявитель В. прямо заявил в заседании Совета. В указанной переписке также не имеется никаких указаний на адвокатский статус М., в том числе и в направленных им заявителю проектах соглашений непосредственно между ними.

Между ООО «Ю.М.» в лице генерального директора М.О. и ИП П. были подписаны:

– Договор об оказании правовой помощи, датированный 22 марта 2019 г., и Дополнительное соглашение к нему, датированное 25 ноября 2019 г.;

– Соглашение, датированное 14 января 2021 г., в котором согласованы размер вознаграждения по Договору от 22 марта 2019 г. и порядок его оплаты;

– Соглашение, датированное 21 сентября 2021 г., в п. 1 которого содержится обязательство ООО «Ю.М.» «*После государственной регистрации Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Р. области договора об ипотеке Юридическая фирма обязуется обеспечить подачу в Арбитражный суд… заявления об исключении из реестра требований кредиторов ООО Фирма "Д.М." по делу № … требований Компании "К.С.Л."… а также поддержание этого заявления в судебном заседании*» (п. 1 Соглашения);

– Договор об ипотеке, датированный 23 сентября 2021 г. и Дополнительное соглашение к нему, датированное 13 октября 2021 г. (согласно штампу государственная регистрация ипотеки была произведена 15 ноября 2021 г.);

– соглашения, датированные 07 октября, 10 и 27 декабря 2021 г., об уменьшении размера задолженности по Соглашению от 14 января 2021 г.;

– Акт сверки расчетов за период с 01 января по 07 октября 2021 г., датированный 07 октября 2021 г.

Из материалов дисциплинарного производства также усматривается, что адвокат М. в 2016 г. принимал участие в судебном заседании по делу о банкротстве ООО Фирма «Д.М.» от имени кредитора ООО «А.К.», в 2016, 2017 и 2018 гг. – в судебных заседаниях по делу о банкротстве ООО Фирма «Д.М.» от имени кредитора «Э.», а в 2019 г. – в судебном заседании по рассмотрению дела о банкротстве В. от имени кредитора ООО «А.».

В жалобе В. выдвинуты против адвоката М. многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно:

– в сокрытии своего адвокатского статуса и оказании юридической помощи без письменного соглашения об этом;

– в том, что адвокат М. путем шантажа и обмана убедил его в необходимости подписания задним числом договора об оказании юридических услуг между супругой заявителя и ООО «Ю.М.», единственным участником которого является адвокат М., а также в необходимости документальной фиксации и обеспечении денежных обязательств перед ООО «Ю.М.», и обманным путем убедил В. передать в залог недвижимое

имущество, принадлежащее на праве собственности его супруге П.;

– во вступлении в нарушение положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в трудовые отношения в качестве работника с ООО «Ю.М.»;

– в оказании юридической помощи в деле о банкротстве ООО Фирма «Д.М.» в условиях конфликта интересов и против его., В., в лице подконтрольной ему компании «В.Х.И.» интересов, в интересах подконтрольной адвокату М. компании «К.С.Л.»;

– в том, что адвокат М. принимал активное участие в судебных процессах, направленных на недопущение компании «В.Х.И.» в реестр требований кредиторов ООО Фирма «Д.М.», используя при этом ранее полученные от заявителя сведения о внутренней структуре сделок, совершенных между заявителем и Б., что, по мнению заявителя, является нарушением адвокатской тайны, порочит честь и достоинство адвоката, подрывает доверие и умаляет авторитет адвокатуры.

Выдвинутые дисциплинарные обвинения адвокат М. последовательно не признавал, настаивая на том, что В. он никакую юридическую помощь, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не оказывал, а оказывал юридическую помощь П., супруге В., в качестве исполнителя на основании договора с ООО «Ю.М.», а также оказывал юридическую помощь компании «К.С.Л.».

Давая оценку доводам участников дисциплинарного производства и материалам дисциплинарного разбирательства, Совет приходит к выводу о том, что между М. и В. не только не сложились и не поддерживались взаимоотношения по типу «адвокат – доверитель», но никто из них и не стремился к установлению таких отношений, поскольку:

– В., по его собственному утверждению, искал не адвоката, а «специалиста по урегулированию проблемной задолженности», в задачу которого входило осуществление контроля за ходом банкротства самого заявителя и контролируемых заявителем юридических лиц;

– никаких договоров, содержащих существенные условия соглашения между адвокатом и доверителем, предусмотренных ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни в письменном, ни в устном виде между заявителем жалобы и адвокатом М. не заключалось;

– сведений о том, что адвокат М. представлял интересы заявителя либо иных лиц, которых заявитель характеризует как подконтрольные ему, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Подпунктом 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что поводом для возбуждения дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем, а равно – при отказе адвоката принять поручение без достаточных оснований – жалоба лица, обратившегося за оказанием юридической помощи в порядке ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Статьей 6.1 Кодекса профессиональной этики адвокат установлено:

«1. В целях настоящего Кодекса под доверителем понимается:

– лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи;

– лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на осно-

вании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом;

– лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь бесплатно либо по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда.

2. При решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи».

Принимая во внимание совокупность описанных выше обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у В. юридически значимых признаков доверителя адвоката М., а также о фактическом отсутствии между ними отношений «адвокат – доверитель» и взаимных намерений по установлению таких отношений, Совет приходит к выводу о том, что В. в анализируемых в настоящем дисциплинарном разбирательстве отношениях с адвокатом М. не являлся доверителем последнего в смысле, придаваемом этому статусу законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Кроме того, Совет отмечает, что претензии заявителя в шантаже и обмане со стороны адвоката М., в намеренном создании фиктивного документооборота в целях получения вознаграждения (личной имущественной выгоды) за обеспечение выхода иностранной компании «К.С.Л.» из реестра кредиторов ООО Фирма «Д.М.», а также последующее неисполнение адвокатом М. соответствующих договоренностей находятся вне компетенции органов адвокатского самоуправления в силу того, что по своему существу они являются обвинением в совершении уголовно наказуемых деяний.

Согласно Разъяснению Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденному Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 г. (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 апреля 2017 г., опубликовано на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <http://www.fparf.ru>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации установлен УПК РФ. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

При таких обстоятельствах жалоба В. не может быть признана допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства и, соответственно, выдвинутые им претензии в отношении адвоката М. не подлежат оценке на предмет соответствия действий (бездействия) последнего требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адво-

ката. По этой причине дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения. По этой же причине не подлежит рассмотрению и оценке в настоящем дисциплинарном производстве вопрос об истечении сроков применения к адвокату М. мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет полагает необходимым указать адвокату М. на его обязанность неукоснительно соблюдать требования пп. 3 и 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги (правовую помощь), за исключением деятельности по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, третейского судьи, участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе, а также иной деятельности в случаях, предусмотренных законодательством; в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе В. от 10 декабря 2024 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

1.11. Совет объявил замечание адвокату, который поставил себя в долговую зависимость от доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Л., представителя заявителей – А. и адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. и Л. от 12 февраля 2025 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 16 апреля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом М. п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя»), выразившемся в получении адвокатом М. от доверителя Л. 09, 23 октября и 19 декабря 2024 г. взаймы денежных средств в общем размере …руб.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе Р. и Л. от 13 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Р., надлежаще уведомленный о рассмотрении дисциплинарного производства в Совете, в заседание Совета не явился, направил в Совет совместные с Л. письменные возражения на Заключение Квалификационной

комиссии. Заявитель Л., а также представитель заявителей Р. и Л. – А. в заседании Совета пояснили, что Заключение Квалификационной комиссии ими получено. Указали, что не согласны с выводами Квалификационной комиссии, касающимися отсутствия нарушений в действиях адвоката М. В письменных возражениях на Заключение Квалификационной комиссии заявители обращали внимание на отсутствие, по их мнению, необходимости подачи адвокатом М. ряда жалоб на действия и бездействие правоохранительных органов, считая, что адвокат руководствовалась соображениями собственной выгоды, не избрала надлежащую стратегию защиты, возвратила взятые взаймы денежные средства только перед разбирательством дела в Квалификационной комиссии. Устно в заседании Совета представитель заявителей А. заявил, что Квалификационная комиссия не учла доводы заявителей о дублировании юридической помощи адвокатом М., поскольку она подавала жалобы одновременно в прокуратуру и в суд, а доводы адвоката о том, что прекращение ее статуса повлечет нарушение права на защиту ее подзащитных, не имеет правового значения, так как законодательство предусматривает возможность замены защитника. Заявитель Л. дополнительно пояснила, что юридическая помощь, оказанная адвокатом, была ей не нужна, она и Р. являются малоимущими и не имеют юридического образования, не могут оценивать, что они подписывают, а также подтвердила погашение адвокатом задолженности по займу.

Адвокат М. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, с его выводами она согласна, раскаивается в совершении проступка в виде вступления в долговую зависимость от доверителя; заем возвратила с процентами; просила не применять в качестве дисциплинарной меры прекращение статуса, указывала на длительный стаж своей безупречной адвокатской деятельности, ведение резонансных дел и дел со значительным количеством подсудимых, а также на то, что адвокатская деятельность является для нее единственным источником дохода.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Московской городской коллегии адвокатов «…» М. заключила с заявителями жалобы пять соглашений об оказании юридической помощи: от 19 апреля 2024 г. на представление интересов Р. в ОМВД России по району З. г. Москвы по заявлению Р. о совершении мошенничества в отношении его квартиры, а также в Т. межрайонной прокуратуре г. Москвы об обжаловании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Р. о совершении мошенничества; от 27 мая 2024 г. на подготовку и подачу в Т. районный суд г. Москвы «жалобы на бездействие М.В. в связи с невозбуждением уголовного дела по заявлению Р.»; от 06 июня 2024 г. на представление интересов Р. в Т. районном суде г. Москвы 20 июня 2024 г. по материалу; от 20 июля 2024 г. на представление интересов Р. в Т. районном суде г. Москвы по обжалованию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 28 июня 2024 г.; от 30 августа 2024 г. на подготовку и подачу обращения в общественную приемную Уполномоченного по правам че-

ловека в городе Москве о возбуждении уголовного дела по заявлению Р.

По всем указанным соглашениям было выплачено предусмотренное каждым из них вознаграждение адвокату.

Выдвинутые заявителями Р. и Л. дисциплинарные обвинения связаны с навязыванием, по их мнению, юридической помощи со стороны адвоката М., дублированием ею предмета своей юридической помощи в различных соглашениях об оказании юридической помощи; неполучением юридической помощи от адвоката М.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 03 октября 2019 г. Р., являющийся инвалидом 3 группы, обратился в ОМВД России по району З. г. Москвы с заявлением о возможном совершении бывшей супругой Р. – В. противоправных действий с квартирой, расположенной по адресу… По материалу проверки от 03 октября 2019 г. по указанному заявлению Р. 01 марта 2024 г. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Далее адвокат М. на основании заключенных ею с Л. соглашений подавала в Т. межрайонную прокуратуру г. Москвы и в Т. районный суд г. Москвы жалобы на неправомерные отказы в возбуждении уголовного дела, невынесение ОМВД России по району З. г. Москвы надлежащих процессуальных решений, а также направляла обращение Уполномоченному по правам человека. По результатам рассмотрения жалоб в прокуратуру и в суд доследственная проверка возобновлялась, что в том числе указывает на их эффективность.

Кроме того, адвокат М. по Соглашению об оказании юридической помощи, заключенному 06 июня 2024 г. с доверителем Р., представляла интересы Р. 20 июня 2024 г. в судебном заседании Т. районного суда г. Москвы по материалу № … по заявлению Р. о взыскании судебных расходов по гражданскому делу № … по итогам которого судом было вынесено определение о частичном удовлетворении заявления Р. Факт оказания адвокатом М. юридической помощи Р. по указанному соглашению от 06 июня 2024 г. подтверждается протоколом судебного заседания и определением Т. районного суда от 20 июня 2024 г., вынесенным по итогам рассмотрения заявления Р. о взыскании судебных расходов.

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что по всем заключенным с заявителями жалобы соглашениям адвокатом М. была оказана предусмотренная ими юридическая помощь, в связи с чем дисциплинарные обвинения в ее неоказании Квалификационная комиссия правильно признала необоснованными, голословными и противоречащими установленным обстоятельствам.

Доводы заявителей о дублировании юридической помощи в указанных соглашениях также не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, так как предметы этих соглашений различны и дополняют друг друга, а не дублируют.

Совет также отмечает, что обжалование решений и бездействия органов внутренних дел в прокуратуре и в суде каждый раз фактически проводили к возобновлению проверки по заявлению Р. Многократное (в том числе и одновременное в суд и в прокуратуру) обжалование действий (бездействия) и решений органов дознания является вынужденной реакцией на ситуацию, сложившуюся в правоохранительных органах при рассмотрении заявлений и сообщений граждан о преступлении. Такое профессиональное поведение соответствует обычной практике адво-

катской деятельности, зачастую требующей активного, настойчивого и неоднократного обжалования адвокатом действий (бездействия) и решений соответствующих органов.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении в этой части дисциплинарного производства.

В части дисциплинарных обвинений в навязывании заявителям юридической помощи со стороны адвоката М. и злоупотреблении их доверием Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, также признает презумпцию добросовестности адвоката неопровергнутой, поскольку заявители не представили доказательств, подтверждающих эти обвинения.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарных обвинений в перечислении 10 июня 2024 г. вознаграждения адвокату в размере …руб. за дополнительную юридическую помощь, которая не была конкретизирована. Это вознаграждение было уплачено в соответствии с Соглашением об оказании юридической помощи от 06 июня 2024 г.

Вместе с тем Совет отмечает, что во избежание возникновения у доверителя сомнений и недопонимания адвокатам следует проявлять должную осмотрительность и осторожность при формализации отношений с доверителем путем заключения с ним нескольких соглашений при оказании различной юридической помощи, направленной на достижение одного и того же результата. Более предпочтительным способом формализации отношений в подобных случаях является заключение одного соглашения, в которое при необходимости могут вноситься дополнения и уточнения.

Претензии в завышении размера вознаграждения адвоката не могут быть рассмотрены по существу, поскольку споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации неподведомственны и находятся за пределами их компетенции.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М. взяла взаймы у заявителя Л. денежные средства в размере …руб., которые не были возвращены в согласованный срок, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его обоснованным. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат М. действительно поставила себя в долговую зависимость от доверителя Л., поскольку получила от нее взаймы денежные средства в указанном размере. Впоследствии заем был возвращен адвокатом М. в сумме …руб.

В этой связи Квалификационная комиссия правильно отметила, что сам факт получения адвокатом М. взаймы от доверителя денежных средств, вне зависимости от обстоятельств их последующего возврата доверителю, образует нарушение п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Представленные заявителями Р. и Л. письменные возражения, а также устные пояснения Л. и представителя заявителей – А. не содержат доводов, опровергающих выводы Квалификационной комиссии, содержащиеся в ее заключении. Доводам о дублировании и навязывании юридической помощи, отсутствии в ней необходимости дана оценка выше, каких-либо новых обстоятельств заявителями и их представителям не приведено.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М.

за совершенное нарушение, Совет принимает во внимание длительный стаж ее адвокатской деятельности, а также то, что ранее она к дисциплинарной ответственности не привлекалась, нарушение признала, его последствия устранила путем возврата долга, заверила в осознании недопустимости таких действий. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя»), выразившееся в получении адвокатом М. от доверителя Л. 09 и 23 октября, 19 декабря 2024 г. взаймы денежных средств в общем размере …руб.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе Р. и Л. от 13 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.12. Адвокат получил предупреждение за то, что оказывал доверителю юридическую помощь только на основании устной договоренности, а также приобрел права на объект недвижимости доверителя, являвшийся предметом спора. Вместе с тем дисциплинарные обвинения в действиях вопреки воле доверителя и злоупотреблении его доверием признаны необоснованными.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя заявителя В. – Г.А., адвоката Г. и его представителя – адвоката В.Е. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам В. и В. в лице представителя по доверенности – Г.А. от 07 марта 2025 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 16 апреля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 4, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В. («разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение,

выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением»), выразившемся:

– в оказании доверителю В. юридической помощи, по крайней мере в период с 07 февраля по 28 августа 2024 г., в виде представления ее интересов в ходе производства по гражданским делам, в Т. районном суде г. Москвы и в М. городском суде, а также в ходе производства по делу в Арбитражном суде М. области, в отсутствие соглашения об оказании ей юридической помощи, заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а лишь на основании достигнутой с В. устной договоренности;

– в том, что, получив от доверителя В. вознаграждение за оказание юридической помощи в размере …руб. с оформлением расписки от 04 марта 2024 г., адвокат Г. не выдал доверителю В. финансовые документы, подтверждающие внесение им денежных средств, уплаченных ему в качестве вознаграждения, в кассу адвокатского образования в порядке, установленном действующим законодательством (квитанции к приходным кассовым ордерам от 20 февраля 2024 г. на сумму …руб. и от 04 марта 2024 г. на сумму …руб.);

2) о нарушении адвокатом Г. взаимосвязанных предписаний пп. 2, 3 ст. 5, п. 2 ст. 8, подп. 1, 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката; при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан уважать права… доверителей; адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды; адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь»), выразившемся:

– в навязывании В. в период оказания ей юридической помощи под предлогом предоставления ей займа в целях проведения расчетов с кредитором ООО «…» заключения, противоречащего ее интересам предварительного договора купли-продажи квартиры от 30 апреля 2024 г., предусматривающего «подготовку и заключение в последующем основного договора купли-продажи» принадлежащего В. недвижимого имущества (нежилого помещения, расположенного по адресу…) в срок не позднее 30 июля 2024 г. по цене 8 млн. руб., которая была существенно ниже известной адвокату Г. рыночной (17 069 000 руб.) и кадастровой (12 163 122,29 руб.) стоимости указанного нежилого помещения, с оформлением расписки В. от 30 апреля 2024 г. о получении ею 7,5 млн. руб. от адвоката Г. в качестве платы по вышеуказанному договору;

– в совершении действий (направление 26 октября 2024 г. через М., временно исполняющего обязанности нотариуса О. нотариального округа М. области Н., в адрес доверителя В. заявления адвоката Г. о предстоящем заключении 07 ноября 2024 г. договора купли-продажи вышеуказанного недви-

жимого имущества; обращение 05 декабря 2024 г. в К. городской суд М. области с исковым заявлением к В., содержащим требования о признании предварительного договора от 30 апреля 2024 г., заключенного между Г. и В., основным договором купли-продажи нежилого помещения с условием о предварительной оплате, а также о признании права собственности Г. на указанное нежилое помещение), направленных на приобретение адвокатом Г. в личных интересах права собственности на принадлежащее В. недвижимое имущество (нежилое помещение, расположенное по адресу…), являющееся предметом спора по гражданскому делу по иску ООО «…» к В. и П., рассмотренному Т. районным судом г. Москвы с вынесением решения от 11 февраля 2022 г., а также по делу о банкротстве В., находившемся в производстве Арбитражного суда М. области, по которым адвокат Г. принимал участие в качестве представителя В.;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе В. (без даты) и по жалобе В. в лице представителя по доверенности – Г.А. от 07 марта 2025 г., в части доводов В. о неотработанности полученного адвокатом Г. вознаграждения и о необходимости его возврата доверителю вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе В. (без даты) и по жалобе В. в лице представителя по доверенности – Г.А. от 07 марта 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

От адвоката Г. поступило письменное заявление о частичном несогласии с Заключением Квалификационной комиссии» от 26 мая 2025 г., в котором он полностью соглашается с дисциплинарным обвинением в ненадлежащей формализации отношений с доверителем В., однако возражает против вывода о злоупотреблении доверием последней; навязывании ей в период оказания правовой помощи невыгодного договора, противоречащего ее интересам; совершении с личной заинтересованностью действий, направленных на приобретение права собственности на имущество доверителя. Считает, что Квалификационная комиссия не дала надлежащую оценку содержанию поданного им в К. городской суд М. области иска к В.; настаивает, что на самом деле переданные ей денежные средства являются займом; утверждает, что он помогал В. продать помещение третьим лицам; заявляет, что умысла приобрести недвижимость у В., а тем более по заниженной цене, у него не было. Не соглашаясь с выводом Комиссии о том, что он намеревался завладеть собственностью доверителя, являвшейся предметом судебного спора, приводит обстоятельства своего участия в судебных разбирательствах и утверждает, что предметом спора по делу в Арбитражном суде М. области принадлежащее В. помещение не выступало. Указывает: *«Я признаю, что в ситуации с В. я неверно оформил наши с ней гражданско-правовые отношения, что и породило предположение о моей корыстной заинтересованности при оказании ей юридической помощи»*. Кроме того, просит учесть, что он пытался примириться с В. и предлагал ей вернуть полученные от него деньги

в обмен на его отказ от иска, однако она отказалась. При определении меры дисциплинарной ответственности просит учесть частичное признание им своих нарушений, раскаяние в их совершении, принять во внимание его положительную характеристику, отсутствие жалоб на него и фактов привлечения к дисциплинарной ответственности: *«Я искренне переживаю за сложившуюся ситуацию и искренне прошу не применять ко мне самый строгий вид дисциплинарной меры ответственности и дать шанс остаться в Адвокатском сообществе»*.

В заседании Совета адвокат Г. подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, при этом выразил частичное несогласие с выводами Комиссии, подтвердил приведенные выше доводы письменных возражений.

Представитель адвоката Г. – адвокат В.Е. в заседании Совета поддержала позицию своего доверителя.

Заявитель В., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, обеспечила явку представителя – Г.А., который в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласился.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет принял решение рассмотреть дисциплинарное дело при имеющейся явке.

Поясняя свою позицию Совету, адвокат Г. вновь отметил, что не преследовал цель забрать имущество В. в свою собственность да еще по заниженной стоимости. Целью заключения предварительного договора была гарантия возврата В. денег, полученных от Г. Заявитель В. никогда не ставила перед Г. вопросов о сохранении помещения за собой, так как в ее ситуации единственный способ сохранить помещение – это оплата всех долгов залоговому кредитору. У нее денег не было, и она смирилась с тем, что помещение будет продано на торгах. Она просила Г. помочь ей в продаже помещения по более высокой цене, чем указано судом, чтобы денег от продажи помещения хватило на покрытие долгов, и передать оставшиеся деньги ей. То обстоятельство, что Г. помогал В. продать ее помещение третьим лицам, по его мнению, подтверждает его же пояснения, что у него с В. была достигнута договоренность о том, что полученные от Г. деньги она возвращает за счет доходов, вырученных от продажи помещения. И это опровергает вывод Комиссии, что Г. хотел забрать себе помещение В. С ней была достигнута новая договоренность о том, что если она не продает помещение, то Г. покупает его за 10 млн. руб., из которых 7,5 млн. руб. переданы ей будут в зачет оплаты стоимости, а 2,5 млн. руб. Г. ей выплатит. При этом залог помещения так и сохраняется, и именно Г. как новому собственнику переходит риск потери помещения из-за невыплаты долга В. ее кредиторам. То есть именно Г. – заинтересованное лицо в возврате денег и будет оплачивать выдвинутые кредитором к погашению суммы на конец июля 2024 г., что составляло 3,6 млн. руб. с учетом индексации невыплаченной суммы. Таким образом, помимо выплаты В. 2,5 млн. руб. за помещение, Г. должен был погасить за нее долг кредитору, и общая стоимость приобретаемого Г. помещения на тот период составляла бы 14 млн. руб., что нельзя назвать существенно заниженной. Г. согласен, что некорректно оформил гражданские правоотношения с В., что вместо предварительного договора

нужно было заключить договор займа, в котором следовало прописать подробно все условия, что возврат займа осуществляется в определенные сроки за счет продажи помещения третьим лицам, а в случае, если помещение не будет продано, то Г. покупает его за 10 млн. руб. с выплатой В. 2,5 млн. руб. Г. никогда не думал, что В. впоследствии поставит все это под сомнение.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Г. указал, что В. была представлена ему его лучшим другом, который буквально молил о том, чтобы адвокат Г. помог ей. Деньги за помещение сама В. лично в Сбербанке положила на счет своего кредитора – компании «…». Средства для В. он получил под залог своей квартиры, поэтому на случай, если бы она просто отказалась от всего и сказала, что ничего выполнять не будет, ей следовало понимать, что в предварительном договоре предусмотрены огромные штрафные санкции. В. была очень довольна результатами его работы в судах, при этом писала ему: «*Выручите меня, пожалуйста. Найдите деньги*». Ему не нужно было ее помещение, но его квартира была под ударом, а в первую очередь он хотел помочь В. и защищал своего доверителя всеми возможными способами.

Представитель адвоката Г. – адвокат В.Е. пояснила, что, по ее мнению, мотивировочная часть Заключения Комиссии в части дисциплинарного обвинения в злоупотреблении адвокатом Г. доверием В. и совершении действия вопреки ее интересам не соответствует положениям абз. 4 п. 14 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку не содержит в себе оценки имеющегося в материалах дисциплинарного производства иска, на который сослался адвокат Г., и содержания СМС-сообщений. При этом Заключение Комиссии подтверждает сведения о том, что адвокат Г. принимал деятельное участие в продаже помещения. Считает, что предметом спора помещение В. в ходе рассмотрения дела в арбитражном суде не являлось. Что касается дела в Т. районном суде г. Москвы, то она полагает, что и там это помещение не являлось предметом спора, а вывод Квалификационной комиссии об обратном ошибочен. Сам залог помещения никем не оспаривался. Иск был заявлен о взыскании кредитной задолженности, обращении взыскания на предмет залога. Просит при определении меры дисциплинарной ответственности адвокату Г. учесть поведение В., в котором усматриваются признаки злоупотребления, а также принять во внимание, что они пытались примириться, обращались к В., говорили «верните деньги, нам это помещение не нужно», на что был получен категорический отказ.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила, что если по итогам судебного процесса Г. станет собственником помещения, то его рыночная стоимость будет определяться на момент такого решения. Залог с этого недвижимого имущества не снят, и залогодержателем является общество «…».

Представитель заявителя В. – адвокат Г.А. по поводу примирения пояснил, что действительно была такая попытка незадолго до заседания Совета, но предложение было изначально неприемлемо, так как, помимо возврата суммы, полученной В. по предварительному договору, еще было предложено уплатить все проценты по заключенному между адвокатом Г. и его другом договору займа ежемесячно в размере 250 тыс. руб. В. посчитала такие условия категорически неприемлемыми. Считает, что адвокат Г. своими пояснениями лишний раз подтвердил, что хотел приобрести имущество по заниженной стоимости.

Отвечая на вопросы членов Совета, Г.А. пояснил, что его доверитель,

давая расписку в получении от адвоката Г. 7,5 млн. руб., не понимала, за что она получает эти деньги и каковы будут дальнейшие действия. Более того, денежные средства на руки она не получала – они сразу же были внесены в банк на счет залогодержателя. Негативные последствия действий адвоката Г. для В. заключаются в том, что она могла не только лишиться всего своего имущества без получения чего-либо взамен, но еще и остаться с долгами перед кредитором. То есть, если бы адвокат Г. не вмешивался, то произошла бы реализация имущества, например, в процедуре банкротства, и даже в этом случае у В. остались бы какие-то средства после такой реализации. Адвоката Г. действительно познакомил с В. их общий друг. В связи с этим она целиком и полностью доверяла адвокату Г. Она не ожидала, что им будет подан такой иск. Когда ей уже были разъяснены все последствия, в том числе и условия договора с адвокатом Г., В. была в шоке. Деньги в сумме 7,5 млн. руб., которые адвокат Г. передал на погашение долга, будут возвращены В., если К. городской суд М. области примет решение о реституции. Сейчас нет этих денег в наличии. В. должна, конечно, возвратить деньги, но сиюминутно она это сделать не может, а с учетом предложенной еще уплаты процентов в размере 250 тыс. руб. в месяц она считает, что это нецелесообразно.

Решение вопроса о мере ответственности адвоката Г. заявитель В. оставляет на усмотрение Совета.

Учитывая, что участники дисциплинарного производства проводили переговоры о возможном примирении, которые не были завершены, Совет, руководствуясь п. 7 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, в заседании 29 мая 2025 г. счел необходимым предоставить им дополнительную возможность и время для достижения урегулирования, отложив рассмотрение дисциплинарного производства на 26 июня 2025 г.

В заседании Совета 26 июня 2025 г. при той же явке его участники заявили, что их позиции по существу дисциплинарного производства не изменились, а примирение не достигнуто.

Адвокат Г. дополнительно пояснил, что беспомощным положением доверительницы В. не пользовался, добился судебных решений в ее пользу в трех инстанциях. В результате В. не признали банкротом. Он предложил В. вернуть ему 7,5 млн. руб. без каких-либо процентов в течение месяца в обмен на полный отказ от имущественных претензий к ней, но ответа не получил.

Представитель заявителя В. – Г.А. подтвердил поступление от адвоката Г. описанного им предложения о примирении, однако сейчас нет возможности урегулировать ситуацию миром, имущественный спор между ним и В. будет решаться в судебном порядке. Повторил довод о том, что В. фактически денег от адвоката Г. по расписке не получала, поскольку они сразу были внесены им на банковский счет залогодержателя. Поэтому распорядиться ими по своему усмотрению В. возможности не имела. Производство по банкротному делу в отношении В. действительно прекращено, но у нее остался долг больше 3млн. руб.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и считает необходимым изменить объем подтвердившихся дисциплинарных обвинений в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Заявитель В. совместно с П. получили кредит в ЗАО КБ «…» по кредитному договору от 03 декабря 2012 г. В 2021 г. права кредитора по указанному договору перешли к ООО «…». Решением Т. районного суда г. Москвы от 11 февраля 2022 г. по гражданскому делу частично удовлетворены исковые требования ООО «…» к В. и П. о взыскании задолженности по кредитному договору, судебных расходов и обращении взыскания на заложенное имущество. С ответчиков солидарно взыскан основной долг в размере 4 656 222,64 руб., неустойка в размере 1 млн. руб., расходы по уплате государственной пошлины в размере 55 869,28 руб., а также обращено взыскание на принадлежащее В. на праве собственности имущество – нежилое помещение по адресу… В дальнейшем решением Т. районного суда г. Москвы от 19 декабря 2022 г. по гражданскому делу № … частично удовлетворены дополнительные исковые требования ООО «…» к В. и П., в том числе о взыскании заложенности по вышеуказанному кредитному договору за иной период времени. Кроме того, определением Арбитражного суда М. области от 05 сентября 2023 г. было принято к производству заявление ООО «…» о признании В. банкротом в связи с задолженностью по состоянию на 18 апреля 2023 г. в размере 8 127 468,93 руб.

В связи с данными обстоятельствами заявитель В. обратилась к адвокату Г. за юридической помощью. Последний утверждает, что им с В. был заключен Договор об оказании юридической помощи от 20 февраля 2024 г. в простой письменной форме, зарегистрированный затем в адвокатском образовании МКА «…», но не подписанный доверителем В. Сама В. заключение данного соглашения с адвокатом Г. отрицает и настаивает на его изготовлении последним «задним числом».

04 марта 2024 г. адвокат Г. составил расписку о получении от В. 810 000 руб. «за оказание юридической помощи». Согласно квитанциям к приходным кассовым ордерам от 20 февраля и от 04 марта 2024 г., оформленным МКА «…», указанная сумма вознаграждения была внесена адвокатом Г. в кассу адвокатского образования.

С 05 марта 2024 г. адвокат Г. приступил к оказанию В. юридической помощи, подав апелляционные жалобы на указанные выше решения Т. районного суда с ходатайствами о восстановлении процессуального срока на их подачу. Кроме того, с 20 марта 2024 г. адвокат Г. на основании выданной ему В. доверенности от 20 марта 2024 г. представлял ее интересы в Арбитражном суде М. области.

30 апреля 2024 г. между адвокатом Г. («Сторона-2») и его доверителем В. («Сторона-1») заключен «Предварительный договор купли-продажи квартиры», согласно п. 1.1 которого «стороны договорились о подготовке и заключении в последующем основного договора купли-продажи недвижимого имущества: нежилого помещения, расположенного по адресу… (далее по тексту – Объект), по которому Сторона-1 будет выступать Продавцом, а Сторона-2 – Покупателем недвижимого имущества». В соответствии с п. 2.1.1 этого же договора «стоимость Объекта составляет 8 000 000 руб. Цена является окончательной и изменению не подлежит», а согласно пункту 3.2 «Стороны обязуются заключить Договор купли-продажи не позднее 30 июля 2024 г. До указанной даты Сторона-1 обязуется не совершать с другими лицами сделок в отношении Объекта». Согласно п. 3.5 «В случае отказа Продавца от продажи

Объекта, не заключения сделки купли-продажи Объекта в сроки настоящего договора по вине Продавца, Продавец возвращает Покупателю внесенные последним денежные средства и уплачивает штраф в размере 100% внесенных Покупателем денежных средств в течение 7 (семи) банковских дней с момента предъявления Покупателем требования». Согласно п. 3.6 «Если сделка купли-продажи не состоялась по независящим от Продавца причинам, включая выявление обстоятельств, которые могут привести к признанию сделки недействительной, либо ее расторжению Продавец возвращает Покупателю внесенные последним денежные средства и уплачивает штраф в размере 5 000 000 руб. в течение 7 (семи) банковских дней с момента предъявления Покупателем требования».

В тот же день, 30 апреля 2024 г., В. выдала расписку о том, что в день ее составления она получила от Г. сумму 7 500 000 руб. «согласно предварительному договору купли-продажи от 30 апреля 2024 г. нежилого помещения». Тогда же, 30 апреля 2024 г., на расчетный счет ООО «…» от должника В. поступили денежные средства в сумме 7 368 786,62 руб. в счет погашения задолженности. После получения вышеуказанных денежных средств кредитор ООО «…» в ходе производства по делу № … о банкротстве В. потребовал включить в третью очередь реестра требований кредиторов рассчитанные по состоянию на 30 апреля 2024 г. дополнительные требования в сумме 2 477 950,88 руб. как обеспеченные залогом имущества должника – указанного выше нежилого помещения. Однако арбитражный суд прекратил производство по делу о банкротстве должника.

Из имеющейся в материалах дисциплинарного дела переписки адвоката Г. с В. посредством мессенджера *WhatsApp* следует, что заявитель В. по крайней мере с 22 мая 2024 г. безуспешно пыталась продать принадлежащее ей нежилое помещение («*Цена снижена до 17 500 000 р.», «Сегодняшний просмотр отменяется. Сообщите этой женщине, пожалуйста. Э. покупает за 16*», и т. п.) и в том числе предлагала его приобрести самому адвокату Г.

28 августа 2024 г. адвокат Г. участвовал в судебном заседании М. городского суда по рассмотрению поданной им апелляционной жалобы на решение районного суда от 19 декабря 2022 г.

26 октября 2024 г. адвокат Г. через нотариуса направил В. заявление о запланированном заключении 07 ноября 2024 г. договора купли-продажи объекта… в соответствии с предварительным договором от 30 апреля 2024 г. Однако договор купли-продажи заключен не был, и 05 декабря 2024 г. адвокат Г. обратился в К. городской суд М. области с иском к В. о признании предварительного договора от 30 апреля 2024 г., заключенного между Г. и В., основным договором купли-продажи нежилого помещения с условием о предварительной оплате, а также о признании за Г. права собственности на вышеуказанное нежилое помещение. К исковому заявлению адвоката Г. в числе прочего было приложено его ходатайство о принятии мер по обеспечению иска в виде запрета осуществления государственной регистрации перехода права собственности, а также любых сделок, обременений и ограничений в отношении вышеуказанного объекта недвижимого имущества. 12 декабря 2024 г. исковое заявление адвоката Г. принято К. городским судом М. области к производству.

Согласно информации представителя заявителя В. – Г.А. 22 января 2025 г. В. отменила все три ранее выданные ею адвокату Г. доверенности.

Заявитель В. выдвигает против адвоката Г. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в оказании ей юридической помощи вне рамок адвокатской деятельности;

2) в злоупотреблении ее доверием и совершении действий вопреки ее законным интересам, выразившихся в навязывании ей под предлогом предоставления займа заключения предварительного договора купли-продажи принадлежащего В. недвижимого имущества (нежилого помещения, описанного выше), являющееся предметом спора, в котором адвокат Г. оказывал В. юридическую помощь, и в совершении последующих действий, направленных на приобретение права на данное имущество.

Заявитель В. также указывает на то, что адвокат Г. не отработал фактически выплаченное ему вознаграждение и предъявляет требование о его возврате.

В обоснование дисциплинарного обвинения об оказании адвокатом Г. юридической помощи вне профессиональной деятельности представитель заявителя В. – Г.А. указал на то, что между адвокатом Г. и В. отсутствовало соглашение об оказании юридической помощи, заключенное в письменной форме, а вместо оформления квитанций к приходным кассовым ордерам при получении вознаграждения была оформлена расписка доверителя В.; в подтверждение своих полномочий адвокат Г. использовал доверенность с указанием его паспортных данных и диплом о высшем юридическом образовании без представления ордеров, выданных адвокатским образованием. Совет в этой связи отмечает, что приведенные факты нашли подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства, однако они не дают оснований признать, что юридическая помощь была оказана адвокатом Г. доверителю В. за пределами профессиональной адвокатской деятельности. Адвокат Г. позиционировал себя перед доверителем именно в этом качестве и документировал свои отношения с доверителем В. в материалах адвокатского образования, хотя и не в полной мере и ненадлежащим образом. В свою очередь, В. воспринимала Г. именно в качестве адвоката, не имея оснований для заблуждений или сомнений по этому поводу. Пороки в формализации правоотношений адвоката Г. с доверителем В., включая отсутствие подписанного обеими сторонами соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме, и невыдача доверителю квитанций к приходным кассовым ордерам, свидетельствуют о ненадлежащем исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей в этой части, но не свидетельствуют об оказании им юридической помощи вне адвокатской деятельности.

Адвокат Г., признавая факт неподписания доверителем В. Договора об оказании юридической помощи от 20 февраля 2024 г., объяснил его тем, что передал ей экземпляры указанного договора, которые та не возвратила, попросив уменьшить указанный в нем размер вознаграждения адвоката. Избранный адвокатом Г. способ оприходования полученного от доверителя вознаграждения предполагал обязательную выдачу доверителю В. финансовых документов, подтверждающих проведение операций с ее денежными средствами, однако эту обязанность адвокат Г. также не исполнил, объяснив это тем, что В. не просила выдать данные квитанции.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в части ненадлежащего исполнения обязанностей по

формализации отношений с доверителем В. опровергнутой, а его вину в данном дисциплинарном нарушении установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в злоупотреблении адвокатом Г. доверием В., Совет отмечает следующие существенные обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного разбирательства. Адвокат Г. был приглашен заявителем В. для оказания профессиональной помощи в урегулировании возникших у нее долговых обязательств. Такое урегулирование могло быть достигнуто только путем удовлетворения законных требований кредитора и залогодержателя – ООО «…», для чего необходимо было изыскать денежные средства. С этой целью В. предпринимала неоднократные, но безуспешные попытки продажи принадлежащего ей объекта недвижимости, в том числе предлагала адвокату Г. самому приобрести этот объект (*«А., <…> не могу ждать, чтобы не попросить Вас о помощи. Я хочу сохранить мой бизнес и поэтому прошу, может Вы <…> заберете эту квартиру?»*). Согласно последовательным пояснениям адвоката Г. подготовленный им предварительный договор купли-продажи принадлежащего В. объекта недвижимого имущества и был средством разрешения описанной ситуации, поскольку предусматривал получение В. 8 млн. руб. Эти объяснения адвоката Г. не опровергнуты в результате дисциплинарного разбирательства.

При этом Совет отклоняет довод заявителя В. и ее представителя – адвоката Г.А. о том, что В. подписала предварительный договор «не читая», а содержание собственноручно написанной ею расписки в получении 7,5 млн. руб. и последствия всех этих действий не осознавала. Наличие подлинных подписей В. в указанных документах как в силу закона (ст. 160, 432 ГК РФ), так и исходя из правоприменительной практики и обычаев делового оборота подтверждает волеизъявление автора подписей к заключению договора на указанных в нем условиях. Из содержания расписки В. вне разумных сомнений следует, что основанием получения ею денег от адвоката Г. в размере 7,5 млн. руб. является предварительный договор купли-продажи от 30 апреля 2024 г., в соответствии с условиями которого она произведет возмездное отчуждение в пользу Г. принадлежащего ей на праве собственности нежилого помещения. При этом указанная в расписке сумма сразу же была в интересах В. переведена на счет организации-залогодержателя, после чего арбитражным судом прекращено производство по делу о признании В. банкротом. Совокупность описанных обстоятельств вне разумных сомнений свидетельствует о том, что адвокат Г. в рассматриваемой части действовал не только по согласованию с В., но и в соответствии с ее просьбой, не вводил В. в заблуждение относительно своих намерений и существа совершаемых ими совместно действий, а также не совершал никаких действий, о которых не было известно В. По этой причине Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о навязывании адвокатом Г. заявителю В. предварительного договора, якобы противоречащего ее интересам. Совет признает этот вывод не соответствующим фактическим обстоятельствам, правильно установленным Квалификационной комиссией.

Кроме того, Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что превышение рыночной (17 069 000 руб.) и кадастровой (12 163 122,29 руб.) стоимости нежилого помещения над его ценой, указанной в предварительном договоре (8 000 000 руб.), является доказательст-

вом того, что рассматриваемые действия адвоката Г. были направлены исключительно на приобретение им необоснованной материальной выгоды. Указанное помещение было обременено залогом под выданный ранее В. банковский кредит. Его актуальная рыночная цена, в том числе и с учетом этого обстоятельства, могла быть определена только на момент фактического совершения сделки купли-продажи и при этом необязательно соответствовала бы фактической цене сделки. Кроме того, в случае приобретения этого объекта недвижимости адвокату Г. предстояли бы существенные затраты по освобождению от обязательств перед третьими лицами, расчет размера которых в материалах дисциплинарного производства отсутствует. При этом согласно решению Т. районного суда г. Москвы от 11 февраля 2022 г. по иску ООО «…» к В. и П. надлежало обратить взыскание на указанное нежилое помещение, установив начальную продажную стоимость для реализации его с публичных торгов в размере 8 302 445,54 руб. Таким образом, одобренная судом начальная аукционная стоимость помещения была существенно ниже определенных ранее рыночной и кадастровой стоимости, при этом она незначительно отличалась от цены, согласованной между В. и адвокатом Г. в предварительном договоре. Наконец, в результате дисциплинарного разбирательства не был опровергнут довод адвоката Г. о том, что он использовал для помощи В. заемные средства. Довод представителя заявителя В. – Г.А. о том, что в результате действий адвоката Г. В. «могла лишиться всего своего имущества без получения чего-либо взамен, еще и остаться с долгами перед кредитором», на оценку профессионального поведения адвоката Г. повлиять не может, поскольку является предположением. При таких обстоятельствах Совет не усматривает оснований для вывода о совершении адвокатом Г. рассматриваемых действий в корыстных интересах и во вред интересам заявителя В. в том их понимании, которое она сама ему сформулировала.

По указанным причинам Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о навязывании заявителю В. адвокатом Г. заключения предварительного договора от 30 апреля 2024 г. на невыгодных для нее условиях и путем злоупотребления доверием, сформировавшимся у нее к Г. как к адвокату. Поэтому Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Г. требований п. 2 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9 и п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката вследствие отсутствия в его действиях данных нарушений.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Г. об оказании помощи В. путем предоставления ей на основании гражданско-правового договора денежных средств в качестве займа, поскольку эти утверждения в ходе дисциплинарного разбирательства подтверждения не нашли. Однако его объяснения о причинах включения им в предварительный договор существенных штрафных санкций в случае неисполнения В. своих обязательств (*«если бы она просто отказалась от всего и сказала, что ничего выполнять не будет, ей следовало понимать, что в предварительном договоре предусмотрены огромные штрафные санкции»*) в дальнейшем нашли объективное подтверждение, поскольку на момент рассмотрения дисциплинарного про-

изводства Советом адвокат Г. не стал владельцем оплаченной им недвижимости и не получил от В. переданные ей в целях погашения долга денежные средства.

В то же время Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что действия адвоката Г. по совершению описанной сделки с недвижимостью его доверителя В. и последующие действия, направленные на приобретение права на предмет этой сделки, прямо противоречат предписаниям п. 2 ст. 5 и подп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, в силу которых адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, и не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь. Признавая такие действия недопустимыми и подрывающими доверие к адвокату и адвокатуре в целом, органы адвокатского самоуправления исходят из исторических традиций российской присяжной адвокатуры, обоснованно считавшей, что «смешение профессиональных обязанностей с личными денежными отношениями к доверителю безусловно недопустимо с точки зрения адвокатской этики» (*Марков А. Н.* Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1913).

В рассматриваемом случае адвокат Г. предпринял ряд активных действий, направленных на приобретение принадлежащего доверителю В. на праве собственности недвижимого имущества, а именно сначала заключил с ней предварительный договор купли-продажи от 30 апреля 2024 г., а затем 26 октября 2024 г. обратился к В. с заявлением о предстоящем заключении основного договора купли-продажи, после чего предъявил к ней 05 декабря 2024 г. иск о признании предварительного договора от 30 апреля 2024 г., заключенного между Г. и В., основным договором купли-продажи нежилого помещения с условием о предварительной оплате, а также о признании своего права собственности на нежилое помещение. При этом адвокат Г. оказывал доверителю В. юридическую помощь по гражданскому делу по иску ООО «…» к В. и П., по которому, как указано выше, Т. районным судом 11 февраля 2022 г. было вынесено решение в том числе об обращении взыскания на принадлежащее В. на праве собственности заложенное имущество, на которое адвокат Г. впоследствии потребовал признать свое право собственности описанным способом. Кроме того, адвокат Г. оказывал В. юридическую помощь по делу о банкротстве В., в ходе которого ООО «…» требовал включить в третью очередь реестра требований кредиторов рассчитанные по состоянию на 30 апреля 2024 г. требования в сумме 2 477 950,88 руб. как обеспеченные залогом имущества должника в виде того же нежилого помещения. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий установленным обстоятельствам довод адвоката Г. и его представителя – адвоката В.Е. о том, что указанное нежилое помещение не являлось предметом споров, в которых адвокат Г. оказывал юридическую помощь доверителю В. Вопреки этому доводу, нежилое помещение, на которое претендует адвокат Г. описанным способом, являлось предметом спора по обоим указанным делам, по которым решался вопрос о судьбе данного имущества, а адвокат Г. оказывал юридическую помощь доверителю В.

Довод адвоката Г. о том, что рассматриваемые действия он совершил по просьбе В. и по согласованию с ней, не влияет на оценку его профессионального поведения в рассматриваемой части, поскольку в силу п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката, не могут быть исполнены адвокатом.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в рассматриваемой части опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований п. 2 ст. 5, подп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Остальные дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем против адвоката Г. (использование беспомощного состояния доверителя В., ее дезинформация о реальной рыночной стоимости недвижимости, неотработка гонорара в полном объеме), Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованными, поскольку они не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Подробные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается, изложены в Заключении Квалификационной комиссии. Кроме того, имущественные споры между адвокатом и доверителем органам адвокатского самоуправления неподведомственны, поскольку находятся вне пределов их компетенции и подлежат разрешению путем переговоров либо в судебном порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их совокупность и грубый умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании основополагающих требований профессиональной этики о надлежащем установлении, формализации и поддержании отношений адвоката с доверителем и сопряженный с подрывом доверия к адвокату и адвокатуре в целом. Такое профессиональное поведение адвоката Г. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат Г., имеющий значительный стаж профессиональной деятельности, к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушения частично признал, объяснив их стремлением помочь доверителю. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Г. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 4, 6 ст. 25 Федерального закона «Об ад-

вокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В. («разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением»), выразившееся:

в оказании доверителю В. юридической помощи, по крайней мере, с 07 февраля по 28 августа 2024 г. в виде представления ее интересов по гражданским делам в Т. районном суде г. Москвы и в М. городском суде, а также в Арбитражном суде М. области в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи В., заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а лишь на основании достигнутой с В. устной договоренности;

в том, что, получив от доверителя В. вознаграждение за оказание юридической помощи в размере …руб. с оформлением расписки от 04 марта 2024 г., он не выдал доверителю В. финансовые документы, подтверждающие внесение денежных средств, уплаченных ему в качестве вознаграждения, в кассу адвокатского образования в порядке, установленном действующим законодательством (квитанции к приходным кассовым ордерам от 20 февраля 2024 г. на сумму …руб. и от 04 марта 2024 г. на сумму …руб.);

– нарушение п. 2 ст. 5 и подп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь»), выразившееся в заключении с В. предварительного договора купли-продажи квартиры от 30 апреля 2024 г., предусматривающего «подготовку и заключение в последующем основного договора купли-продажи» принадлежащего В. недвижимого имущества (нежилого помещения, расположенного по адресу…) в срок не позднее 30 июля 2024 г. по цене 8 млн. руб., с оформлением расписки В. от 30 апреля 2024 г. о получении ею 7,5 млн. руб. от адвоката Г. в качестве платы по вышеуказанному договору, а также в совершении последующих действий (направление 26 октября 2024 г. через М., временно исполняющего обязанности нотариуса О. нотариального округа М. области Н., в адрес доверителя В. заявления адвоката Г. о предстоящем заключении 07 ноября 2024 г. договора купли-продажи вышеуказанного недвижимого имущества; обращение 05 декабря 2024 г. в К. городской суд М. области с исковым заявлением к В., содержа-

щим требования о признании предварительного договора от 30 апреля 2024 г., заключенного между Г. и В., основным договором купли-продажи нежилого помещения с условием о предварительной оплате, а также о признании права собственности Г. на указанное нежилое помещение), направленных на приобретение адвокатом Г. права собственности на принадлежащее В. указанное недвижимое имущество, являющееся предметом спора по гражданскому делу по иску ООО «…» к В. и П., рассмотренному Т. районным судом г. Москвы с вынесением решения от 11 февраля 2022 г., а также по делу о банкротстве В., находившемся в производстве Арбитражного суда М. области, по которым адвокат Г. принимал участие в качестве представителя В.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобам В.:

в части доводов о неотработанности полученного адвокатом Г. вознаграждения и о необходимости его возврата доверителю вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Г. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.13. Адвокат, заключивший с доверителем соглашение об оказании юридической помощи с недопустимым условием об удержании неотработанной части внесенного авансом вознаграждения при досрочном расторжении соглашения, получил замечание.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя адвоката Н. – адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе У. от 18 марта 2025 г. в отношении адвоката Н.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем У. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т. п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара»), выразившемся в заключении с доверителем У. Соглашения об оказании юридической помощи от 29 ноября 2024 г., содержащего в п. 5.3 условие об удержании адвокатом Н. неотработанной части внесенного авансом вознаграждения («При досрочном

расторжении Соглашения по инициативе Доверителя, при добросовестном отношении к выполнению поручения со стороны Адвоката, оплаченный, но неотработанный гонорар, не возвращается»);

2) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем У.А. («своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами»), выразившемся в том, что, приняв на основании Соглашении об оказании юридической помощи от 29 ноября 2024 г., заключенного между адвокатом Н. и доверителем У., поручение на защиту прав и законных интересов несовершеннолетней потерпевшей У.А. в качестве ее представителя на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся на дату принятия поручения в производстве следственного отдела по г. Е. следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по С. краю, адвокат Н. самоустранился от оказания юридической помощи доверителю У.А. в ходе производства по указанному уголовному делу в упомянутом следственном отделе следственных действий 23 и 24 декабря 2024 г. (дополнительный допрос несовершеннолетней потерпевшей У.А., произведенный 23 декабря 2024 г.; очные ставки, произведенные 23 декабря 2024 г. между несовершеннолетней потерпевшей У.А. и свидетелем О., несовершеннолетним свидетелем П., свидетелем Ж., свидетелем Г., свидетелем Е., свидетелем Я., свидетелем Г.Н.; очные ставки, произведенные 24 декабря 2024 г. между несовершеннолетней потерпевшей У.А. и свидетелем П.П., свидетелем Ф., свидетелем С.);

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Н. по жалобе У. от 18 марта 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель У., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Адвокат Н., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие, представил письменные возражения на Заключение. В указанных возражениях адвокат Н. заявляет о своем согласии с Заключением в части вывода о наличии в его действиях дисциплинарного нарушения при оформлении соглашения и включении в него недопустимых положений. Одновременно адвокат Н. выражает несогласие с выводом Квалификационной комиссии о его самоустранении от оказания юридической помощи при очных ставках, ссылаясь на то, что в данных следственных действиях по согласованию с доверителем и между адвокатами – представителями потерпевшей принимал участие другой адвокат, представлявший интересы потерпевшей.

Представитель адвоката Н. – адвокат К. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификации комиссии он ознакомлен и частично не согласен, поддержав позицию, изложенную

в письменных возражениях адвоката Н. на указанное заключение.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав представителя адвоката Н., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части дисциплинарного обвинения в самоустранении адвоката Н. от участия в следственных и процессуальных действиях.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

23 ноября 2024 г. старшим следователем СО по г. Е. СУ СК РФ по С. краю А. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, по факту совершения в отношении несовершеннолетней У.А. насильственных действий сексуального характера. В этот же день У.А. признана потерпевшей по названному уголовному делу, а ее отец У. в дальнейшем допущен в качестве законного представителя потерпевшей.

29 ноября 2024 г. между адвокатом Н. и доверителем У. заключено соглашение об оказании юридической помощи (далее – Соглашение от 29 ноября 2024 г.), предусматривающее в качестве предмета поручения «представительство интересов Доверителя на предварительном следствии в уголовном деле по заявлению о совершении в городе Е. С. края в отношении ее [Так указано в соглашении. – *Прим. Совета*] несовершеннолетней дочери У.А. …года рождения, преступления в сентябре – ноябре 2024 года» (п. 1.2 Соглашения от 29 ноября 2024 г.).

Согласно п. 4.3 Соглашения от 29 ноября 2024 г. «гонорар адвоката по настоящему соглашению устанавливается в размере …(…) рублей единовременно и …(…) рублей за каждую поездку в город Е. по вопросам оказания юридической помощи в рамках настоящего соглашения». Вместе с тем п. 4.4 Соглашения от 29 ноября 2024 г. предусматривает следующие размеры вознаграждения адвоката Н.: «Гонорар подлежит уплате: …(…) рублей в течение 2-х дней после заключения настоящего соглашения; по …(…) рублей до последнего дня последующих месяцев (декабря, января, февраля, марта); по …(…) рублей минимум за сутки до поездки в командировку. Все выплаты производятся по правилам п. 4.6 Соглашения».

Кроме того, в п. 5.3 Соглашения от 29 ноября 2024 г. содержится условие о том, что «при досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя, при добросовестном отношении к выполнению поручения со стороны Адвоката, оплаченный, но неотработанный гонорар, не возвращается».

29 ноября 2024 г. адвокат Н. принял от доверителя У. в наличной форме вознаграждение («Единоразовый платеж») по Соглашению от 29 ноября 2024 г. в размере …руб. с оформлением квитанции от 29 ноября 2024 г.

Наряду с адвокатом Н. представление интересов потерпевшей У.А. было на основании соглашения поручено адвокату М., осуществляющему профессиональную деятельность в г. Е.

Адвокат Н. приступил к оказанию юридической помощи несовершеннолетней потерпевшей У.А., осуществляя

консультирование ее законного представителя – У. посредством телефонной связи и мессенджера *WhatsApp*, начиная с 29 ноября 2024 г., а также участвуя в подготовке проектов ходатайств во взаимодействии с другим представителем потерпевшей У.А. – адвокатом М. Кроме того, адвокат Н. провел опрос У.А., оформленный протоколом адвокатского опроса, а также принял участие в следственных и иных процессуальных действиях, произведенных по поручению следователя в г. Москве 10 и 13 декабря 2024 г..

23 и 24 декабря 2024 г. в г. Е. С. края с участием законных представителей несовершеннолетней потерпевшей У.А. – У., С. и представителя потерпевшей У.А. – адвоката М. были произведены ее дополнительный допрос, а также очные ставки между ней и свидетелями Е., Я., Г., О., П., Ж., Г.В., П.П., Ф.

18 января 2025 г. доверитель У. направил адвокату Н. письменное заявление о расторжении Соглашения от 29 ноября 2024 г. и о возвращении денежных средств, в котором потребовал возврата ему …руб. из общей суммы выплаченного адвокату Н. вознаграждения в размере …руб. 21 января 2025 г. доверитель У. направил адвокату Н. письменное «Напоминание о безотлагательном возвращении денежных средств в связи с расторжением Соглашения об оказании юридической помощи».

27 января 2025 г. адвокат Н. направил в адрес доверителя У. отчет об оказанной юридической помощи («Сведения об адвокатской деятельности по оказанию юридической помощи») от 27 января 2025 г.

Заявитель – У. выдвигает против адвоката Н. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителем У., выразившемся:

– в использовании некорректной формулировки в соглашении, определяющей предмет поручения как «представительство интересов Доверителя на предварительном следствии в уголовном деле по заявлению о совершении в городе Е. С. края в отношении ее несовершеннолетней дочери У.А. …года рождения, преступлении в сентябре – ноябре 2024 года»;

– во включении в соглашение положений, предусматривающих право адвоката Н. «по своему усмотрению привлекать для работы по соглашению своих помощников и стажеров», «при наличии согласия доверителя привлекать для работы по настоящему соглашению других юристов и специалистов»;

– во включении в соглашение положения о том, что «при досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя, при добросовестном отношении к выполнению поручения со стороны Адвоката, оплаченный, но неотработанный гонорар, не возвращается»;

2) в самоустранении от оказания юридической помощи У.А., выразившемся в невыполнении им какой-либо работы по делу, неподаче процессуальных документов, необжаловании в порядке ст. 124–125 УПК РФ действий (бездействия) следователей;

3) в оказании доверителю У.А. неквалифицированной юридической помощи, что выразилось в составлении адвокатом М. по рекомендациям Н. двух «юридически неграмотных» ходатайств.

Адвокат Н. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутые дисциплинарные обвинения первоначально отрицал, утверждая, что все пункты Соглашения об оказании юридической помощи от 29 ноября 2024 г. являют-

ся законными и соответствуют положениям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Утверждал, что довод заявителя о его бездействии несостоятелен и опровергается, например, отчетом об оказанной юридической помощи. Не соответствует действительности и утверждение У. о том, что адвокат Н. ни разу не встречался со следователем, поскольку он участвовал в следственных и иных процессуальных действиях в г. Москве, а именно в допросе потерпевшей У.А. и в ознакомлении с постановлениями о назначении комплексной судебно-медицинской экспертизы и о проведении химико-технологического исследования. Относительно довода об уклонении от заявления ходатайств, направленных на установление истины по делу, адвокат Н. указывает, что им «инициированы ходатайства о проведении в городе Москве психолого-психиатрической и химико-токсикологической экспертизы», для чего был разработан и направлен в адрес адвоката М. перечень вопросов, необходимых для разрешения в рамках экспертных исследований. Поясняет, что его неучастие в проведении допроса и очных ставок в г. Е. обусловлено тем, что доверитель фактически самостоятельно отказался от его участия в этих следственных действиях, указав на возможность участвовать в них адвоката М. и отказавшись оплачивать его, адвоката Н., поездку в г. Е. После ознакомления с Заключением Квалификационной комиссии адвокат Н. согласился с выводом о наличии в его действиях нарушений при формулировании условий соглашения об оказании юридической помощи, в остальной части позицию не изменил.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Н. профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителем У., Совет отмечает, что согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем» (п. 1), которое представляет собой «гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» (п. 2). К числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся (п. 4): указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (подп. 1); предмет поручения (подп. 2); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (подп. 3); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (подп. 4); размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения (подп. 5).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные

интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., напр.: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 18).

Кроме того, согласно п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции».

При этом подп. 2 п. 1 разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г. (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 7–8), предусматривает, что «доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т. п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара. Неправомерно также включать в соглашение обязательства доверителя не разглашать условия соглашения под угрозой невозврата гонорара, так как субъектом профессиональной тайны является только адвокат, но не доверитель».

Оценивая содержание Соглашения от 29 ноября 2024 г., заключенного между адвокатом Н. и доверителем У., Совет отмечает очевидные недостатки использованной в нем формулировки предмета поручения («представительство интересов Доверителя на предварительном следствии в уголовном деле по заявлению о совершении в г. Е. С. края в отношении ее несовершеннолетней доче-

ри У.А. …года рождения, преступлении в сентябре – ноябре 2024 года»), включая отсутствие конкретизации в п. 1.2 соглашения получателя юридической помощи, равно как и неуказание в нем номера уголовного дела, по которому адвокат Н. должен был оказывать юридическую помощь.

Между тем из вышеуказанной формулировки следует, что уголовное дело возбуждено по признакам преступления, совершенного в отношении несовершеннолетней У. А. Кроме того, п. 1.1 Соглашения от 29 ноября 2024 г. предусмотрена возможность оказания адвокатом юридической помощи в том числе и назначенному доверителем лицу. В целом формулировки Соглашения от 29 ноября 2024 г. позволяют вне разумных сомнений установить, что адвокат Н. принял поручение на представление интересов несовершеннолетней потерпевшей У.А. в уголовном судопроизводстве.

Поскольку в силу положений ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката как лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, так и само лицо, которому оказывается юридическая помощь (третье лицо/назначенное лицо), являются доверителями адвоката, п. 1.1 Соглашения от 29 ноября 2024 г., в котором указано на обязанность адвоката оказать юридическую помощь «доверителю или назначенному им лицу», равно как и абз. 9 п. 2.1 названного соглашения, в котором указывается на необходимость получения одобрения соглашения получателем юридической помощи (назначенным лицом), не содержат формулировок, противоречащих нормам профессиональной этики адвоката.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что отмеченные недостатки формулировки предмета поручения не привели к негативным профессионально-этическим последствиям. Из поведения и переписки участников правоотношения с очевидностью следует, что как У., так и адвокат Н. понимали, что юридическую помощь последний оказывает несовершеннолетней потерпевшей У.А. в качестве ее представителя по конкретному уголовному делу на стадии предварительного расследования. Следовательно, стороны Соглашения от 29 ноября 2024 г. не заблуждались относительно существа поручения, принятого адвокатом Н.

Не образует дисциплинарного проступка и условие п. 3.1 Соглашения от 29 ноября 2024 г., предусматривающего права адвоката Н. «по своему усмотрению привлекать для работы по соглашению своих помощников и стажеров» и «при наличии согласия доверителя привлекать для работы по настоящему соглашению других юристов и специалистов».

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе иметь помощников (п. 1 ст. 27) и стажеров (п. 1 ст. 28). И хотя в силу п. 2 ст. 27 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» помощник адвоката не вправе заниматься адвокатской деятельностью, а в силу п. 2 ст. 28 названного закона стажер адвоката не вправе заниматься ею самостоятельно, помощник адвоката как лицо, оказывающее адвокату содействие в осуществлении им профессиональной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи, а также стажер адвоката в целях приобретения практических навыков, необходимых для осуществления профессиональной адвокатской деятельности, вправе в числе прочего заниматься систематизацией

нормативного материала, обобщением правоприменительной практики, сбором документов и иных материалов, необходимых адвокату-куратору для исполнения поручений, готовить проекты правовых документов, что предусмотрено формами примерных трудовых договоров с помощником и стажером адвоката (см.: Положение о порядке работы помощника адвоката и Положение о порядке прохождения стажировки, утвержденные Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 мая 2020 года (Протокол № 14) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2020. № 3 (71). С. 55–69).

Реализация адвокатом Н. права на привлечение других юристов и специалистов обусловлена согласием доверителя, а потому не может ограничивать права последнего. При этом из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства не следует, что адвокат Н. перепоручил оказание юридической помощи помощнику, стажеру или другому юристу, либо привлек специалиста без согласия доверителя.

В то же время включение адвокатом Н. в Соглашение от 29 ноября 2024 г. п. 5.3, предусматривающего, что «при досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя, при добросовестном отношении к выполнению поручения со стороны Адвоката, оплаченный, но неотработанный гонорар, не возвращается», Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает недопустимым. Добросовестное отношение адвоката к выполнению поручения не может рассматриваться как основание для удержания им неотработанной части выплаченного ему авансом вознаграждения. Включение в соглашение об оказании юридической помощи положений, предусматривающих невозвращение доверителю неотработанного вознаграждения, фактически ограничивает право доверителя на расторжение соглашения об оказании юридической помощи в любой момент ее оказания, возлагая на доверителя имущественную ответственность за реализацию этого его права.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом Н. своих профессиональных обязанностей перед доверителем У., выразившемся в заключении с ним Соглашения об оказании юридической помощи от 29 ноября 2024 г., содержащего в п. 5.3 условие об удержании адвокатом Н. неотработанной части внесенного авансом вознаграждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката Н. от оказания юридической помощи доверителю У.А., Совет отмечает, что, как указано выше, адвокат Н. осуществлял консультирование законного представителя потерпевшей У.А. – У. посредством телефонной связи и мессенджера *WhatsApp*, начиная с 29 ноября 2024 г., участвовал в подготовке проектов ходатайств во взаимодействии с другим представителем потерпевшей У.А. – адвокатом М., провел опрос У.А., оформленный протоколом адвокатского опроса, а также принял участие в следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу, произведенных по поруче-

нию следователя в г. Москве 10 и 13 декабря 2024 г. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным довод заявителя о том, что адвокат Н. полностью самоустранился от оказания юридической помощи У.А.

Оценивая доводы жалобы о том, что адвокат Н. не подал необходимые, по мнению заявителя, запросы, не заявлял ходатайств и не подавал жалобы, Совет учитывает, что реализация адвокатом полномочий по обращению с адвокатским запросом, по заявлению ходатайств, отводов, а также по обжалованию действий (бездействия) и решений процессуальных субъектов, предусмотренных ст. 123 УПК РФ, относится к тактике оказания юридической помощи, определяемой адвокатом самостоятельно в силу своего законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Совет в своих решениях неоднократно отмечал, что по указанной причине дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику, определяемую адвокатом при ведении конкретного дела, и не входят в ее оценку. Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие нарушения норм законодательства и профессиональной этики, которые влекут неисполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем или наступление негативных публично-правовых последствий.

В связи с этим Совет, в том числе и с учетом оказания адвокатом Н. юридической помощи на протяжении менее чем двух месяцев, не усматривает дисциплинарного проступка в том, что тот «не подготовил и не представил следствию ни одного адвокатского процессуального документа: ходатайства, жалобы, заявления об отводе, адвокатского запроса, ни разу не обратился к надзирающему прокурору или в суд в порядке, установленном ст. 124–125 УПК РФ». Совет также не усматривает дисциплинарного проступка в неознакомлении адвоката Н. с постановлениями о назначении судебных экспертиз и заключениями экспертов, учитывая наличие копий данных документов в его адвокатском производстве.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению, с которым согласилась Квалификационная комиссия, в самоустранении адвоката Н. от участия в следственных действиях с потерпевшей У.А., производившихся в г. Е. С. края, Совет отмечает, что адвокат Н. действительно не принимал участия в дополнительном допросе потерпевшей и очных ставках между ней и рядом свидетелей, произведенных 23 и 24 декабря 2024 г. в указанном городе. Однако сам по себе этот факт не свидетельствует о совершении адвокатом Н. дисциплинарного проступка в силу следующего.

Как указано выше, юридическую помощь У.А. по тому же уголовному делу наряду с адвокатом Н. оказывал адвокат М., осуществляющий профессиональную деятельность в г. Е., который и принимал участие в указанных следственных действиях и с которым у адвоката Н. было налажено рабочее взаимодействие с распределением обязанностей, что подтверждается материалами дисциплинарного производства. Кроме того, адвокат Н. ссылался на то, что его неучастие в данных следственных действиях было согласовано с доверителем, поскольку его (адвоката Н.) выезд в г. Е. требовал от доверителя дополнительных затрат, которые тот

не готов был нести. Адвокат Н. также утверждал, что обсуждал с доверителем У., а также адвокатом М. ход очных ставках, консультировал их относительно линии процессуального поведения. Эти доводы адвоката Н. не только не опровергнуты, но подтверждаются материалами дисциплинарного производства, в частности, перепиской, свидетельствующей как о том, что У. был осведомлен о неучастии адвоката Н. в очных ставках и согласовывал его с учетом участия в этих следственных действиях адвоката М. Так, в одном из голосовых сообщений У. говорит: *«Н., пожалуйста, перезвоните М., переговорите с ним, чтобы я не передавал все то, что у нас сегодня произошло на очной ставке…»*.

Таким образом, в рассматриваемых следственных действиях юридическую помощь У.А. по согласованию с доверителем и между адвокатами оказывал один из двух ее профессиональных представителей – адвокат М., что является допустимым при групповом оказании юридической помощи, предполагающем среди прочего распределение по согласованию с доверителем и между адвокатами обязанностей между ними. Совет отмечает, что вывод Квалификационной комиссии об обязанности адвоката лично участвовать в каждом процессуальном действии с его доверителем сделан без учета этого обстоятельства.

По этой причине Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката Н. от участия в следственных действиях в г. Е. необоснованным. Дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Оснований для вывода об оказании адвокатом Н. доверителю У.А. неквалифицированной юридической помощи Совет также не усматривает.

В силу положений п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности влечет нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и данного кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности. Следовательно, адвокат может нести дисциплинарную ответственность только за собственные действия (бездействие). Между тем из доводов жалобы заявителя У. следует, что претензии в оказании неквалифицированной юридической помощи формулируются им применительно к содержанию ходатайств, заявленных адвокатом М., на действия (бездействие) которого заявителем У. подана самостоятельная жалоба в Адвокатскую палату С. края от 22 февраля 2025 г. Оценка профессионального поведения адвоката М. в настоящем дисциплинарном производстве невозможна в силу отсутствия таких полномочий у органов адвокатского самоуправления г. Москвы.

Одновременно Совет отмечает, что не находит оснований для критической оценки процесса взаимодействия адвокатов Н. и М., поскольку это взаимодействие обеспечивает условия для оказания доверителю квалифицированной юридической помощи, а именно согласованность и координацию действий адвокатов-представителей, не являясь

при этом самостоятельным видом юридической помощи. Каких-либо иных доказательств оказания адвокатом Н. неквалифицированной юридической помощи заявителем не представлено.

Таким образом, в части указанного дисциплинарного обвинения презумпция добросовестности адвоката Н. не опровергнута.

Несогласие заявителя У. с содержанием отчета адвоката Н. об оказанной юридической помощи («Сведения об адвокатской деятельности по оказанию юридической помощи») от 27 января 2025 г., в том числе с обоснованностью включения в него отдельных позиций, например, коммуникации с адвокатом М. и доверителем У., о дисциплинарном проступке адвоката Н. также не свидетельствует, в том числе и с учетом информационного характера данного отчета и того обстоятельства, что каких-либо требований финансового характера адвокат Н. в нем не выдвигает.

Отчет адвоката об оказании юридической помощи является документом, завершающим правовые отношения адвоката с доверителем в случае отмены последним поручения и при наличии просьбы к адвокату о представлении такого отчета (п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката). Иными словами, отчет адвоката об оказании юридической помощи является односторонним актом, содержание которого не формализовано.

Вопрос о размере отработанного (или неотработанного и подлежащего возвращению доверителю) вознаграждения не может решаться адвокатом императивно. Тем не менее адвокат может в отчете об оказанной юридической помощи использовать справочные (расчетные) параметры для определения размера отработанного вознаграждения, которые также не носят обязательного для доверителя характера и могут быть скорректированы адвокатом добровольно в ходе переговоров с доверителем либо подвергнуты оценке судом. Таким образом, и в данной части оснований для признания в действиях адвоката Н. дисциплинарного проступка не имеется.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет длительный стаж адвокатской деятельности, вину в данном нарушении признал. Вместе с тем Совет учитывает умышленный характер допущенного адвокатом Н. нарушения, свидетельствующий об игнорировании им норм профессиональной этики. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодек-

са профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с подп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем У. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара»), выразившееся в заключении с доверителем У. Соглашения об оказании юридической помощи от 29 ноября 2024 г., содержащего в п. 5.3 условие об удержании адвокатом Н. неотработанной части внесенного авансом вознаграждения («При досрочном расторжении Соглашения по инициативе Доверителя, при добросовестном отношении к выполнению поручения со стороны Адвоката, оплаченный, но неотработанный гонорар, не возвращается»).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Н. по жалобе У. от 18 марта 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.14. Дисциплинарное производство в отношении адвоката, обвиненного в исполнении функций «защитника-дублера» и неисполнении обязательных требований к защитнику по назначению, прекращено вследствие необоснованности выдвинутых дисциплинарных обвинений. Совет отметил, что на адвоката не может быть возложена ответственность за действия следователя, которыми создается правовая неопределенность.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Р., заявителя К. и его представителя – адвоката Н. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 10 марта 2025 г. в отношении адвоката Р.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению», адвокатом Р. профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в незаявлении им 03 марта 2025 г. старшему следователю З. МРСО СУ по ЦАО ГСУ СК РФ по г. Москве В. требования о вынесении постановлений, разрешающих заявленное К. ходатайство об отказе от него и заявленное им ходатайство об освобождении от участия в уголовном деле в порядке, определенном правилами гл. 15 УПК РФ, а также в несовершении всего алгоритма действий, указанных в Разъяс-

нениях № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению», а именно: (1) при отказе следователя вынести соответствующее постановление, подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту; (2) в случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с гл. 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе К., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Р. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, согласился с ним, дополнительно пояснил, что постановления следователя, датированные 03 марта 2025 г., об отказе в удовлетворении ходатайства доверителя К. и своего ходатайства, заявленных 03 марта 2025 г., он получил в письменном виде 04 марта 2025 г. Ему неизвестно, когда фактически изготовлены данные процессуальные решения – 03 или 04 марта 2025 г., однако устно следователь объявил об отказе в удовлетворении этих ходатайств непосредственно после их заявления 03 марта 2025 г.

Заявитель К. и его представитель – адвокат Н. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, с которым согласились частично, заявили о несогласии с выводом Квалификационной комиссии об истечении предусмотренного ст. 50 УПК РФ пятисуточного срока для приглашения К. нового защитника.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в полном объеме в силу следующего.

Против адвоката Р. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в недопустимом выполнении 03 марта 2025 г. функций «защитника-дублера»;

– в несогласовании позиции с подзащитным К., неконсультировании его перед проведением следственных действий, в действиях вопреки интересам доверителя в интересах следователя.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве 3. МРСО СУ по ЦАО ГСУ СК РФ по г. Москве находилось уголовное дело по обвинению К. и М. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292, пп. «г», «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Осуществлявший защиту К. на основании соглашения защитник – адвокат Н., будучи 19 февраля 2025 г. надлежащим образом уведомлен о планируемом на 24 февраля 2025 г. предъявлении обвинения, в указанный день к следователю

не явился, поскольку болел, и ему был оформлен листок нетрудоспособности. В период с 24 по 28 февраля 2025 г. следственные действия с участием К. не проводились ввиду отсутствия защитника; следователем в АИС АПМ размещались заявки, по которым поочередно были назначены два защитника, от помощи которых К. отказался.

28 февраля 2025 г. обвиняемый К. заявил об отказе от защитника по соглашению – адвоката Н. и просил предоставить ему 5 суток для приглашения другого защитника. Просьба была полностью удовлетворена постановлением следователя от 28 февраля 2025 г. Однако, вопреки собственному решению, 01 марта 2025 г. следователь вынес постановление о злоупотреблении обвиняемым К. и адвокатом Н. правом на защиту и о назначении защитника. В тот же день на основании заявки АИС АПМ от 01 марта 2025 г. защитником обвиняемого К. был назначен адвокат Р., который вступил в уголовное дело 03 марта 2025 г., предъявив удостоверение адвоката и ордер от 03 марта 2025 г.

К. 03 марта 2025 г. ходатайствовал о разрешении связаться с приглашенным им новым защитником – адвокатом М.В. и заявил об отказе от назначенного защитником адвоката Р., который отказ от него поддержал собственным аналогичным заявлением. В материалах дисциплинарного производства имеются два постановления следователя от 03 марта 2025 г. об отказе в удовлетворении данных заявлений К. и адвоката Р. Отказ в возможности связаться с адвокатом М.В. следователем мотивирован тем, что данный адвокат не вступил в дело путем предъявления ордера и удостоверения адвоката, потому не имеется оснований для рассмотрения вопроса о его «допуске» в качестве защитника К.

При предъявлении 03 марта 2025 г. К. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292, пп. «г», «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ, адвокат Р. на бланке постановления о привлечении в качестве обвиняемого указал, что обвинение было предъявлено в нарушение прав К., поскольку последним был заявлен отказ от него как от назначенного защитника в связи с «заключенным соглашением с другим адвокатом».

Помимо этого, адвокат Р. приложил к протоколу допроса К. в качестве обвиняемого, составленного в тот же день, заявление о нарушении права обвиняемого на защиту в связи с наличием у него защитника по соглашению и заявленного им отказа от помощи адвоката Р.

В протоколе уведомления об окончании следственных действий и графике ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый К. вновь заявил о нарушении своего права на защиту, а также о невозможности начать ознакомление с делом в связи с неуведомлением о процессуальных действиях приглашенного защитника – адвоката М. В. Данные заявления поддержаны адвокатом Р., который в собственных заявлениях просил повторно провести процессуальные действия с участием защитника по соглашению – адвоката М.В.

03 марта 2025 г. адвокатом Р. в АИС АПМ поданы три обращения по распределенной ему заявке от 01 марта 2025 г., в которых он сообщал о неверном указании даты рождения доверителя и номера уголовного дела, просил заявку отменить.

24 марта 2025 г. адвокат Р. в порядке ст. 125 УПК РФ обжаловал в З. районный суд г. Москвы постановление следователя от 03 марта 2025 г. об отказе в удовлетворении заявлений К. об отказе от назначенного защитника и его, адвоката Р., – об освобождении от участия в уголовном судопроизводстве. Произ-

водство по данной жалобе прекращено судом 04 апреля 2025 г.

Переходя к оценке выдвинутых заявителем дисциплинарных обвинений, Совет исходит из того, что в соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ право дознавателя, следователя и суда принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, возникает в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления соответствующего ходатайства. Согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В пп. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адво-

катской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда РФ – в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Квалификационная комиссия правильно установила описанные фактические обстоятельства, но дала ошибочную оценку правовых последствий удовлетворенного следователем ходатайства обвиняемого К. от 28 февраля 2025 г. об отказе от защитника по соглашению – адвоката Н. и о предоставлении ему 5 суток для приглашения нового защитника.

Вопреки доводу Квалификационной комиссии о том, что в постановлении следователя от 28 февраля 2025 г. о полном удовлетворении указанного ходатайства К. от 28 февраля 2025 г. «вопрос о предоставлении 5 суток разрешен не был», это ходатайство удовлетворено следователем полностью, а значит, и в части предоставления К. пятисуточного срока для приглашения защитника, который должен исчисляться с момента вынесения данного процессуального решения. Данная ошибочная оценка привела к неверному выводу Квалификационной комиссии о том, что «при таких обстоятельствах отказ от защитника – адвоката Н., заявленный К. 28 февраля 2025 г., когда с момента уведомления обвиняемого и защитника о необходимости явки к следователю прошло 9 дней, не подразумевал применение нового пятидневного срока для приглашения к участию в деле защитника по соглашению».

Предусмотренное ст. 50 УПК РФ право на приглашение защитника не может быть ни при каких обстоятельствах

ограничено дознавателем, следователем или судом. Если дознаватель, следователь или суд усматривают в действиях по отказу от приглашенного защитника злоупотребление правом на защиту со стороны обвиняемого, то это позволяет, не дожидаясь окончания 5-суточного срока, обеспечить назначение защитника, который обязан в этом случае осуществлять защиту, в том числе и наряду с защитником по соглашению. Однако подобная правовая возможность может быть реализована дознавателем, следователем или судом только в случае, если при этом им не было удовлетворено ходатайство обвиняемого об отказе от защитника и предоставлении пятисуточного срока для приглашения другого защитника. Если же отказ от приглашенного защитника ими принят, то это влечет правовые последствия в виде предоставления обвиняемому 5 суток для приглашения адвоката, более того – это право должно быть разъяснено обвиняемому следователем.

В рассматриваемой же ситуации предусмотренный ч. 3 ст. 50 УПК РФ 5-суточный срок на приглашение защитника соблюден не был, что не позволяло следователю назначить защитника, а назначенному защитником адвокату Р. осуществлять защиту обвиняемого К., принимая участие в следственных и иных процессуальных действиях. Вместе с тем Совет признает, что описанное выше профессиональное поведение адвоката Р. не образует дисциплинарного проступка в виде недопустимого выполнения им функций «защитника-дублера» в силу предпринятой им совокупности активных действий, направленных на соблюдение права К. на свободный выбор защитника. Эти действия свидетельствуют о его добросовестности и активном нежелании осуществлять функции «защитника-дублера», а следовательно, и об отсутствии умысла либо грубой неосторожности в данной части. Так, им предпринимались действия, направленные на отмену распределенной ему заявки АИС АПМ, на обеспечение участия адвоката М.В., еще не вступившего в уголовное дело путем предъявления удостоверения адвоката и ордера, а также были сделаны неоднократные письменные заявления о допущенных нарушениях прав обвиняемого К. Кроме того, принятие следователем противоречащих друг другу процессуальных решений: сначала 28 февраля 2025 г. об удовлетворении отказа К. от защитника по соглашению – адвоката Н. и о предоставлении пятисуточного срока для приглашения защитника, а затем 01 марта 2025 года о злоупотреблении правом на защиту, – привело к созданию правовой неопределенности, которая усложнила для адвоката Р. правильную оценку своих действий. Ответственность за негативные последствия таких действий следователя не может быть возложена на адвоката.

Кроме того, Совет на соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат Р. не добился рассмотрения следователем ходатайства К. о его отводе как назначенного защитника, а также его, адвоката Р., собственного ходатайства об освобождении от участия в уголовном деле в качестве защитника К. Сам по себе факт неполучения адвокатом Р. 03 марта 2025 г. соответствующих постановлений следователя в письменном виде основанием для такого вывода являться не может, тем более что решение об отказе в удовлетворении обоих этих заявлений следователем было принято и объявлено К. и адвокату Р. непосредственно после того, как они были сделаны. В материалах дисциплинарного производства имеются два постановления следователя от 03 марта 2025 г. о рассмотрении

указанных ходатайств К. и адвоката Р., копии которых были получены адвокатом Р. 04 марта 2025 г. Доказательств того, что данные постановления не были вынесены в указанную в них дату, в материалах дисциплинарного производства не имеется, и в Заключении Квалификационной комиссии они не приведены.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Р. неопровергнутой также и в данной части, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объеме.

Совет признает правильными выводы Квалификационной комиссии о голословности и необоснованности обвинений в несогласовании адвокатом Р. с заявителем К. позиции по уголовному делу, неконсультировании доверителя перед проведением процессуальных действий, в действиях в интересах следователя. После того, как К. отказался согласовать с адвокатом Р. свою позицию по уголовному делу, адвокат, руководствуясь подп. «б» п. 5 Стандарта осуществления защиты адвокатом в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исходил из презумпции невиновности подзащитного. Описанные выше действия адвоката Р. опровергают их направленность в интересах следователя.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката Р. не опровергнута и в части этих дисциплинарных обвинений.

Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату Р. на необходимость неукоснительного исполнения следующих профессиональных обязанностей: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов РФ и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Совет отмечает, что в соответствии с п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176), сведения, предоставленные инициатором заявки в уведомлении, должны быть полными и достоверными. В п. 1 Разъяснений № 15 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной деятельности адвоката «Об отдельных вопросах участия адвокатов в делах по назначению», утвержденных Решением Совета от 28 октября 2021 г. (Протокол № 18), указано, что недостоверность или отсутствие в заявке, поданной посредством АИС АПМ, любых сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помо-

щи, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело. При этом не имеют значения как причина отсутствия либо недостоверности сведений (техническая ошибка или намеренное искажение), так и степень их существенности. В частности, отсутствие или неправильное указание даже одного знака либо последовательности знаков является основанием для отказа адвоката от вступления в дело. Адвокат, выявивший недостоверность или отсутствие указанных выше сведений, обязан письменно разъяснить инициатору заявки причины отказа от вступления в дело и необходимость подачи новой заявки с правильными данными, так как в противном случае не может быть обеспечен достоверный учет заявок и соблюдение принципа непрерывности защиты.

Поскольку в жалобе заявителя не выдвинуто дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката Р. в уголовное дело на основании заявки в АИС АПМ, содержавшей не соответствующий действительности номер уголовного дела, правовая оценка этим действиям (бездействию) адвоката Р. дана быть не может.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобе К. от 10 марта 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.15. Адвокат получил предупреждение за то, что подготовил и предъявил иск о возмещении ущерба в отсутствие доверенности и без согласования позиции и содержания иска с доверителем, а также не вернул доверителю оригиналы документов и представил ему отчет с недостоверными сведениями. Вместе с тем признаны необоснованными дисциплинарные обвинения в возложении адвокатом на доверителя необоснованной дополнительной финансовой ответственности и в злоупотреблении его доверием.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Г., его представителя – Г.Е. и адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. (без даты) в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката»), выразившемся в удержании

с 28 августа 2024 г. вплоть до настоящего времени денежных средств в размере …руб., составляющих разницу между фактически полученной адвокатом Ш. от доверителя Г. 08 августа 2024 г. денежной суммой в размере …руб. (под предлогом необходимости компенсации заранее согласованных с доверителем расходов на выплату вознаграждения специалисту в размере …руб.) и денежной суммой в размере …руб., фактически уплаченной ООО «…» с оформлением квитанции от 28 августа 2024 г. за подготовку заключения специалиста от 23 августа 2024 г., составленного специалистом Х.;

2) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), выразившемся в неознакомлении, по крайней мере начиная с 28 августа и вплоть до 07 сентября 2024 г. доверителя Г. с заключением специалиста от 23 августа 2024 г., составленным специалистом Х.;

3) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве … адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»), выразившемся в совершении адвокатом Ш. действий по подготовке и предъявлению 06 сентября 2024 г. посредством Официального портала судов общей юрисдикции города Москвы в Д. районный суд г. Москвы искового заявления Г. к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия в отсутствие доверенности, предусматривающей соответствующие специальные полномочия, а также без предварительного согласования текста искового заявления с доверителем Г.;

4) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; адвокат обязан выполнять решения органов ад-

вокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара»), выразившемся в том, что, заключив с доверителем Г. Договор № … об оказании юридической помощи от 04 сентября 2024 г., предусматривающий в п. 5.3 невозвращение доверителю уплаченного авансом вознаграждения в размере …руб. в случае расторжения указанного соглашения об оказании юридической помощи по инициативе доверителя, адвокат Ш. после отмены 11 сентября 2024 г. доверителем Г. поручения 26 февраля 2025 г. направил в адрес доверителя Г. отчет по указанному договору об оказании юридических услуг, в котором определил размер своего вознаграждения в сумме …руб., превышающей общий размер предусмотренной вышеуказанным договором фиксированной части вознаграждения за юридическую помощь «при рассмотрении иска к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП» (…руб. за оказание юридической помощи в суде первой инстанции), тем самым возложив на доверителя гражданско-правовую ответственность за реализацию им права на расторжение соглашения с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи;

5) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), выразившемся во включении в отчет по Договору № … от 04 сентября 2024 г. об оказании юридических услуг, направленный доверителю Г. 26 февраля 2025 г.:

– сведений о несогласованном с доверителем Г. удержании ...руб. в связи с оплатой в интересах доверителя Г. суммы государственной пошлины (…руб.) при обращении в Д. районный суд г. Москвы с иском Г. к А. о возмещении материального ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия;

– сведений о юридической помощи, фактически оказанной по ранее заключенному между заявителем Г. и адвокатом Ш. Договору об оказании юридической помощи № … от 12 июня 2024 г. («Выезд на место ДТП (М. область). Анализ ситуации на месте. Очное консультирование доверителя на месте ДТП» стоимостью …руб., а также «Консультирование по проведению экспертизы с целью получения заключения о причинах ДТП и вероятном виновнике. Направление материалов эксперту. Сопровождение» стоимостью …руб.);

6) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защи-

щать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу»), выразившемся в уклонении адвоката Ш. от направления доверителю Г. вплоть до 26 февраля 2025 г. подлинных документов, полученных адвокатом Ш. в ходе оказания юридической помощи доверителю Г.: претензия Г. в адрес А.; исковое заявление Г. к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия; документы, подтверждающие направление вышеуказанных претензии и искового заявления ответчику А. – несмотря на неоднократное предъявление к нему требований об их предоставлении, начиная с 09 февраля 2025 г.;

7) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе Г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Г. и его представитель Г.Е. в заседании Совета пояснили, что Заключение Квалификационной комиссии ими получено. Указали, что частично не согласны с ним. Считают, что адвокат Ш. ввел Квалификационную комиссию в заблуждение, заявив о предоставлении эксперту всех необходимых материалов; действия адвоката нанесли ущерб заявителю, поскольку в административном деле остался документ с позицией адвоката о невыезде заявителя за пределы проезжей части, которая затрудняет его дальнейшую защиту; позиция адвоката в этой части была противоположна позиции доверителя. Заявитель Г. также подал письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии аналогичного содержания, которые поддержал в заседании Совета.

Адвокат Ш. в заседании Совета пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, не согласен с его выводами в пп. 1–6 по мотивам, изложенным в письменных возражениях. В этих возражениях адвокат Ш. объясняет задержку в ознакомлении доверителя с заключением специалиста необходимостью вначале ознакомиться с ним самому; считает срок задержки разумным, подачу иска объясняет дефицитом времени и тем, что позиция ранее обсуждалась с доверителем, а также подтверждает довод об удержании денежных средств только до полного расчета с доверителем. Кроме того, сообщает, что п. 5.3 более им не используется в соглашениях с доверителями.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но с ее выводами частично не соглашается в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что между доверителем Г. и адвокатом Ш. заключен Договор об оказании юридической помощи от 12 июля 2024 г. № … предусматривающий в качестве предмета поручения «оказание квалифицированной адвокатской помощи по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ» (п. 1.1). 15 июля 2024 г. доверитель Г. выплатил адвокату Ш. вознаграждение

в размере …руб. на счет его банковской карты. 16 июля 2024 г. адвокату Ш. на основании Договора от 12 июля 2024 г. выдан ордер на защиту Г. по делу об административном нарушении.

В части доводов заявителя о ненадлежащей и неквалифицированной юридической помощи Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что установление перечисляемых в жалобе заявителя Г. процессуальных нарушений, равно как и определение их правового значения невозможно посредством дисциплинарного производства, поскольку дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не наделены такими полномочиями.

Доводы заявителя о несогласии с избранной адвокатом Ш. тактикой защиты, в том числе о несогласии с содержанием подготовленных адвокатом процессуальных документов, о заявлении или незаявлении ходатайств, формулировании позиции в суде не указывают на наличие в действиях адвоката дисциплинарного проступка и не могут являться предметом оценки в дисциплинарном производстве, поскольку тактика ведения дела определяется адвокатом самостоятельно в силу его законодательно закрепленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). При этом постановлением …кассационного суда общей юрисдикции от 08 апреля 2025 г. дело об административном правонарушении в отношении Г. направлено на новое рассмотрение в Ч. районный суд г. Москвы.

Утверждение заявителя Г. о том, что адвокат Ш., приводя соответствующие доводы в его защиту, причинил ему вред, создав риск признания его виновником дорожно-транспортного происшествия, носит предположительный характер и является надуманным. Между тем дисциплинарное обвинение может быть основано только на доказательствах, а не на предположениях, и обязанность доказывания таких обвинений несет заявитель. Кроме того, факт привлечения участников дорожно-транспортного происшествия к административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения сам по себе не предопределяет вывод о виновности в дорожно-транспортном происшествии и не является безусловным основанием для возложения гражданско-правовой ответственности в соответствии с правилами ст. 61 ГПК РФ.

Довод заявителя Г. о тенденциозном подборе адвокатом Ш. при обращении через ООО «…» к специалисту Х. документов в пользу процессуального оппонента Г. – А. не нашел подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, так как доказательств этого представлено не было. Это же относится и к доводу о непредставлении адвокатом Ш. заключения специалиста Х. от 23 августа 2024 г. по делу об административном правонарушении, в том числе потому, что сам заявитель высказывал возражения против содержания соответствующего заключения специалиста и его представления суду.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части доводов заявителя Г. о неквалифицированном и противоречащем его интересам оказании адвокатом Ш. юридической помощи вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая доводы заявителя о злоупотреблении доверием и совершении адвокатом Ш. действий, направленных к подрыву доверия к нему и к адвокатуре, Совет отмечает следующее.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 06 августа 2024 г. адвокат Ш. посредством мессенджера *WhatsApp* проинформировал представителя доверителя Г. – Г.Е. о том, что стоимость «экспертизы» составит …руб., а 08 августа 2024 г. получил от доверителя Г. вышеуказанную сумму на счет своей личной банковской карты. При этом адвокат Ш. фактически уплатил за подготовку заключения специалиста существенно меньшую сумму – …руб. и своевременно не проинформировал доверителя Г. о данном обстоятельстве, удержав разницу между указанными суммами в размере … руб. Факт нахождения указанных денежных средств в его распоряжении адвокат Ш. признал. При этом Договор от 12 июля 2024 г. какого-либо основания для удержания адвокатом Ш. данных денежных средств не предусматривает. Довод адвоката Ш. о том, что удержание им указанных денежных средств было связано с возможной необходимостью подготовки «второго варианта» заключения, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку отказ доверителя Г. от юридической помощи, состоявшийся 11 сентября 2024 г., очевидным образом исключал правовые основания для совершения адвокатом Ш. каких-либо действий в интересах доверителя Г.

Квалификационная комиссия пришла к выводу о нарушении адвокатом Ш. при описанных обстоятельствах требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об упречности такого поведения адвоката Ш., который с учетом прекращения отношений с ним был обязан возвратить доверителю неизрасходованные денежные средства, полученные для оплаты заключения специалиста. Вместе с тем Совет при установленных обстоятельствах не находит оснований для квалификации рассматриваемых действий адвоката Ш. как умышленного злоупотребления доверием. К такому выводу Совет приходит с учетом того, что адвокат Ш. не сообщал доверителю ложных сведений о фактически понесенных расходах по оплате заключения специалиста и последовательно утверждал, что был готов к взаиморасчетам с ним. Эта позиция адвоката Ш. в результате дисциплинарного разбирательства не опровергнута. При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу об исключении указания на нарушение п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката из формулировки дисциплинарного обвинения адвоката Ш.

В отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Ш. не обеспечил своевременного ознакомления доверителя Г. с заключением специалиста Х. от 23 августа 2024 г., которым адвокат располагал как минимум с 28 августа 2024 г., не предоставив его доверителю немедленно после получения, несмотря на высказанные доверителем просьбы об этом и значимость заключения в свете рассмотрения 03 сентября 2024 г. мировым судьей дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, в отношении Г., Совет отме-

чает следующее. Факт несвоевременного ознакомления адвокатом Ш. своего доверителя Г. с указанным заключением специалиста достоверно установлен и не отрицается адвокатом Ш. Его довод о «разумном» сроке задержки в связи с необходимостью вначале ознакомиться с заключением самому Совет отклоняет как несостоятельный, надуманный и не влияющий на оценку его профессионального поведения. По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о доказанности вины адвоката Ш. в этом дисциплинарном нарушении и признает презумпцию его добросовестности опровергнутой.

Рассматривая довод об оказании доверителю Г. юридической помощи против его воли и в отсутствие предусмотренных для этого правовых оснований, выразившемся в подготовке и подаче в Д. районный суд г. Москвы искового заявления Г. к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, без согласия доверителя Г. и в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что адвокат Ш. совершил все зависящие от него действия, направленные на заключение Договора от 04 сентября 2024 г., а также достиг с доверителем Г. устной договоренности относительно его условий. Вместе с тем подготовка и предъявление указанного искового заявления были осуществлены адвокатом Ш. в отсутствие доверенности. В этой связи Совет отмечает, что не выраженное с достаточной степенью конкретности волеизъявление доверителя на подачу в его интересах искового заявления не освобождало адвоката Ш. от обязанности исполнять предписания ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом тот факт, что Д. районный суд не возвратил исковое заявление, а оставил его без движения по иным основаниям, на оценку профессионального поведения адвоката Ш. не влияет. К тому же исковое заявление было принято судом к производству только после устранения его недостатков 19 ноября 2024 г. Кроме того, адвокат Ш. перед подачей искового заявления не согласовал его содержание с доверителем при том, что последний указывает на несогласие с ним.

С учетом этих обстоятельств Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Г. при описанных обстоятельствах, признавая презумпцию его добросовестности опровергнутой и в данной части.

Довод адвоката Ш. об отсутствии существенных последствий вышеуказанного нарушения не свидетельствует об отсутствии нарушения при том, что сам факт описанных действий без согласия доверителя им не отрицается.

Относительно довода заявителя о необоснованно завышенном размере вознаграждения адвоката Ш. в представленном им отчете по Договору от 04 сентября 2024 г. Совет отмечает следующее. Предусмотренная отчетом общая стоимость юридической помощи действительно определена адвокатом Ш. в размере … руб., хотя предусмотренное Договором от 04 сентября 2024 г. фиксированное вознаграждение, выплаченное адвокату Ш. авансом 06 сентября 2024 г., составляет …руб. Кроме того, в отчете указано, что «тарификация услуг по отдельности проведена по просьбе доверителя» и что «тарифицированный отчет об оказанных услугах предоставляется для завершения расчетов с доверителем». Вместе

с тем доказательств предварительного ознакомления доверителя Г. с упоминаемой адвокатом Ш. «тарификацией», равно как и согласования ее порядка в период оказания юридической помощи не представлено.

Давая оценку рассматриваемому дисциплинарному обвинению, Квалификационная комиссия в Заключении сослалась на позицию, сформулированную Советом Адвокатской палаты города Москвы в Решении от 28 сентября 2023 г. № 243 по дисциплинарному производству в отношении адвокатов А. и Б.: «Отчет адвоката об оказании юридической помощи является документом, завершающим правовые отношения адвоката с доверителем в случае отмены последним поручения и наличия его просьбы о формализации и описании действий, которые были совершены адвокатом в рамках оказания юридической помощи (п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката). Из системного толкования приведенного выше положения следует, что отчет адвоката об оказании юридической помощи является односторонним актом, содержание которого строго не формализовано. Он может иметь различное оформление и содержание, в том числе может отражать позицию адвоката о размере отработанного вознаграждения (гонорара). Расчет адвокатом размера отработанного и неотработанного вознаграждения носит предварительный характер, является переговорной позицией и, следовательно, не имеет обязательного значения для доверителя, который вправе не согласиться с подходом адвоката. Иными словами, вопрос о размере отработанного (или неотработанного и подлежащего возвращению доверителю) вознаграждения не может решаться адвокатом императивно. Тем не менее адвокат может в отчете об оказанной юридической помощи использовать справочные (расчетные) параметры для определения размера отработанного вознаграждения, которые также не носят обязательного для доверителя характера и могут быть скорректированы адвокатом добровольно в ходе переговоров с доверителем либо подвергнуты оценке судом».

Однако, приведя эту позицию Совета, Комиссия не применила ее при оценке профессионального поведения адвоката Ш. в данной части и пришла к выводу о том, что он, указав в отчете размер вознаграждения выше предусмотренной Договором от 04 сентября 2024 г. его фиксированной суммы, тем самым «фактически возложил на своего доверителя Г. недопустимую меру гражданско-правовой ответственности за реализацию им присущего ему безусловного права на отмену поручения в любой момент оказания юридической помощи». Между тем в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ш. не требовал и не намеревался требовать дополнительной оплаты доверителем оказанной ему юридической помощи, а лишь намеревался произвести с ним взаиморасчет. В связи с этим Совет вновь подчеркивает, что рассматриваемые сведения в Отчете носят справочный характер и приведены, как указал адвокат Ш. (и эти его пояснения не опровергнуты), в связи с возражениями доверителя относительно заключения договора. Таким образом, отчет адвоката в рассматриваемой части лишь отражает его позицию, носит справочный характер и, вопреки ошибочному выводу Квалификационной комиссии, не свидетельствует о возложении на доверителя «недопустимой меры гражданско-правовой ответственности». Кроме того, Комиссия в отсутствие соответствующего дисциплинарного обвинения признала дисциплинарное нарушение во вклю-

чении адвокатом Ш. недопустимого условия о невозврате аванса в случае досрочного расторжения соглашения доверителем (п. 5.3 Договора об оказании юридической помощи). В соответствии с п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката выход за пределы жалобы недопустим. По этим причинам Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части.

Вместе с тем дисциплинарное обвинение во включении адвокатом Ш. недостоверных сведений в указанный отчет по Договору от 04 сентября 2024 г. об оказании юридических услуг, направленный доверителю Г. 26 февраля 2025 г., нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Так, установлено, что в этот отчет адвокат Ш. включил следующие сведения:

– о несогласованном с доверителем Г. удержании …руб. в качестве «комиссии» за использование счета в связи с оплатой в интересах доверителя Г. суммы государственной пошлины (…руб.) при обращении с иском о возмещении материального ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия;

– о юридической помощи, фактически оказанной по ранее заключенному между заявителем Г. и адвокатом Ш. Договору об оказании юридической помощи от 12 июня 2024 г. № … («Выезд на место ДТП (М. область). Анализ ситуации на месте. Очное консультирование доверителя на месте ДТП» стоимостью …руб., а также «Консультирование по проведению экспертизы с целью получения заключения о причинах ДТП и вероятном виновнике. Направление материалов эксперту. Сопровождение», стоимостью …руб.).

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Ш., выразившемся во включении в указанный отчет заведомо недостоверной информации о юридической помощи, оказанной по другому соглашению, а равно в указании «комиссии» за использование счета, не соответствующей характеру адвокатской деятельности.

Рассматривая довод заявителя Г. об удержании адвокатом Ш. документов, полученных в ходе оказания юридической помощи, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что он также нашел подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства. Срок предоставления адвокатом Ш. доверителю Г. документов, полученных в ходе оказания юридической помощи, не являлся разумным, что не соответствует требованиям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом каких-либо объективных препятствий для своевременного возвращения документов доверителю по его требованию у адвоката Ш. не имелось.

Иные, помимо приведенных выше, доводы участников дисциплинарного производства, приведенные в письменных возражениях и в заседании Совета, на разрешение настоящего дисциплинарного производства не влияют.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенные наруше-

ния, Совет принимает во внимание их множественный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований по надлежащему установлению, формализации и поддержанию отношений с доверителем и сопряженный с действиями, направленными к подрыву доверия. Такое профессиональное поведение адвоката Ш. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает длительный стаж его адвокатской деятельности, совершение им дисциплинарных нарушений впервые и их частичное признание. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату Ш. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

1) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), выразившееся в удержании с 28 августа 2024 г. вплоть до настоящего времени денежных средств в размере …руб., составляющих разницу между полученной адвокатом Ш. от доверителя Г. 08 августа 2024 г. денежной суммой в размере …руб. с целью компенсации заранее согласованных с доверителем расходов на выплату вознаграждения специалисту в размере …руб. и денежной суммой в размере …руб., фактически уплаченной ООО «…» с оформлением квитанции от 28 августа 2024 г. за подготовку заключения специалиста от 23 августа 2024 г., составленного специалистом Х.;

2) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), выразившееся в неознакомлении, по крайней мере начиная с 28 августа и вплоть до 07 сентября 2024 г., доверителя Г. с заключением специалиста от 23 августа 2024 г., составленным специалистом Х.;

3) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1

ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»), выразившееся в совершении адвокатом Ш. действий по подготовке и предъявлению 06 сентября 2024 г. посредством Официального портала судов общей юрисдикции города Москвы в Д. районный суд г. Москвы искового заявления Г. к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия в отсутствие доверенности, предусматривающей соответствующие специальные полномочия, а также без предварительного согласования текста искового заявления с доверителем Г.;

4) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), выразившееся во включении в отчет по Договору № … от 04 сентября 2024 г. об оказании юридических услуг, направленный доверителю Г. 26 февраля 2025 г.:

– сведений о несогласованном с доверителем Г. удержании …руб. в связи с оплатой в интересах доверителя Г. суммы государственной пошлины (…руб.) при обращении в Д. районный суд г. Москвы с иском Г. к А. о возмещении материального ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия;

– сведений о юридической помощи, фактически оказанной по ранее заключенному между заявителем Г. и адвокатом Ш. Договору об оказании юридической помощи № 1–07/24а от 12 июня 2024 г. («Выезд на место ДТП (М. область). Анализ ситуации на месте. Очное консультирование доверителя на месте ДТП» стоимостью …руб., а также «Консультирование по проведению экспертизы с целью получения заключения о причинах ДТП и вероятном виновнике. Направление материалов эксперту. Сопровождение» стоимостью …руб.);

5) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу»), выразившееся в уклонении от возвращения доверителю Г. вплоть до 26 февраля 2025 г.

подлинных документов, полученных адвокатом Ш. в ходе оказания юридической помощи доверителю Г. (претензия Г. в адрес А., исковое заявление Г. к А. о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, документы, подтверждающие направление вышеуказанных претензии и искового заявления ответчику А.), несмотря на неоднократное предъявление к нему требований об их возвращении, начиная с 09 февраля 2025 г.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобе Г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.16. Адвокат, получив от доверителя денежные средства для возмещения ущерба, причиненного доверителем, оставила их у себя. Статус адвоката прекращен.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. от 08 апреля 2025 г. в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 21 мая 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ш. положений пп. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката»), выразившемся в том, что, получив от доверителя Р. в период с 13 июля по 07 августа 2024 г. денежные средства в общем размере …руб. для возмещения ПАО «…» ущерба, причиненного преступлением, она мер по возмещению ущерба не приняла (таких мер принимать не собиралась изначально), оставив у себя денежные средства доверителя Р. в размере …руб., сообщив доверителю Р. недостоверные сведения о якобы произведенном возмещении ущерба потерпевшему в полном размере на сумму …руб., в подтверждение чего предоставила ей фиктивные расписки от 13 июля и 12 августа 2024 г., якобы выполненные от имени представителя потерпевшего К., а после поступления уголовного дела в отношении А. в Л. городской суд М. области для рассмотрения по существу адвокат Ш. продолжила вводить доверителя Р. и суд в заблуждение об указанных обстоятельствах, для чего предоставила суду в судебных заседаниях, состоявшихся 17 декабря 2024 г. и 14 января 2025 г., фиктивные платежное поручение и банковскую выписку и продолжила утверждать в суде о якобы совершении ею платежа в счет возмещения ущерба, причиненного ПАО «…», в сумме …руб. на его расчетный счет даже после получения судом от указанного общества сведений, опровергающих данные обстоятельства.

Заявитель Р., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, участие в заседании Совета не приняла. Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя.

Адвокат Ш. в заседании Совета пояснила, что с Заключением Квалификационной комиссии не согласна. Пояснила, что действовала исключительно в интересах доверителя А., добившись переквалификации его действий на менее тяжкое деяние в связи с уменьшением суммы ущерба. Однако доверитель и его родственники сами отказались от возмещения ущерба. При этом представление доверителям и суду поддельных расписок не отрицала, но просила проявить к ней снисхождение.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

19 июня 2024 г. СУ МУ МВД России «Л.» было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. В 01.00 час. 20 июня 2024 г. по подозрению в совершении указанного преступления был задержан А.

20 июня 2024 г. между адвокатом Ш. и Р. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее осуществление защиты А. в МУ МВД России «Л.» и в Л. городском суде М. области. Вознаграждение адвоката Ш. по указанному соглашению составило …руб. После заключения соглашения адвокат Ш. вступила в уголовное дело в качестве защитника А., осуществляла его защиту на предварительном следствии и в суде первой инстанции.

В июле 2024 г. адвокат Ш. сообщила Р. о необходимости возмещения ПАО «…» материального ущерба, поскольку это будет являться обстоятельством, смягчающим наказание А. Р. согласилась на предложение адвоката Ш. В период с 13 июля по 07 августа 2024 г. Р. осуществила три перевода денежных средств в общей сумме …руб. по номеру банковской карты Д., которого адвокат Ш. представила доверителю Р. как своего мужа. После получения от Р. денежных средств в указанном размере адвокат Ш. отчиталась перед ней о расходовании …руб., представив расписки от 13 июля и 12 августа 2024 г., якобы подтверждающие получение представителем потерпевшего К. денежных средств в указанном размере в счет, соответственно, частичного и полного возмещения ущерба. Оставшуюся сумму адвокат Ш. возвратила заявителю Р., что последней подтверждается в жалобе.

06 декабря 2024 г. уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поступило в Л. городской суд М. области. Адвокат Ш. в судебном заседании 17 декабря 2024 г. сообщила суду о возмещении ущерба, причиненного преступлением, в размере …руб., в подтверждение чего представила платежное поручение от 13 июля 2024 г. о якобы перечислении указанной суммы с ее (адвоката Ш.) банковского счета на расчетный счет ПАО «…». В судебном заседании 14 января 2025 г. адвокат Ш. просила приобщить к материалам уголовного дела справку об операциях по счетам от 13 июля 2024 г. В этом же судебном заседании представитель потерпевшего К. сообщил, что ему ничего неизвестно о факте возмещения ущерба, в связи с чем судебное заседание было отложено для направления запроса в ПАО «…».

17 января 2025 г. из ПАО «…» поступил ответ на запрос суда от 14 января 2025 г., в котором сообщалось о том, что платежей от Ш. в сумме …руб. на расчетные счета ПАО «…» не поступало. В этот же день адвокат Ш. подала в приемную Л. городского суда заявле-

ние, в котором указала, что между ней и А. было заключено соглашение на его защиту на стадии «предварительного следствия», соглашение на представление его интересов на стадии судебного разбирательства не заключалось, оплата не производилась. В связи с изложенным адвокат Ш. просит не привлекать ее к участию в рассмотрении уголовного дела в отношении А. Кроме того, в этом же заявлении адвокат Ш. довела до сведения суда информацию о том, что 17 декабря 2024 г. ей поступило требование Р. о возврате ей денежных средств в размере …руб., которые Р. ранее перечисляла для возмещения ущерба.

24 января 2025 г. Л. городским судом в отношении А. был постановлен приговор, которым он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 2 (два) года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. При этом в приговоре отсутствует указание на возмещение осужденным ущерба.

Лишь 13 марта 2025 г., после того как заявитель Р. уведомила адвоката Ш. о намерении обратиться с заявлением в правоохранительные органы, последняя перевела на банковскую карту Р. …руб.

Согласно подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

Положением ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1); адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2); злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3).

С учетом публично-правового характера дисциплинарного производства и действующей в дисциплинарном производстве презумпции добросовестности адвоката обязанность опровержения позиции адвоката Ш. возложена на заявителя Р.

По мнению заявителя Р., адвокат Ш., получив от нее денежные средства в размере …руб., просто хотела их присвоить, и она, Р., не знает, почему адвокат Ш. до суда не возместила ущерб потерпевшему, обманув ее заверением в том, что это сделано, и представленными расписками. В материалы дисциплинарного производства совместно с жалобой заявитель Р. представила две расписки – от 13 июля 2024 г. на сумму …руб. и от 12 августа 2024 г. на сумму …руб. – о получении указанных денежных сумм в счет, соответственно, частичного и полного возмещения ущерба, выполненные машинописным способом от имени представителя ПАО «…» К. Однако адвокат Ш. факт передачи таких расписок Р. отрицала. Вместе с тем в дисциплинарном производстве содержится фотокопия расписки на сумму …руб., которая была направлена Р. посредством мессенджера *WhatsApp* именно адвокатом Ш., а сведения о встрече с К. 12 августа 2024 г. для

возмещения ущерба в размере …руб. подтверждаются голосовыми сообщениями адвоката Ш. Изученная Квалификационной комиссией и проанализированная в ее заключении переписка между адвокатом Ш. и заявителем Р. в чате в мессенджере *WhatsApp* бесспорно свидетельствует о том, что денежная сумма запрашивалась адвокатом Ш. у Р. именно для возмещения ущерба, причиненного преступлением потерпевшему – ПАО «…».

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что адвокат Ш. вводила доверителя Р., а также суд в заблуждение, сообщила доверителю Р. недостоверные сведения о якобы произведенном возмещении ущерба потерпевшему в полном размере, предоставив доверителю фиктивные расписки, якобы выполненные от имени представителя потерпевшего, а также предоставив суду фиктивное платежное поручение и банковскую выписку. Тем самым адвокат Ш. злоупотребила доверием Р. и суда, а также совершила действия, направленные к подрыву доверия к ней как к адвокату, а также к институту адвокатуры в целом. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении описанного дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенное ею дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его умышленный и злостный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих профессионально-этических требований и причинением существенного вреда интересам доверителя и авторитету адвокатуры.

Установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше обстоятельства убедительно свидетельствуют о том, что адвокат Ш. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, ее профессиональное поведение характеризуется крайней степенью недобросовестности, прямо противоречит призванию и назначению адвоката, а также фундаментальным требованиям к адвокатской деятельности. Последующий вынужденный возврат адвокатом Ш. заявителю жалобы денежных средств учитывается Советом, но этой оценки не меняет. Ссылка адвоката Ш. на то, что она действовала в интересах доверителя, отклоняется Советом как несостоятельная и противоречащая установленным по делу обстоятельствам. Кроме того, интересы доверителя могут защищаться и отстаиваться адвокатом только способами, не противоречащими требованиям закона и профессиональной этики.

Совет также принимает во внимание, что к адвокату Ш. ранее Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы… № … уже была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения. При этом Совет в указанном решении признал ее профессиональное поведение недопустимым, предоставив ей возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества. Однако адвокат Ш. выводов для себя не сделала и вновь совершила тяжкое и злостное дисциплинарное нарушение. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в своей деятельности адвокат Ш. руководствуется целями и приоритетами, чуждыми адвокатской профессии, демонстративно игнорирует требования корпорации.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Ш. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что применение к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и создавало бы ложную видимость того, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет с учетом всей совокупности установленных обстоятельств, включая факт последующего возврата доверителю денежных средств, а также данные о личности адвоката Ш., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований пп. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката»), выразившееся в том, что, получив от доверителя Р. в период с 13 июля по 07 августа 2024 г. денежные средства в общем размере … руб. для возмещения ПАО «…» ущерба, причиненного преступлением, она мер по возмещению ущерба не приняла (таких мер принимать не собиралась изначально), оставив у себя денежные средства доверителя Р. в размере … руб., сообщив доверителю Р. недостоверные сведения о якобы произведенном возмещении ущерба потерпевшему в полном размере на сумму …руб., в подтверждение чего представила ей фиктивные расписки от 13 июля и 12 августа 2024 г., якобы выполненные от имени представителя потерпевшего К., а после поступления уголовного дела в отношении А. в Л. городской суд М. области для рассмотрения по существу продолжила вводить доверителя Р. и суд в заблуждение об указанных обстоятельствах, для чего представила суду в судебных заседаниях 17 декабря 2024 г. и 14 января 2025 г. фиктивное платежное поручение и банковскую

выписку и продолжила утверждать в суде о якобы совершении ею платежа в счет возмещения ущерба, причиненного ПАО «…», в сумме …руб. на его расчетный счет даже после получения судом от указанного общества сведений, опровергающих данные обстоятельства.

Установить срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

1.17. Адвокат получил предупреждение за то, что, приняв поручение доверителя, перепоручил оказание ему юридической помощи другому юристу.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя О. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе О. от 20 марта 2025 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 21 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившемся в том, что, приняв поручение по Соглашению № … об оказании юридической помощи от 09 июля 2024 г., он перепоручил представление интересов доверителя О. в Г. районном суде г. Москвы по гражданскому делу по иску О. к В. о защите чести, достоинства, деловой репутации юристу Х., оставив тем самым доверителя О. без квалифицированной юридической помощи;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе О. от 20 марта 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, в которых указал, что юридическая помощь заявителю была оказана в полном объеме и в соответствии с соглашением; претензии доверителя возникли после предложения об отдельной оплате представительства в суде апелляционной инстанции; представительство О. в суде юристом Х. осуществлялось на законных основаниях в пределах выданной заявителем доверенности и по согласованию с ней; выдвинутая претензия о «формальном участии» представителя в судебном заседании голословна; вознаграждение по соглашению определено за конкретные действия, которые были исполнены. По этим причинам просил «отменить» Заключение Комиссии в части признания действий адвоката А. ненадлежащими и прекратить дисциплинарное производство по жалобе О. в полном объеме. Принимая во внимание требования п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката А.

Заявитель О. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, озна-

комилась с ним, с выводами Комиссии согласна. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщила, что и при заключении соглашения о юридической помощи, и в процессе ее оказания она общалась только с юристом Х., которая и представляла ее интересы в суде. С адвокатом А. О. разговаривала лишь один раз по телефону, причем после предъявления ею претензий в некачественном оказании юридической помощи, и в этом разговоре адвокат А. повышал на нее голос, что заявитель считает неприемлемым. Кроме того, пояснила, что претензий к оформлению и подготовке документов к судебному заседанию у нее нет, а основная претензия заключается в том, что адвокат А. оставил ее без квалифицированной юридической помощи в суде, направив в суд только Х., которая не справилась с задачей по надлежащему представлению ее интересов. В связи с этим просила прекратить статус адвоката А. и принять решение о возврате ей уплаченного по соглашению гонорара.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя О., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

09 июля 2024 г. между адвокатами Адвокатского бюро г. Москвы «…» в лице Управляющего партнера А. и заявителем О. было заключено Соглашение № … об оказании юридической помощи (далее – Соглашение), в соответствии с которым «поверенный за вознаграждение принимает на себя обязательство оказать» доверителю либо по его указанию иным лицам следующие виды юридической помощи:

– юридическая консультация доверителя и правовой анализ ситуации (п. 1.3.1 Соглашения);

– подготовка и подача искового заявления о защите чести, достоинства и деловой репутации доверителя (п. 1.3.2 Соглашения);

– сбор доказательств, исследование ссылок (перечень ссылок представлен в Приложении № 1 к Соглашению) на предмет наличия утверждения о фактах, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию доверителя (п. 1.3.3 Соглашения);

– взаимодействие с экспертной организацией для целей проведения лингвистического исследования, взаимодействие с нотариусом для целей проведения нотариального осмотра доказательств (п. 1.3.4 Соглашения);

– представление интересов доверителя в суде первой инстанции по вопросу защиты чести, достоинства и деловой репутации доверителя и подготовка иных процессуальных документов в рамках спора, указанного в п. 1.3 Соглашения (п. 1.3.5 Соглашения);

– в случае удовлетворения требований доверителя получение мотивированного решения суда и подготовка требования об удалении информации Роскомнадзора (п. 1.3.6 Соглашения).

Согласно п. 1.3.7 Соглашения исковое заявление, указанное в п. 1.3.1, подается на основании информации, распространенной в телекоммуникационной сети «Интернет» в отношении О. по ссылкам, указанным в Приложении № 1 к Соглашению.

Дополнительным соглашением от 18 июля 2024 г. № 1 к Соглашению стороны внесли изменения в п. 1.3 Соглашения «Характер поручения (Проект)», добавив него п. 1.3.8, согласно которому поверенный обязался подготовить заявления в отдел полиции с целью проведения проверки по факту распро-

странения в сети «Интернет» на сайте ВКонтакте пользователем с никнеймом «О.» сведений об О. Иные условия Соглашения остались неизменными.

В соответствии с п. 2.3 Соглашения вознаграждение за оказание юридической помощи по Соглашению составляло …руб., из которых:

– юридическая консультация и правовой анализ ситуации доверителя составляет …руб.;

– подготовка и подача искового заявления о защите чести, достоинства и деловой репутации доверителя – …руб.;

– сбор доказательств, исследование ссылок на предмет наличия утверждения о фактах, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию доверителя – …руб.;

– подбор экспертной организации и взаимодействие с ней для целей проведения лингвистического исследования, взаимодействие с нотариусом для целей проведения нотариального осмотра доказательств – …руб.;

– представление интересов доверителя в суде первой инстанции по вопросу защиты чести, достоинства и деловой репутации доверителя и подготовка иных процессуальных документов в рамках спора, указанного в п. 1.3.1 данного Соглашения – …руб.;

– получение мотивированного решения суда и подготовка требования об удалении информации в Роскомнадзор в случае удовлетворения требований доверителя – …руб.

Вознаграждение по указанному Соглашению О. выплатила в полном объеме.

В подразделе «Рабочая группа» раздела «Термины и определения» Соглашения предусмотрено, что в целях повышения эффективности исполнения обязательств по Соглашению поверенный вправе по своему усмотрению привлекать к исполнению проекта адвокатов – партнеров Адвокатского бюро г. Москвы «…», иных адвокатов бюро и/или их стажеров, помощников, юристов, которые образуют с поверенным рабочую группу по проекту, в которой поверенный единолично выполняет координационные функции, в том числе: распределяет задачи между членами рабочей группы, а при необходимости также определяет порядок или особенности их выполнения; устанавливает и контролирует сроки выполнения задач; принимает решение об изменении задач и/или приоритетности их выполнения; принимает решение об изменении состава рабочей группы, а также о ее расформировании. Согласно п. 1.5 Соглашения, если для исполнения проекта поверенный планирует формировать рабочую группу, то в нее могут входить адвокаты-партнеры Адвокатского бюро г. Москвы «…» и/или их стажеры, помощники, юристы, указанные в доверенности на представление прав и законных интересов, выданной доверителем. Кроме этого, поверенный имеет право привлекать иных лиц, не являющихся членами Адвокатского бюро г. Москвы «…», если это необходимо для эффективного оказания квалифицированной юридической помощи.

Определение термина «поверенный» в Соглашении отсутствует, из чего следует, что этот термин толкуется в соответствии с законодательством без каких-либо особенностей.

Для оказания юридической помощи, указанной в Соглашении, доверитель О. выдала нотариально удостоверенную доверенность от 11 июля 2024 г. сроком до 31 декабря 2026 г., которой уполномочила граждан А., М., Х., Б., С., М., К., П. представлять ее интересы и вести от ее имени дела во всех органах судебной системы Российской Федерации со всеми процессуальными правами сторон.

14 августа 2024 г. в Г. районный суд г. Москвы поступило исковое заявле-

ние О. к В. о защите чести, достоинства, деловой репутации, которое было принято судом к производству, возбуждено гражданское дело. По делу состоялись два судебных заседания – 16 декабря 2024 г. и 27 января 2025 г. В судебном заседании 16 декабря 2024 г. принимали участие истец О. и ее представитель Х., а в судебном заседании 27 января 2025 г. – представитель истца Х. В этом же судебном заседании судом постановлено решение по делу, которым отказано в удовлетворении исковых требований.

21 февраля 2025 г. управляющий партнер Адвокатского бюро г. Москвы «…» адвокат А. Почтой России направил О. акт сдачи-приемки услуг по оказанию юридической помощи от 19 февраля 2025 г. по Соглашению № … об оказании юридической помощи от 09 июля 2024 г., согласно которому О. была оказана юридическая помощь стоимостью …руб. Сумма денежных средств, подлежащих возврату, составила …руб. О., в свою очередь, направила в данное адвокатское бюро претензию от 26 февраля 2025 г. о возврате денежных средств в размере …руб., оплаченных ею по Соглашению.

11 марта 2025 г. управляющий партнер бюро адвокат А. Почтой России направил О. ответ от 10 марта 2025 г. на указанную претензию, в котором сообщил о проделанной по Соглашению работе и о том, что возврату подлежит лишь денежная сумма в размере …руб., в связи с чем выразил просьбу представить банковские реквизиты для возврата денежных средств. Как следует из отчетов об отслеживании почтовых отправлений, заявитель ни указанный акт, ни ответ на претензию не получила ввиду неудачных попыток вручения.

13 марта 2025 г. О., воспользовавшись помощью другого адвоката, подала апелляционную жалобу на указанное решение Г. районного суда от 27 января 2025 г.

Заявитель О. выдвинула в отношении адвоката А. дисциплинарные обвинения:

– в гарантировании положительного результата рассмотрения судом искового заявления О.;

– в ненадлежащем оказании юридической помощи по Соглашению, выразившемся в том числе в том, что в судебном заседании 27 января 2025 г. истца представляла юрист Х., которая присутствовала формально, «не привела ни одного факта» в пользу истца, не представила ни одного доказательства, подтверждающего доводы истца, вследствие чего в удовлетворении исковых требований было отказано;

– в несогласии с актом сдачи-приемки юридических услуг, направленном ей адвокатом А., так как сведения в нем не соответствуют действительности, а количество затраченных часов не подтверждено.

Рассматривая довод жалобы О. о том, что при заключении Соглашения ей было гарантировано, что решение будет вынесено судом в ее пользу, Совет признает, что он не подтвержден доказательствами.

Совет и Квалификационная комиссия последовательно исходят из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Заявитель О. не только не представила доказательств рассматриваемого дисциплинарного обвинения, но в ходе дисциплинарного разбирательства пояснила, что сотрудники Адвокатского бюро г. Москвы «…» сообщили ей, что сделают все возможное, есть много доказательств, и, скорее всего, ее иск суд удовлетворит. Заявитель также признала, что как таковых гарантий удовлетворения ее иска ей не давалось. В свою очередь, ад-

вокат А., отрицая данное дисциплинарное обвинение, последовательно утверждал, что подобной гарантии доверителю не давалось. Эти его утверждения не опровергнуты. При этом п. 7.2 Соглашения прямо предусмотрено: «…ничто из того, что содержится в Соглашении и/или приложениях, а также в любых уведомлениях поверенного или материальных результатах оказания юридической помощи не должно толковаться как обещание или гарантия положительного результата исполнения какой-либо задачи или проекта в целом».

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката А. в данной части неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что юридическая помощь по Соглашению была оказана заявителю ненадлежащим образом, поскольку в судебном заседании 27 января 2025 г. представитель истца Х. присутствовала формально, «не привела ни одного факта» в пользу истца, не представила в судебном заседании ни одного доказательства, подтверждающего доводы истца, вследствие чего в удовлетворении исковых требований было отказано, Совет пришел к следующим выводам.

Согласно п. 5 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ведение общих дел адвокатского бюро осуществляется управляющим партнером, если иное не установлено партнерским договором. Соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей.

В соответствии с подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате.

С учетом указанных положений закона Соглашение с заявителем О. считается заключенным от имени всех адвокатов Адвокатского бюро г. Москвы «…», и обязательства поверенного, указанные в Соглашении об оказании юридической помощи, являются общими обязательствами всех адвокатов указанного адвокатского бюро. Совет особо подчеркивает в этой связи, что обязательства перед доверителем приняты именно адвокатами бюро, а не какими-либо иными лицами, в том числе из числа сотрудников бюро, и должны исполняться именно адвокатами, принявшими поручение, которые несут ответственность перед доверителем за его надлежащее исполнение. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Адвокатская деятельность не является предпринимательской. Иными словами, правом осуществлять адвокатскую деятельность обладает лишь лицо, получившее в установленном федеральным законом порядке статус адвоката. Это требование закона является императивным и не подлежит иному толкованию, а ответ-

ственность за его надлежащее исполнение адвокатами адвокатского бюро несет управляющий партнер бюро.

Однако, как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, ни адвокат А., ни иные адвокаты бюро не представляли интересы О. в судебных заседаниях Г. районного суда г. Москвы по ее гражданскому делу. Интересы заявителя представляла юрист Адвокатского бюро «…» Х. Более того, как утверждает заявитель О. (и эти ее утверждения адвокатом А. не оспариваются), адвокат А. не осуществлял никакой координации действий Х. по представительству в суде, не интересовался у нее, О., ходом судебного разбирательства, и все ее коммуникации по этому вопросу ограничивались только общением с Х.

О., заключив с адвокатами Адвокатского бюро г. Москвы «…» в лице управляющего партнера А. Соглашение от 09 июля 2024 г. № … в пунктах 1.1, 1.3.5 которого предусмотрена обязанность поверенного представлять интересы доверителя в суде первой инстанции, 11 июля 2024 г. выдала адвокату А. нотариальную доверенность, в соответствии с которой предоставила в первую очередь ему весь объем полномочий, предусмотренный нормами ГПК РФ для судебного представительства.

По указанным причинам О. обоснованно полагала, что именно адвокат А. не только подготовит и подаст в суд исковое заявление в ее интересах, но также будет участвовать от ее имени в судебных заседаниях при рассмотрении спора судом.

Включение юриста Х. и иных сотрудников Адвокатского бюро «…» в доверенность, выданную О., равно как и включение их в состав рабочей группы в соответствии с условиями Соглашения, ни в какой степени не освобождало адвоката А. от личного исполнения поручения, принятого им от доверителя О. Однако он эту обязанность в части судебного представительства, являвшегося основной частью принятого поручения, не исполнил.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в данной части дисциплинарное обвинение нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства, и признает презумпцию добросовестности адвоката А. опровергнутой. При этом Совет не входит в оценку утверждений заявителя о «формальном» и пассивном поведении Х., поскольку они носят неконкретный характер и не влияют на оценку профессионального поведения адвоката А. По этой же причине Совет отклоняет приведенные выше защитительные доводы адвоката А. как не влияющие на оценку его профессионального поведения в данной части.

Рассматривая утверждение О. о несоответствии содержания акта сдачи-приемки услуг по оказанию юридической помощи действительности и необоснованности указанного в акте количества затраченных на исполнения поручения часов, Совет отмечает, что заявитель не конкретизировала, какие именно сведения, отраженные в акте, по ее мнению, не соответствуют действительности, и не представила доказательств обоснованности своего утверждения. Это делает невозможным оценку выдвинутых дисциплинарных обвинений по существу. При таких обстоятельствах Совет признает дисциплинарное производство в этой части подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А., Совет учитывает умышленный и грубый характер допущенного нарушения, сопряженный с игнориро-

ванием адвокатом основополагающего требования в отношении надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем. Кроме того, Совет принимает во внимание, что адвокат А., являясь руководителем адвокатского образования, даже после вынесения Заключения Квалификационной комиссии не усматривает упречности в своем профессиональном поведении, что свидетельствует о незнании или игнорировании им указанных требований законодательства и профессиональной этики. При таких обстоятельствах Совет пришел к выводу о применении к адвокату А. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату А. на необходимость пересмотра и корректировки своего профессионального поведения, а также на необходимость надлежащего исполнения законодательно закрепленной обязанности постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившееся в том, что он, приняв поручение по Соглашению № … об оказании юридической помощи от 09 июля 2024 г., перепоручил представление интересов доверителя О. в Г. районном суде г. Москвы по гражданскому делу № … по иску О. к В. о защите чести, достоинства, деловой репутации юристу Х., оставив тем самым доверителя О. без квалифицированной юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката А., возбужденное по жалобе О., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.18. Адвокат получил предупреждение за то, что включил в соглашение условие о невозврате полученного аванса в случае досрочного расторжения соглашения, а затем использовал это условие для отказа в возврате доверителю неотработанной части вознаграждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката А. и заявителя П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 28 марта 2025 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 21 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся во включении в п. 3 Приложения № 1 к Соглашению об оказании юридической помощи № … от 14 февраля 2025 г., заключенному с доверителем П., условия о том, что аванс возврату не подлежит, и использовании впоследствии этого условия для отказа в возврате доверителю неотработанной части вознаграждения;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе П., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, доводы жалобы подтвердила, сожалела, что Квалификационная комиссия сочла недоказанным дисциплинарное обвинение в разглашении адвокатом А. сведений, составляющих адвокатскую тайну, но при этом Заключение Квалификационной комиссии не оспаривала, с выводами Комиссии согласилась.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, поддержал доводы своих предыдущих пояснений, не согласился с дисциплинарными обвинениями в разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну, пояснив, что по просьбе доверителя П. выдал документы ее другу, а требование о возврате денежных средств, уплаченных по соглашению, а также иные вопросы обсуждать с указанным лицом отказался. Считает необоснованным дисциплинарное обвинение во включении в соглашение об оказании юридической помощи, заключенное с доверителем П., условия о невозвратности оплаченного доверителем аванса при досрочном расторжении соглашения и в его последующем использовании для отказа в возврате доверителю неотработанной части вознаграждения. В качестве обоснования этой позиции сослался на принцип свободы договора, установленный ст. 421 ГК РФ, а Разъяснения Совета, как и иные корпоративные правовые акты, по его мнению, носят рекомендательный характер и могут учитываться адвокатом при осуществлении профессиональной деятельности по своему усмотрению.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, полагает, что Квалификационной комиссией верно и полно установлены обстоятельства дела, и соглашается с ее выводами.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

14 февраля 2025 г. между адвокатом А. и П. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат А. принял на себя поручение обеспечить защиту прав, законных интересов и оказание юридической помощи доверителю при подготовке к досудебному соглашению с П.А. о разделе совместно нажитого в браке имущества, соглашению о предоставлении денежного содержания общему младшему ребенку, подготовке и сопровождению процесса о расторжении брака, в случае заявле-

ния подобных требований, а также при проведении всех связанных с этим мероприятий. 20 февраля 2025 г. П. оплатила адвокату А. наличными денежными средствами указанный в соглашении аванс. Адвокат А. подтвердил получение этих денежных средств.

28 февраля 2025 г. адвокат А. прислал П. отчет об объеме фактических трудозатрат за период с 14 по 28 февраля 2025 г., согласно которому общая стоимость оказанной доверителю юридической помощи составила …руб., остаток в счет будущих периодов с учетом внесенного аванса составил …руб.

13 марта 2025 г. П. обратилась к адвокату А. с письменным заявлением о расторжении указанного соглашения, в котором выразила просьбу вернуть неотработанную часть аванса согласно отчету, а также вернула адвокату А. подписанный ею отчет. Адвокат А. не ответил доверителю на заявление о расторжении соглашения, а 20 марта 2025 г. в ответ на очередной вопрос П. о возврате денежных средств адвокат А. в мессенджере *WhatsApp* ответил отказом со ссылкой на условия соглашения о невозвратности оплаченного доверителем аванса.

Заявитель П. выдвинула в отношении адвоката А. следующие дисциплинарные обвинения:

– в разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну;

– в частичной необоснованности данных, изложенных в отчете адвоката, так как, по мнению заявителя, часть времени в ходе консультаций была потрачена адвокатом на обсуждение с заявителем вопросов, не относящихся к предмету заключенного соглашения;

– в невозврате неотработанного аванса со ссылкой на включенное в соглашение условие о том, что он не подлежит возврату при досрочном расторжении соглашения.

Дисциплинарные обвинения в разглашении адвокатом конфиденциальных сведений, составляющих адвокатскую тайну, а также в частичной необоснованности отчета адвоката об оказанных услугах не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, в связи с чем в данной части презумпция добросовестности адвоката А. признается Советом неопровергнутой. В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Кроме того, споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты неподведомственны, поскольку находятся за пределами их компетенции.

Вместе с тем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным факт включения адвокатом А. в пункт 3 Приложения 1 к соглашению об оказании юридической помощи недопустимого условия о том, что оплаченный доверителем аванс возврату не подлежит, а также фактический отказ адвоката вернуть доверителю неотработанный аванс со ссылкой на указанное условие соглашения. Профессиональное поведение адвоката А. в данной части является прямым нарушением решения Совета Адвокатской палаты города Москвы, принятого в пределах его компетенции.

Так, согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 г., доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения

подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125). С. 10–11).

Данные Разъяснения по вопросам профессиональной этики адвоката подлежат обязательному исполнению адвокатами города Москвы в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции. Неисполнение адвокатом этих требований также свидетельствует о ненадлежащим исполнении им профессиональных обязанностей, в том числе и перед доверителем.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката А. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся во включении в соглашение об оказании юридической помощи условия, в соответствии с которым уплаченный аванс возврату не подлежит, и в невозврате неотработанного аванса со ссылкой на данный пункт соглашения установленной.

Совет отклоняет как несостоятельный, противоречащий требованиям законодательства и профессиональной этики довод адвоката А. о том, что при формировании условий соглашения об оказании юридической помощи адвокат ориентируется только на нормы гражданского законодательства, а согласие доверителя с предложенными адвокатом условиями соглашения означает их корректность и законность. Это же относится и к несостоятельному и явно надуманному доводу адвоката А. о том, что грубое поведение лица, приходившего к нему за документами по поручению заявителя П., освобождало его (адвоката А.) от обязанности надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед ней. Такая позиция адвоката свидетельствует о непонимании либо игнорировании им существа адвокатской деятельности. В этой связи Совет считает необходимым указать адвокату А. на необходимость надлежащего исполнения и другой законодательно закрепленной профессиональной обязанности – постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенное нарушение, Совет принимает во внимание его длительный (с 2004 г.) стаж адвокатской деятельности и отсутствие неснятых и непогашенных дисциплинарных взысканий. Вместе с тем Совет учитывает умышленный и грубый характер нарушения, сопряженный с игнорированием адвокатом А. профессиональных обязанностей и требований профессиональной этики. Позиция адвоката А., занятая им в заседании Совета и изложенная выше, дает основания полагать, что он и в дальнейшем намерен избирательно,

по своему усмотрению соблюдать обязательные требования профессиональной этики. Такое профессиональное поведение адвоката А. Совет признает недопустимым и считает необходимым указать ему на необходимость пересмотреть и скорректировать его. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся во включении в п. 3 Приложения № 1 к Соглашению об оказании юридической помощи № … от 14 февраля 2025 г., заключенного с доверителем П., условия о том, что аванс возврату не подлежит, и в использовании впоследствии этого условия для отказа в возврате доверителю неотработанной части вознаграждения.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе П. от 28 марта 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.19. Дисциплинарное производство прекращено, поскольку обвинения в неуважении к коллегам и дезорганизации комплексной информационной системы адвокатуры России признаны необоснованными, а в части отказа от защиты установлено отсутствие допустимого повода. При этом адвокату указано на недопустимость фрагментарной защиты.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе первого вице-президента Адвокатской палаты… области (далее – Заявитель) от 16 апреля 2025 г. № … в отношении адвоката… (далее – Адвокат).

Квалификационная комиссия 04 июня 2025 г. вынесла Заключение о нарушении Адвокатом положений подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. № 6 «О со-

глашении на уголовную защиту», выразившемся:

– в заключении 02 апреля 2025 года Адвокатом с М. Соглашения № … на защиту Ц. по уголовному делу, находящемуся в производстве СО по городу… ГСУ СК РФ по …области, предусматривающего участие Адвоката в качестве защитника подозреваемого Ц. только один день при проведении следственного действия 02 апреля 2025 г. на предварительном следствии в ГСУ СК России по …области по адресу… т.е. не предполагающего осуществление защиты Ц. на всей стадии предварительного расследования, участии Адвоката 02 апреля 2025 г. при допросе Ц. в качестве подозреваемого и при составлении протокола задержания Ц., и в устранении Адвоката от осуществления дальнейшей защиты Ц.;

– в заключении 02 апреля 2025 г. Адвокатом с М. Соглашения № … на защиту К. по тому же уголовному делу, находящемуся в производстве указанного следственного отдела, предусматривающего участие Адвоката в качестве защитника подозреваемого К. только один день при проведении следственного действия 02 апреля 2025 г. на предварительном следствии в ГСУ СК России по …области по адресу… т.е. не предполагающего осуществление защиты К. на всей стадии предварительного расследования, участии Адвоката 02 апреля 2025 г. при допросе К. в качестве подозреваемого и при составлении протокола задержания К., и в устранении Адвоката от осуществления дальнейшей защиты К.

Заявитель и Адвокат, извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились. Адвокат заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, в котором согласилась с Заключением Квалификационной комиссии, обязалась впредь не допускать подобных нарушений, совершение которого объяснила отсутствием опыта осуществления защиты доверителей по уголовным делам, цивилистической специализацией своей адвокатской деятельности. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами частично не соглашается и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в силу следующего.

Заявителем против Адвоката выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в отказе от защиты подозреваемых К. и Ц. по уголовному делу;

– в формальном отношении к своим обязанностям защитника;

– в совершении действий по дестабилизации работы КИС АР, приводящих к нецелевому расходованию бюджетных денежных средств, проявлению явного неуважения к другим адвокатам, «осуществляющим адвокатскую деятельность в судебных районах …области».

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

02 апреля 2025 г. СО по городу… ГСУ СК РФ по …области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291

УК РФ, по факту дачи взятки Ц. и К. должностным лицам …филиала ГАУ МО «…». В тот же день между М. и Адвокатом было заключено два соглашения на осуществление защиты Ц. и К. соответственно «при проведении следственного действия 02 апреля 2025 года на предварительном следствии в ГСУ СК России по …области по адресу…».

Адвокат 02 апреля 2025 г. на основании ордеров от 02 апреля 2025 г. вступила в уголовное дело в качестве защитника подозреваемых Ц. и К., приняв участие в их допросах и составлении протоколов их задержания в порядке ст. 91 УПК РФ. Более ни в каких следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу Адвокат не участвовала.

03 апреля 2025 г. Адвокатом с М. были подписаны акты приема-передачи о полном выполнении Адвокатом своих обязательств по указанным соглашениям, а 04 апреля 2025 г. Адвокат письменно уведомила следователя об отсутствии соглашения на «оказание юридической помощи в заседании суда 04.04.2025 и дальнейшее ведение уголовного дела». В судебных заседаниях …городского суда …области 04 апреля 2025 г. по вопросу избрания меры пресечения подозреваемым защиту Ц. и К. осуществляли защитники по назначению – адвокаты Я. и С.

Переходя к оценке выдвинутых Заявителем дисциплинарных обвинений, Совет исходит из того, что в соответствии с ранее выработанной дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы позицией жалоба адвоката в отношении другого адвоката, будучи в соответствии с п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов возбуждения дисциплинарного производства, допустима, если она подана адвокатом в защиту нарушенных прав и интересов его доверителя либо самого адвоката-заявителя, либо в защиту базовых ценностей адвокатуры, защита которых является одновременно как правом, так и обязанностью каждого члена адвокатской корпорации.

Разбирательство в Квалификационной комиссии и Совете осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается (п. 4 ст. 23, п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. № 6 «О соглашении на уголовную защиту» указано: «…круг полномочий защитника в уголовном судопроизводстве в отличие от полномочий представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ) определяется непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. 53, 248 и др. УПК РФ) и не

может быть произвольно ограничен гражданско-правовым соглашением между доверителем и адвокатом. Сама возможность для адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, стратегия и тактика профессиональной защиты предопределяются логикой стадийного построения уголовного судопроизводства. Заключение соглашения в объеме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всем протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката».

Совет отмечает, что дисциплинарное обвинение в отношении Адвоката в фрагментарном осуществлении защиты по уголовному делу не только не выдвигалось Заявителем, но было им в категорической форме исключено в самой жалобе. Так, в жалобе указано: «…никаких специальных оговорок в представленных Адвокатом следователю ордерах о том, что она будет принимать участие только конкретно в этот день (02.04.2025 г.) и только конкретно в этих следственных действиях, в них оговорено не было, поэтому никакой двусмысленности по этому вопросу в данном случае быть не может».

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части в связи с обнаружившимся отсутствием допустимого повода для его возбуждения. Вместе с тем, поскольку факт фрагментарного осуществления Адвокатом защиты Ц. и К. достоверно установлен в результате дисциплинарного разбирательства, Совет признает необходимым указать Адвокату на недопустимость подобного профессионального поведения.

Совет далее отмечает, что дисциплинарное обвинение в отказе от защиты подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу может выдвигаться доверителем, являющимся получателем юридической помощи, в отношении приглашенного им по соглашению защитника и судьей либо следователем – в отношении назначенного ими защитника. Заявитель к числу таких лиц не относится и, следовательно, не наделен правом выдвигать такое дисциплинарное обвинение. При этом Ц. и К., являвшимися получателями юридической помощи Адвоката, никаких претензий в отношении нее не выдвигалось. Более того, установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше обстоятельства опровергают факт одностороннего отказа от защиты со стороны Адвоката.

Квалификационная комиссия в Заключении пришла к выводу об отсутствии оснований для иной квалификации действий Адвоката. Совет с этим выводом Комиссии соглашается, поскольку остальные дисциплинарные обвинения, выдвинутые Заявителем в формальном отношении Адвоката к обязанностям защитника, совершении ею действий по дестабилизации работы КИС АР, приводящих к нецелевому расходованию бюджетных денежных средств, проявлению явного неуважения к другим адвокатам, «осуществляющим адвокатскую деятельность в судебных районах …области»,

– носят неконкретный и голословный характер, какими-либо доказательствами не подтверждены. Адвокат, в свою очередь, утверждает, что таких целей не преследовала, и это ее утверждение ничем не опровергнуто. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката в данной части неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении Адвоката по жалобе первого вице-президента Адвокатской палаты …области от 16 апреля 2025 г. № …

– в части дисциплинарных обвинений во фрагментарном осуществлении защиты и в отказе от защиты подозреваемых К. и Ц. по уголовному делу, возбужденному СО по городу… ГСУ СК РФ по …области по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) Адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.20. Адвокат привлечен к дисциплинарной ответственности за неознакомление с материалами дела до начала судебного заседания и участие в деле в качестве «защитника-дублера» при наличии у подсудимого защитника по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката К. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Г. от 26 декабря 2024 г. и 27 февраля 2025 г. в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 18 июня 2025 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в неознакомлении до начала судебного заседания Б. районного суда г. Москвы, состоявшегося 04 декабря 2024 г., с материалами уголовного дела в отношении Г. и других лиц и несогласовании с доверителем Г. позиции по уголовному делу;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» в период с 11 де-

кабря 2024 г. по 23 марта 2025 г. при наличии у подсудимого Г. защитника по соглашению – адвоката Ц.;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобам Г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя Г. – адвокат П., ранее носившая фамилию Ц., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, просила рассмотреть дело в ее отсутствие. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся заявителя и его представителя.

Адвокат К. в письменных возражениях и заседании Совета, не согласившись с Заключением Квалификационной комиссии, указал на выход, по его мнению, Квалификационной комиссии за пределы дисциплинарного разбирательства, недоказанность выдвинутых против него дисциплинарных обвинений, ошибочное установление даты окончания выполнения им функций «защитника-дублера». Вместе с тем допустил, что в силу недостаточности опыта мог неправильно сориентироваться в ситуации и совершить установленные нарушения. В связи с этим в случае признания этих нарушений Советом обязался сделать выводы и не допускать подобного впредь.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем Г. против адвоката К. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

– в недопустимом выполнении функций «защитника-дублера» в период с 27 ноября 2024 г. по 23 марта 2025 г. в связи с наличием у Г. защитника по соглашению – адвоката Ц.;

– в неознакомлении с материалами уголовного дела, несогласовании позиции с доверителем Г.;

– в формальном подходе к исполнению своих обязанностей, неприведении доводов в поддержку ходатайств подзащитного, игнорировании защитника по соглашению и препятствовании его работе, «пресечении возможности для прекращения одного из эпизодов обвинения по сроку давности», совершении действий в интересах суда и стороны обвинения, а не доверителя Г.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Б. районного суда г. Москвы с 04 апреля 2023 г. находилось уголовное дело по обвинению Г. и иных лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, по которому состоялись многочисленные судебные заседания, в том числе 13, 20, 27 ноября, 04, 11, 18 декабря 2024 г., 21, 22, 28, 29 января, 04, 05, 12, 18, 19, 25 февраля и 05 марта 2025 г. Приговор оглашен судом 24 марта 2025 г.

Осуществлявшая на основании соглашения и ордера от 27 апреля 2023 г. № … защиту подсудимого Г. адвокат Ц. (сменившая с 20 декабря 2024 г. фамилию на П.) в июле 2024 г. получила травму в результате дорожно-транспортного

происшествия, в связи с чем с 22 августа по 13 декабря 2024 г. ей оформлялись листы нетрудоспособности. В период нетрудоспособности адвокат Ц. с учетом своего самочувствия 23 октября и 13 ноября 2024 г. посещала судебные заседания. 20 ноября 2024 г. в связи с неявкой защитника подсудимого Г. – адвоката Ц. судом было отложено судебное заседание с предоставлением подсудимому 5 суток для приглашения защитника, а в АИС АПМ размещена заявка от 20 ноября 2024 г. для обеспечения назначения подсудимому Г. защитника на 27 ноября 2024 г.

Назначенный защитником по указанной заявке адвокат К. 25 ноября 2024 г. направил в суд ходатайство о предоставлении процессуального документа, подтверждающего наличие злоупотребления правом на защиту со стороны подсудимого Г. и его защитника по соглашению – адвоката Ц., приложив к нему ордер от 20 ноября 2024 г. В судебном заседании 27 ноября 2024 г., в которое адвокат Ц. не явилась, адвокат К. поддержал отказ от него, заявленный подсудимым Г., а также заявил суду о том, что единственным основанием для участия в деле защитника по назначению может являться вынесение судом постановления о злоупотреблении правом на защиту со стороны подсудимого и приглашенного им защитника. Рассмотрение заявления об отказе от защитника К. было отложено судом на 04 декабря 2024 г.

В тот же день, 27 ноября 2024 г., председательствующим судьей в Адвокатскую палату города Москвы было направлено обращение с просьбой принятия мер к адвокату Ц., которая, по мнению заявителя, неоднократно срывала судебные заседания в связи с длительным заболеванием, перестав фактически осуществлять защиту Г. В этом судом были усмотрены воспрепятствование возможности назначения Г. защитника и угроза реализации прав других участников уголовного судопроизводства. Распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 19 декабря 2024 г. в возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Ц. отказано.

В судебном заседании 04 декабря 2024 г., в которое адвокат Ц. не явилась, информировав 03 декабря 2024 г. суд о своей нетрудоспособности и ходатайствуя об отложении судебного заседания, подсудимый Г. повторно заявил об отказе от назначенного ему защитника – адвоката К. Данный отказ вновь был поддержан последним, но не принят судом. В данном судебном заседании с участием адвоката К. был допрошен потерпевший Л. При этом адвокат К. не был ознакомлен с материалами дела до начала участия в этом судебном заседании, в связи с чем не имел возможности полноценно участвовать в допросе в интересах защиты Г.

Листок нетрудоспособности адвоката Ц. был закрыт 13 декабря 2024 г. С 11 декабря 2024 г. и вплоть до постановления приговора 24 марта 2025 г. защиту подсудимого Г. осуществляли адвокаты Ц. и К. совместно.

22 января 2025 г. подсудимый Г. письменно заявил отвод адвокату К., который был поддержан последним, но в удовлетворении которого судом было отказано со ссылкой на то, что в длительном (в течение пяти месяцев) неучастии адвоката Ц. в судебных заседаниях суд усматривает факт злоупотребления правом на защиту со стороны подсудимого Г., который не пригласил защитника в предоставленные ему судом сроки, что препятствует рассмотрению уголовного дела.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

Частью 3 ст. 50 УПК РФ установлено, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

В п. 4 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано: «Адвокат, принявший поручение по осуществлению защиты по назначению, обязан явиться к инициатору заявки, представить ордер и предъявить удостоверение, после чего выяснить, имеется ли у обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Если у обвиняемого имеется защитник по соглашению, то адвокат обязан удостовериться в его надлежащем уведомлении в установленный законом срок и потребовать копию процессуального решения, в котором надлежащим образом мотивировано назначение адвоката в порядке статей 50, 51 УПК РФ при наличии защитника по соглашению».

В п. 1 Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.) указано на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, т.е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В п. 2, 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано на недопустимость осуществления адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и уста-

новивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Сопоставляя профессиональное поведение адвоката К. с приведенными обязательными требованиями и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о том, что эти требования им не были исполнены надлежащим образом.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией, правильно установившей период недопустимого выполнения адвокатом К. функций «защитника-дублера» с 11 декабря 2024 г. до даты провозглашения приговора – 24 марта 2025 г., поскольку в течение всего этого периода он не предпринимал действий, направленных на прекращение своего участия в деле. Осуществление же защиты подсудимого Г. адвокатом К.

с 27 ноября до 10 декабря 2024 г. обоснованно признано Квалификационной комиссией правомерным, поскольку оно было обусловлено длительной невозможностью участия защитника по соглашению – адвоката Ц. в судебных заседаниях по состоянию здоровья.

Адвокат К., вступив 27 ноября 2024 г. в уголовное дело, не смог дать правильной оценки основаниям своего вступления в дело в качестве назначенного судом защитника, поскольку ограничил эти основания только обязательным наличием подтвержденного постановлением суда факта недобросовестного поведения подсудимого и приглашенного им защитника. Вместе с тем назначение адвоката К. в качестве защитника было связано с тем, что в течение предоставленного судом 20 ноября 2024 г. срока в 5 суток подсудимый Г. нового защитника не пригласил, а участвующая в деле адвокат Ц. не смогла явиться по уважительным обстоятельствам. Тем самым, с 27 ноября 2024 г. адвокат К. обязан был выполнить свои обязанности по осуществлению защиты Г., предусмотренные Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., в том числе ознакомиться с уголовным делом до начала судебного заседания 04 декабря 2024 г. и согласовать позиции с подзащитным.

Адвокат К. дал неверную оценку факту подачи 27 ноября 2024 г. судом описанного выше обращения в Адвокатскую палату города Москвы в отношении адвоката Ц., поскольку действующее правовое регулирование прямо предусматривает, что факты злоупотребления правом на защиту со стороны подсудимого и приглашенного им защитника должны устанавливаться судом в процессуальном решении – постановлении, каковым обращение суда в адвокатскую палату с просьбой рассмотреть приведенные в обращении обстоятельства не является. Кроме того, постановление суда, которым признано недобросовестным поведение стороны защиты, должно отвечать требованиям обоснованности и мотивированности, содержать ссылки на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о такой недобросовестности. Вопреки ошибочной позиции адвоката К., ссылка суда на документально подтвержденную болезнь приглашенного подсудимым адвоката к таким обстоятельствам отнесена быть явно не может, что должно являться очевидным для профессионального советника по правовым вопросам.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что вынесенное судом 22 января 2025 г. постановление об отказе в удовлетворении отказа подсудимого Г. от адвоката К., содержавшее вывод о злоупотреблении Г. и приглашенным им защитником – адвокатом Ц. правом на защиту, не влияет на оценку профессионального поведения адвоката К. (в том числе и на определение периода недопустимого дублирования им защиты), так как описанные судом факты имели место ранее 11 декабря 2024 г., когда у адвоката К. возникла обязанность самостоятельно устраниться от участия в уголовном деле в связи с возобновлением участия в нем защитника по соглашению Ц. после выздоровления.

Совет также считает необходимым указать адвокату К. на явную ошибочность его довода о том, что адвокат «должен добросовестно соблюдать баланс между интересами подзащитного, общества и правосудия», поскольку обеспечение такого баланса является прерогативой суда, а обязанностью адвоката является защита доверителя всеми не запрещенными законом способами.

Несостоятельными, противоречащими требованиям приведенных обязательных требований являются и доводы адвоката К. о том, что ему не следовало знакомиться с материалами дела сразу после вступления в него, и о том, что неознакомление с материалами дела не являлось для него препятствием полноценного участия в деле. Вступив в уголовное дело на законных основаниях в качестве защитника Г., адвокат К. был обязан исполнить все первоначальные действия, предусмотренные Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, в том числе ознакомиться с материалами дела и принять все зависящие от него меры по согласованию позиции с подзащитным. Не исполнив эти требования, адвокат К. тем самым не исполнил профессиональные обязанности защитника.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой в части описанных дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении этих дисциплинарных нарушений установленной.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необоснованности остальных дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем Г., в силу их неконкретности, что не позволяет дать им какую-либо оценку. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий о незнании либо игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты обвиняемого по назначению суда, и сопряженный с нарушением прав доверителя. Вместе с тем Совет учитывает, что на момент совершения нарушений стаж адвокатской деятельности адвоката К., получившего статус 30 мая 2024 г., составлял около 6 месяцев, что затруднило ему правильную оценку сложившейся ситуации. Это обстоятельство указывает на совершение им нарушений не умышленно, а в силу грубой неосторожности. Совет также принимает во внимание, что адвокат К. дал заверение впредь не допускать дисциплинарных нарушений, в том числе при осуществлении защиты по назначению. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет считает необходимым указать адвокату К. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности

и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за:

– неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившееся в неознакомлении до начала судебного заседания Б. районного суда г. Москвы, состоявшегося 04 декабря 2024 г., с материалами уголовного дела в отношении Г. и других лиц и несогласовании с доверителем Г. позиции по уголовному делу;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О “двойной защите”» и Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившееся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» в период с 11 декабря 2024 г. по 24 марта 2025 г. при наличии у подсудимого Г. защитника по соглашению – адвоката Ц.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобам Г. от 26 декабря 2024 г. и 27 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.21. За неисполнение профессиональных обязанностей, выразившееся в отказе от участия в судебном заседании и введении доверителя в заблуждение относительно порядка рассмотрения частной жалобы, адвокат получил предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Б. и заявителя А. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. (без даты) в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 18 июня 2025 г. вынесла Заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившемся в том, что он отказался от участия в судебном заседании М. городского суда 24 сентября 2024 г. по рассмотрению частной жалобы на определение Л. районного суда г. Москвы от 13 июня 2024 г. о приостановлении производства по гражданскому делу, сообщив доверителю А. недостоверную информацию о том, что частная жалоба всегда рассматривается в отсутствие лиц, участвующих в деле,

в связи с чем являться в судебное заседание 24 сентября 2024 г. по рассмотрению частной жалобы не нужно, а затем по итогам переговоров с доверителем А. потребовал от нее дополнительной оплаты за явку в суд апелляционной инстанции в том случае, если его участие в судебном заседании не состоится по причине рассмотрения судом частной жалобы в отсутствии лиц, участвующих в деле, а при отказе доверителя оплатить посещение суда апелляционной инстанции предложил расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи, чем фактически вынудил заявителя А. расторгнуть Соглашение об оказании юридической помощи от 13 ноября 2023 г.;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе А., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, ознакомился с ним, с выводами Комиссии частично не согласен. Поддержал доводы, изложенные им в письменном заявлении о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии от 08 августа 2025 г. и дополнениях к заявлению о несогласии с Заключением комиссии. В указанном заявлении утверждает, что расторжение соглашения А. было вызвано не его отказом от участия в суде апелляционной инстанции при рассмотрении частной жалобы, а позицией А. о том, что он взялся за якобы заведомо проигрышное дело, и ее нежеланием следовать его рекомендациям о необходимости проведения по делу судебной экспертизы. Кроме того, утверждает, что не сообщал заявительнице недостоверную информацию о том, что частная жалоба всегда рассматривается в отсутствие сторон. Указывает, что Л. районным судом г. Москвы частично удовлетворен его иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, и суд обязал А. опубликовать опровержение. Полагает, что предметы разбирательства в дисциплинарном производстве и в суде схожи, поэтому Заключение Квалификационной комиссии о ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей противоречит решению суда (пусть и не вступившему в законную силу) о ложности сведений, опубликованных А. в Интернете в отношении него, в том числе о том, что он отказался принимать участие в суде апелляционной инстанции; вывод Квалификационной комиссии о том, что он вынудил А. расторгнуть с ним соглашение об оказании юридических услуг, является несостоятельным, что, по его мнению, подтверждается заключением специалиста-лингвиста П., приложенным к его дополнительным возражениям.

Заявитель А. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии частично не согласна. Поддержала свои письменные заявление о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии и возражения на заявление адвоката Б. от 08 августа 2025 г. В заявлении выразила несогласие с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в отказе адвоката Б. приложить к частной жалобе определение о назначении экспертизы по другому делу. Просила повторно рассмотреть указанное обвинение, полагая, что длительный отказ адвоката Б. приложить к частной жалобе указанное опреде-

ление свидетельствует о халатном исполнении адвокатом своих обязанностей перед доверителем даже несмотря на то, что перед заседанием суда по рассмотрению частной жалобы это определение все же было приобщено к материалам дела. В возражениях на заявление адвоката Б. не соглашается с утверждением адвоката Б. о том, что она якобы была против назначения судебной экспертизы, повторно приводит доводы о длительной переписке с адвокатом Б. по вопросу необходимости явки в заседание суда апелляционной инстанции, в результате которой она приняла решение о расторжении соглашения с ним накануне заседания суда апелляционной инстанции. Вновь подтверждает, что причиной расторжения соглашения была именно настойчивая позиция адвоката, утверждавшего, что рассмотрение частной жалобы всегда происходит без вызова сторон, и предлагающего оплатить время, затраченное на посещение суда апелляционной инстанции, если суд не допустит адвоката в заседание. Кроме того, указывает, что решение Л. районного суда г. Москвы по иску адвоката Б. к ней о защите чести, достоинства и деловой репутации, во-первых, не вступило в законную силу, а, во-вторых, предметом судебного разбирательства была не оценка действий адвоката при исполнении профессиональных обязанностей, а оценка публикаций заявительницы на предмет причинения вреда адвокату Б.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав участников дисциплинарного производства, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С 23 октября 2023 г. участники дисциплинарного производства вели переписку в мессенджере *WhatsApp* относительно затопления жилого помещения, принадлежащего заявителю. Адвокат Б. также консультировал заявителя по рассматриваемому К. городским судом М. области иску управляющей компании к ней, связанному с перепланировкой жилого помещения.

13 ноября 2023 г. между адвокатом Б. и А. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1 которого адвокат Б. принял на себя обязательство оказать юридическую помощь, связанную с составлением искового заявления о взыскании ущерба с ООО «…», причиненного затоплением жилого помещения по адресу… с подачей его в К. городской суд М. области и представлением интересов доверителя в суде первой инстанции. Согласно абз. 9 п. 2.2 соглашения Адвокат вправе привлекать по своему усмотрению к участию в оказании юридической помощи адвоката Х. Пунктом 3.1 соглашения предусмотрено, что сумма оплаты юридической помощи адвоката устанавливается по согласованию сторон и составляет …руб.

Как следует из переписки участников дисциплинарного производства в мессенджере *WhatsApp*, 17 ноября 2023 г. заявитель А. сообщила адвокату Б. о своем намерении подать иск, предусмотренный соглашением об оказании юридической помощи, в суд города Москвы, поскольку К. городской суд М. области при рассмотрении другого дела, по мнению А., не принял во внимание представленные ею доказательства и занял позицию истца. Также участники дисциплинарного производства в переписке договорились о том, что в связи с рассмотрением спора в суде города Москвы стоимость юридической помощи снижается на …руб. и будет со-

ставлять …руб. В тот же день, 17 ноября 2023 г., А. перевела на банковскую карту адвоката Б. денежные средства в размере …рублей, получение которых адвокат Б. подтвердил в переписке.

16 января 2024 г. А. выдала доверенность на бланке, удостоверенную К.Д., нотариусом К. нотариального округа М. области, которой уполномочила адвокатов Б. и Х. представлять ее интересы во всех судах судебной системы Российской Федерации со всеми правами, предоставленными заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу и т. д.

22 января 2024 г. адвокат Б. через личный кабинет официального портала судов общей юрисдикции подал в Л. районный суд г. Москвы исковое заявление А. к ООО «…» о возмещении ущерба, причиненного заливом жилого помещения, которое было принято судом к производству 29 января 2024 г. 13 июня 2024 г. Л. районным судом было вынесено определение о приостановлении производства по делу до разрешения К. городским судом М. области гражданского дела по иску ООО «…» к А. о приведении жилого помещения в первоначальное состояние. 20 июня 2024 г. адвокатом Б. подана частная жалоба на это определение суда. 17 августа 2024 г. адвокат Б. получил судебную повестку о вызове в заседание суда апелляционной инстанции на 24 сентября 2024 г.

23 сентября 2024 г. участники дисциплинарного производства в переписке в мессенджере *WhatsApp* обсуждали участие адвоката Б. в судебном заседании суда апелляционной инстанции по рассмотрению частной жалобы на указанное определение Л. районного суда от 13 июня 2024 г. По итогам этой переписки заявитель предложила расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи и попросила вернуть ей уплаченные по соглашению денежные средства в размере …руб. В тот же день, 23 сентября 2024 г., адвокат Б. перечислил на банковскую карту А. денежные средства в указанном размере. Таким образом, заключенное 13 ноября 2023 г. адвокатом Б. с заявителем А. соглашение об оказании юридической помощи было расторгнуто заявителем 23 сентября 2024 г.

В заседание суда апелляционной инстанции по рассмотрению частной жалобы, назначенное на 24 сентября 2024 г., ни адвокат Б., ни адвокат Х. не явились. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 24 сентября 2024 г. по гражданскому делу определение Л. районного суда от 13 июня 2024 г. отменено, дело направлено в суд первой инстанции для рассмотрения по существу.

05 октября 2024 А. разместила негативный отзыв о работе адвоката Б. на странице сайта 2ГИС в сети «Интернет».

07 октября 2024 г. А. в мессенджере *WhatsApp* потребовала от адвоката Б. возврата всей уплаченной по соглашению суммы денежных средств, сообщив, что в противном случае разместит в сети «Интернет» переписку с адвокатом Б. и негативные отзывы.

08 октября 2024 г. адвокат Б. выслал А. акт об оказании юридической помощи, согласно которому заявителю была оказана юридическая помощь стоимостью …руб., но в связи с расторжением соглашения об оказании юридической помощи было принято решение о частичном возврате денежных средств в размере …руб. Данный акт заявитель получила в тот же день, 08 октября 2024 г., замечаний на него не представила.

18 ноября 2024 г. адвокат Б. перечислил на банковскую карту А. денежные средства в размере …рублей.

25 декабря 2024 г. в Л. районном суде было зарегистрировано исковое заявление Б. к А. о защите чести, достоинства и деловой репутации, которое было принято судом к производству 10 января 2025 г.

Заявитель А. выдвинула в отношении адвоката Б. следующие дисциплинарные обвинения:

– заключенное соглашение об оказании юридической помощи не имеет юридической силы, поскольку в нем неверно указан предмет поручения – представление интересов доверителя в К. городском суде М. области, а также неверно указана сумма вознаграждения – …руб., а адвокат Б. на протяжении года не заключил соглашение «должным образом»;

– адвокат Б. не подготовил и не подал в суд «заявление об ускорении», игнорировал просьбы доверителя направить в суд апелляционной инстанции определение о назначении экспертизы и сделал это только через два месяца;

– адвокат Б. отказался участвовать в судебном заседании по рассмотрению частной жалобы в суде апелляционной инстанции, вводил заявителя в заблуждение, утверждая, что участие сторон по делу в указанном судебном заседании не требуется, а также потребовал дополнительной оплаты за участие в судебном заседании по рассмотрению частной жалобы, в противном случае предложил расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи;

– переписка с адвокатом Б. в мессенджере 23 сентября 2024 г. сопровождалась грубыми и хамскими выражениями;

– адвокат Б. злоупотребил правом, что выразилось в подаче им в суд иска к А. о защите чести, достоинства и деловой репутации с требованиями удаления отзывов, опубликованных заявителем в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Рассматривая доводы жалобы А. о том, что адвокат Б. отказался участвовать в судебном заседании по рассмотрению частной жалобы в суде апелляционной инстанции, вводил заявителя в заблуждение, утверждая, что участие сторон по делу в указанном судебном заседании не требуется, потребовал дополнительной оплаты за участие в судебном заседании по рассмотрению частной жалобы, а в противном случае предложил расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи, Совет приходит к выводу о том, что они нашли подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Так, из представленной участниками дисциплинарного производства переписки усматривается, что 23 сентября 2024 г., накануне судебного заседания по рассмотрению частной жалобы на определение Л. районного суда г. Москвы от 13 июня 2024 г., назначенного на 10.30 час. 24 сентября 2024 г., адвокат Б. в 14.43 час. на вопрос доверителя об участии в указанном заседании ответил, что «*частная жалоба рассматривается в отсутствии лиц, участвующих в деле. В М. суде вам так и ответит секретарь перед залом суда», «Мы сами уже неоднократно пытались по другим частным жалобам приходить в заседания. Везде ответ один и тот же»*. На возражения заявителя о том, что пришла судебная повестка на это заседание, адвокат Б. написал: «*А нам не хотелось бы полдня под дверью простоять, чтобы услышать от секретаря, что без нас будет все рассмотрено»*. На вопрос доверителя *«Еще раз, если вы не планировали быть на завтрашнем заседании, то почему не отправили это доказательство заранее?»* адвокат Б. ответил: *«Уже отправил. Оно будет в деле. Как я мог планировать, если рассмотрение ВСЕГДА в отсутствие…»*. Далее на сообщение А. *«Завтра заседание, на котором мо-*

гут запросить у сторон дополнительные доказательства. Вы отказываетесь на него ехать. Это лишнее сидение под дверью, по-вашему» адвокат Б. сообщил доверителю: *«Давайте так, коллега на него поедет, но, если все будет как я и сказал, а именно, ему скажут, что рассмотрение жалобы будет в отсутствие сторон, значит компенсируете потраченный судо-день. Если не компенсируете, мы с Вами расторгаемся… По частной жалобе вызывают на заседание лишь тогда, когда приходит повестка из суда…»;* далее в ответ на возмущение доверителя написал: *«Если у вас какие-то претензии, пишите их официально, я рассмотрю. В случае расторжения соглашения будет составлен акт об оказании услуг, все будет указано, что сделано и сколько стоит. Ваше дело Вы сами делаете проигрышным. Надо было назначать судебную экспертизу», «Юлия, можно было просто работать, а Вы выбрали путь расходовать мои нервы и время. Без заявления от Вас о расторжении соглашения работа будет продолжена. Если к моменту назначения заседания в суде соглашение не будет расторгнуто, мы будем участвовать»*. Далее заявитель напомнила адвокату Б. о том, что ему пришла судебная повестка на указанное судебное заседание, поэтому она просит на него явиться, на что адвокат Б. попросил доверителя прислать эту повестку, а на возражения заявителя о том, что им эта повестка была получена, сообщил: *«Юлия, у меня куча дел, могли бы и напомнить про повестку. Я все повестки не храню в телефоне» «При наличии повестки стороны вызываются. Напомнили бы про нее и вопрос был бы закрыт»*. Заявитель А. после многочасовой переписки с адвокатом Б. в 19.29 час. 23 сентября 2024 г. сообщила ему: *«Предлагаю расторгнуть договор по соглашению сторон. Обменяемся сканами соглашения сегодняшним числом, что претензий не имеем, вернете мне обратно …рублей и расходимся»*.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Доводы адвоката Б. о том, что участие сторон по делу в судебном заседании суда апелляционной инстанции при рассмотрении частной жалобы не требовалось, а также о том, что участие в этом заседании имело «формальный характер», Совет отклоняет как несостоятельные и противоречащие гражданскому процессуальному законодательству и требованиям профессиональной этики.

Так, согласно ч. 3 ст. 333 ГПК РФ частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции, за исключением определений о приостановлении производства по делу, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения, об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, о принудительном исполнении или об отказе в принудительном исполнении решения иностранного суда, о признании или об отказе в признании решения иностранного суда, о признании и исполнении или об отказе в признании и исполнении решений иностранных третейских судов (арбитражей), об отмене решения третейского суда или отказе в отмене

решения третейского суда, рассматриваются без извещения лиц, участвующих в деле. Из указанной нормы прямо следует, что при рассмотрении частной жалобы на определение суда первой инстанции о приостановлении производства по делу лица, участвующие в деле, извещаются судом о судебном заседании, и, соответственно, судебное заседание по рассмотрению такой частной жалобы проводится с участием участвующих в деле лиц, в том числе с участием лица, подавшего частную жалобу.

Таким образом, неоднократно утверждая в переписке с доверителем А. о том, что частная жалоба всегда рассматривается в отсутствие лиц, участвующих в деле, в связи с чем являться в судебное заседание 24 сентября 2024 г. по рассмотрению частной жалобы не нужно, адвокат Б. сообщил доверителю недостоверную информацию, противоречащую ч. 3 ст. 333 ГПК РФ, что могло нарушить право заявителя на участие в этом судебном заседании и явно не соответствует требованию к адвокату о надлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет также отклоняет как несостоятельный и не соответствующий профессионально-этическим требованиям довод адвоката Б. о том, что он не должен был принимать участие в судебном заседании по рассмотрению частной жалобы, поскольку предмет заключенного с заявителем соглашения не предусматривает оказание юридической помощи в суде апелляционной инстанции.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» круг профессиональных обязанностей адвоката перед доверителем определяется соглашением об оказании юридической помощи, в котором должен быть четко указан предмет поручения. Это позволяет определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения.

Соглашение об оказании юридической помощи от 13 ноября 2023 г. предусматривало оказание адвокатом Б. юридической помощи доверителю А. в суде первой инстанции по спору о взыскании ущерба, причиненного затоплением жилого помещения. Более подробно обязанности адвоката Б. данное соглашение не регламентировало. В то же время оказание юридической помощи по представлению доверителя в суде первой инстанции, по общему правилу, заканчивается вынесением судом первой инстанции окончательного решения по делу. Как указано выше, по гражданскому делу Л. районным судом г. Москвы было вынесено определение от 13 июня 2024 г. о приостановлении производства до разрешения К. городским судом М. области другого гражданского дела о приведении жилого помещения в первоначальное состояние. Приостановление производства по делу препятствует дальнейшему движению дела, поскольку до возобновления производства по делу прекращаются любые процессуальные действия по нему. Несовершение действий по обжалованию этого определения суда от 13 июня 2024 г. фактически препятствовало бы исполнению адвокатом Б. принятого им и предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи поручения доверителя. Таким образом, обжалование определения суда о приостановлении производства по делу, включая участие в рассмотрении частной жалобы в суде апелляционной инстанции, было не только непосредственно связано с исполнением адвокатом Б. принятого на себя поручения, но и являлось его неотъемлемой частью,

чего он, являясь профессиональным советником по правовым вопросам, не мог не понимать.

Из содержащейся в материалах дисциплинарного производства переписки вне разумных сомнений следует, что именно позиция адвоката Б., на протяжении нескольких часов последовательно отрицавшего не только необходимость, но и невозможность явки в судебное заседание суда апелляционной инстанции 24 сентября 2024 г., а затем потребовавшего от доверителя дополнительной оплаты за участие в этом заседании, а в случае отказа от внесения такой платы предложившего расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи, фактически вынудила заявителя А. после нескольких часов конфликтной переписки с адвокатом Б. расторгнуть заключенное между ними соглашение от 13 ноября 2023 г.

Представленное адвокатом Б. заключение специалиста-лингвиста П. не влияет на профессионально-этическую оценку его поведения и не противоречит выводам Квалификационной комиссии в силу следующего. Специалистом проанализирован лишь один фрагмент переписки адвоката с заявительницей А. и сделан вывод о том, что представленный ей текст не дает оснований утверждать, что адвокат «вынудил» доверителя расторгнуть соглашение. При этом в мотивировочной части заключения специалиста содержится вывод о том, что фразы в исследуемом фрагменте носят ультимативный характер, направленный на принуждение их адресата к оплате, а не к расторжению договора. Между тем вывод Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем и о том, в чем именно оно выразилось, основан на тщательном анализе всей совокупности его действий, подробно описанных в Заключении, и, прежде всего, на сообщении недостоверной информации, на основании которой он безосновательно потребовал от доверителя дополнительной оплаты под угрозой расторжения соглашения. Этот вывод Квалификационной комиссии ни в коей мере не опровергается и не ставится под сомнение представленным адвокатом Б. заключением специалиста. Он также не опровергается и не ставится под сомнением решением суда, на которое ссылается адвокат Б., не представив его в надлежащем виде. Помимо того, что это решение не вступило в законную силу и поэтому не обладает свойством обязательности, суд не давал профессионально-этическую оценку поведения адвоката Б., являющегося предметом настоящего дисциплинарного разбирательства, и не имеет полномочий для данной оценки.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем А. при описанных обстоятельствах.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Дисциплинарные обвинения в том, что заключенное соглашение об оказании юридической помощи не имеет юридической силы, поскольку в нем неверно указаны предмет поручения –

представление интересов доверителя в К. городском суде М. области, а также сумма вознаграждения – …руб., и что адвокат Б. на протяжении года не заключил соглашение «должным образом», Совет признает надуманным, поскольку в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что заявитель А. и адвокат Б. согласовали и одинаково понимали предмет поручения и существенные условия его исполнения, в том числе с учетом достигнутой ими по инициативе А. и описанной выше договоренности о взаимосвязанных изменениях этих условий в части суда, в который будет подан иск, и размера вознаграждения. При таких обстоятельствах несовершение адвокатом Б. действий по заключению дополнительного соглашения с целью уточнения изменившейся подсудности дела и стоимости юридической помощи не повлекло за собой нарушения каких-либо прав заявителя А. и не может рассматриваться как виновно совершенное дисциплинарное нарушение.

Выдвинув дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Б. игнорировал просьбы доверителя направить в суд апелляционной инстанции определение о назначении экспертизы и сделал это только через два месяца, заявитель не представила в материалы дисциплинарного производства указанное определение по другому делу, в связи с чем у Квалификационной комиссии отсутствовала возможность оценить вдвинутое дисциплинарное обвинение. Предоставление копии названного определения к заседанию Совета является несвоевременным, поскольку фактические обстоятельства устанавливаются исключительно Квалификационной комиссией. Кроме того, указанное определение все же было приобщено адвокатом Б. к частной жалобе, следовательно, эти его действия к нарушению прав заявителя А. не привели.

В части довода А. о том, что адвокатом Б., несмотря на ее просьбы, не было составлено и подано заявление об ускорении рассмотрения дела в Л. районном суде г. Москвы, установлено, что 13 июня 2024 г. данным судом было вынесено определение о приостановлении производства по этому делу до разрешения другого дела, 20 июня 2024 г. на указанное определение была подана частная жалоба, 04 июля 2024 г. сторонам по делу было направлено извещение, 13 августа 2024 г. данное дело было направлено в суд апелляционной инстанции.

Согласно пп. 6 и 7 ст. 6.1 ГПК РФ в случае, если после принятия искового заявления или заявления к производству дело длительное время не рассматривалось и судебный процесс затягивался, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела. Заявление об ускорении рассмотрения дела рассматривается председателем суда в пятидневный срок со дня поступления заявления в суд.

В соответствии с п. 3 ст. 107, ст. 332 ГПК РФ срок подачи частной жалобы на указанное определение суда о приостановлении производства по делу истек 04 июля 2024 г.

Согласно чч. 2 и 3 ст. 325 ГПК РФ лица, участвующие в деле, вправе представить в суд первой инстанции возражения в письменной форме относительно апелляционных жалобы, представления с приложением документов, подтверждающих эти возражения и направление или вручение их копий другим лицам, участвующим в деле, и вправе ознакомиться с материалами дела, с поступившими жалобой, представлением и возражениями относительно них. По истечении срока обжалования суд первой инстанции направляет дело с апелляционными жало-

бой, представлением и поступившими возражениями относительно них в суд апелляционной инстанции.

Поскольку 04 июля 2024 г. Л. районным судом ответчику по указанному гражданскому делу было направлено извещение о подаче истцом частной жалобы на определение от 13 июня 2024 г. и предоставлен срок для принесения возражений на эту жалобу, который судами общей юрисдикции города Москвы, как правило, устанавливается до 30 дней, частная жалоба на определение суда от 13 июня 2025 г., поданная адвокатом Б. вместе с гражданским делом, должна была быть направлена в суд апелляционной инстанции после 05 августа 2024 г. Данное дело было направлено в М. городской суд 13 августа 2024 г. Таким образом, существенной задержки в направлении указанного дела вместе с частной жалобой в суд апелляционной инстанции допущено не было, в связи с чем права заявителя нарушены не были, а необходимость в подаче заявления об ускорении направления дела в суд апелляционной инстанции отсутствовала.

Довод жалобы А. о том, что переписка с адвокатом Б. в мессенджере 23 сентября 2024 г. сопровождалась грубыми и хамскими выражениями, сформулирован неконкретно, без ссылки на такие высказывания адвоката Б. Фрагменты переписки, приведенные заявительницей, по форме соответствуют деловой манере, не содержат грубых, невежливых и неуважительных по отношению к заявителю А. выражений. По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не находит оснований для вывода о нарушении адвокатом Б. требований профессиональной этики и в данной части.

К такому же выводу Совет приходит и в части довода жалобы о злоупотреблении адвокатом Б. правом, выразившемся в подаче им в суд иска к А. о защите чести, достоинства и деловой репутации с требованием об удалении отзывов, опубликованных заявителем на сайте 2ГИС в сети «Интернет». В силу ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления, а из ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации следует, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Согласно ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется в том числе путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. В соответствии с п. 1 ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Согласно ст. 10 ГК РФ не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действий в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Как следует из разъяснений, содержащихся в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02 августа 2022 г. № 21-КГ22–3-К5, злоупотребление правом возникает только при одновременном наличии двух условий – отсутствия законных оснований для обращения и цели причинения вреда ответчику, а не защиты нарушенных прав.

Обращение адвоката Б. в суд в связи с размещением А. в сети «Интернет» сведений, которые, по его мнению, порочат его честь, достоинство и деловую

репутацию, явилось способом реализации им перечисленных выше прав и не содержит описанных признаков злоупотреблением правом. Заявитель также не указывает, в чем именно, по ее мнению, выразилось злоупотребление правом со стороны адвоката Б., какие заведомо недобросовестные действия он совершил. При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что указанный иск был подан адвокатом Б. исключительно с целью причинения вреда заявителю.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Б. применительно к рассматриваемому дисциплинарному обвинению неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, сопряженный с сообщением доверителю недостоверной информации, что свидетельствует о незнании либо игнорировании адвокатом норм законодательства и основополагающих требований профессиональной этики, а также наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет принимает во внимание длительный стаж профессиональной деятельности адвоката Б., отсутствие у него дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату Б. на необходимость пересмотра и корректировки своего профессионального поведения, а также надлежащего исполнения законодательно закрепленной обязанности постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за неисполнение, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся в том, что он отказался от участия в судебном заседании М. городского суда 24 сентября 2024 г. по рассмотрению частной жалобы на определение Л. районного суда г. Москвы от 13 июня 2024 г. о приостановлении производства по гражданскому делу, сообщив доверителю А. недостоверную информацию о том, что частная жалоба всегда рассматривается в отсутствие лиц, участвующих в деле, в связи с чем являться в судебное заседание 24 сентября 2024 г. по рассмотрению частной жалобы не нужно, а затем, по итогам переговоров с доверителем А. потребовал от нее дополнительной оплаты за явку в суд апелляционной инстанции в том случае, если его участие в судебном заседании не состоится по

причине рассмотрения судом частной жалобы в отсутствие лиц, участвующих в деле, а при отказе доверителя оплатить посещение суда апелляционной инстанции предложил расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи, чем фактически вынудил заявителя А. расторгнуть Соглашение об оказании юридической помощи от 13 ноября 2023 г..

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Б., возбужденное по жалобе А., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.22. Совет прекратил дисциплинарное производство по жалобе доверителя, обвинившего адвоката в неисполнении поручения и ненадлежащем обращении с денежными средствами, признав отсутствие нарушений со стороны адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Г. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. от 12 марта 2025 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 04 июня 2025 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившемся в том, что, получив в ноябре 2024 г. на свой личный банковский счет …руб. и наличными денежными средствами …руб., а всего …руб. от доверителя Р. в счет причитающегося ему вознаграждения по Соглашению № … об оказании юридической помощи от 05 ноября 2024 г., адвокат Г., используя систему самоинкассации, внес их 29 ноября 2024 г. на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «…», но удерживал у себя оригинал чека самоинкассации от 29 ноября 2024 г., подтверждающий внесение им денежных средств на расчетный счет адвокатского образования, передав указанный документ представителю Р. – И. только 14 марта 2025 г., после того, как Дополнительным соглашением от 11 марта 2025 г. было расторгнуто указанное соглашение, тем самым не выдав своевременно доверителю Р. финансовый документ по проведению операций с ее средствами (чек самоинкассации от 29 ноября 2024 г.) в порядке, установленном законодательством;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившемся в том, что он во исполнение принятых на себя обязательств по Соглашению № … об оказании юридической помощи от 05 декабря 2024 г. составил и предъявил в Х. городской суд М. области исковое заявление Р. о разделе наследственного имущества вместе с ходатайством о предоставлении Р. отсрочки/рассрочки в оплате государственной пошлины в размере, установленном законом, не приложив к нему необходимых и достаточных документов, подтверждающих неудовлетворительное материальное положение истца Р., что повлекло за собой вынесение определения суда от 26 декабря 2024 г. об оставлении иска без дви-

жения до 24 января 2025 г., а в предоставленный судом срок для исправления недостатков искового заявления и приложенных к нему документов не предпринял необходимых и достаточных действий для их исправления, в результате чего исковое заявление Р. вместе с приложенными к нему документами было возвращено, вследствие чего потребовалась повторная подача иска;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе Р., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Р., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившегося заявителя.

Адвокат Г. в заседании Совета подтвердил, что своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, не согласился с выводами Комиссии о совершении им дисциплинарных нарушений. Поддержал свои доводы в полном объеме, пояснив, что еще при заключении соглашения доверитель Р. просила его хранить у себя финансовый документ, подтверждающий оплату его работы, с тем чтобы в дальнейшем он мог заявить требование о компенсации расходов доверителя на оплату услуг адвоката. Доверителю было неудобно сначала забрать указанный документ, а затем вновь привозить его адвокату, так как она проживает в г. Т., и для нее сложно каждый раз выезжать в Москву для встречи с адвокатом. Несовпадение дат, указанных в соглашении о расторжении и в акте приема-передачи документации, связано с тем, что Р. не смогла прихать лично для подписания соглашения о расторжении и передачи документации 11 марта 2025 г., хотя они об этом договорились. Представитель Р., действующая на основании доверенности, приехала к адвокату Г. 14 марта 2025 г., когда фактически и были подписаны соглашение о расторжении соглашения с адвокатом и акт приема-передачи документации, фактически переданной тогда же. Поэтому он считает, что финансовый документ фактически передан доверителю до окончания действия соглашения об оказании юридической помощи. Документ о материальном положении доверителя он не получил от нее несмотря на многократные просьбы и напоминания, и только по этой причине не смог приложить его к ходатайству о рассрочке в уплате госпошлины.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Г., признает, что Квалификационной комиссией верно и полно установлены обстоятельства дела, однако не соглашается с выводами Комиссии о квалификации действий адвоката и полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в полном объеме в силу следующего.

Заявитель Р. выдвинула в отношении адвоката Г. дисциплинарные обвинения в ненадлежащем исполнении принятых обязательств по заключенному с ней соглашению, выразившемся в том, что он:

– подготовил и подал заявление нотариусу о выделении супружеской доли;

– подготовил и подал в суд исковое заявление, не убедившись в правильности нового почтового адреса суда;

– ознакомился с материалами гражданского дела о расторжении брака без наличия к тому оснований;

– не представил заявителю акт выполненных работ, копии документов, исковое заявление, несмотря на ее неоднократные просьбы;

– не выдал заявителю финансовый документ об оплате его юридической помощи;

– вместе с исковым заявлением подал в суд ходатайство о предоставлении Р. рассрочки в оплате государственной пошлины, не приложив к нему необходимых и достаточных документов, а в предоставленный судом срок для исправления недостатков не предпринял необходимых и достаточных действий для их исправления.

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства пояснил, что 05 ноября 2024 г. он заключил с доверителем Р. соглашение об оказании юридической помощи, предмет которого был им согласован с Р. При заключении соглашения Р. передала ему документы, которые не позволяли подготовить исковое заявление о разделе имущества, в связи с чем ему было необходимо обратиться к нотариусу, в производстве которого было наследственное дело, с заявлением о приостановлении выдачи свидетельства о праве на наследство. У Р. также отсутствовали важные документы: решение о расторжении брака, квитанция об оплате государственной пошлины в размере …руб., которая подавалась ею ранее в суд по делу о разделе имущества. Все действия он осуществлял по просьбе и по согласованию с Р. После получения всех необходимых документов для обращения в суд он сообщил Р., что согласно изменениям в Налоговом кодексе РФ ей необходимо доплатить государственную пошлину в размере …рублей, что оказалось неподъемной суммой для нее. Тогда они совместно приняли решение обратиться в суд с ходатайством о рассрочке в оплате государственной пошлины, и для этого он попросил ее представить справку по форме 2-НДФЛ, которую так и не получил от нее. Исковое заявление Р. было подано в суд вместе с квитанцией об оплате ею государственной пошлины в размере …руб. После подачи искового заявления он периодически проверял информацию на сайте суда о состоянии дела, однако долгое время никакой информации на сайте суда не было, помощник судьи на телефонные звонки не отвечал, в связи с чем он ездил в суд, где выяснил, что судьи по гражданским делам переехали по другому адресу. Об этом он незамедлительно сообщил Р. После неоднократного обращения к помощнику судьи П. он получил копию определения суда об оставлении иска без движения. Адвокат Г. сразу сообщил Р., что без справки 2-НДФЛ либо без полной оплаты размера государственной пошлины ее дело не будет рассматриваться, после чего было согласовано, что Р. найдет необходимые денежные средства и произведет оплату государственной пошлины в полном размере. После того, как Р. оплатила государственную пошлину в полном размере, адвокат Г. повторно направил исковое заявление с приложенными к нему документами в суд. Часть запрошенных Р. документов он отправил ей сразу, остальные – после возвращения из командировки. Обращает внимание на то, что в акте приема-передачи документов указан среди прочих документов оригинал чека. Кроме того, он подготовил и направил Р. акт выполненных работ, в котором указаны объем и перечень оказанных им услуг, сумма отработанного гонорара, а также сумма, подлежащая возврату доверителю Р. По этим причинам считает, что претензии заявителя не обоснованы и не соответствуют действительности.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 05 ноября 2024 г. между заявителем Р. и адвокатом Г. было заключено соглашение об оказании Р. юридической помощи по представлению ее интересов в качестве истца по иску о выделе супружеской доли заявителя из имущества, входившего в наследственную массу после смерти бывшего супруга заявителя. Как признают участники дисциплинарного производства, сестра Р. по ее поручению перечислила 20 ноября 2024 г. двумя платежами в оплату вознаграждения адвоката Г. на его личный банковский счет денежные средства в размере … руб. Денежные средства в размере … руб. были переданы Р. адвокату Г. наличными денежными средствами. Адвокат Г. 29 ноября 2024 г. внес денежные средства в размере …руб., полученные им от доверителя Р. в оплату Соглашения об оказании юридической помощи от 05 ноября 2024 г., через банкомат в Адыгейском ОСБ ПАО «Сбербанк».

Давая оценку выдвинутым заявителем дисциплинарным обвинениям, Совет приходит к следующим выводам.

Совет, соглашаясь с Квалификационная комиссией, признает, что дисциплинарные обвинения в необоснованном обращении адвоката Г. к нотариусу и ознакомлении с материалами иного гражданского дела, стороной в котором была заявитель Р., не нашли подтверждения. Установленные факты свидетельствуют о том, что адвокат Г. обратился к нотариусу с заявлением о приостановлении выдачи свидетельства о праве на наследство до рассмотрения гражданского дела судом, а не с заявлением о выделе супружеской доли, как указывает заявитель. Также установлено, что адвокат ознакомился с материалами гражданского дела о расторжении брака, поскольку у Р. отсутствовали документы, необходимые для подготовки и подачи иска, в то же время указанные документы имелись в материалах ранее рассмотренного гражданского дела. Таким образом, действия адвоката Г. нельзя считать излишними или необоснованными при изложенных обстоятельствах. Кроме того, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя для надлежащего исполнения его поручения. При этом разумное и добросовестное отстаивание прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами предполагает использование адвокатом всего предоставленного ему законом арсенала средств с учетом специфики конкретной ситуации. Поэтому претензии доверителя к адвокату в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. По этим причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в отношении указанных выше дисциплинарных обвинений неопровергнутой.

К такому же выводу Совет приходит в части претензии Р. в том, что адвокат Г., несмотря на ее неоднократные просьбы предоставить ей акт выполненных работ и документы по ее делу, этого не сделал. Адвокатом представлены исчерпывающие доказательства, опровергающие данный довод заявителя. Так, в Дополнительном соглашении от 11 марта 2025 г. о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 05 ноября 2024 г. содержится полное описание видов оказанной Р.

юридической помощи с указанием дат ее оказания. Одновременно с подписанием 14 марта 2025 г. Соглашения о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи адвокат Г. по указанию доверителя Р. передал все документы ее представителю – И., действующей на основании нотариальной доверенности, что подтверждается актом приема-передачи документов от 14 марта 2025 г.

Заявитель Р. указала, что составленное и поданное адвокатом Г. в декабре 2024 г. в Х. городской суд М. области исковое заявление от ее имени, которое было возвращено определением суда от 29 января 2025 г., повторно адвокатом Г. в суд не подано. Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что повторно поданный адвокатом Г. иск принят судом и находится в его производстве. В связи с установленными обстоятельствами заявитель в заседании Квалификационной комиссии отказалась от указанного дисциплинарного обвинения.

В отношении дисциплинарного обвинения в непередаче адвокатом Г. заявителю финансового документа, подтверждающего произведенную оплату по соглашению, Совет считает необходимым отметить следующее. Квалификационная комиссия признала установленным, что на дату заключения адвокатом Г. и доверителем Р. Дополнительного соглашения от 11 марта 2025 г. о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 05 ноября 2024 г. оригинал чека самоинкассации от 29 ноября 2024 г. находился у адвоката Г. и был им передан вместе другими документами представителю Р. – И. 14 марта 2025 г. На этом основании Квалификационная комиссия пришла к выводу о наличии в действиях адвоката Г. дисциплинарного нарушения.

С данным выводом Комиссии Совет согласиться не может, поскольку он сделан без учета не опровергнутых в результате дисциплинарного разбирательства и описанных выше обстоятельств, на которые сослался адвокат Г. Между тем эти обстоятельства имеют существенное значение для правильного разрешения дисциплинарного производства в данной части, поскольку свидетельствуют о том, что адвокат Г. хранил у себя финансовый документ по просьбе самой Р. с целью последующего использования для взыскания ею расходов на юридическую помощь и передал его представителю доверителя не после окончания действия соглашения об оказании юридической помощи, а непосредственно в момент его расторжения. При таких обстоятельствах отсутствуют основания для вывода о том, что адвокат Г. умышленно либо по грубой неосторожности не выдал доверителю Р. финансовый документ в период действия соглашения об оказании юридической помощи. По этой причине Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в данной части неопровергнутой и, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

К такому же выводу, и также вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, Совет приходит в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Г., подавая вместе с исковым заявлением Р. ходатайство о предоставлении ей рассрочки в оплате государственной пошлины, не приложил к ходатайству документы,

подтверждающие основания для принятия судом такого решения, и не исправил этот недостаток после оставления иска без движения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено и описано выше, что адвокат Г. неоднократно разъяснял заявителю Р. необходимость предоставления справки 2-НДФЛ для обоснования ходатайства о рассрочке оплаты государственной пошлины и неоднократно напоминал ей об этом как перед подачей иска, так и после его оставления без движения. Он также предупреждал заявителя Р. о том, что суд не предоставит рассрочку по оплате государственной пошлины без документального обоснования ходатайства, и в этом случае ей потребуется доплатить пошлину.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Г. добросовестно принял все зависящие от него меры для принятия судом положительного для доверителя решения о рассрочке оплаты государственной пошлины. Нет оснований ставить адвокату в вину и то, что доверитель, не представив своевременно справку 2-НДФЛ, не смогла оплатить в полном размере государственную пошлину в период с 21 января 2025 г., когда адвокат Г. сообщил ей о такой необходимости (непосредственно после получения копии определения об оставлении иска без движения), до 24 января 2025 г., т.е. в срок, установленный судом. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. неопровергнутой и в данной части, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Р. от 12 марта 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.23. Адвокат получил замечание за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей: он не указал на неверно зафиксированное в протоколе задержания доверителя время его фактического задержания. Остальные многочисленные дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем, признаны необоснованными.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Л. от 09 июня 2025 г. в отношении адвоката Д.

Квалификационная комиссия 23 июля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы со-

ответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), исполнении адвокатом Д. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л., что выразилось в неуказании им в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Л. от 29 января 2025 г., составленному старшим следователем Т. межрайонного следственного отдела СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве Б., прикомандированным в ОРОВД СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве, сведений о времени фактического задержания подозреваемого Л. (не позднее 15.12 час. 28 января 2025 г.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания подозреваемого Л. (20.30 час. 29 января 2025 г.);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по жалобе Л., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Л. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии он ознакомлен и полностью согласен. Поддержал ранее поданное им письменное заявление о согласии с данным Заключением, просил учесть, что допущенные адвокатом Д. дисциплинарные проступки носят грубый характер, в связи с чем несовместимы, по его мнению, со статусом адвоката.

Адвокат Д., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление, в котором просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие, заявил о согласии с Заключением Квалификационной комиссии, признал вину в дисциплинарном проступке и просил применить к нему наименее строгую меру дисциплинарной ответственности, приложив положительную характеристику из адвокатского образования. Учитывая изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Д.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Согласно акту оперативного эксперимента, составленному старшим оперуполномоченным по особо важным делам …отделения ОЭБиПК УВД по … ГУ МВД России по г. Москве М., 28 января 2025 г. было проведено указанное оперативно-розыскное мероприятие в отношении заявителя Л. После оперативного эксперимента сотрудники указанного отдела проследовали в служебный кабинет Л., представились и сообщили последнему о проведении вышеуказанного оперативно-розыскного мероприятия. Далее, с 15.12 час до 17.06 час., оперуполномоченным …отделения упомянутого отдела О. с участием Л. произведен осмотр места происшествия – рабочего кабинета последнего. После этого, согласно акту оперативного эксперимента от 28 января 2025 г., все участвующие в оперативном эксперименте лица «проехали в кабинет № … ОЭБиПК УВД по …ГУ МВД

России по городу Москве для дачи объяснений».

В тот же день, 28 января 2025 г., с 20.30 час. до 22.00 час., Л. был опрошен старшим оперуполномоченным по особо важным делам указанного ОЭБиПК Р. с оформлением объяснения. 29 января 2025 г. тем же оперуполномоченным вынесено постановление о передаче сообщения по подследственности, материал проверки был направлен для принятия решения в СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве. Согласно данному постановлению «по результатам проведенных ОРМ Л. [в написании фамилии допущена ошибка. – *Прим. Совета*] «был задержан с поличным при передаче ему взятки в виде денежных средств в размере …рублей».

29 января 2025 г., в 13.50 час., старший следователь Т. МРСО СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве Б., прикомандированный в ОРОВД СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве (далее – следователь Б.), вынес постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Л. по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и в отношении А. по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ, и принятии его к производству.

29 января 2025 г. Л. составил и подписал рукописное заявление на имя следователя Б. следующего содержания: «Прошу назначить мне защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ. Защитника по соглашению не имею и в ближайшие 24 часа приглашать не намерен». В этот же день, в 13.54 час., следователь по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве М.К. в АИС АПМ разместил требование по выделению адвоката для участия в указанном уголовном деле в качестве защитника Л. по назначению (заявка АИС АПМ от 29 января 2025 г. № …). Указанная заявка содержала достоверные сведения как о номере уголовного дела, так и о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и была предложена 83 адвокатам, прежде чем была принята адвокатом Д. в 15.15 час. того же дня.

В тот же день адвокат Д. прибыл в СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве и вступил в уголовное дело в качестве защитника Л., представив ордер от 29 января 2025 г., а следователь Б. вынес постановление о назначении защитника – адвоката Д., в котором в числе прочего указал, что «по уголовному делу необходимо провести следственные и иные процессуальные действия с участием Л., в связи с чем Л. необходимо назначить защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, так как иные адвокаты ордер в его защиту не предоставили».

29 января 2025 г., с 16.00 час. до 19.21 час., Л. с участием его защитника – адвоката Д. был допрошен в качестве подозреваемого и дал показания по обстоятельствам совершения инкриминируемого ему деяния, признав свою вину. Перед началом, в ходе и по окончании допроса от подозреваемого Л. и его защитника – адвоката Д. какие-либо замечания или заявления не поступили. Далее, с 19. 40 час. до 20.15 час., следователем проведена очная ставка между подозреваемым Л. с участием его защитника – адвоката Д. и подозреваемым А. с участием его защитника – адвоката У. Согласно протоколу очной ставки подозреваемый А. в числе прочего признал факты передачи незаконного денежного вознаграждения (взяток) Л. 27 июля и 28 августа 2024 г., 28 января 2025 г. за общее покровительство и попустительство по службе, в содеянном раскаялся. В свою очередь, подозреваемый Л. в ходе указанной очной ставки сообщил, что с предъявленным ему подозрением согласен, полностью раскаи-

вается в содеянном и глубоко сожалеет. Каких-либо замечаний или заявлений от участников следственного действия также не поступило.

29 января 2025 г, в 20.40 час., следователь Б. с участием защитника – адвоката Д. составил протокол задержания подозреваемого Л., в котором указал, что тот был задержан в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ в 20.30 час. 29 января 2025 г. в служебном кабинете ОРОВД СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве. Согласно указанному протоколу Л. было сообщено, что он подозревается в получении взятки в крупном размере, т.е. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. При этом Л. заявил, что не желает ничего пояснять по поводу своего задержания, иных заявлений и замечаний не сделал. От защитника – адвоката Д. какие-либо заявления или замечания также не поступили. Согласно вышеуказанному протоколу подозреваемый Л. воспользовался правом, предусмотренным ч. 1 ст. 96 УПК РФ, осуществив телефонный звонок супруге Р.

29 января 2025 г. следователем Б. вынесено постановление о привлечении Л. в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и в 21.10 час. это постановление было объявлено Л. с участием защитника – адвоката Д., а с 21.12 час. до 21.57 час. он был допрошен в качестве обвиняемого с участием адвоката – защитника Д. и специалиста П. Как следует из протокола допроса обвиняемого Л., в ходе указанного следственного действия велась видеозапись. По существу предъявленного обвинения обвиняемый Л. показал в том числе следующее: «… вину признаю, данные ранее показания подтверждаю». Перед началом, в ходе и по окончании допроса обвиняемого от обвиняемого Л. и его защитника – адвоката Д. какие-либо замечания или заявления не поступили.

30 января 2025 г., с 16.30 час. до 17.00 час., с участием обвиняемого Л. и его защитника – адвоката Д. состоялось судебное заседание С. районного суда г. Москвы, в котором было рассмотрено и удовлетворено ходатайство следователя Б. об избрании в отношении Л. меры пресечения в виде домашнего ареста с установлением ему запретов, предусмотренных ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Как следует из постановления суда, обвиняемый и его защитник с ходатайством следователя об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста согласились. В этом постановлении также указано, что Л. был задержан в порядке ст. 91–92 УПК РФ 29 января 2025 г., в 20.30 час. Согласно протоколу судебного заседания обвиняемый Л., отвечая на вопрос суда, выразил согласие с тем, что его права будет защищать адвокат Д., а защитник по соглашению у него отсутствует.

20 июня 2025 г. адвокат Д. подал в С. районный суд г. Москвы замечания на вышеуказанный протокол судебного заседания, в которых указал, что в протоколе имеется описка (техническая ошибка) о том, что судом рассматривалось ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в то время как в действительности рассматривалось ходатайство о домашнем аресте. В тот же день С. районным судом вынесено постановление об удостоверении правильности поданных адвокатом Д. замечаний на протокол судебного заседания от 30 января 2025 г.

Заявитель Л. выдвигает в отношении адвоката Д. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в оказании юридической помощи по назначению органа предварительного следствия в нарушение порядка ее оказания, установленного Советом

Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации;

2) в бездействии, выразившемся в нереагировании адвоката Д.:

– на нарушения процессуальных прав Л. при его фактическом задержании;

– угрозы, высказываемые в адрес Л. со стороны сотрудников правоохранительных органов в ответ на заявление Л. о незаконности возбуждения уголовного дела;

– ухудшение состояния здоровья Л., требовавшее вызова скорой медицинской помощи;

– несоответствие сведений, отраженных в протоколе осмотра места происшествия от 28 января 2025 г., показаниям свидетеля С., отраженным в протоколе ее допроса от 29 января 2025 г.;

– неотражение в протоколе допроса Л. в качестве подозреваемого от 29 января 2025 г. факта участия гражданина П., производившего видеозапись следственного действия;

– заявление следователем Б. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы 30 января 2025 г. требования об избрании в отношении обвиняемого Л. меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) в совершении действий против законных интересов доверителя и в интересах должностных лиц правоохранительных органов, направленных на склонение Л. путем уговоров к признанию вины в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а также к подписанию протоколов следственных и иных процессуальных действий, содержащих это признание.

Адвокат Д. признал вину в нарушении, связанном с неуказанием им в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Л. от 29 января 2025 г. фактического времени произведенного задержания, остальные дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, утверждая, что Л. к даче признательных показаний не склонял, показания последний давал добровольно, жалоб на плохое самочувствие он не предъявлял, какое-либо давление на него в присутствии адвоката Д. не оказывалось.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании юридической помощи по назначению органа предварительного следствия в нарушение установленного порядка ее оказания, Совет отмечает, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ «по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом». При этом согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ «в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, сле-

дователь вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса».

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается в том числе в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29); при этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов Российской Федерации как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35); Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особен-

ностей (см.: Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2019. Выпуск № 2 (65). С. 160–172).

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (далее – Правила), опубликованными в официальном печатном издании (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 3 (146). С. 4–8) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <http://www.advokatymoscow.ru>.

В соответствии с п. 3 указанных Правил «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

В соответствии с абз. 1–4 п. 10 Правил «уведомления об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети ‘‘Интернет’’ по адресу <51.advokatymoscow.ru> в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в АИС АПМ.

Уведомление может быть также направлено инициатором в АИС АПМ посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети ‘‘Интернет’’.

В аналогичном порядке инициатор вправе получить оперативную информацию о текущем статусе исполнения соответствующего уведомления. Сведения, предоставленные инициатором в уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело».

В п. 1 Разъяснений № 15 Совета Адвокатской палаты города Москвы

по вопросам профессиональной деятельности адвоката «Об отдельных вопросах участия адвокатов в делах по назначению», утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 октября 2021 г. (Протокол № 18), указано: «Недостоверность или отсутствие в заявке, поданной посредством АИС АПМ, любых сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело. При этом не имеет значения как причина отсутствия либо недостоверности сведений (техническая ошибка или намеренное искажение), так и степень их существенности. В частности, отсутствие или неправильное указание даже одного знака либо последовательности знаков являются основанием для отказа адвоката от вступления в дело. Адвокат, выявивший недостоверность или отсутствие указанных выше сведений, обязан письменно разъяснить инициатору заявки причины отказа от вступления в дело и необходимость подачи новой заявки с правильными данными, так как в противном случае не может быть обеспечен достоверный учет заявок и соблюдение принципа непрерывности защиты» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2021. Выпуск № 4 (155). С. 11–12).

В силу п. 1 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., «основанием для осуществления защиты является соглашение об оказании юридической помощи либо постановление о назначении защитника, вынесенное дознавателем, следователем или судом, при условии соблюдения порядка оказания юридической помощи по назначению, установленного в соответствии с законодательством» (Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140–142).

Из содержания заявки АИС АПМ от 29 января 2025 г., принятой адвокатом Д., из оформленного им ордера от 29 января 2025 г. на осуществление защиты Л., представленного в материалы уголовного дела, а равно из вынесенного следователем постановления от 29 января 2025 г. о назначении защитника каких-либо нарушений вышеуказанных законодательных и профессионально-этических предписаний не усматривается. Отчет по заявке АИС АПМ от 29 января 2025 г. каких-либо искажений сведений, в том числе о номере уголовного дела и о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, не содержит. Не установлено в результате дисциплинарного разбирательства и иных признаков, указывающих на вступление адвоката Д. в уголовное дело в нарушение установленного порядка назначения адвокатов в качестве защитников, поскольку названная заявка была размещена в АИС АПМ в 13.54 час. и была принята адвокатом Д. в 15.15 час. лишь после того, как была предложена 83 адвокатам и приобрела статус «Срочная». Фактов множественного размещения заявок на осуществление защиты Л. в АИС АПМ также не установлено.

Как отмечено выше, вынесению следователем Б. постановления от 29 января 2025 г. о назначении адвоката Д. защитником Л. предшествовало обращение последнего к следователю с письменным заявлением, в котором он просил о назначении ему защитника, а также сообщил, что защитника по соглашению не имеет и в ближайшие 24 часа приглашать не намерен. Адвокат Д. ознакомился с указанными документами при вступлении в уголовное дело, удостоверившись тем самым в соблюдении порядка его назначения.

Из жалобы заявителя Л. усматривается, что перед началом участия адвоката Д. в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Л. между последним и адвокатом Д. происходило конфиденциальное общение «в коридоре следственного органа». Каких-либо заявлений или жалоб, ставящих под сомнение волеизъявление Л. на осуществление его защиты адвокатом Д., протоколы следственных и иных процессуальных действий, как и иные материалы дисциплинарного производства, не содержат. Доказательств заключения в период с 28 по 30 января 2025 г. как самим Л., так и иными лицами в его интересах соглашений об оказании ему юридической помощи заявителем в материалы дисциплинарного производства не представлено, равно как не представлено им и доказательств воспрепятствования доступу приглашенных защитников к Л. На устойчивый характер волеизъявления Л. на осуществление его защиты адвокатом Д. указывает и его приведенная выше позиция в судебном заседании С. районного суда г. Москвы.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает в действиях адвоката Д. нарушения предписаний подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. Дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Оценивая доводы заявителя Л. о бездействии адвоката Д. при осуществлении его защиты, Совет учитывает, что, согласно доводам жалобы заявителя, в ходе его общения с адвокатом Д. перед началом процессуальных действий Л. сообщил адвокату Д., что он незаконно удерживается правоохранительными органами с 18.00 час. 28 января 2025 г. сначала в ОЭБиПК УВД по …ГУ МВД России по г. Москве, а затем в СУ по … ГСУ СК РФ по г. Москве без сна, воды и приема пищи, а также без составления протокола задержания и сообщения о произведенном задержании прокурору, т.е. в нарушение чч. 1, 3 ст. 92 УПК РФ. При этом доводы заявителя Л. о его фактическом задержании 28 января 2025 г. подтверждаются процессуальными документами, представленными в материалы дисциплинарного производства и описанными выше. Кроме того, согласно протоколу задержания подозреваемого от 29 января 2025 г. Л. был задержан по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, как лицо, застигнутое при совершении преступления или непосредственно после его совершения. Тем самым из указанных документов следует, что 28 января 2025 г. у Л. было изъято средство связи – мобильный телефон, после чего он был принудительно доставлен в ОЭБиПК УВД по …ГУ МВД России по г. Москве. При таких обстоятельствах, по крайней мере с 15.12 час. 28 января 2025 г., т.е. с момента начала осмотра места происшествия, Л. был лишен возможности свободно передвигаться.

В этой связи адвокат Д., который, как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, был ознакомлен до начала следственных и иных процессуальных действий с его участием с протоколом осмотра места происшествия от 28 января 2025 г., с постановлением следователя Б. от 29 января 2025 г. о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, а также с рапортом следователя Б. от 29 января 2025 г. об обнаружении признаков преступления, не мог не понимать, что Л. фактически задержан 28, а не 29 января 2025 г.

Кроме того, как установлено в результате дисциплинарного разбиратель-

ства, Л. в первой беседе сообщил адвокату Д., что 28 января 2025 г., около 15.00 час., его «поймали с поличным при получении взятки» на рабочем месте.

Однако, вопреки данным фактическим обстоятельствам, в протоколе задержания подозреваемого Л. от 29 января 2025 г., составленном с участием адвоката Д., было указано, что Л. задержан в 20.30 час. 29 января 2025 г. в служебном кабинете ОРОВД СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве. Впоследствии эти же недостоверные сведения были воспроизведены в постановлении С. районного суда г. Москвы от 30 января 2025 г. об избрании в отношении Л. меры пресечения в виде домашнего ареста, поскольку суду не были представлены правильные сведения о времени его фактического задержания.

Согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе задержания подозреваемого указываются в числе прочего «дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого». Согласно ч. 3 ст. 128 УПК РФ «при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания». В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном данным кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В соответствии с подп. «г» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.), содержащего минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует в том числе «выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий» (Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140–142).

Кроме того, в Разъяснениях № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 24 сентября 2015 г. (см.: Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2015. Выпуск № 3 (129). С. 39–42), прямо указано на обязанность адвоката, назначенного защитником, «выяснить точное время фактического задержания».

При этом в силу ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Таким образом, адвокат Д., располагавший достоверными сведениями о том, что его доверитель Л. был фактически задержан около 15.00 час. 28 января 2025 г., знал и о том, что в составленном с его участием протоколе задержания подозреваемого от 29 января 2025 г. время задержания подозреваемого Л. (20.30 час. 29 января 2025 г.) указано неверно вопреки требованиям п. 15 ст. 5, ч. 2 ст. 92 УПК РФ. Однако каких-либо заявлений и замечаний по поводу недостоверности данных сведений адвокат Д. не сделал ни в протоколе задержания подозреваемого, ни в иных процессуальных документах, составленных с его участием, ни в судебном заседании.

Такое свое поведение адвокат Д. сначала объяснил тем, что Л. сказал ему, что претензий по этому поводу он не имеет и никаких жалоб составлять и подавать не желает, так как это впоследствии

может помешать ему в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако такая позиция адвоката Д. применительно к оценке его поведения при процессуальной фиксации времени фактического задержания подозреваемого Л. не может быть признана надлежащим исполнением профессиональных обязанностей. Признание Л. вины в совершении преступления неоднократно отражено в протоколах следственных действий, составленных 29 января 2025 г. до составления протокола его задержания, при этом данная позиция Л. не свидетельствовала о его согласии с недостоверным указанием в протоколе задержания подозреваемого времени его фактического задержания, влияющего на исчисление сроков задержания, применения к нему мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, а равно и срока наказания (при его назначении). Кроме того, приведенная позиция Л., в том числе его нежелание что-либо пояснять по поводу своего задержания, не подразумевает осведомленности Л. о правовых последствиях недостоверного указания в протоколе задержания времени его фактического задержания.

Таким образом, процессуальное реагирование на недостоверное указание времени фактического задержания подозреваемого в протоколе задержания подозреваемого является безусловной обязанностью адвоката, участвующего в его составлении в качестве защитника, предусмотренной вышеприведенными взаимосвязанными положениями подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Отказ от исполнения этой обязанности не только приводит к неправильному исчислению сроков в уголовном судопроизводстве, но и ограничивает дальнейшие возможности по защите прав и законных интересов доверителя. Так, хотя необходимость и момент реагирования на прочие указываемые Л. процессуальные нарушения определяются тактикой защиты, самостоятельно избираемой адвокатом в ходе оказания юридической помощи, доказывание и установление таких нарушений неизбежным образом затрудняется, если время фактического задержания в протоколе задержания подозреваемого не установлено или установлено недостоверно.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Д. профессиональных обязанностей перед доверителем Л. при описанных обстоятельствах.

Доводы заявителя Л. об остальных процессуальных нарушениях, допущенных должностными лицами правоохранительных органов при его фактическом задержании, в том числе выразившихся в его незаконном удержании с 18.00 час. 28 января 2025 г. без сна, воды и приема пищи, а также без составления протокола задержания и сообщения о произведенном задержании прокурору (в нарушение чч. 1, 3 ст. 92 УПК РФ), подлежат проверке в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. При этом доказательств того, что адвокат Д. располагал соответствующей информацией, требующей его немедленного процессуального реагирования, в материалах дисциплинарного производства не содержится. Сам адвокат Д. наличие у него такой информации категорически отрицает.

Доводы заявителя Л. об угрозах, которые высказывались 29 января 2025 г. в его адрес со стороны сотрудников правоохранительных органов в ответ на его заявление о незаконности возбуждения уголовного дела, имеющимися в материалах дисциплинарного производства доказательствами также не подтверждены. Напротив, содержание описанных выше процессуальных документов, копии которых представлены в материалы дисциплинарного производства, указывает на добровольный характер дачи им показаний. Содержание видеозаписи допроса Л. в качестве обвиняемого соответствует содержанию протокола его допроса в качестве обвиняемого от 29 января 2025 г., в том числе и в части времени производства следственного действия.

Довод заявителя Л. об ухудшении состояния его здоровья, требовавшем вызова скорой медицинской помощи, адвокатом Д. также отрицается и подтверждения в результате дисциплинарного производства не нашел. Напротив, в протоколе допроса Л. в качестве подозреваемого от 29 января 2025 г. отражено его заявление о том, что он чувствует себя удовлетворительно. Признаков, указывающих на пребывание Л. в состоянии, требовавшем неотложного оказания медицинской помощи, не усматривается и на видеозаписи допроса Л. в качестве обвиняемого. Кроме того, данная видеозапись свидетельствует о том, что во время допроса Л. на столе перед ним стоят бутылка с водой и одноразовый бумажный стакан.

Не может быть признан обоснованным и довод заявителя Л. о том, что адвокат Д. был обязан отреагировать на несоответствие сведений, отраженных в протоколе осмотра места происшествия от 28 января 2025 г., показаниям свидетеля С., отраженным в протоколе ее допроса от 29 января 2025 г. Определение момента реагирования на подобные противоречия – сугубо тактический вопрос, который решается адвокатом самостоятельно, исходя из совокупности обстоятельств в каждом конкретном случае.

Участие специалиста П. в допросе Л. в качестве подозреваемого какими-либо доказательствами не подтверждено. При этом адвокат Д. пояснил, что фактически специалист П. участвовал только в допросе Л. в качестве обвиняемого, и сведения об этом имеются в протоколе этого допроса. Таким образом, довод жалобы Л. о нереагировании адвоката Д. на неуказание на участие специалиста П. в протоколе допроса подозреваемого Л. также не может быть признан доказанным.

Довод заявителя о бездействии адвоката Д. в связи с заявлением следователем Б. в судебном заседании С. районного суда г. Москвы 30 января 2025 г. требования об избрании в отношении обвиняемого Л. меры пресечения в виде заключения под стражу Совет признает надуманным. Из содержания постановления С. районного суда от 30 января 2025 г. об избрании в отношении Л. меры пресечения в виде домашнего ареста следует, что судом рассматривалось ходатайство следователя об избрании в отношении Л. именно меры пресечения в виде домашнего ареста. С указанным ходатайством согласились как Л., так и его защитник. Из постановления суда также следует, что вопрос об избрании в отношении Л. меры пресечения в виде заключения под стражу не рассматривался.

Таким образом, в части остальных доводов о бездействии адвоката Д., содержащихся в жалобе заявителя Л., дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об ад-

вокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Доводы заявителя о подписании адвокатом Д. сфальсифицированных документов и о его содействии органам предварительного следствия в их фальсификации по своему существу являются утверждениями о соучастии адвоката Д. в совершении преступления. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ. Таким образом, если заявитель Л. считает, что адвокатом Д. или иными лицами совершены деяния, содержащие признаки каких-либо преступлений, он может обратиться с соответствующими заявлениями в органы, осуществляющие уголовное преследование.

Проверяя доводы заявителя о совершении адвокатом Д. действий против его законных интересов и в интересах должностных лиц правоохранительных органов, направленных на склонение Л. путем уговоров к признанию вины в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а также к подписанию протоколов следственных и иных процессуальных действий, содержащих данные сведения, Совет отмечает, что в силу п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе: действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне (подп. 1); занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного (подп. 2).

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Л. действительно изменил свою позицию после вступления адвоката Д. в уголовное дело, поскольку 28 января 2025 г., с 20.30 час. до 22.00 час., Л., будучи опрошен старшим оперуполномоченным Р., отрицал получение взятки, признав вину лишь 29 января 2025 г. в ходе следственных и иных процессуальных действий с участием адвоката Д. Однако данное обстоятельство само по себе не свидетельствует о том, что адвокат Д. действовал вопреки воле доверителя Л., против его законных интересов и в интересах сотрудников правоохранительных органов. При этом доказательств незаконного воздействия адвоката Д. на Л. в целях, не направленных на оказание квалифицированной юридической помощи, в материалах дисциплинарного производства не содержится. Напротив, как подробно описано выше, из материалов дисциплинарного производства следует, что Л. формировал и излагал свою позицию добровольно. Адвокат Д. какое-либо оказание давления на Л. отрицает.

Учитывая изложенное, Совет и в данной части констатирует отсутствие в действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Д. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет длительный стаж адвокатской деятельности, положительно характеризуется

адвокатским образованием, в котором состоит, признал свою вину в дисциплинарном проступке и обязался пересмотреть свое отношение к исполнению профессиональных обязанностей. Вместе с тем Совет учитывает умышленный характер допущенного адвокатом Д. нарушения, свидетельствующий о ненадлежащем отношении к исполнению профессиональных обязанностей перед доверителем. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства… следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся в неуказании им в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Л. от 29 января 2025 г., составленному старшим следователем Т. межрайонного следственного отдела СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве Б., прикомандированным в ОРОВД СУ по …ГСУ СК РФ по г. Москве, сведений о времени фактического задержания подозреваемого Л. (не позднее 15.12 час. 28 января 2025 г.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания подозреваемого Л. (20.30 час. 29 января 2025 г.).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. жалобе Л. от 09 июня 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.24. Адвокат получила предупреждение, так как направила доверителю акт с указанием стоимости, превышающей согласованное вознаграждение, затем потребовала заключить дополнительное соглашение об увеличении вознаграждения, а после отказа прекратила оказание юридической помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя – генерального директора ООО «…» Т. и адвоката З. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе генерального директора ООО «…» Т. от 30 апреля 2025 г. в отношении адвоката З.

Квалификационная комиссия 18 июня 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат обязан… честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»), исполнении адвокатом З. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «…», выразившемся в том, что она, заключив 25 октября 2023 г. Соглашение № … об оказании юридической помощи по гражданскому делу, предусматривающее оказание доверителю юридической помощи в Арбитражном суде г. Москвы по его иску о защите деловой репутации на условиях фиксированного вознаграждения, направила доверителю акт приема-передачи оказанных услуг от 03 мая 2024 г., в котором указала стоимость оказанной юридической помощи на основании расценок, которые не были согласованы с доверителем, и в сумме, превышающей на … рублей фиксированное вознаграждение, предусмотренное п. 3.1 Соглашения от 25 октября 2023 г., предложив при этом доверителю в ультимативной форме заключить дополнительное соглашение об увеличении вознаграждения по соглашению в два раза, а после отказа доверителя от указанного предложения, в нарушение условий Соглашения от 25 октября 2023 г., отказалась от исполнения соглашения и прекратила оказание юридической помощи, в том числе не явилась в заседание Арбитражного суда г. Москвы 04 июня 2024 г., оставив тем самым доверителя ООО «…» без квалифицированной юридической помощи;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката З. по жалобе генерального директора ООО «…» Т., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель – генеральный директор ООО «…» Т. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, в части установленного дисциплинарного нарушения она с ним согласна, в оставшейся части также не имеет возражений.

Адвокат З. в заседании Совета пояснила, что Заключение Квалификационной комиссии ею получено, и она с ним не согласна в части, в которой в ее действиях установлено дисциплинарное нарушение по мотивам, изложенным в письменных возражениях, просила прекратить дисциплинарное производство в связи с отсутствием в ее действиях состава дисциплинарного проступка. Отвечая на вопросы членов Совета о том, какими именно расценками она руководствовалась при выдвижении доверителю требований о дополнительной оплате вознаграждения сверх предусмотренной соглашением, пояснила, что руководствовалась «среднерыночными показателями», затруднившись назвать конкретный источник своей информированности о них.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но считает необходимым уточнить формулировку дисциплинарного нарушения в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 25 октября 2023 г. адвокат З. заключила с ООО «…» Соглашение № … об оказании юридической помощи по граждан-

скому делу, в соответствии с которым приняла поручение на представление интересов ООО «…» в Арбитражном суде г. Москвы по иску Общества к Ш. о защите деловой репутации. Соглашение заключено на условиях фиксированного вознаграждения, размер которого согласован в сумме …руб. и которое было оплачено доверителем полностью путем перевода денежных средств на счет адвокатского кабинета адвоката З. в день заключения соглашения.

Исковое заявление было подготовлено и 02 февраля 2024 г. подано адвокатом З. в арбитражный суд. 02 апреля 2024 г. адвокат З. участвовала в интересах заявителя в предварительном судебном заседании по делу, 02 мая 2024 г. подала в суд от имени заявителя ходатайство о приобщении доказательств, приложив к нему ряд документов.

03 мая 2024 г. адвокат З. подготовила и направила заявителю по электронной почте и в мессенджере акт приема-передачи оказанных услуг, а также уведомление. При этом указанная в акте приема-передачи от 03 мая 2024 г. стоимость юридической помощи составляла …руб., т.е. на …руб. превышала размер фиксированного вознаграждения, предусмотренного соглашением. В уведомлении адвокат предложила заявителю заключить дополнительное соглашение об увеличении вдвое вознаграждения за оказание юридической помощи, предусмотренного соглашением; указала, что в случае незаключения такого дополнительного соглашения в течение трех календарных дней соглашение считается расторгнутым.

С обоими документами доверитель был не согласен и акт не подписал, возражал против расторжения соглашения, требовал продолжить оказание юридической помощи.

В судебное заседание 04 июня 2024 г. адвокат З. не явилась. В этом заседании интересы заявителя представляла генеральный директор Т., дело было рассмотрено по существу, суд полностью отказал в удовлетворении требований истца ООО «…». Решение по делу было изготовлено 14 июня 2024 г. и не обжаловалось заявителем.

При указанных обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат З. описанными действиями нарушила положения подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет полагает ошибочным и не основанным на установленных Комиссией фактических обстоятельствах указание о применении адвокатом З. «расценок», не согласованных с доверителем. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, адвокат З. не применяла при совершении рассматриваемых действий каких-либо «расценок» и не могла их применять в силу отсутствия таковых. Совет в этой связи напоминает, что размер вознаграждения адвоката устанавливается по соглашению между ним и доверителем индивидуально в каждом случае и какому-либо нормативному регулированию не подлежит. Адвокат З. же в рассматриваемой ситуации произвольно и вопреки условиям заключенного соглашения определила как стоимость уже оказанных ею отдельных видов юридической помощи, так и общую ее стоимость. По этой причине Совет исключает указание на применение адвокатом З. «расценок» из формулировки совершенного ею дисциплинарного нарушения.

Доводы адвоката З., приведенные в ее письменных возражениях и в заседании Совета, по существу сводятся к утверждению о праве адвоката в односторон-

нем порядке изменить существенные условия соглашения с доверителем (в частности, размер вознаграждения), а в случае несогласия с этим доверителя – в одностороннем порядке расторгнуть соглашение, прекратив оказание доверителю юридической помощи.

Совет отклоняет эти доводы как несостоятельные, противоречащие требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики. Не подвергая сомнению право адвоката поставить перед доверителем вопрос об увеличении согласованного размера вознаграждения при наличии оснований для этого, Совет подчеркивает, что реализация адвокатом этого права предполагает проведение по его инициативе переговоров с доверителем, в результате которых сторонами может быть согласован иной размер вознаграждения, чем предусмотренный соглашением об оказании юридической помощи, либо принято иное согласованное решение. Однако реализация адвокатом этого права во всех случаях не предполагает возможности принятия им в одностороннем порядке решения об увеличении размера вознаграждения, тем более под угрозой отказа от дальнейшего оказания доверителю юридической помощи в случае его несогласия на такое увеличение. Односторонний отказ адвоката от исполнения принятых на себя обязательств под предлогом несогласия доверителя, добросовестно исполнившего свои обязательства перед адвокатом, на увеличение размера вознаграждения по сравнению с ранее согласованным является недопустимым нарушением требований профессиональной этики.

Ссылки адвоката З. на нормы Гражданского кодекса РФ о свободе договора и отдельных видах договоров не влияют на этот вывод, поскольку эти нормы применяются к профессиональной деятельности адвоката лишь в той мере, в какой они не противоречат специальным нормам законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и требованиям профессиональной этики. Это в полной мере распространяется и на вопросы, связанные с расторжением соглашения об оказании юридической помощи (п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Адвокату З. как профессиональному советнику по правовым вопросам надлежит знать и неукоснительно исполнять эти основополагающие требования к осуществлению профессиональной деятельности.

По указанным причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката З. опровергнутой в рассматриваемой части, а ее вину в совершении описанного дисциплинарного нарушения установленной.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат З. давала доверителю обещание положительного результата оказания юридической помощи, подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства не нашло, в связи с чем в этой части дисциплинарное производство подлежит прекращению. В Заключении Квалификационной комиссии приведены надлежащие обоснования данного вывода, с которыми Совет также соглашается.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката З. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований профессиональной этики в части надлежащего исполнения обязательств перед доверителем. Такое профессиональное поведение адвоката З. Совет признает недопустимым и наносящим вред авто-

ритету адвокатуры. Вместе с тем Совет учитывает длительный стаж ее адвокатской деятельности и совершение ею дисциплинарного нарушения впервые. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату З. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату З. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат обязан… честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «…», выразившееся в том, что она, заключив с доверителем 25 октября 2023 г. Соглашение № … об оказании юридической помощи по гражданскому делу, предусматривающее оказание юридической помощи в Арбитражном суде г. Москвы по его иску о защите деловой репутации на условиях фиксированного вознаграждения, направила доверителю акт приема-передачи оказанных услуг от 03 мая 2024 г., в котором указала стоимость оказанной юридической помощи, которая не была согласована с доверителем, в сумме, превышающей на …руб. фиксированное вознаграждение, предусмотренное п. 3.1 Соглашения от 25 октября 2023 г., предложив при этом доверителю в ультимативной форме заключить дополнительное соглашение об увеличении вознаграждения по соглашению в два раза, а после отказа доверителя от указанного предложения, в нарушение условий Соглашения от 25 октября 2023 г., отказалась от его исполнения и прекратила оказание юридической помощи, в том числе не явилась в заседание Арбитражного суда г. Москвы 04 июня 2024 г., оставив тем самым доверителя ООО «…» без квалифицированной юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката З по жалобе генерального директора ООО «…» Т. от 30 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.25. Адвокат получил предупреждение за то, что принял от доверителя поручение на оказание юридической помощи без заключения письменного соглашения и оприходования полученного вознаграждения, а также подал апелляционную жалобу вопреки воле доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Л., заявителей З.Н. и З.О., представителя З.О. – С. (допущен в качестве представителя по устному ходатайству З.О.) рассмотрел в закрытом заседании

с использованием видео-конференцсвязи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам З.Н. от 16 декабря 2024 г. и З.О. от 07 февраля 2025 г. в отношении адвоката Л.

Квалификационная комиссия 21 мая 2025 г. вынесла Заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Л. профессиональных обязанностей перед доверителем З.Н., выразившемся в том, что адвокат Л. принял на себя 10 октября 2023 г. поручение на оказание З.Н. юридической помощи по выселению С. из квартиры, расположенной по адресу… но соглашение об оказании юридической помощи в простой письменной форме, как это предписано ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не заключил, а полученные от З.Н. денежные средства за исполнение поручения З.Н. по выселению С. в размере …рублей не оформил в установленном законом порядке и не выдал З.Н. финансовый документ (квитанцию к приходному кассовому ордеру);

– о нарушении адвокатом Л. предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в подаче 18 сентября 2023 г. адвокатом Л., действующим в качестве представителя З.Н., апелляционной жалобы на решение К. городского суда М. области по гражданскому делу от 30 мая 2023 г. вопреки воле З.Н., с приложением к апелляционной жалобе в подтверждение полномочий нотариально удостоверенной доверенности, которую З.Н. отменил в установленном порядке 13 сентября 2023 г.;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе З.Н. от 16 декабря 2024 г., в части его утверждения о том, что в действиях адвоката Л. усматриваются признаки совершения им уголовно наказуемых деяний, в части отказа адвоката Л. вернуть З.Н. денежные средства в размере …руб., а также в части всех претензий З. относительно использования квартиры, расположенной по адресу… оплаты ее содержания, подписания каких-либо бумаг З.Н. по предложениям адвоката Л., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе З.О. от 07 февраля 2025 г., в части дисциплинарного обвинения в создании им риска нарушения конфиденциальности сведений, доверенных адвокату Л. доверителем З.О. в 2013–2015 гг. при оказании им юридической помощи истцу З.Н. в гражданском деле, которое было рассмотрено Х. районным судом г. Москвы в 2022 г. и в котором З.О. являлась ответчиком, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе З.О. от 07 февраля 2025 г., в части дисциплинарного обвинения, выразившегося в участии адвоката Л. в качестве представителя истца З.Н. в Х. районном суде г. Москвы по граж-

данскому делу, в котором его бывший доверитель З.О. являлась ответчиком, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Адвокат Л. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, ознакомился с ним, с выводами Комиссии не согласен, поддержал свои письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, в которых указал следующее. Комиссия применила к правоотношениям, возникшим между ним и З.Н., нормы законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, не подлежащие применению, и неправильно установила обстоятельства дела, в связи с чем «…решение подлежит отмене». Он помогал З.Н. при рассмотрении судом иска З.О. о вселении и об обязании не чинить препятствий в пользовании домом не как адвокат, а как заинтересованное лицо, поскольку являлся кредитором З.О. в деле о ее банкротстве. Кроме того, краткая апелляционная жалоба на решение К. городского суда была подана им 26 июня 2023 г., т.е. до отзыва З.Н. выданной Л. доверенности (13 сентября 2023 г.). Следовательно, воля З.Н. на подачу жалобы была выражена до отзыва им доверенности и соответствовала его интересам. При этом З.Н. злоупотребил своими гражданскими правами, не сообщив ни адвокату Л., ни суду об отзыве доверенности и не отозвав поданную им жалобу. Незаключение им с З.Н. никаких соглашений и неоформление ордеров свидетельствуют о том, что он оказывал помощь З.Н. не как адвокат, а как частное лицо.

Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил, что во взаимоотношениях с З.Н. как при представлении его интересов в К. городском суде М. области, так и при оказании помощи при выселении из квартиры гражданина С. он действовал не как адвокат, а как «гражданское» лицо, имеющее собственный гражданско-правовой интерес, защищаемый Конституцией Российской Федерации, что и подтверждается отсутствием соглашений с З.Н. об оказании ему юридической помощи и адвокатских ордеров.

Заявитель З.Н. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, ознакомился с ним, с выводами Комиссии согласен. Отвечая на вопросы членов Совета о том, каким образом он уведомил адвоката Л. об отмене 13 сентября 2023 г. доверенности от 13 июля 2023 г., сообщил, что уведомление было устным.

Заявительница жалобы З.О. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получила, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии согласна.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства дела, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С 12 сентября 2013 г. в производстве мирового судьи судебного участка № … района Х. г. Москвы В. находилось уголовное дело в отношении З.О. Защиту З.О. по уголовному делу осуществлял адвокат Л. Приговор в отношении З.О. был постановлен 10 февраля 2014 г. и вступил в законную силу 07 мая 2014 г.

20 сентября 2013 г. между заявителем З.О. и адвокатом Л. был заключен предварительный договор купли-продажи

доли квартиры, в соответствии с которым стороны обязуются в срок и на условиях этого договора в будущем заключить договор купли-продажи ¼ доли квартиры, расположенной по адресу… Стороны договорились, что продажная цена недвижимости будет составлять …руб., из которых …руб. оплачивается Л. наличными денежными средствами перед заключением договора, а …руб. – наличными денежными средствами после исполнения З.О. своих обязательств. На обратной стороне договора имеется рукописная запись: «Деньги получила в полном объеме». По истечении 6 месяцев со дня открытия наследства, т.е. после 22 ноября 2013 г., З.О. обязалась оформить свидетельство о праве на наследство и свидетельство о государственной регистрации права собственности на недвижимость в соответствии с действующим законодательством. 25 января 2015 г. Л. обратился к З.О. с уведомлением о расторжении договора, поскольку на эту дату свидетельство о праве собственности на квартиру не оформлено, основной договор купли-продажи не заключен, в связи с чем он потребовал возврата «всех оплаченных денежных средств в размере …рублей». После этого адвокат Л. обратился в Х. районный суд г. Москвы с иском к З.О. о взыскании денежных средств в связи с неисполнением ответчиком своих обязательств по предварительному договору купли-продажи ¼ доли квартиры. З.О. заявила встречный иск, просив признать недействительным предварительный договор купли-продажи ¼ доли квартиры от 20 сентября 2013 года. 17 декабря 2015 г. Х. районный суд вынес решение о частичном удовлетворении требований Л. – взыскании с З.О. …руб., процентов за пользование денежными средствами в размере …руб. и расходов по оплате государственной пошлины в размере …руб. В удовлетворении иска З.О. к Л. о признании предварительного договора купли-продажи доли квартиры недействительным отказано. В дальнейшем участники дисциплинарного производства являлись участниками судебных разбирательств по гражданским, административным делам и арбитражному делу о банкротстве З.О., по результатам которых адвокат Л. приобрел в порядке отступного право собственности на ¼ долю указанной квартиры, впоследствии подарив квартиру своей матери и зарегистрировавшись в квартире по месту жительства.

В производстве Х. районного суда г. Москвы находилось гражданское дело по иску З.Н. к З.О., действующей в своих интересах и в интересах ее несовершеннолетней дочери, о признании их утратившими право пользования жилым помещением и снятии их с регистрационного учета. Исковое заявление З.Н. поступило в суд 24 ноября 2021 г., по делу состоялись судебные заседания 14 марта и 13 апреля 2022 г. Решением суда от 13 апреля 2022 г. исковые требования З.Н. были удовлетворены частично: З.О. и ее дочь признаны утратившими право пользования жилым помещением. Определением судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда от 22 сентября 2022 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения, а апелляционная жалоба З.О. без удовлетворения. Интересы З. Н. представлял адвокат Л.

18 октября 2022 г. С. заселился в упомянутую выше квартиру на основании договора найма, заключенного им с доверенным лицом З.Н. – П., на срок до 17 сентября 2023 г.

13 июля 2023 г. З.Н. выдал Л. нотариально удостоверенную доверенность на представление своих интересов в судах. 13 сентября 2023 г. З.Н. нотариально

удостоверенным распоряжением отменил указанную доверенность.

18 сентября 2023 г. адвокат Л. подал от имени З.Н., привлеченного в качестве третьего лица к участию в гражданском деле по иску З.О. к З.А. и к Т.Е. о вселении З.О. с несовершеннолетней дочерью в жилой дом и об обязании не чинить ей препятствий в пользовании домом, апелляционную жалобу на решение К. городского суда М. области от 30 мая 2023 г. по этому делу.

10 октября 2023 года З.Н. заключил с Л. соглашение, согласно которому обязался оплатить Л. 1 000 000 рублей за освобождение упомянутой квартиры «*от незаконного проживания в указанной квартире С. Оплата производится в следующем порядке: Аванс в размере …(…) рублей выплачивается З.Н. при заключении настоящего Соглашения. Оплата в размере …рублей (…) выплачивается З.Н. после освобождения С. указанной квартиры, а также после продажи своей доли квартиры (совместно с дольщиками) в течение одного дня. В случае не освобождения указанной в Соглашении квартиры С. аванс подлежит возврату З.Н. Л. Прекращение проживания в квартире С. независимо от методов и средств является фактом исполнения Л. настоящего Соглашения*».

В жалобе З.О. сформулированы дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Л., оказав ей в 2013–2015 гг. юридическую помощь, в 2022 г. стал представителем З.Н. по гражданскому делу о лишении ее права пользования квартирой, в отношении которой ранее защищал права З.О. перед третьими лицами, в том числе право пользования квартирой, основанное на праве собственности на нее. Таким образом, адвокат Л. злоупотребил ее доверием и посягнул на ее законные интересы, чем подорвал доверие к нему и к адвокатуре.

Рассматривая указанные дисциплинарные обвинения, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части в связи со следующими обстоятельствами.

Довод жалобы З.О. о том, что оказание адвокатом Л. юридической помощи З.Н. создавало риск нарушения конфиденциальности сведений, доверенных ею адвокату Л., не нашел подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. З.Н. является сособственником той же квартиры, в которой З.О. была зарегистрирована, а ранее являлась собственником ¼ доли в ней. Поскольку до 01 марта 2023 г. любое обратившееся за получением выписки из ЕГРН лицо могло получить практически любые сведения об объекте недвижимости, а представление интересов З.Н. в гражданском деле о признании З.О. утратившей право пользования жилым помещением адвокат Л. осуществлял в 2022 г., сведения относительно оснований возникновения права собственности З.О. могли быть известны З.Н. независимо от адвоката Л., при этом они не являлись конфиденциальными, что исключает возможность отнесения этих сведений к содержащим адвокатскую тайну. Доказательств разглашения адвокатом Л. каких-либо иных сведений, полученных от З.О. при оказании ей юридической помощи и составляющих адвокатскую тайну, заявителем не представлено, в то время как сам адвокат такое разглашение категорически отрицает.

При подобных обстоятельствах Совет признает неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Л. в рассматриваемой части и приходит

к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части.

В отношении дисциплинарного обвинения в действиях адвоката Л. в условиях конфликта интересов Совет отмечает, что в соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения).

Описанные в жалобе З.О. действия адвоката Л., составляющие, по ее мнению, указанный дисциплинарный проступок – его участие в качестве представителя истца З.Н. по гражданскому делу, в котором она (бывший доверитель адвоката Л.) являлась ответчиком, имели место в 2022 г., т. е. более чем за два года до подачи ею 10 февраля 2025 г. жалобы в Адвокатскую палату города Москвы. При этом З.О. не позднее 14 марта 2022 г. (когда по делу состоялось первое судебное заседание) стало известно, что адвокат Л. представляет в указанном гражданском деле ее процессуального оппонента З.Н.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель З. Н. выдвинул в отношении адвоката Л. многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно:

– из-за него проживание З.Н. в квартире стало невозможным;

– с его помощью «каким-то неизвестным образом» в квартиру вселился С., который фактически пользовался всей квартирой;

– в октябре 2023 г. он обратился к З.Н. с инициативой выселения С. за …руб., после чего 10 октября 2023 г. составил соглашение, по которому З.Н. оплатил ему …руб., а …руб. должен был оплатить после продажи квартиры. При этом адвокат Л. заверил З.Н. в том, что квартира будет сдаваться в аренду, и взятый З.Н. в банке кредит в размере …руб. тот быстро вернет. Однако адвокат Л. его обманул;

– он постоянно обманывал З.Н. и брал у того деньги «практически ни за что», а возвращать полученные деньги отказался;

– он взял у З.Н. …долл. на замену замков и установку охранной сигнализации, но ключи З.Н. не дал и сигнализацию не установил;

– 13 июля 2023 г. он попросил З.Н. оформить доверенность на его имя в качестве его представителя, действуя при этом явно не в интересах З.Н., а после того, как З.Н. отменил доверенность распоряжением от 13 сентября 2023 г., о чем сообщил адвокату Л., тот 18 сентября 2023 г. подал от имени З.Н. апелляционную жалобу, к которой приложил копию уже отмененной доверенности;

– при общении с З.Н. он вел себя как криминальный авторитет;

– он постоянно подсовывал З.Н. «какие-то бумаги» для подписи, не давая их прочитать, не объясняя для чего их надо подписывать;

– он не вносит коммунальные платежи за квартиру;

– он оказывал на З.Н. моральное давление, сообщая, что тот проиграет суд и будет должен ему деньги.

Рассматривая доводы жалобы З.Н. о том, что адвокат Л., зная об отмене З.Н. 13 сентября 2023 г. доверенности, выданной ему 13 июля 2023 г., действуя явно не в интересах З.Н., подал 18 сентября 2023 г. от имени З.Н., апелляционную жалобу на решение К. городского суда М. области от 30 мая 2023 г. по гражданскому делу, к которой приложил

копию уже отмененной доверенности, Совет пришел к следующим выводам.

Адвокат Л. признал факт подачи им указанной апелляционной жалобы на основании доверенности, выданной ему З.Н., но утверждал, что инициатива подачи этой жалобы исходила от З.Н., который не уведомил его об отмене 13 сентября 2023 г. доверенности.

При этом адвокат Л. в своем письменном ходатайстве от 05 февраля 2025 г. указал: «*…во взаимоотношениях с З.Н., за исключением представления его интересов в К. городском суде М. области, я выступал и выступаю не как адвокат, а как гражданское лицо, на которое законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре не распространяется*». В своих последующих объяснениях (в том числе в заседании Совета) адвокат Л. утверждал, что никогда не оказывал З.Н. юридическую помощь как адвокат, а по-дружески иногда помогал ему, в том числе и по юридическим вопросам. Свое участие в качестве представителя З.Н. в К. городском суде адвокат Л. также объясняет своим личным интересом в исходе этого дела, поскольку являлся кредитором З.О. в деле о ее банкротстве.

Совет отклоняет эти доводы адвоката Л. как несостоятельные, противоречащие как фактическим обстоятельствам, так и требованиям законодательства и профессиональной этики. Адвокат Л., выступая в качестве представителя З.Н. в указанном гражданском деле, не мог действовать в своих личных интересах, поскольку предметом рассмотрения К. городского суда М. области являлись притязания З.О. на жилое помещение, расположенное в М. области, к которому адвокат Л. никогда никакого отношения не имел. Кроме того, при наличии собственного гражданско-правового интереса в разрешении спора, рассматриваемого К. городским судом М. области, юридически и этически корректным способом действий адвоката Л. было бы заявление суду самостоятельного ходатайства о привлечении к участию в деле в качестве третьего лица. Представительство же З.Н. в указанном гражданском деле как в силу самого законодательного статуса представителя, так и с учетом предмета судебного разбирательства не может рассматриваться как совершение адвокатом Л. действий в его собственных интересах. Из этого следует, что адвокат Л. оказывал доверителю З.Н. в указанном гражданском деле юридическую помощь, каковую он в силу п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката может оказывать только в качестве адвоката.

В силу подп. 4 п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» участие в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве является одним из видов юридической помощи, оказываемой адвокатами. Принятие адвокатом Л. поручения на представление интересов З.Н. по указанному делу обязывало его как профессионального советника по правовым вопросам исполнить весь комплекс профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителем, включая обязанность согласовать с доверителем позицию по делу, в том числе и в отношении обжалования судебного акта.

Заявитель З.Н. утверждает, что не давал адвокату Л. поручения на подачу апелляционной жалобы на указанное решение суда, и последний с ним этот вопрос не обсуждал и подал апелляционную жалобу без согласования с ним, руководствуясь какими-то своими соображениями и проигнорировав факт

отмены им доверенности. Адвокатом Л. доказательств наличия соответствующего поручения З.Н. и согласования с ним текста апелляционной жалобы не представлено.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Л. предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в подаче им 18 сентября 2023 г. в качестве представителя З.Н. апелляционной жалобы на решение К. городского суда М. области по гражданскому делу от 30 мая 2023 г. вопреки воле З.Н.

Вместе с тем заявителем З.Н. не представлено доказательств уведомления адвоката Л. об отмене выданной ему доверенности, и последний утверждает, что не знал об этом. При таких обстоятельствах и с учетом того, что между отменой З.Н. доверенности (13 сентября 2023 г.) и подачей адвокатом Л. апелляционной жалобы (18 сентября 2023 г.) прошел незначительный срок, Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии и руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, полагает необходимым исключить дисциплинарное обвинение в приложении адвокатом Л. к апелляционной жалобе отмененной доверенности.

Рассматривая доводы жалобы З.Н., касающиеся взаимоотношений З.Н. и адвоката Л. по вопросу выселения из квартиры С., Совет приходит к следующим выводам.

Как уже было отмечено, в материалах дисциплинарного производства имеется рукописное соглашение от 10 октября 2023 г., согласно которому З.Н. обязался оплатить Л. …руб. за освобождение упомянутой выше квартиры «*от незаконного проживания в указанной квартире С.*» на условиях, предусмотренных этим соглашением и описанных выше.

Заявитель З.Н. последовательно настаивает на том, что адвокат Л. в общении с ним всегда подчеркивал, что в их взаимоотношениях он выступает как адвокат, поэтому все его обращения к адвокату Л. были именно как к адвокату. При этом З.Н. утверждает, что адвокат Л., получив от него …руб., обещал подготовить договор об оказании юридической помощи и выдать квитанцию, но этого не сделал и деньги не вернул, а присвоил их, обманув тем самым З.Н.

В свою очередь, адвокат Л. утверждает, что, заключая с З.Н. указанное соглашение от 10 октября 2023 г., он выступал не как адвокат, а как «гражданское» лицо, имеющее право проживания в квартире и собственный интерес в выселении С. Поэтому соглашение об оказании юридической помощи с З.Н. он не заключал и заключать не собирался, а следовательно, не должен был и оформлять в установленном для адвоката порядке получение от З.Н. денежных средств.

Оценив в совокупности все обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного разбирательства, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что заявитель З.Н. воспринимал Л. в рассматриваемой ситуации как адвоката, который ранее оказывал ему юридическую помощь по другим гражданским

делам и вновь обязался оказать ему юридическую помощь в выселении из квартиры С. Такие отношения, сложившиеся по типу «доверитель-–адвокат», предполагали обязательное заключение между ними в порядке, установленном ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме и оформление полученных адвокатом Л. от З.Н. денежных средств в установленном законом порядке.

Согласно пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат оказывает доверителю юридическую помощь на основании заключенного ими соглашения в простой письменной форме, а вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет и Квалификационная комиссия неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных отношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см.: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., напр.: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

В пункте 1 «Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем» указывается, что бездействие адвоката, выразившееся в том числе в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывает независимость адвоката, исключает установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия, а также демонстрирует явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

В пункте 4 указанного обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанно-

стью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования.

Однако адвокатом Л. эти обязательные требования к надлежащей формализации отношений с доверителем З.Н. проигнорированы и не исполнены.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Л. профессиональных обязанностей перед доверителем З.Н. при описанных обстоятельствах.

По мотивам, приведенным выше применительно к иному дисциплинарному обвинению, Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий требованиям законодательства и профессиональной этики довод адвоката Л. о том, что в рассматриваемых правоотношениях с З.Н. он действовал не как адвокат, а как «гражданское» лицо. С учетом длительного стажа профессиональной деятельности адвоката Л. и очевидного отсутствия оснований для разумных сомнений в характере этих отношений Совет оценивает рассматриваемый довод адвоката Л. как умышленную и недобросовестную уловку с целью избежать ответственности за несоблюдение обязательных требований к профессиональному поведению адвоката.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по иным доводам жалобы З.Н. вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Так, в своей жалобе З.Н. указал, что адвокат Л. его обманул и присвоил его деньги, и что он ведет себя как криминальный авторитет. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. В связи с этим претензии З.Н. в данной части не могут быть рассмотрены по существу в дисциплинарном производстве.

К аналогичному выводу Совет приходит и в части довода З.Н. о том, что адвокат Л. отказывается вернуть ему полученные …руб. Рассмотрение данной претензии находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатской палаты, поскольку имущественный спор между адвокатом и доверителем может быть разрешен путем переговоров либо судом в порядке гражданского судопроизводства.

Наконец, претензии З.Н. в том, что адвокат Л. фактически пользуется квартирой единолично, и из-за него З.Н. не может проживать в квартире, а также в том, что адвокат Л. взял у З.Н. …долларов на замену дверных замков и установку сигнализации, но ключи З.Н. не передал и сигнализацию не установил,

не вносит коммунальные платежи, «подсовывает» З.Н. какие-то бумаги для подписи, практически не давая их прочитать, не объясняя, для чего их надо подписывать, также не могут быть рассмотрены по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку они не относятся к профессиональной деятельности адвоката Л. Дисциплинарное производство в этой части также подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный, грубый и неоднократный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих требований к надлежащему установлению, оформлению и поддержанию отношений с доверителем. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает длительный профессиональный стаж адвоката Л. и отсутствие у него непогашенных дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Л. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2, 6, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Л меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, пп. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем З.Н., выразившееся в том, что он 10 октября 2023 г. принял на себя поручение на оказание З.Н. юридической помощи по выселению С. из квартиры по адресу… но соглашение об оказании юридической помощи в простой письменной форме, как это предписано ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не заключил, а полученные от З.Н. за исполнение поручения денежные средства в размере …руб. не оформил в установленном законом порядке и не выдал З.Н. финансовый документ (квитанцию к приходному кассовому ордеру);

нарушение предписаний подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в подаче 18 сентября 2023 г. адвокатом Л., действующим в качестве представителя З.Н., апелляционной жалобы на решение К. городского суда М. области по гражданскому делу от 30 мая 2023 г. вопреки воле З.Н.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобам З.Н. от 16 декабря 2024 г. и З.О. от 07 февраля 2025 г.:

в части утверждений З.Н. о том, что в действиях адвоката Л. усматриваются признаки уголовно наказуемых деяний, об отказе адвоката Л. вернуть З.Н. денежные средства в размере …руб., а также в части всех претензий З.Н. относительно использования упомянутой выше квартиры, оплаты ее содержания, подписания каких-либо бумаг З.Н. по предложениям адвоката Л. – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в части дисциплинарного обвинения в участии адвоката Л. в качестве представителя истца З.Н. в Х. районном суде г. Москвы по гражданскому делу, в котором его бывший доверитель З.О. являлась ответчиком, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.26. Адвокат получил предупреждение за то, что не ознакомился с материалами дела перед участием в процессуальных действиях, не заявил замечаний к протоколу допроса доверителя, не обжаловал постановление суда об избрании в отношении него меры пресечения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя С. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. от 28 апреля 2025 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 04 июня 2025 г. вынесла Заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что, вступив 04 марта 2025 г. в уголовное дело в качестве защитника подозреваемого С., адвокат М. перед участием в процессуальных действиях не ознакомился с протоколами очных ставок, проведенных между С. и потерпевшими;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что, приняв 04 марта 2025 г. участие в качестве защитника С. в его допросе в качестве подозреваемого по уголовному делу, находящемуся в производстве старшего следователя СУ УВД по …ГУ МВД России по г. Москве А., адвокат М. не проверил правильность указания старшим следователем А. времени начала и окончания допроса подозреваемого С. по уголовному делу в протоколе данного следственного действия, т.е. не ознакомился с ним надлежащим образом, а также не принес на него замечаний в связи с недостоверностью указания в протоколе времени начала и окончания производства допроса подозреваемого С. 04 марта 2025 г.;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что, приняв 06 марта 2025 г. участие в качестве защитника С. в судебном заседании Г. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде запрета определенных действий, адвокат М., не выяснив отношение С. к избранной мере пресечения, не обжаловал постановление указанного суда от 06 марта 2025 г.;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе С. от 28 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С. в заседании Совета пояснил, что Заключение Квалификационной комиссии получил, с ее выводами согласен.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил Совет о получении Заключения Квалификационной комиссии и заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства без его участия. Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившегося адвоката М.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, выслушав заявителя, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве старшего следователя …отдела следственной части по расследованию организованной преступной деятельности СУ УВД по …ГУ МВД России по г. Москве А. находится уголовное дело, возбужденное 09 августа 2024 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. 04 марта 2025 г., с 12.36 час. до 13.40 час., С. был допрошен в качестве свидетеля; в тот же день были проведены как минимум две очные ставки с его участием; в 23.00 час. он был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ.

04 марта 2025 г., в 20.41 час., следователь разместил в АИС АПМ заявку на 23.00 час.; в 21.42 час. заявка распределена адвокату М.

В тот же день с 23.15 час. по 23.20 час. с участием защитника – адвоката М., представившего ордер, заявитель был допрошен в качестве подозреваемого, а затем ему было предъявлено обвинение. В протоколах допроса имеются отметки о владении русским языком, отсутствии ходатайств и замечаний; позиция по отношению к обвинению – «вину не признаю». 05 марта 2025 г. защитник М. подал ходатайство о производстве очных ставках, в удовлетворении которого следователь отказал.

06 марта 2025 г. Г. районный суд г. Москвы рассмотрел ходатайство следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде запрета определенных действий, его защиту осуществлял адвокат М. При разъяснении прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ, заявитель подтвердил, что права ему понятны, русским языком он владеет, не возражал против ходатайства следователя об избрании меры пресечения. Адвокат М. поддержал его позицию.

Постановление районного суда от 06 марта 2025 г. в апелляционном порядке обжаловано не было.

В соответствии с подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

Положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката) применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве обязывают адвоката добросовестно и активно реализовывать полномочия защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в том числе знакомиться с протоколами процессуальных действий, при необходимости приносить замечания и обжаловать допущенные нарушения.

В соответствии с п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

Согласно пп. 8 и 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее – Стандарт) (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) защитник обязан с момента вступления в дело консультировать подзащитного и разъяснять ему его процессуальные права и обязанности. Адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного. Кроме того, в силу п. 10 Стандарта «… защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания» (Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140–142).

Согласно ст. 166 УПК РФ протокол должен содержать точные дату, а также время начала и окончания следственного действия. Из материалов усма-

тривается, что в протоколе допроса от 04 марта 2025 г. указано время его производства 23.15 час. – 23.20 час. (т.е. 5 минут) при значительном объеме зафиксированных показаний. При этом сам адвокат М. подтвердил, что фактическая продолжительность допроса была существенно больше. Таким образом, время начала и окончания допроса указаны в протоколе недостоверно. При этом защитник – адвокат М., вопреки приведенным выше обязательным требованиям, не обеспечил должного контроля за корректностью фиксации времени начала и окончания следственного действия: замечания в протокол не заявил, жалобу не подал, помощь подзащитному в правильном реагировании на указанное нарушение не оказал. Каких-либо обоснований тактической целесообразности такого бездействия адвокатом М. не представлено.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем С. при описанных обстоятельствах и признает презумпцию его добросовестности в данной части опровергнутой.

Оценивая довод заявителя С. о том, что адвокат М. не принял мер к ознакомлению с доступными защитнику материалами уголовного дела и не выяснил причины его задержания, Совет исходит из того, что требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в системной взаимосвязи с полномочиями защитника, закрепленными ст. 53 УПК РФ, обязывают адвоката с момента вступления в дело активно, добросовестно и своевременно реализовывать свои процессуальные права и обязанности, в том числе: осуществлять свидания с подозреваемым (обвиняемым); знакомиться с протоколом задержания, постановлением о мере пресечения, протоколами следственных действий, совершенных с участием подзащитного, а также с иными документами, предъявлявшимися либо подлежавшими предъявлению подзащитному; заявлять ходатайства; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Адвокат М. указывает, что при вступлении в дело ознакомился с постановлением о возбуждении дела, протоколом допроса заявителя в качестве свидетеля и протоколом его задержания. Вместе с тем, как указано выше, на момент вступления адвоката М. в дело были произведены как минимум две очные ставки с участием С., при этом доказательств ознакомления защитника М. с протоколами этих следственных действий до допроса заявителя в качестве подозреваемого не представлено и самим адвокатом об этом не заявлено.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем и признает презумпцию его добросовестности опровергнутой и в данной части.

Оценивая довод жалобы С. о неподаче адвокатом М. жалобы на постановление суда об избрании в отношении него меры пресечения, Совет исходит из следующего. Учитывая, что для заявителя русский язык не является родным, а переводчик для участия в судебном заседании не привлекался, устное согласие подзащитного с избранной мерой пресечения и устный отказ от обжалования постановления суда, на которые ссылается адвокат М., не освобождали его от исполнения обязанностей, вытекающих из подп. 1 п. 1

ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ст. 12, п. 6 ст. 15 КПЭА и подп. «а»–«в» п. 8, п. 9 Стандарта: заблаговременно и доступно разъяснить содержание и последствия заявленного следователем ходатайства, при необходимости ходатайствовать об участии переводчика, объективно оценить целесообразность апелляционного обжалования, обсудить это с доверителем и обеспечить документальную фиксацию информированного волеизъявления доверителя. Непринятие адвокатом мер к обжалованию постановления суда без надлежащей проверки правильного понимания заявителем существа и всех последствий избранной меры пресечения и без получения документального подтверждения его информированного волеизъявления об отказе от обжалования Совет расценивает как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем и признает презумпцию добросовестности опровергнутой также и в этой части.

Вместе с тем доводы жалобы С. о наличии у адвоката М. личных связей со следователем и о незаконном вступлении в уголовное дело не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Так, вступление в уголовное дело осуществлено адвокатом М. в установленном для защитников по назначению порядке – через АИС АПМ, доказательств его личных связей с сотрудниками правоохранительных органов либо иного неправомерного влияния на него со стороны этих сотрудников не представлено. Отсутствие в ордере указания основания его выдачи свидетельствует о ненадлежащем его оформлении, однако само по себе не подтверждает незаконность вступления адвоката в дело. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. в указанной части неопровергнутой.

Дисциплинарные обвинения в том, что адвокат М. не обжаловал незаконные действия следователя, не внес никаких замечаний в протокол допроса заявителя в качестве подозреваемого и тем самым «придал законность» следственному действию, якобы начатому без участия защитника, сформулированы неконкретно и ничем не подтверждены. В соответствии с подп. 6–7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также подтвердить их соответствующими доказательствами. Эти требования в части рассматриваемых дисциплинарных обвинений заявителем не соблюдены, поэтому дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, посягающий на основополагающие требования к адвокату при осуществлении защиты по уголовному делу. Такое профессиональное поведение адвоката М. Совет признает недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее адвокат М. к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал допущенные им нарушения и дал Совету заверение впредь их не допускать. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сооб-

щества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что, вступив 04 марта 2025 г. в уголовное дело в качестве защитника подозреваемого С., он перед участием в процессуальных действиях не ознакомился с протоколами очных ставок, проведенных между С. и потерпевшими;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что, приняв 04 марта 2025 г. участие в качестве защитника С. в допросе подозреваемого С. по уголовному делу, находящемуся в производстве старшего следователя СУ УВД по …ГУ МВД России по г. Москве А., он не проверил правильность указания следователем времени начала и окончания этого допроса в протоколе данного следственного действия, т.е. не ознакомился с ним надлежащим образом, а также не принес на него замечаний в связи с недостоверном указанием в протоколе времени начала и окончания производства допроса подозреваемого С. 04 марта 2025 г.;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что, приняв 06 марта 2025 г. участие в качестве защитника С. в судебном заседании Г. районного суда г. Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении С. меры пресечения в виде запрета определенных действий, он, не выяснив отношение С. к избранной мере пресечения, не обжаловал постановление Г. районного суда г. Москвы от 06 марта 2025 г.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе С. от 28 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.27. Совет прекратил дисциплинарное производство, так как заявитель не был доверителем адвоката, а потому его жалоба не является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. При этом Совет отметил, что обвинительные выводы не могут основываться на предположениях, а позиция о «благоприятствовании заявителю» неприменима в дисциплинарном производстве.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя ООО «…» в лице генерального директора Г. и адвоката Ф. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе ООО «…» от 30 мая 2025 г. в отношении адвоката Ф.

Квалификационная комиссия 23 июля 2025 г. вынесла Заключение:

– необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ф. по жалобе ООО «…» в лице генерального директора ООО «…» Г. от 30 мая 2025 г., в части дисциплинарного обвинения во вступлении адвоката Ф. в трудовые отношения с ООО «…» в качестве работника («штатного юриста») вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ф. по жалобе ООО «…» в лице генерального директора Г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (в части доводов заявителя ООО «…» о вступлении адвоката Ф. в трудовые отношения с ООО «К.», а также с другими компаниями холдинга «Р.» (за исключением ООО «…») в качестве работника («штатного юриста»); о нарушении прав ООО «К.» в связи с принятием адвокатом Ф. поручения на представление интересов Т. в споре с ООО «К.» (гражданское дело № …); об участии адвоката Ф. «в мошенничестве организованной группой лиц»).

Заявитель ООО «…» в лице генерального директора ООО «…» Г. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился. Отметил, что Комиссия признала, что у адвоката Ф. есть официальное соглашение, которое не расторгнуто до сих пор, это признает и сам адвокат, несмотря на то что денежные выплаты он не получает. Если адвокат состоит в трудовых отношениях, то это нарушение. Кроме того, в действиях адвоката Ф. имеется нарушение адвокатской этики, потому что он, не уведомив доверителя, участвовал в суде как представитель Т. по ее иску. Но почему-то Комиссия такой вывод не сделала, хотя признала и этот факт.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что является единственным участником и генеральным директором компании «…». Его отец Г.А. – генеральный директор компании «К.». Указанная в служебной записке по проекту к соглашению с адвокатом Ф. Г.М. – это жена Г.А. У них «семейный подряд». Ранее, в 2021 г., Г. вместе с Т. работал юрисконсультом в корпоративном отделе холдинга «Р.» и готовил в том числе соглашение с адвокатом Ф. Компании «К.», «…» и ряд других вхо-

дят в холдинг «Р.». Компания «…» занималась программным обеспечением и обслуживанием платежных терминалов. У холдинга нет единой управляющей или головной компании, входящие в него компании работают по отдельным направлениям. В качестве фактического руководителя холдинга решения принимает Г.А. Когда адвокат Ф. работал на холдинг, он также обслуживал и компанию «…», хотя соглашения с ним у этой компании не было. В частности, он совместно с Т. занимался подготовкой решений о продлении полномочий генерального директора.

Адвокат Ф. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что когда он работал в холдинге, то получал поручения от Г.А., в том числе через его сотрудников, включая Т. В холдинг входили аффилированные юридические лица, полностью контролируемые «семейным подрядом». Он воспринимал Г. в качестве основного акционера холдинга. Если объем работы и возникавшие вопросы касались другой компании холдинга, то между ним и этой компанией заключалось отдельное соглашение. Но компанией «…» он не занимался, никакой юридической помощи ей не оказывал, во всяком случае таких поручений и соглашений не помнит. Соглашение с ООО «К.» формально не расторгнуто, но он считает его фактически расторгнутым, поскольку доверитель отказался от исполнения этого соглашения и не оплатил ему вознаграждение за два месяца. После прекращения оплаты ни одного поручения ему не давалось. Поручений на сопровождение дела Т. он от своего доверителя не получал, поэтому считает, что конфликта интересов здесь нет, он представлял в суде непосредственно интересы Т. Кроме того, какой-либо информацией о «К.», которой он располагал, он в интересах Т. не воспользовался.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает, что Квалификационной комиссией в целом правильно и полно установлены фактические обстоятельства, однако считает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства и скорректировать выводы Комиссии в этой части.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

Адвокатом Ф. и доверителем ООО «К.» в лице заместителя генерального директора ООО «К.» – директора по информационным технологиям С. заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 01 октября 2021 г. № … (далее – Соглашение от 01 октября 2021 г.), п. 2.2 которого предусмотрено оказание адвокатом Ф. юридической помощи по широкому кругу вопросов, включая: *«оказание устных и письменных консультаций, в том числе, по телефонной (факсимильной) связи; дача заключений и справок по правовым вопросам; осуществление правовой экспертизы представленных документов на предмет соответствия действующему законодательству; представление интересов в органах власти, управления и судебных органах; подготовка и проведение общего собрания участников ООО “К.”; подготовка документов для совершения крупных и заинтересованных сделок ООО “К.”; представление отчетности и раскрытие информации по ООО “К.”*; *работа с участниками ООО “К.” и аффилированными лицами; подготовка и внесение изменений в учредительные документы ООО “К.”*».

Работа адвоката Ф. по Соглашению от 01 октября 2021 г. подтверждается подписанными между ним и доверителем – ООО «К.» актами оказанных услуг от 31 января, 28 февраля, 29 марта, 29 апреля, 26 мая, 28 июля, 29 сентября 2022 г., 31 января, 28 февраля, 31 марта, 28 апреля, 31 мая, 30 июня, 31 июля, 29 сентября 2023 г. (далее – акты оказанных услуг). Кроме того, из сводных таблиц ежемесячных отчетов адвоката Ф. об оказанной юридической помощи («Ежемесячные отчеты сотрудника Ф.» за периоды: декабрь 2021 г. – май 2022 г.; июнь – ноябрь 2022 г.; декабрь 2022 г. – май 2023 г.; июнь – ноябрь 2023 г. (далее – сводные таблицы ежемесячных отчетов адвоката Ф.)) усматривается, что адвокат Ф. оказывал юридическую помощь по Соглашению от 01 октября 2021 г. вплоть до ноября 2023 г. С января 2024 г. он какой-либо юридической помощи по Соглашению от 01 октября 2021 г. не оказывал, так как доверитель ООО «К.» не произвел оплату его юридической помощи за ноябрь–декабрь 2023 г.

При этом каких-либо сведений об оказании юридической помощи ООО «…» в перечисленных документах не содержится, иных доказательств оказания такой помощи в материалы дисциплинарного производства также не представлено.

17 февраля 2025 г. в Ч. районный суд г. Москвы поступили исковые заявления Т. к ООО «…» и ООО «К.» о взыскании с указанных юридических лиц как работодателей компенсации за неиспользованный отпуск, а также с другими требованиями, вытекающими из трудовых правоотношений. В исковом заявлении Т. к ООО «К.» о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск от 13 февраля 2025 г. адвокат Ф. указан в качестве представителя истца Т.

Заявителем ООО «…» против адвоката Ф. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

1) во вступлении адвоката Ф. в трудовые отношения с ООО «…» и с ООО «К.», а также с другими компаниями холдинга «Р.» в качестве работника («штатного юриста»);

2) в оказании юридической помощи Т. по гражданскому делу по иску к ООО «К.» о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск в нарушение положений ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката – в условиях конфликта интересов.

Заявитель также указал на участие адвоката Ф. «в мошенничестве организованной группой лиц».

Соглашаясь с установленными Комиссией фактическими обстоятельствами, Совет в то же время обращает внимание на следующее.

Как указано выше, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства как наличия между адвокатом Ф. и заявителем жалобы – ООО «…» соглашения об оказании Обществу юридической помощи, так и фактического оказания адвокатом Ф. такой помощи ООО «…» на основании Соглашения от 01 октября 2021 г. или какого-либо иного соглашения, заключенного третьим лицом в пользу указанного Общества. Иными словами, отсутствуют доказательства того, что заявитель ООО «…» является или ранее являлся доверителем адвоката Ф. в соответствии с критериями доверителя, установленными ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката. Тот факт, что ООО «…» входит в группу аффилированных компаний, контролируемых и управляемых членами одной семьи, и с одной из этих компаний адвокатом Ф. было заключено Соглашение от 01 октября 2021 г., сам по себе, в отсутствие указанных доказательств, так-

же не свидетельствует о наличии именно между ООО «…» и адвокатом Ф. отношений «доверитель-адвокат».

Квалификационная комиссия, обосновывая в Заключении наличие в отношении части дисциплинарных обвинений допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, указала: «Применимая в дисциплинарном производстве презумпция добросовестности адвоката, возлагающая на заявителя бремя доказывания обстоятельств, на которые он ссылается как на основания своих требований, по мнению Комиссии, не должна распространяться на разрешение вопроса о допустимости повода для возбуждения дисциплинарного производства, которое определяет возможность доступа заявителя к дисциплинарной процедуре, а потому, исходя из предусмотренной п. 7 ст. 33 Федерального закона ‘‘Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации’’ задачи реализации права лица, подавшего жалобу, на справедливое ее рассмотрение, предполагает благоприятствование заявителю». Комиссия также указала, что «не может исключить, что ООО ‘‘…’’, как общество, входящее в холдинг ‘‘Р.’’, являлось получателем юридической помощи адвоката Ф.».

Совет не может согласиться с этой позицией Квалификационной комиссии, поскольку она не основана на совокупности норм Кодекса профессиональной этики адвоката, регламентирующих процедуру дисциплинарного разбирательства, более того, противоречит им. Так, предусмотренная подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката безусловная обязанность заявителя доказать все те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований, не предполагает исключений и не создает автору обращения в дисциплинарные органы адвокатского сообщества каких-либо условий благоприятствования при выдвижении и доказывании дисциплинарных обвинений. Иное означало бы отрицание фундаментальных основ дисциплинарного производства – презумпции добросовестности адвоката, а также равноправия участников и состязательности процедуры дисциплинарного производства.

Этот подход в полной мере распространяется и на определение статуса физического или юридического лица, обратившегося в адвокатскую палату с жалобой на адвоката, как соответствующего предусмотренному п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката исчерпывающему перечню допустимых поводов для возбуждения дисциплинарного производства. По этим же причинам в основу вывода о наличии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства не может быть положено высказанное Квалификационной комиссией без ссылки на какие-либо доказательства предположение о том, что нельзя исключить оказание адвокатом Ф. юридической помощи ООО «…». При этом, как указано выше, такие доказательства в материалах дисциплинарного производства не содержатся и в Заключении Квалификационной комиссии не приведены.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что жалоба ООО «…», не являвшегося и не являющегося ранее доверителем адвоката Ф., не может быть признана допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. По этой причине Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании и применении норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного

производства в полном объеме вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ф. по жалобе ООО «…» в лице генерального директора ООО «…» Г. от 30 мая 2025 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Адвокат отказался от участия в уголовном деле в качестве защитника и не явился в судебное заседание, за что получил предупреждение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи О. районного суда г. Москвы С. от 19 декабря 2024 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом А. положений подп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан …исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению… суда»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившемся в отказе исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению О. районного суда г. Москвы по уголовному делу № … в отношении Г. на основании принятой заявки № … от 13 декабря 2024 г. и в неявке без уважительных причин в судебное заседание по этому уголовному делу, назначенное на 13.00 час. 19 декабря 2024 г.

Адвокат А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, представил письменные возражения и просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. В письменных возражениях указал на то, что с частным постановлением судьи С. не согласен, в связи с чем обжаловал его в кассационном порядке. Совет, принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката А.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее

выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве судьи О. районного суда г. Москвы С. находится уголовное дело в отношении подсудимого Г. и еще 14 лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ. 13 декабря 2024 г. адвокат А. через АИС АПМ на основании заявки № … принял поручение на осуществление защиты подсудимого Г. по указанному уголовному делу, судебное заседание по которому было назначено на 19 декабря 2024 г. Адвокат А. в указанную дату в судебное заседание не явился, ордер на защиту Г. не представил, суд о причине неявки не уведомил. В этот же день на основании процессуального решения судьи С. адвокат А. был заменен.

В обращении заявителя против адвоката А. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что он заблаговременно не представил суду ордер на защиту Г., с материалами уголовного дела не ознакомился, не явился в судебное заседание указанного суда 19 декабря 2024 г., не заявил ходатайство об отложении судебного заседания, не предупредил суд о невозможности осуществлять защиту Г. по уважительным причинам. В обращении заявитель также указывает, что действия адвоката А. повлекли за собой нарушение прав других участников судебного процесса.

Согласно ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

В рамках полномочий, предоставленных ему чч. 3 и 4 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В г. Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по органи-

зации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176.

Согласно п. 2 Правил адвокаты, состоящие в реестре адвокатов г. Москвы, обязаны принимать участие в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке ст. 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации лично или материально.

В соответствии с п. 10 Правил уведомления об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <51.advokatymoscow.ru> в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в АИС АПМ.

На основании п. 14 Правил адвокат, избравший форму личного участия в делах по назначению, самостоятельно и за свой счет обеспечивает возможность постоянного взаимодействия с АИС АПМ посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обязан явиться к месту производства процессуального действия или судебного заседания согласно поручению, поступившему к нему посредством АИС АПМ, за исключением дней, отмеченных занятыми в календаре личного кабинета АИС АПМ.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда.

В соответствии с п. 7 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан участвовать лично или материально в оказании юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда в порядке, определяемом решением Совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Адвокат А. свою неявку в судебное заседание О. районного суда г. Москвы 19 декабря 2024 г. не отрицал. Материалы дисциплинарного производства содержат ходатайство адвоката А. об отложении судебного заседания в связи с состоянием его здоровья, которое он направил в суд через личный кабинет на официальном портале судов общей юрисдикции г. Москвы лишь в 15.18 час. 19 декабря 2024 г., не представив каких-либо подтверждающих документов.

Согласно протоколу судебного заседания от 19 декабря 2024 г. судебное заседание было открыто в 14.45 час. 19 декабря 2024 года в судебное заседание явились государственный обви-

нитель, 15 подсудимых, 14 защитников и переводчик. Адвокат А. в судебное заседание не явился, в связи с чем судебное заседание было отложено на 16.00 час. 24 декабря 2024 г. Судебное заседание было закрыто в 14.55 час. 19 декабря 2024 г.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката А. о том, что он известил суд о своей неявке в судебное заседание, поскольку ходатайство об отложении судебного заседания было подано после его окончания, а ссылка на состояние здоровья ничем не подтверждена. Иных доказательств своевременного извещения адвокатом суда о причинах своей неявки в указанное судебное заседание материалы дисциплинарного производства не содержат. Факт запоздалого обжалования адвокатом в кассационном порядке вступившего в законную силу частного постановления не меняет оценки его профессионального поведения.

Сопоставив описанное выше профессиональное поведение адвоката А. с приведенными выше обязательными требованиями, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о допущенном им при изложенных обстоятельствах дисциплинарном нарушении и признает презумпцию его добросовестности опровергнутой.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, посягающий на основополагающие требования к адвокату по участию в уголовном деле в качестве защитника по назначению, а также наличие у адвоката А. неснятого и непогашенного дисциплинарного взыскания в виде предупреждения, наложенного Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 15 августа 2024 г. № … также в связи с нарушением порядка работы по назначению. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет принимает во внимание частичное признание адвокатом А. вины в нарушении. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение положений подп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан …исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению… суда»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…»), выразившееся в отказе исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизвод-

стве по назначению О. районного суда г. Москвы по уголовному делу № … в отношении Г. на основании принятой заявки от 13 декабря 2024 г. № … и в неявке без уважительных причин в судебное заседание по этому уголовному делу, назначенное на 13.00 час. 19 декабря 2024 г.

2.2. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, которая покинула судебное заседание, так как ее участие в нем в качестве защитника по назначению не имело законных оснований.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Д. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи Н. районного суда г. Москвы Д. К. от 09 января 2025 г. в отношении адвоката Д.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Д. положений п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты…»), выразившемся в том, что 09 января 2025 г. она в отсутствие законных оснований самовольно покинула судебное заседание Н. районного суда г. Москвы по рассмотрению уголовного дела в отношении К. и иных лиц, фактически отказавшись от осуществления защиты по назначению подсудимого К.

Адвокат Д. в заседании Совета и в письменных возражениях не согласилась с Заключением Квалификационной комиссии. Пояснила, что при принятии решения о покидании судебного заседания исходила из позиции подзащитного, которая заключалась в его намерении заключить соглашение с адвокатом на защиту по уголовному делу, а также из того, что предусмотренный ст. 50 УПК РФ для приглашения адвоката срок в 5 суток не истек, и руководствовалась своей обязанностью обеспечить реализацию права подсудимого на свободный выбор защитника.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Д., признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводом о нарушении адвокатом Д. норм законодательства и профессиональной этики адвоката не соглашается в силу следующего.

Заявителем выдвинуто дисциплинарное обвинение в отказе назначенного судом защитника – адвоката Д. от защиты подсудимого К., выразившемся в покидании без разрешения председательствующего зала судебного заседания.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве судьи Д.К. находилось уголовное дело в отношении К. и иных лиц в совершении ряда преступлений. Защиту подсудимого К. на основании соглашения осуществляла адвокат Кр.

27 декабря 2024 года адвокатом Кр. в суд было подано заявление о приобщении к материалам уголовного дела письменного отказа подзащитного К. от нее как от защитника, датированного 26 декабря 2024 г. В преддверии судебного заседания, назначенного на 12.30 час. 09 января 2025 г., в 08.57 час. того же дня судьей в АИС АПМ размещена заявка № … об обеспечении подсудимого К. защитником в порядке ст. 50, 51 УПК РФ, которая была в тот же

день распределена адвокату Д. 09 января 2025 г. адвокат Д. вступила в уголовное дело, предъявив ордер от 09 января 2025 г. № …

Поступившее в суд 27 декабря 2024 г. заявление подсудимого К. об отказе от защитника по соглашению – адвоката Кр. было рассмотрено и разрешено по существу судом только в судебном заседании 09 января 2025 г., в котором подсудимый К. поддержал его и просил отложить судебное разбирательство для заключения соглашения с защитником. Это ходатайство подзащитного было поддержано адвокатом Д., обратившей внимание суда на необходимость соблюдения права на свободный выбор защитника, а также на выраженное подсудимым недоверие к ней и отказ от ее юридической помощи, что не позволяет обеспечить должную реализацию права на защиту подсудимого в судебном разбирательстве. После того, как судом был удовлетворен отказ подсудимого К. от защитника по соглашению – адвоката Кр. и отклонен его отказ от назначенного защитника – адвоката Д., последняя покинула зал судебного заседания.

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет исходит из того, что Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал: «Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)».

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О “двойной защите”» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, т. е. при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же решением (абз. 1 п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защит-

ника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)…».

В пп. 2 и 3 Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» указано, что недопустимо осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случая, указанного в п. 3 данных разъяснений. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы подчеркивает, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, необходимо исходить из того, что само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства. В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформулированных в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П, и Пленума Верховного Суда РФ – в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, Совет полагает, что дознаватель, следователь или суд могут не принять отказ от защитника по назначению лишь в случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников су-

допроизводства, представляя собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, т.е. направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 и п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих поручению на защиту или исключающих участие данного защитника в производстве по уголовному делу.

Квалификационная комиссия правильно установила описанные фактические обстоятельства, но дала неправильную правовую оценку поведению адвоката Д. в сложившейся ситуации, которое полностью соответствовало приведенным выше требованиям.

Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии об истечении на момент судебного заседания 09 января 2025 г. предусмотренного ст. 50 УПК РФ срока в 5 суток для приглашения защитника, поскольку заявление подсудимого К. от 26 декабря 2024 г. об отказе от защитника по соглашению поступило в суд 27 декабря 2024 г., но было рассмотрено и разрешено судом по существу только в судебном заседании 09 января 2025 г.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», решением от 15 марта 2019 г. (Протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (далее – Порядок). Абзацем 2 п. 2.1 Порядка установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 и согласованными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 24 сентября 2019 г. (далее – Правила).

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и основанными на нем Порядком и Правилами назначение защитников по уголовным делам обеспечивается Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством АИС АПМ на основании соответствующих уведомлений дознавателей, следователей и судов. Таким образом, размещение судом в АИС АПМ заявки для обеспечения подсудимого защитником отражает процессуальное решение суда, на основании

которого АИС АПМ осуществляется назначение адвоката. Назначение защитника подсудимому, защиту которого осуществляет адвокат на основании соглашения, действующим законодательством не предусмотрено, за исключением описанных выше случаев. Однако таких исключительных обстоятельств, дающих основание для назначения защитника, в рассматриваемой ситуации не имелось.

Течение предусмотренного ст. 50 УПК РФ срока в 5 суток для приглашения нового защитника началось лишь 09 января 2025 г. после разрешения и удовлетворения судом заявления подсудимого К. об отказе от защитника по соглашению – адвоката Кр. Кроме того, судом в разделе «Дополнительная информация» заявки в АИС АПМ, на основании которой адвокат Д. была назначена защитником К., было указано: *«будет только исследование письменных. Адвокат нужен на один процесс Сроооочнооо»*. Тем самым судом был использован не предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством и основанными на нем Порядком и Правилами механизм, который не подразумевает возможности фрагментарного осуществления защиты по уголовному делу в одном заседании. Это создало неопределенность в правовом положении назначенного защитника, которая сама по себе могла привести к дезорганизации хода судопроизводства и во всех случаях исключает возможность возложения на адвоката ответственности за несвоевременную явку в судебное заседание или его покидание.

Помимо этого, Квалификационная комиссия правильно установила, что адвокат Д. не действовала с целью оставления подсудимого К. без юридической помощи. Об этом свидетельствует употребленная в Заключении Комиссии формулировка о «фактическом» отказе адвоката Д. от защиты. Однако отказ от защиты не может быть только «фактическим», поскольку является исключительно умышленным нарушением и не может совершаться по неосторожности. Это означает, что вывод об отказе адвоката от принятой на себя защиты может быть сделан лишь при доказанности того обстоятельства, что действия адвоката были направлены именно на лишение доверителя своей юридической помощи вопреки его воле. В сложившейся же ситуации адвокат Д., напротив, руководствовалась волей доверителя, которую достоверно выяснила как в ходе предварительной беседы с ним, так и в судебном заседании, где он однозначно высказался об отказе от адвоката Д. как назначенного защитника и о намерении реализовать право на свободный выбор защитника. Таким образом, адвокат Д. действовала в интересах доверителя и в соответствии с его позицией.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает презумпцию добросовестности адвоката Д. неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Совет также отмечает, что адвокату в случае несогласия с частным постановлением суда, вынесенным в отношении него, следует отстаивать свою позицию путем обжалования этого судебного акта в апелляционном порядке. В связи с этим Совет обращает внимание адвоката Д. на то, что в данном случае ею этого сделано не было, что могло создать ложную видимость отсутствия у нее возражений против вывода суда о допущенном ею отказе от защиты.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по обращению (частному постановлению) судьи Н. районного суда города М. Д.К. от 09 января 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.3. Адвокат получил замечание за самовольное покидание судебного заседания, в котором он являлся защитником подсудимого.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката М. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи В. городского суда Московской области Ю. от 19 декабря 2024 г. в отношении адвоката М.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом М. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду»), выразившемся в самовольном покидании 05 декабря 2024 г. судебного заседания В. городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению Х., в котором он являлся защитником последнего, при отсутствии к тому законных оснований;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по обращению судьи Ю., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М. в заседании Совета пояснил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен, вину в дисциплинарном проступке – покидании зала судебного заседания в отсутствие оснований – признает, обязуется пересмотреть свое отношение к исполнению своих профессиональных обязанностей и этических предписаний.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве В. городского суда Московской области находилось уголовное дело по обвинению Х. в совершении ряда преступлений. Данное уголовное дело рассматривалось судом с участием присяжных заседателей. Защиту обвиняемого Х. с 18 июня 2024 г. на основании заключенного соглашения осуществлял адвокат М.

02 сентября 2024 г. по названному уголовному делу состоялось судебное заседание, которое было открыто, как следует из протокола, в 14.46 час. В этом же протоколе судебного заседания указано, что в 15.12 час. был объяв-

лен технический перерыв для перехода в другой зал для отбора присяжных заседателей из числа явившихся кандидатов в присяжные заседатели. Как указано далее в протоколе, «после перерыва в судебное заседание не явился адвокат М., все участники процесса ожидают явки адвоката». После перерыва судебное заседание продолжено в 15.37 час.

05 декабря 2024 г. в судебном заседании при проведении прений сторон подсудимый Х. в присутствии коллегии присяжных заседателей заявил отвод своему защитнику – адвокату М. После удаления коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату подсудимый Х. обосновал свое заявление следующим образом: «Я не согласен с позицией адвоката и не доволен, как он ведет работу. Несколько раз адвокат хотел давать отвод судье. Я ему говорил дать мне объяснения, почему он хочет дать отвод судье, он не объяснил». Адвокат М. при обсуждении заявления Х. заявил: *«Уважаемый суд! Я не имею права отказаться от защиты, да, потому что заключил соглашение от 22 февраля 2024 г. Это его позиция, поэтому я ничего не могу противоречить»*. Представитель потерпевшего Г. – А. не возражала против заявления Х., государственный обвинитель возражал против удовлетворения заявления Х., полагал, что оно направлено на умышленное затягивание судебного разбирательства по уголовному делу. Обратил внимание, что подсудимый не заявил о расторжении соглашения с адвокатом М.

В этот же день судом вынесено постановление об отказе в удовлетворении заявления подсудимого Х. об отводе защитника М. После оглашения этого постановления адвокат М. уведомил суд о том, что вынужден покинуть судебное заседание, указав на наличие недоверия к нему со стороны подзащитного Х. Председательствующий разъяснил адвокату М. требования Кодекса профессиональной этики адвоката, указав на то, что вопрос об отводе адвоката М. разрешен судом с вынесением постановления, которым в его отводе отказано. Однако, несмотря на эти разъяснения, адвокат М. покинул зал суда, в связи с чем судебное заседание было отложено на 13.00 час. 12 декабря 2024 г., а подсудимому Х. председательствующий разъяснил положения о предоставлении ему времени для решения вопроса о заключении соглашения с иным адвокатом, а также сообщил, что судом будут приняты меры для назначения адвоката.

В частном постановлении В. городского суда в отношении адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он:

– 02 сентября 2024 г., после объявления председательствующим технического перерыва в судебном заседании для перехода в иной зал и приглашения кандидатов в присяжные заседатели, которые прибыли для отбора в суд в количестве 37 человек, покинул здание суда, и его поиски заняли 20 минут;

– при наличии постановления суда от 05 декабря 2024 г., которым отклонено заявление подсудимого Х. об отводе адвоката М., во время прений покинул зал судебного заседания, что повлекло за собой необходимость отложения рассмотрения уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей для обеспечения права подсудимого Х. на защиту.

Адвокат М. в ходе дисциплинарного производства признал нарушение в части покидания им зала судебного заседания при описанных обстоятельствах. Покидание зала судебного заседания объяснил тем, что в связи с заявлением ему отвода подзащитным стремился обеспечить соблюдение его права на свободный выбор защитника. Однако

в настоящее время в полной мере осознает допущенное нарушение, понимает, что не мог покидать зал судебного заседания в отсутствие удовлетворенного судом отказа подзащитного от него. Задержку после объявления перерыва в судебном заседании 02 сентября 2024 г. объяснил необходимостью в удовлетворении естественных потребностей, отметив также, что при объявлении перерыва не была определена его продолжительность.

Давая оценку выдвинутым дисциплинарным обвинениям, Совет приходит к следующим выводам.

Дисциплинарное обвинение в том, 02 сентября 2024 г., после объявления технического перерыва в судебном заседании для перехода в иной зал и приглашения кандидатов в присяжные заседатели, адвокат М. покинул здание суда, и его поиски заняли 20 минут, не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Протокол судебного заседания от 02 сентября 2024 г. не содержит указания на продолжительность объявленного председательствующим перерыва для перехода в иной зал суда для проведения отбора присяжных заседателей. Между объявлением технического перерыва и временем возобновления судебного заседания прошло 25 минут. Адвокат М. пояснил, что использовал данное время для отправления естественных надобностей, здание суда не покидал, каких-либо звонков ему от помощника или секретаря суда о необходимости явки в зал суда не поступало. Эти доводы адвоката ничем не опровергнуты, доказательства покидания адвокатом М. здания суда и его осведомленности о времени, к которому он должен был прибыть в зал судебного заседания, не представлены.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что в данной части презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута, а дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения в отношении адвоката М. в том, что он при наличии постановления суда от 05 декабря 2024 г., которым отклонено заявление подсудимого Х. об отводе адвоката М., покинул зал судебного заседания, Совет отмечает, что в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду.

Обстоятельства, исключающие участие в уголовном деле защитника, приведены в ст. 72 УПК РФ. При этом в соответствии со ст. 69 УПК РФ решение об отводе защитника на стадии судебного разбирательства принимается исключительно судом. Адвокату М. как профессиональному советнику по правовым вопросам было очевидно, что оснований для его отвода не имеется, и в сделанном подсудимым Х. заявлении такие основания не были приведены. При этом устное заявление подсудимого Х. было рассмотрено судом и отклонено с вынесением соответствующего постановления. По этим причинам у адвоката М. не имелось законных оснований для покидания судебного заседания.

Кроме того, адвокатом М. не было принято необходимых и достаточных мер, направленных на выяснение со своим доверителем сложившейся ситуации и обстоятельств, побудивших последнего заявить о его отводе. Адвокату М. надлежало проконсультировать своего доверителя и при наличии у того желания отказаться от его юридической помощи оказать содействие в правильном формулировании и процессуальной реализации данной позиции. Без выпол-

нения указанных действий и в отсутствие надлежащим образом заявленного подсудимым Х. и рассмотренного судом отказа от него адвокат М. был тем более не вправе покидать судебное заседание.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката М. в части данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его вину в нарушении требований уголовно-процессуального законодательства и проявлении неуважения к суду, выразившемся в самовольном покидании зала судебного заседания, установленной.

Оснований для иной квалификации действий адвоката М. не имеется в силу следующего. Суд (судья) обладает правом на выдвижение в отношении адвоката дисциплинарного обвинения в отказе от принятой на себя защиты по уголовному делу и (или) в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем только при реализации судом (судьей) полномочий по обеспечению участия адвоката-защитника для лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Такое полномочие суда (судьи) в отношении назначенного по его поручению защитника основано на взаимосвязанных положениях чч. 1 и 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно в случаях, предусмотренных законом, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления – право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, а также ч. 7 ст. 49, ч. 2, 5 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих участие защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

Поскольку адвокат М. осуществлял защиту Х. по соглашению, а жалоб от самого Х., являющегося получателем юридической помощи, на качество этой помощи, равно как и на отказ адвоката М. от осуществления его защиты в Адвокатскую палату города Москвы не поступало, дисциплинарное обвинение в отказе от защиты не подлежит рассмотрению по существу в настоящем дисциплинарном производстве.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката М. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет небольшой стаж адвокатской деятельности, обязался впредь подобных нарушений не допускать. Вместе с тем Совет учитывает грубый характер допущенного адвокатом М. нарушения, свидетельствующий о незнании или непонимании им основополагающих норм законодательства и профессиональной этики.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату М. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать

профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду), выразившееся в самовольном покидании адвокатом М. 05 декабря 2024 г. судебного заседания В. городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению Х., в котором он являлся защитником последнего, при отсутствии к тому законных оснований.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по обращению судьи Ю., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.4. Адвокат получил замечание, так как самовольно покинул судебное заседание при отсутствии на это законных оснований.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда (без даты) в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ш. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду»), выразившемся в самовольном покидании адвокатом Ш. 14 ноября 2024 г. судебного заседания, в котором апелляционной инстанцией М. городского суда рассматривалось уголовное дело в отношении осужденных Ф. и У., при отсутствии к тому законных оснований.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии не согласилась. Полагает, что судебная коллегия М. городского суда просила лишь проверить изложенные обстоятельства на предмет наличия нарушений, а не ставила вопрос о ее дисциплинарной ответственности. Отметила, что Заключение Комиссии основано исключительно на протоколе судебного заседания без учета ее пояснений о том, что Ф. в перерыве судебного заседания устно сообщил ей о расторжении соглашения, но не заявил об этом в судебном заседании. Письменное расторжение соглашения оформить не удалось в связи с участием Ф. в судебном заседании по видео-конференц-связи. Считая соглашение расторгнутым, адвокат покинула

зал суда, при этом вела себя корректно и уважительно по отношению к суду. Осознавая, что суд ее не освободил от участия в деле, она в то же время опасалась, что продолжение защиты вопреки воле доверителя приведет к подаче жалобы на нее. После ее возвращения в зал суда Ф. отозвал свое заявление об отказе от нее и выразил благодарность за оказанную помощь. По этим причинам просила прекратить дисциплинарное производство за отсутствием в ее действиях нарушений законодательства и профессиональной этики. Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно пояснила, что решение о возвращении было принято ею после консультаций с Адвокатской палатой города Москвы и в условиях давления со стороны судебных приставов. Она понимает, что расторжение соглашения об оказании юридической помощи возможно только в письменной форме.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Ш., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

14 ноября 2024 г. судебная коллегия М. городского суда рассматривала апелляционные жалобы на приговор в отношении Ф. и У., осужденных по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Срок давности привлечения их к уголовной ответственности истекал 20 ноября 2024 года. Ф. участвовал в заседании по видеосвязи, его защищала адвокат Ш. После выступления в прениях Ф. заявил об отказе от защитника из-за расхождения в позициях, однако не смог обосновать суду, в чем оно заключается, поскольку до этого заявления никаких расхождений между ними не было. Суд, установив отсутствие противоречий между позицией адвоката и доверителя, расценил действия осужденного как направленные на затягивание процесса и отказал в удовлетворении его заявления об отказе от защитника. Адвокат Ш., ссылаясь на невозможность осуществления защиты вопреки воле доверителя, покинула зал без разрешения суда. После консультаций с Адвокатской палатой города Москвы адвокат вернулась в зал судебного заседания. В ходе продолжившегося судебного заседания Ф. отозвал свое заявление об отказе от адвоката Ш., выразил ей благодарность и подтвердил полное согласие с ее позицией. По итогам рассмотрения апелляционных жалоб приговор был оставлен без изменений.

Оценивая выдвинутое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат обязан соблюдать нормы процессуального законодательства и проявлять уважение к суду.

В соответствии с Разъяснениями № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы расторжение соглашения между адвокатом и доверителем влечет прекращение полномочий адвоката на основании п. 2 ст. 453 Гражданского кодекса РФ. При этом такое прекращение полномочий адвоката возможно лишь при соблюдении письменной формы, поскольку само соглашение об оказании юридической помощи в силу прямого указания в законе (ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») заключается только в письменной форме. В рассматриваемом случае расторжение соглашения в письменной форме не имело места. Следовательно, оно продолжало действовать, а адвокат сохра-

нял обязанность осуществлять защиту в суде вне зависимости от того, сообщал ли адвокату Ш. ее доверитель Ф. в устной форме о своем волеизъявлении на расторжение соглашения. Адвокат Ш. как независимый профессиональный советник по правовым вопросам должна была знать и понимать эти обязательные требования и руководствоваться ими. Однако она самовольно покинула зал судебного заседания в отсутствие законных оснований, поскольку отказ доверителя Ф. от ее защиты не влечет автоматического прекращения полномочий защитника, не является обязательным для суда и был им отклонен.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональное поведение адвоката Ш. при описанных обстоятельствах не соответствовало требованиям законодательства и профессиональной этики. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. опровергнутой, а ее вину в нарушении требований законодательства об адвокатской деятельности и норм профессиональной этики при описанных обстоятельствах установленной. При этом Совет отмечает, что последующее возвращение адвоката Ш. в зал суда не отменяет факта допущенного процессуального нарушения, хотя и свидетельствует о стремлении минимизировать его последствия.

Довод адвоката Ш. о том, что судебная коллегия по уголовным делам указанного суда в своем обращении не требовала привлечения ее к дисциплинарной ответственности, а лишь поставила вопрос о проверке наличия оснований для этого, Совет отклоняет как несостоятельный и свидетельствующий о неверном понимании адвокатом Ш. норм Кодекса профессиональной этики адвоката, регламентирующих дисциплинарное производство.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый характер, а также отмечает, что адвокат допущенного нарушения не осознала. Одновременно Совет учитывает, что ранее она к дисциплинарной ответственности не привлекалась, допущенное ею нарушение не повлекло существенного вреда, при этом адвокатом были приняты меры по устранению последствий допущенного нарушения. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату Ш. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания, повышать профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде

замечания за нарушение положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду»), выразившееся в самовольном покидании 14 ноября 2024 г. судебного заседания, в котором апелляционной инстанцией Московского городского суда рассматривалось уголовное дело в отношении осужденных Ф. и У., при отсутствии к тому законных оснований.

2.5. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, которого судья обвинила в неявке в судебное заседание, повлекшей его отложение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Ч. районного суда г. Москвы П. от 28 января 2025 г. в отношении адвоката Х.

Квалификационная комиссия 16 апреля 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом Х. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…», что выразилось в его неявке без уважительных причин 27 января 2025 г. в судебное заседание Ч. районного суда г. Москвы по делу по рассмотрению ходатайства следственного органа о продлении обвиняемому А. срока содержания под стражей;

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Х. по обращению судьи П., в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись 27 января 2025 г. в судебное заседание указанного суда по рассмотрению дела, адвокат Х. нарушил права подсудимого А. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Х., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Х.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, Совет признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве судьи Ч. районного суда г. Москвы П. находился материал № … по рассмотрению ходатайства следственного органа о продлении срока содержания обвиняемого А. под стражей. Защиту А. по соглашению осуществлял адвокат Х. 27 января 2025 г. указанный материал поступил в суд, и в тот же день по нему было назначено судебное заседание. В это судебное заседание

адвокат Х. не явился. Рассмотрение материала было отложено и завершено 28 января 2025 г. с его участием.

В обращении заявителя против адвоката Х. выдвигаются дисциплинарные обвинения в неявке в судебное заседание 27 января 2025 г., повлекшей его отложение. В обращении также указано, что адвокат Х. без разрешения суда покинул здание суда, не дождавшись окончания судебного процесса, не принял мер по предупреждению следователя и суда о невозможности своего участия в судебном заседании. В неявке адвоката Х. в судебное заседание автор обращения также усматривает нарушение прав обвиняемого А. и других участников уголовного судопроизводства.

Адвокат Х., не отрицая в своих объяснениях неявку в судебное заседание 27 января 2025 г., указал, что явился в Ч. районный суд к назначенному времени и ожидал начала судебного заседания более трех часов. На его неоднократные вопросы о времени начала судебного заседания сотрудники аппарата судьи П. сообщали, что судья самостоятельно определяет очередность рассмотрения дел, и предлагали ему ожидать начала судебного заседания неопределенное время. В связи с такой неопределенностью, а также большим количеством следователей и адвокатов, ожидавших начала рассмотрения своих материалов судьей П., он принял решение покинуть здание суда, поскольку в этот день в вечернее время у него была назначена встреча с доверителем по другому уголовному делу, рассмотрение которого было назначено на следующий день. Он предпринимал попытки передать сотрудникам суда, в том числе аппарата судьи П., заявление об отложении судебного заседания на другую дату, которое у него не приняли, и в 18.00 час. он покинул здание суда. Об этом он по телефону проинформировал следователя М., которая являлась инициатором ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого А. под стражей. Указал, что рассмотрение ходатайства следственного органа было завершено 28 января 2025 г. с его участием.

Объяснения адвоката Х. ничем не опровергнуты.

Согласно материалам дисциплинарного производства 23 января 2025 г. адвокат Х. посредством мессенджера *WhatsApp* был уведомлен заместителем начальника СО отдела МВД России по району Ч. г. Москвы М.В. о необходимости явки в судебное заседание Ч. районного суда по рассмотрению ходатайства следственного органа о продлении А. срока содержания под стражей 27 января 2025 г. в 15.00 час. Вместе с тем в обращении заявителя указано, что ходатайство следователя поступило в суд только 27 января 2025 г., и в этот же день было назначено судебное заседание по его рассмотрению.

Из протокола судебного заседания от 27 января 2025 г. усматривается, что оно открыто в 19.03 час. Председательствующая судья сообщила, что в суд явился защитник – адвокат Х., ознакомился с материалом и покинул здание суда, не сообщив причин. Ввиду неявки защитника Х. судебное заседание было отложено на 16.00 час. 28 января 2025 г.

В соответствии со ст. 261 УПК РФ в назначенное время председательствующий открывает судебное заседание и объявляет, какое уголовное дело подлежит разбирательству.

Совет отмечает, что в соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарную ответственность адвоката может повлечь лишь такое нарушение требований законодательства или профессиональной этики, которое совершено умышленно или по грубой неосторожности. Совет не усматривает в действиях адвоката Х.

в рассматриваемой части ни умысла, ни грубой неосторожности, поскольку судебное заседание по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении А. срока содержания под стражей не началось и не состоялось в назначенное время. При этом другое время начала судебного заседания не было назначено. Кроме того, как указано выше, ходатайство о продлении срока содержания под стражей было подано следователем в суд с грубым нарушением установленного ч. 8 ст. 109 УПК РФ семидневного срока – за один день до истечения срока содержания обвиняемого под стражей и назначено судом к слушанию в тот же день. Эти обстоятельства предопределили невозможность надлежащего извещения адвоката Х., который, тем не менее, явился к назначенному времени в суд, ознакомился с материалами дела, был готов участвовать в судебном заседании, терпеливо ждал его начала в коридоре суда свыше трех часов, а суд тем временем рассматривал другие дела, не сообщая адвокату Х. время начала судебного заседания.

При таких обстоятельствах Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о наличии в действиях адвоката Х. дисциплинарного нарушения – неуважительного отношения к суду, выразившегося в неявке в судебное заседание Ч. районного суда 27 января 2025 года Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Х. неопровергнутой и, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Х. прав обвиняемого А. и иных участников судебного разбирательства его неявкой в суд 27 января 2025 г. вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. При этом от А. и иных участников судебного разбирательства жалоб в отношении адвоката Х. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Х. по обращению судьи Ч. районного суда г. Москвы П. от 28 января 2025 г.:

в части дисциплинарного обвинения в нарушении положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен … проявлять уважение к суду…») вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Х. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

в части дисциплинарного обвинения в том, что, не явившись 27 января 2025 года в судебное заседание Ч. рай-

онного суда г. Москвы по рассмотрению дела № … адвокат Х. нарушил права подсудимого А. и иных участников судебного разбирательства, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.6. Адвокат получила замечание за включение в апелляционную жалобу негативно-оценочных суждений в отношении поведения председательствующего судьи в судебном заседании, в котором она участия не принимала.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя адвоката В. – адвоката З. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. областного суда С. от 27 февраля 2025 г. в отношении адвоката В.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом В. положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя или присутствуя на судопроизводстве… адвокат должен проявлять уважение к суду…»), выразившемся во включении в апелляционную жалобу от 19 февраля 2025 г. на постановление М. областного суда от 17 февраля 2025 г. о продлении И. срока содержания под стражей негативно-оценочных суждений поведения председательствующего судьи в судебном заседании, в котором она участия не принимала: *«Сам уважаемый суд все заседание смотрел в пол, или под стол, а может читал, что-то в телефоне… При таком отношении к своим обязанностям, такие судебные заседания теряют всякий смысл и проведение их, – это трата времени и нервов»*[9];

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по обращению судьи С., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат В.., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, подала письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного дела без ее участия, обеспечила участие представителя. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката В.

Представитель адвоката В. – адвокат З. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, а также заявил, что адвокат В. с выводами Комиссии согласна и вновь приносит извинения за свою эмоциональную несдержанность и просит прекратить дисциплинарное производство в связи с малозначительностью.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав представителя адвоката В. – адвоката З., соглашает-

[9] Оригинальные орфография и пунктуация сохранены (*примеч. Совета*).

ся с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

24 февраля 2025 г. адвокат В. подала в М. областной суд апелляционную жалобу на постановление того же суда от 17 февраля 2025 г. по материалу № … В тексте жалобы, в том числе жирным шрифтом, указано следующее: «*Сам уважаемый суд все заседание смотрел в пол, или под стол, а может читал, что-то в телефоне. Прокурор все заседание с интересом переписывался в телефоне. При таком отношении к своим обязанностям, такие судебные заседания теряют всякий смысл и проведение их, – это трата времени и нервов*».

При этом адвокат В. участия в судебном заседании 17 февраля 2025 г. не принимала, что подтверждается протоколом судебного заседания и признается ею самой. Защиту обвиняемого И. осуществлял адвокат Р., который замечаний на действия суда и иных участников не высказывал. Таким образом, адвокат В. перечислила в жалобе некорректные, по ее мнению, действия (бездействие) председательствующего судьи С. и прокурора, якобы имевшие место в судебном заседании, очевидцем которых она не являлась.

Оценивая выдвинутое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат обязан проявлять уважение к суду и соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства. Это требование не исключает, а, напротив, предполагает необходимость и возможность оспаривания адвокатом незаконных или необоснованных действий (бездействия) и решений судей, но при наличии оснований для этого и исключительно в корректной форме, соответствующей профессионально-этическим требованиям, и в соответствии с законом.

В соответствии с п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат должен придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональное поведение адвоката В. при описанных обстоятельствах не соответствовало требованиям законодательства и профессиональной этики. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. опровергнутой в данной части, а ее вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката В. и ее представителя о совершении технической ошибки при копировании рассматриваемого фрагмента текста из другой жалобы. Помимо голословности этого довода, Совет отмечает, что обязанность адвоката соблюдать приведенные выше стандарты профессионального поведения и этики является универсальной и императивной. К тому же нарушение этих требований допущено адвокатом В. не в устном выступлении, а в письменной жалобе, которую она во всех случаях имела возможность и была обязана сформулировать корректно.

Оценивая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат В., будучи уведомлена 12 февраля 2025 г. о дате, времени и месте судебного заседания, назначенного на 17 февраля 2025 г., в заседание не явилась, сообщив о невозможности участия в связи с коман-

дировкой, и ходатайствовала об отложении судебного заседания с учетом того, что срок содержания обвиняемого И. под стражей истекает лишь через трое суток, при этом подтверждающие документы, свидетельствующие о ее командировке, в суд представлены не были, Совет отмечает следующее.

Неявка адвоката без уважительных причин в судебное заседание, равно как и неуведомление суда даже и об уважительной причине неявки может быть в зависимости от фактических обстоятельств квалифицирована как нарушение п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, либо по ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката как проявление неуважения к суду.

Пункт 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для его проведения адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 17 февраля 2025 г. в судебное заседание явился адвокат Р., представивший ордер на защиту И. по соглашению. Адвокат В. в судебное заседание не явилась, при этом о его дате, времени и месте была извещена надлежащим образом, сообщила суду о невозможности принимать участие в этом судебном заседании по уважительной причине – в связи с профессиональной занятостью. Обвиняемый И. не возражал против участия в судебном заседании адвоката Р. в качестве его защитника, сообщив, что адвокат В. предупреждала его о своем отсутствии и об участии другого адвоката. В судебном заседании апелляционная жалоба была рассмотрена по существу, судом было вынесено постановление и оглашены его вводная и резолютивная части. Таким образом, судопроизводство не было дезорганизовано, а право обвиняемого И. на защиту не было нарушено в результате неявки адвоката В.

Не было проявлено этими действиями адвоката В. и неуважения к суду. Она заранее уведомила следователя, в производстве которого находилось уголовное дело в отношении И., о своем планируемом отсутствии в Москве с 6 по 18 февраля 2025 г. Также она проинформировала секретаря суда о предполагаемом возвращении в Москву 18 февраля 2025 г. и просила назначить судебное заседание на другую дату. Осознав, что заседание в М. областном суде состоится 17 февраля 2025 г., адвокат В., не имея возможности явиться в него, обеспечила участие в нем другого защитника – адвоката Р., заблаговременно согласовав его участие и свое отсутствие с доверителем И. От последнего каких-либо жалоб на адвоката В. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает в данной части презумпцию добросовестности адвоката В. неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката В. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый характер. Одновременно Совет учитывает, что ранее адвокат В. к дисциплинарной ответственности не привлекалась, допущенное нарушение признала и принесла извинения. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет полагает необходимым применить к ней

меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду»), выразившееся во включении в апелляционную жалобу от 19 февраля 2025 г. на постановление М. областного суда от 17 февраля 2025 г. о продлении срока содержания И. под стражей негативно-оценочных суждений поведения председательствующего судьи в судебном заседании, в котором она участия не принимала: «*Сам уважаемый суд все заседание смотрел в пол, или под стол, а может читал, что-то в телефоне… При таком отношении к своим обязанностям, такие судебные заседания теряют всякий смысл и проведение их, – это трата времени и нервов*».

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по обращению судьи М. областного суда С. от 27 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.7. Дисциплинарное производство в отношении адвоката, обвиненного в неявке без уважительных причин в судебное заседание, прекращено вследствие отсутствия нарушений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи С. городского суда М. области С. от 11 марта 2025 г. в отношении адвоката Д.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по обращению судьи С. городского суда М. области С. от 11 марта 2025 г., в части дисциплинарных обвинений в том, что, не явившись в судебное заседание 11 марта 2025 г. по рассмотрению уголовного дела, адвокат Д. нарушил права подсудимого В. и других участников судебного процесса, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Д. по обращению судьи С., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Д., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явил-

ся, просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Д.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, Совет признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводом о прекращении дисциплинарного производства, однако считает необходимым уточнить их обоснование в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что с 14 февраля 2025 г. в производстве С. городского суда М. области находится уголовное дело по обвинению В. и еще трех лиц, обвиняемых в совершении ряда преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Защиту В. на основании ордера от 11 ноября 2024 г. № … осуществляет защитник по соглашению – адвокат Д.

Указанное уголовное дело было распределено судье К., которая 28 февраля 2025 г. заявила самоотвод, после чего в этот же день уголовное дело было распределено судье С., назначившей судебное заседание на 14.00 час. 11 марта 2025 г. В это судебное заседание адвокат Д. не явился. Рассмотрение уголовного дела было отложено на 11.00 час. 24 марта 2025 г.

В обращении заявителя против адвоката Д. выдвигаются дисциплинарные обвинения в неявке в судебное заседание 11 марта 2025 г., в неуведомлении суда о причинах неявки. В неявке адвоката Д. в судебное заседание автор обращения также усматривает нарушение прав обвиняемого В. и других участников уголовного судопроизводства. Кроме того, заявитель указывает, что адвокат Д. принял поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем в состоянии выполнить.

Адвокат Д., не отрицая неявку в судебное заседание 11 марта 2025 г., указал, что суд не известил его о том, что 28 февраля 2025 г. уголовное дело было распределено судье С., а также о том, что судебное заседание назначено на 14.00 час. 11 марта 2025 г.

Об указанном судебном заседании он узнал только в день его проведения – 11 марта 2025 г., в ходе телефонного разговора со своим подзащитным В. Поскольку в указанный день адвокат Д. находился в Межрегиональной инспекции ФНС по контролю и надзору за налогоплательщиками в сфере бюджетного финансирования, где оказывал юридическую помощь другому доверителю, он попросил В. проинформировать суд о своем опоздании в судебное заседание в связи с профессиональной занятостью. В. указанную информацию передал помощнику судьи С., однако судебное заседание было отложено. Объяснения адвоката Д. ничем не опровергнуты.

Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств его надлежащего извещения о судебном заседании, назначенном на 11 марта 2025 г. Согласно обращению заявителя адвокат Д. о дате и времени судебного заседания уведомлялся посредством телефонной связи. Такое извещение Совет не может признать надлежащим и верифицируемым с удовлетворительной степенью достоверности.

Из обращения заявителя также следует, что примерно в 14.40 час. 11 марта

2025 г. адвокат Д. прибыл в С. городской суд и сообщил, что его подзащитный В. должен был информировать суд о его опоздании, представил суду документы, подтверждающие его занятость в 14.00 час.

Совет отмечает, что в соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарную ответственность адвоката может повлечь лишь такое нарушение требований законодательства или профессиональной этики, которое совершено умышленно или по грубой неосторожности. Совет не усматривает в действиях адвоката Д. при описанных обстоятельствах ни умысла, ни грубой неосторожности в части неуважительного отношения к суду, поскольку он не был надлежащим образом извещен о дате судебного заседания, а как только узнал от своего подзащитного В. о судебном заседании, предпринял все возможные меры для извещения суда о своей профессиональной занятости и опоздании по этой причине, прибыл 11 марта 2025 г. в суд и представил документы, подтверждающие его занятость.

Совет также не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что в этот день адвокат Д. необоснованно отдал предпочтение участию в процессуальных действиях по делу, находящемуся в производстве Межрегиональной инспекции ФНС по контролю и надзору за налогоплательщиками в сфере бюджетного финансирования, поскольку этот вывод не подтвержден надлежащим обоснованием. Приоритетность участия адвоката в судебном заседании по отношению к другим видам профессиональной занятости является общим правилом, но из него могут делаться исключения в зависимости от конкретной ситуации, и право этого выбора, как и ответственность за него, всегда остается за адвокатом. Между тем Квалификационная комиссия не анализировала конкретные обстоятельства, при которых адвокат отдал приоритет оказанию помощи другому доверителю (даже если допустить, что он был надлежащим образом извещен о судебном заседании, что, как указано выше, также не доказано).

При таких обстоятельствах Совет, не соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает причину неявки адвоката Д. в судебное заседание 11 сентября 2024 г. уважительной, а презумпцию его добросовестности неопровергнутой.

Помимо этого, из протокола судебного заседания от 11 марта 2025 г. усматривается, что, кроме адвоката Д., в судебное заседание не явился защитник другого фигуранта – адвокат Р., в связи с чем судебное заседание было отложено на 24 марта 2025 г. Таким образом, судебное заседание, назначенное на 11 марта 2025 г., заведомо не могло состояться из-за неявки адвоката Р. вне зависимости от явки или неявки в него адвоката Д.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в неявке адвоката Д. в судебное заседание 11 марта 2025 г. вследствие отсутствия в его действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Д. прав обвиняемого В. и иных участников судебного разбирательства его неявкой в суд 11 марта 2025 г. вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производ-

ства. Суд не наделен полномочиями по выдвижению такого дисциплинарного обвинения в отношении адвоката, осуществляющего защиту по соглашению. При этом от В. и иных участников судебного разбирательства жалоб в отношении адвоката Д. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. по обращению судьи С. городского суда М. области С. от 11 марта 2025 г.:

в части дисциплинарного обвинения в нарушении положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен… проявлять уважение к суду…») вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

в оставшейся части – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.8. Адвокат получила предупреждение за неуважение к суду, выразившееся в самовольном покидании зала судебного заседания, не дождавшись оглашения постановления судьи на ранее заявленные ею по мотивам личной неприязни отводы судье и секретарю суда.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению мирового судьи судебного участка № … района М. г. Москвы К., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № … района М. г. Москвы от 26 февраля 2025 г. в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о нарушении адвокатом П. положений ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле… Возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом»), выразившемся в том, что 25 февраля 2025 г. в судебном заседании мирового судьи судебного участка № … района М. г. Москвы по уголовному делу по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, она дважды последовательно заявила безосновательные отводы судье и секретарю судебного заседания по мотиву личной неприязни, после заявления первого отвода самовольно (без разрешения председательствующего) покинула зал судебного заседания, не дождавшись оглашения постановления судьи, и вернулась в зал судебного заседания уже после оглашения постановления, а после заявления повторного отвода самовольно (без разрешения председательствующего) покинула зал судебного заседания, не дождавшись оглашения постановления судьи и окончания судебного раз-

бирательства, чем проявила неуважение к суду и лицам, участвующим в деле;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по обращению мирового судьи К. от 26 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, подала письменное заявление, в котором просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие. Указала, что в связи с плохим самочувствием не справилась со своими эмоциями и допустила ошибку при выборе тактики своих действий в судебном заседании. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие П.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с выводами Комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

19 февраля 2025 г. адвокат П. приняла заявку АИС АПМ № … и вступила в вышеуказанное уголовное дело у мирового судьи К. в качестве защитника подсудимого Т. по назначению, представив ордер от 24 февраля 2025 года. 25 февраля 2025 г. адвокат П. в указанные дату и время явилась к мировому судье судебного участка № … района М. г. Москвы. По причине занятости государственного обвинителя в другом судебном заседании судебное заседание по данному делу было открыто в 10.43 час. Подсудимый Т. и потерпевший А. в судебное заседание не явились.

Будучи недовольна долгим ожиданием начала судебного заседания и отсутствием информации о времени его начала, т.е. по мотиву личной неприязни адвокат П. заявила отвод председательствующему и секретарю заседания и, не дождавшись принятия судом решения по заявленному отводу, самовольно покинула зал судебного заседания. Затем, после отклонения этого отвода, вернулась и повторно заявила отвод председательствующему и секретарю, сопроводив его следующим высказыванием: «Такие люди не могут судить, работать в суде, я покидаю зал судебного заседания», – после чего покинула зал судебного заседания. После отклонения судом второго отвода по ходатайству гособвинителя судебное заседание было отложено на 4 марта 2025 г. в связи с неявкой подсудимого и отсутствием защитника.

Оценивая выдвинутое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат обязан соблюдать нормы процессуального законодательства и проявлять уважение к суду. Согласно ч. 1 ст. 64 УПК РФ при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 и 63 данного кодекса, судье может быть заявлен отвод участниками уголовного судопроизводства.

Право лица, участвующего в деле заявить отвод составу суда – важная гарантия реализации лицами, участвующими в деле, процессуальных прав, которая предусмотрена уголовно-процессуальным законом. Однако по смыслу положений УПК РФ отвод заявляется в случае, когда имеется предусмотренное законом основание для отвода, и он не может быть произвольным и безосновательным. Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что предусмотренных ст. 61 и 63 УПК РФ обстоятельств, исключающих участие в производстве по указанному уголовному делу судьи и секретаря судебного заседания, адвокатом П. в заявлениях об отводе указанных лиц названо не было, и таких обстоятельств не имелось.

Доводы адвоката П. о ее плохом самочувствии и о неприязненном к ней отношении со стороны председательствующей судьи и секретаря судебного заседания заведомо не могут являться основаниями для заявления отвода судье и секретарю судебного заседания. Адвокат П. как профессиональный советник по правовым вопросам с большим стажем не могла не знать и не понимать этого. Совет в этой связи отмечает, что адвокат не вправе допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их некорректного поведения (подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Кроме того, плохое самочувствие адвоката П. доказательствами не подтверждено. Совет обращает внимание адвоката П. на то, что при наличии ухудшения самочувствия она имела возможность воспользоваться предусмотренными законом процессуальными средствами, в частности заявить ходатайство об отложении судебного разбирательства вместо того, чтобы самовольно покидать судебное заседание и заведомо необоснованно заявлять отвод его участникам, проявляя к ним неуважение.

Наконец, Совет отмечает, что согласно ч. 1 ст. 247 УПК РФ «судебное разбирательство уголовного дела проводится при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой настоящей статьи». В силу ч. 2 ст. 247 УПК РФ при неявке подсудимого рассмотрение уголовного дела должно быть отложено. Таким образом, 25 февраля 2025 г. судебное заседание не могло состояться из-за неявки подсудимого Т. и в любом случае подлежало отложению, что для его защитника – адвоката П. также должно было быть очевидным.

В этой связи заявление ею двух безосновательных отводов председательствующему судье и секретарю, не имевших процессуального смысла и объективно лишь увеличивших продолжительность судебного заседания, свидетельствует о недобросовестном использовании адвокатом П. процессуального права. Зная о невозможности проведения заседания, адвокат прибегла к отводу лишь для демонстрации неуважения к суду, грубо нарушив положения ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, требующие уважительного и корректного поведения в отношении суда и других участников процесса даже при наличии разногласий и возражений. Право на субъективное недовольство отдельными личностными качествами конкретного судьи и (или) секретаря судебного заседания не следует отождествлять с правом на выражение недоверия составу суда процессуальными способами. Сказанное не исключает, а, наоборот, предполага-

ет возможность и необходимость оспаривания адвокатом незаконных и необоснованных, по его мнению, действий (бездействия) и решений судьи по конкретному делу, но при наличии оснований для этого и в форме, не противоречащей профессионально-этическим требованиям.

С учетом изложенного Совет оценивает описанное профессиональное поведение адвоката П. как проявление неуважения к суду и лицам, участвующим в деле, и как действия, дезорганизующие судебное разбирательство, поскольку они были направлены не на исполнение адвокатом профессиональных обязанностей, а на затягивание судебного разбирательства и удовлетворение личных амбиций.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении при описанных обстоятельствах дисциплинарного нарушения установленной.

Рассматривая группу дисциплинарных обвинений, связанных с произнесением адвокатом П. 25 февраля 2025 г. непозволительных и оскорбительных высказываний в адрес секретаря судебного заседания и другими непозволительными действиями (отказ подписать расписку, покидание здания суда, не дождавшись начала судебного заседания), Совет отмечает их неконкретность и недоказанность. В обращении заявителем не приведены высказывания, оцениваемые им как «непозволительные и оскорбительные». Адвокат П. возражала против данных дисциплинарных обвинений, указывая, что оскорбляющих и непозволительных высказываний не допускала. Дисциплинарное обвинение в отказе адвоката П. от подписи в расписке также не конкретизировано. Не представлено и доказательств. того, что адвокат П. обвинила секретаря в умышленной задержке начала судебного заседания с целью не оплатить ей участие в нем, после чего без разрешения председательствующего самовольно покинула здание суда, не дождавшись начала заседания и не уведомив секретаря.

В соответствии с подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Поскольку доводы жалобы в указанной части заявителями не конкретизированы и не подтверждены какими-либо доказательствами, а адвокатом П. они не признаются, Совет признает эти дисциплинарные обвинения необоснованными.

Рассматривая довод заявителя о том, что адвокат П. уклонилась от принятой на себя защиты, Совет учитывает, что согласно протоколу судебного заседания от 25 февраля 2025 г. адвокат П. не заявляла об отказе от защиты Т., а судебное заседание, как указано выше, не могло состояться и было отложено из-за неявки подсудимого. В судебном заседании 4 марта 2025 г. адвокат П. участвовала и лишь 11 марта 2025 г. подала заявление о согласии на замену, сославшись на состояние здоровья и невозможность длительного ожидания. При этом выдвинутые дисциплинарные обвинения касались исключительно ее поведения 25 февраля 2025 г. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. неопровергнутой и в части данного дисциплинарного обвинения, вследствие чего дисциплинарное про-

изводство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, свидетельствующий о демонстративном игнорировании адвокатом основополагающих требований профессиональной этики. Такое профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат П. допущенное нарушение признала, высказала заверение не допускать подобного впредь, имеет значительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При указанных обстоятельствах Совет предоставляет адвокату П. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве… адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле… Возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом»), выразившееся в том, что 25 февраля 2025 г. в судебном заседании мирового судьи судебного участка № … района М. г. Москвы по уголовному делу по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, она дважды последовательно заявила безосновательные отводы судье и секретарю судебного заседания по мотиву личной неприязни, после заявления первого отвода самовольно (без разрешения председательствующего) покинула зал судебного заседания, не дождавшись оглашения постановления судьи, и вернулась в зал судебного заседания уже после оглашения постановления, а после заявления повторного отвода самовольно (без разрешения председательствующего) покинула зал судебного заседания, не дождавшись оглашения постановления судьи и окончания судебного разбирательства, чем проявила неуважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката П., возбужденное по обращению мирового судьи судебного участка № … района М. г. Москвы К., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № … района М. г. Москвы, от 26 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.9. Совет прекратил дисциплинарное производство по обращению судьи, обвинившего адвоката в разглашении в соцсетях содержания вводной и резолютивной частей решения суда по делу его доверителя, рассмотренному в закрытом судебном заседании.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Т. гарнизонного военного суда Г.С. № … от 04 марта 2025 г. в отношении адвоката Г.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Гр. по обращению судьи Т. гарнизонного военного суда Г.С. № … от 04 марта 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Г.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

09 января 2025 г. в Т. гарнизонный военный суд было подано административное исковое заявление военнослужащего войсковой части… ефрейтора К. об оспаривании действий (бездействия) командира данной войсковой части и военно-врачебной комиссии Федерального государственного бюджетного учреждения «…военный госпиталь» Министерства обороны Российской Федерации. 13 января 2025 г. Т. гарнизонным военным судом указанное исковое заявление было принято к производству и возбуждено административное дело. Судебное заседание по данному административному делу было назначено на 29 января 2025 г.

Административный истец К. в судебном заседании не участвовал, доверил ведение дела адвокату Г., представившему ордер от 29 января 2025 г., выданный Коллегией адвокатов города Москвы «…» на основании Соглашения от 10 декабря 2024 г.

29 января 2025 г. Т. гарнизонный военный суд вынес решение об удовлетворении исковых требований К. Согласно электронной карточке административного дела на официальном сайте Т. гарнизонного военного суда судебный акт не опубликован в связи с рассмотрением дела в закрытом судебном заседании на основании ч. 2 ст. 11 КАС РФ, ст. 3.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», пп. 52, 258, 266, 267, 648, 652 Перечня сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержденного Приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г.

№ 22 (далее – Перечень). 30 января 2025 г. адвокат Г. получил выписку из указанного решения суда, после чего, не позднее 5 февраля 2025 г., опубликовал данную выписку в социальных сетях «Телеграм» и «ВКонтакте».

Заявитель выдвигает в отношении адвоката Г. дисциплинарное обвинение в организации публикаций в социальных сетях «Телеграм» и «ВКонтакте» выписки из решения упомянутого военного суда от 29 января 2025 г. об удовлетворении исковых требований военнослужащего войсковой части… ефрейтора К., при этом в указанном судебном решении содержались сведения, распространение которых в открытом доступе запрещено, поскольку на них распространяется режим служебной тайны в области обороны.

Адвокат Г. выдвинутые дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, указывал, что резолютивная часть названного решения суда не содержала никакой информации, относящейся к сведениям ограниченного доступа либо к сведениям, подлежащим отнесению к служебной тайне в области обороны, и даже не содержала полного имени административного истца, так как оно было обезличено. При обращении к журналистам Телеграмм-канала «…» он действовал исключительно в интересах своего доверителя К. – для восстановления его прав путем привлечения внимания общественности, и это сыграло положительную роль: 06 февраля 2025 г. – на следующий день после опубликования новости о К. – последний был направлен командованием войсковой части в тыл к месту постоянной дислокации войсковой части, а затем в отпуск, по возвращении из которого будет рассмотрен вопрос о его увольнении с военной службы.

Давая оценку выдвинутому дисциплинарному обвинению, Совет приходит к следующим выводам.

Факт публикации адвокатом Г. выписки из указанного решения суда достоверно установлен и не отрицался им самим. Как указано выше, совершение этих действий обосновывалось адвокатом Г. необходимостью защиты прав и законных интересов доверителя, который, несмотря на вынесение судом указанного решения, подвергался реальному риску направления в зону боевых действий с угрозой для его жизни. Кроме того, адвокат Г. указывал, что суд не предупреждал его о недопустимости публикации выписки и неразглашения каких-либо данных судебного разбирательства. При этом сама опубликованная выписка никаких сведений ограниченного доступа не содержит.

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а именно в новостном канале «…» социальной сети «Телеграм» и в сообществе «…» социальной сети «ВКонтакте», 05 февраля 2025 г. опубликованы под заголовком «…» сведения о ранении К. и о вынесении Т. гарнизонным военным судом 29 января 2025 г. решения по его иску, а также о нарушении его прав командиром войсковой части, несмотря на решение суда. Помимо указанных сведений, на тех же информационных ресурсах опубликованы вводная и резолютивная часть решения Т. гарнизонного военного суда от 29 января 2025 г. по административному делу, в которых указано о рассмотрении административного искового заявления военнослужащего войсковой части… ефрейтора К. об оспаривании действий (бездействия) командира части и военно-врачебной комиссии Федерального государственного бюджетного учреждения «…военный госпиталь» Министерства обороны Российской Федерации и об удовлетворении исковых требований. При этом отчество истца К. обезличено, полное наимено-

вание войсковой части и место ее расположения не указаны.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 КАС РФ разбирательство административных дел в закрытом судебном заседании осуществляется в случае, если материалы рассматриваемого административного дела содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну. Разбирательство в закрытом судебном заседании допускается также в случае удовлетворения ходатайства лица, участвующего в деле, ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, на содержащиеся в административном деле сведения конфиденциального характера, на неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых может помешать правильному разбирательству административного дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн и нарушение прав и законных интересов гражданина. О разбирательстве административного дела в закрытом судебном заседании выносится мотивированное определение суда (ч. 6 ст. 11 КАС РФ). Частью 10 ст. 11 КАС РФ предусмотрено, что, если судебное разбирательство осуществлялось в закрытом судебном заседании, суд объявляет публично только резолютивную часть решения.

Как следует из определения Т. гарнизонного военного суда от 13 января 2025 г., административное дело по исковому заявлению К. об оспаривании действий (бездействия) командира войсковой части и военно-врачебной комиссии Федерального государственного бюджетного учреждения «…военный госпиталь» назначено к судебному разбирательству в закрытом судебном заседании, исходя из пп. 40, 553 Перечня и ст. 11 КАС РФ.

Заявитель в своем обращении также обосновывает рассмотрение указанного административного дела в закрытом судебном заседании положениями пп. 52, 258, 266, 267, 648, 652 Перечня и ст. 3.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

Как следует из пп. 1, 3, 6 ст. 3.1 Федерального закона «Об обороне», служебную тайну в области обороны составляют сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий. Право на отнесение информации к сведениям, составляющим служебную тайну в области обороны, и определение перечней сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, а также их утверждение принадлежат руководителям федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (при наличии такой информации). Указанные перечни подлежат опубликованию в открытом доступе. Сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, являются информацией ограниченного доступа и не подлежат разглашению.

В соответствии с п. 3 ст. 371 названного федерального закона в целях совершенствования мер по защите служебной тайны в области обороны Министром обороны Российской Федерации издан приказ от 17 января 2022 г. № 22 «Об утверждении перечня сведений Вооруженных Сил Российской Фе-

дерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны». Из указанного перечня следует, что к сведениям, составляющим служебную тайну в области обороны, указанным заявителем в обращении, относятся:

№ пункта, на который ссылается заявитель	Сведения, составляющие служебную тайну в области обороны
40	Сведения, раскрывающие организацию и проведение организационно-штатных мероприятий, формирование воинских частей Вооруженных Сил
52	Сведения о воинских частях и учебных подразделениях, раскрывающие их действительные наименования, места дислокации, штатную, списочную численность личного состава и наличие ВВСТ, за исключением воинских частей (организаций) Главного управления Генерального штаба, 12-го Главного управления Министерства обороны, Специальной службы стратегической связи Президента Российской Федерации
258	Сведения об организации (проведении) служебных заседаний совместно с органами исполнительной власти (органами местного самоуправления) по вопросам обеспечения подготовки к мобилизационному развертыванию Вооруженных Сил
266	Сведения, раскрывающие деятельность личного состава органов военного управления по вопросам мобилизационной подготовки (мобилизации) в Вооруженных Силах и Российской Федерации в целом без раскрытия показателей
267	Сведения, раскрывающие работу мобилизационных органов военного управления и федеральных органов исполнительной власти
553	Сведения, раскрывающие качественную характеристику личного состава органов жилищного обеспечения Министерства обороны
648	Сведения о преступлениях и происшествиях, совершенных в воинской части
652	Сведения, раскрывающие материалы проведенных разбирательств по преступлениям и происшествиям, а также материалы разбирательств по фактам гибели военнослужащих

Согласно п. 33 Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации (ИД-2017), утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 04 апреля 2017 г. № 170, запрещается указывать в несекретных служебных документах действительные наименования воинских частей, которым присвоены условные наименования. Полные действительные наименования воинских частей, включая почетные наименования и государственные награды, пишутся в служебных документах, только когда это необходимо по содержанию документов.

Однако, вопреки утверждению заявителя, в опубликованной адвокатом Г. по просьбе доверителя К. выписке из решения Т. гарнизонного военного суда от 29 января 2025 г. не содержится сведений, предусмотренных пп. 40, 52, 258, 266, 267, 553, 648, 652 Перечня и составляющих служебную тайну в области обороны. В ней содержится только условное наименование войсковой части, а полное наименование и место ее нахождения не указаны. Сведения

о председательствующем судье и лицах, участвующих в административном деле, являются открытыми и содержатся в электронной карточке дела на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

При этом Совет отмечает, что полное наименование войсковой части… и место ее нахождения также находятся в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в разделе «Поиск» Портала о воинских частях России и СНГ (<http://voinskajachast.ru>).

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что публикация адвокатом Г. в социальных сетях вводной и резолютивной частей указанного решения суда не привела к разглашению каких-либо сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, в том числе указанных в пп. 40, 52, 258, 266, 267, 553, 648, 652 Перечня. При этом Совет отмечает, что ни в обращении заявителя, ни в приложенных к нему документах не указано, какие именно сведения, предусмотренные перечисленными пунктами Перечня, содержатся в опубликованных адвокатом Г. вводной и резолютивной частях решения суда.

Кроме того, заявителем не представлены доказательства соблюдения судом положений ч. 9 ст. 11 КАС РФ, предусматривающей, что лица, участвующие в деле, и иные лица, присутствующие при совершении процессуального действия, в ходе которого могут быть выявлены сведения, указанные в ч. 2 данной статьи, предупреждаются судом об ответственности за их разглашение. Как следует из представленного заявителем протокола судебного заседания от 29 января 2025 г. по указанному административному делу, председательствующий судья, открыв судебное заседание, сообщил о рассмотрении данного дела в закрытом судебном заседании до приглашения в зал судебного заседания адвоката Г. В протоколе судебного заседания отсутствует указание на то, что после прибытия адвоката Г. в судебное заседание и установления его личности ему были сообщены сведения о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании.

Сведения об отобрании у адвоката Г. подписки о предупреждении его об ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, заявителем также не представлены. Отсутствуют и доказательства вручения адвокату Г. копии определения суда о назначении административного дела к судебному разбирательству в закрытом судебном заседании, а также ознакомления адвокатом Г. с материалами указанного административного дела до проведения закрытого судебного заседания.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката Г. не опровергнута, а дисциплинарное производство подлежит прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по обращению судьи Т. гарнизонного военного суда Г.С. № … от 04 марта 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.10. Адвокат, имея приостановленный статус, представлял интересы истца в гражданском судопроизводстве. Статус адвоката прекращен.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. и адвоката П. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 28 апреля 2025 г. № … о прекращении статуса адвоката П. и от 28 мая 2025 г. № … о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката П.

Квалификационная комиссия 04 июня 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом П. взаимосвязанных предписаний п. 3.1 ст. 16, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абз. 1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что он, имея приостановленный статус адвоката, представлял интересы истца Н. при рассмотрении Х. районным судом г. Москвы гражданского дела по иску Н. к Г.А., Б., Г.К. о признании утратившими право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета, приняв участие в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу, состоявшихся 26 марта и 18 июня 2024 г., в качестве представителя истца Н., допущенного к участию в судебном заседании по устным ходатайствам Н.

Квалификационная комиссия 18 июня 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом П. положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абз. 1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в оказании им Г. юридических услуг (правовой помощи) в виде представления его интересов в гражданском судопроизводстве, а именно в состоявшихся 20 декабря 2024 г. и 29 января 2025 г. судебных заседаниях Т. районного суда г. Москвы по гражданскому делу по иску Г. к А., К. о признании договора купли-продажи недействительным, вне рамок адвокатской деятельности.

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь подп. 2.1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, в заседании 15 июля 2025 г. объединил указанные дисциплинарные производства в одно с учетом того, что они возбуждены в отношении одного адвоката, по обращениям одного заявителя, а их обстоятельства взаимосвязаны. О принятом решении участники дисциплинарного производства уведомлены в заседании Совета.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключений Квалификационной комиссии и ознакомление с ними, с выводами Комиссии согласилась. Считает, что статус адвоката П. должен быть прекращен в связи с допущенными им нарушениями.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключений Квалификационной комиссии и ознакомление с ними, с выводами Комиссии не согласился. Сообщил, что ранее все подробные объяснения уже дал и на них настаивает. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что ранее он только в общих чертах был знаком с Разъяснением № 04/17 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Россий-

ской Федерации по этике и стандартам по вопросу осуществления судебного представительства лицом, статус адвоката которого приостановлен, но в связи с возникшей ситуацией ему пришлось более глубоко вникнуть и понять это разъяснение. Уточнил, что Л. – это мать его дочери П.П., брак с ней зарегистрирован не был; Ф. – мать его сына П.В., брак с ней также не регистрировался. Относительно доверенности, которую выдала в том числе и ему К.И., сообщил, что не собирался представлять ее интересы. К.И. его рекомендовали общие знакомые. Исков он не писал, в суд не подавал, представителем К.И. не был. Доверенность так и осталась у К.И.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с Заключениями Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

11 июня 2019 г. на основании Решения Совета Адвокатской палаты П. края от 30 мая 2019 г., принятого по заявлению адвоката П. от 29 мая 2019 г., начальником Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по П. краю Х.В. вынесено распоряжение № … о приостановлении статуса адвоката П.

После этого, 26 марта и 18 июня 2024 г., адвокат П. в качестве представителя истца принимал участие в судебных заседаниях Х. районного суда г. Москвы по гражданскому делу по иску Н. к Г.А., Б., Г.К. Решением суда исковые требования Н. удовлетворены, ответчики признаны утратившими право пользования жилым помещением по адресу…

29 октября 2024 г. на основании Решения Совета Адвокатской палаты П. края от 24 октября 2024 г., принятого по заявлению адвоката П. от 11 октября 2024 г., исполняющим обязанности начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по П. краю П.Е. вынесено распоряжение № … о возобновлении статуса адвоката П. С 19 декабря 2024 г. адвокат П. состоит в Адвокатской палате города Москвы, в связи с чем распоряжением Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 27 декабря 2024 г. № … сведения об адвокате П. внесены в Единый государственный реестр адвокатов с присвоением ему номера…

Адвокат П., не оспаривая факт представления интересов истца Н. при рассмотрении судом указанного выше гражданского дела, признал, что такое поведение формально противоречило требованиям законодательства и профессиональной этики, однако настаивал, что Н. являлся близким ему лицом, нуждавшимся в юридической помощи вследствие трудной жизненной ситуации, порожденной угрозой утраты права пользования жилищем. В обоснование своей позиции адвокат П. сослался на Разъяснение № 04/17 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу осуществления судебного представительства лицом, статус адвоката которого приостановлен, утвержденное Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 февраля 2017 г., Протокол № 9 (далее – Разъяснение № 04/17), в котором в числе прочего указано: «…Юридическая помощь, оказываемая на безвозмездной основе близким родственникам либо близким лицам, лицом, статус адвока-

та которого приостановлен, формально может расцениваться как адвокатская деятельность. Однако нельзя не принимать во внимание наличие у лица, в том числе и статус адвоката которого приостановлен, естественного и бесспорного права иметь возможность защитить близких ему людей. <…> Исходя из того, что возможность защиты близких людей представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности, Комиссия признает, что оказание адвокатом, статус которого приостановлен, юридической помощи близким родственникам (близким людям), оказавшимся в трудной жизненной ситуации, не умаляет авторитет адвокатуры, профессиональную честь адвоката и не нарушает традиции российской адвокатуры». Таким образом, оказание юридической помощи адвокатом, статус которого приостановлен, на безвозмездной основе близким родственникам либо близким лицам, круг которых определен законом, является допустимым. При этом близкими лицами следует считать иных, за исключением близких родственников и родственников, лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений (п. 3 ст. 5 УПК РФ).

Адвокат П. настаивал на том, что Н. является близким ему лицом в силу следующих обстоятельств:

– Н., будучи сыном одноклассницы адвоката П., длительное время проживал с ним совместно, помогая ему в уходе за страдающей тяжелым заболеванием дочерью – П.П., которой в настоящее время установлена первая группа инвалидности;

– адвокат П. участвовал в выплате кредита на оплату обучения Н. на юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

– адвокат П. фактически выступал наставником Н., оказывая ему, в числе прочего, помощь в профориентации;

– адвокат П. является воспреемником (крестным отцом) Н.

В обоснование вышеуказанных доводов адвокат П. представил копии следующих документов: свидетельство о рождении П.П. …свидетельство о регистрации П.П. по адресу… справка Бюро № … – филиала ФКУ «ГБ МСЭ по городу Москве» Минтруда России от 14 ноября 2019 г., выданная инвалиду П.П. об установлении ей категории «ребенок-инвалид» на срок до 14 августа 2024 г.; справка Бюро № … – филиала ФКУ «ГБ МСЭ по г. Москве» Минтруда России от 11 июня 2024 г., выданная инвалиду П.П. об установлении ей первой группы инвалидности бессрочно; диплом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова о присвоении Н. степени бакалавра по направлению «Юриспруденция» от 29 июня 2019 г.; кредитный договор об открытии кредитной линии от 12 октября 2016 г., заключенный между ПАО «…» и Н. для цели «Оплаты обучения в МГУ имени М. В. Ломоносова»; решение Л. районного суда г. Москвы от 16 июля 2024 г., которым удовлетворено заявление П. о признании недееспособной П.П.

Однако Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что ни по отдельности, ни в совокупности эти документы не позволяют признать доказанным хотя бы один из вышеуказанных доводов адвоката П., а следовательно, не позволяют признать доказанным и наличие у него права на оказание юридической помощи Н. в условиях приостановленного адвокатского статуса.

Вышеперечисленные документы не подтверждают проживание Н. в период с ноября 2019 г. по май 2023 г. в квартире по адресу… не содержат сведений о том, что Н. участвовал в уходе за П.П., проживая с ней по вышеуказанному адресу. Не усматривается из них и то, что адвокат П. «помог Н. поступить в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, оплатив 50% денежных средств за обучение», а затем выплачивал предоставленный Н. на обучение кредит. Диплом Н. о высшем юридическом образовании и кредитный договор об открытии кредитной линии не свидетельствуют об оплате адвокатом П. обучения Н., поскольку стороной вышеуказанного кредитного договора адвокат П. не является и в нем не упоминается.

Совет также отмечает, что Н. публично позиционируется адвокатом П. как его помощник. Поэтому даже оплата адвокатом П. обучения Н. не может подтвердить наличие между ними тех близких отношений, которые позволяют сделать исключение из запрета на оказание юридической помощи адвокатом с приостановленным статусом, поскольку такая оплата может производиться в рамках сложившихся между ними гражданско-правовых и (или) трудовых отношений. Помимо этого, Совет учитывает, что в ходе дисциплинарного разбирательства, после заявления адвокатом П. о том, что Н. является его «крестником» и близким ему лицом, адвокату П. было предложено представить убедительные доказательства этого довода. Но такие доказательства адвокатом П. представлены не были, при этом в заседании Квалификационной комиссии 04 июня 2025 г. он сообщил, что все необходимое им уже представлено.

Наконец, в результате дисциплинарного разбирательства установлены имеющие существенное значение факты неоднократного совершения адвокатом П. в период с 2019 по 2024 г. сделок с долями различных объектов недвижимости, которые не могут быть объяснены простым стремлением улучшить жилищные условия.

Так, им были приобретены доли (от ¼ до ½) в квартирах по адресам:

1) город Москва…
2) Московская область…
3) город Москва…
4) город Москва…
5) город Москва…
6) город Москва…

Исходя из опубликованных в сети «Интернет» видеоматериалов, адвокат П., в том числе и в период приостановления статуса адвоката, позиционировал себя как специалист по сделкам с долями в праве собственности на недвижимое имущество, публикуя контактные данные свои, а также Н., которого он представлял как своего помощника и юриста. При этом ссылки адвоката П. на сугубо технический характер помощи, которую ему оказывал Н., лишь доказывают, что их сотрудничество носило деловой характер, и никак не подтверждают довод адвоката П. о том, что Н. является близким ему лицом в описанном выше значении этого термина.

Довод адвоката П. о наличии исключительных обстоятельств, в которых он якобы был вынужден оказывать юридическую помощь близкому лицу фактически в разовом порядке, также не нашел подтверждения, более того, был опровергнут. Так, в результате дисциплинарного разбирательства подтвердились изложенные заявителем сведения о том, что факты представительства адвоката П. по судебным спорам о долях в праве собственности на квартиры являлись неединичными. Так, в материалы производства заявителем представ-

лена копия нотариально заверенной доверенности на бланках от 01 октября 2024 г., выданная П. и Н. гражданином Г., предусматривающая в числе прочего полномочия на представление интересов последнего во всех судебных органах с правом на подписание искового заявления, предъявление его в суд, и другими правами. Адвокат П. участвовал затем в судебном разбирательстве, представляя интересы Г. Адвокат П. не отрицает данного и ряда иных фактов, поясняя их сложившимися ситуациями и своим фактическим неучастием в данных судебных спорах, однако его очевидная готовность оказывать юридическую помощь в период приостановленного адвокатского статуса также не вызывает разумных сомнений, что дополнительно свидетельствует о допущенном нарушении.

Приведенный в Заключении Квалификационной комиссии анализ доказательств по делу опровергает и довод адвоката П. о том, что его доверитель Н. столкнулся с трудной жизненной ситуацией, связанной с реальным риском «потери права проживания в комнате». Каких-либо доказательств в подтверждение этого довода адвокат П. не представил, а из материалов дисциплинарного производства какие-либо трудности для Н. исключительного характера не усматриваются.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что основу взаимодействия адвоката П. и Н. составляла общность их профессиональных и деловых интересов, относящихся к осуществлению сделок с долями в праве собственности на недвижимое имущество и участию в связанных с этими сделками жилищных спорах. При этом оснований рассматривать Н. в качестве близкого адвокату П. лица в контексте Разъяснения № 04/17 Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации обстоятельства настоящего дисциплинарного дела не дают. Профессионально-деловой аспект взаимодействия адвоката П. с Н. являлся превалирующим, а потому он был определяющим и для этической оценки поведения адвоката П. применительно к выдвинутым заявителем дисциплинарным обвинениям, вне зависимости от наличия или отсутствия любых других обстоятельств их взаимоотношений.

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о неисполнении адвокатом П. императивных указаний Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: лицо, статус адвоката которого приостановлен, не вправе осуществлять адвокатскую деятельность (п. 3.1 ст. 16). Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении взаимосвязанных предписаний п. 3.1 ст. 16, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абз. 1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в оказании юридической помощи Н. в период приостановленного статуса адвоката установленной.

Кроме того, в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 28 мая 2025 г. № … против адвоката П. выдвинуто дисциплинарное обвинение в оказании Г. юридических услуг (правовой помощи) в виде представления его интересов в гражданском судопроизводстве, а именно в состоявшихся 20 декабря 2024 г. и 29 января 2025 г. судебных заседаниях Т. районного суда

г. Москвы по гражданскому делу по иску Г. к А., К. о признании договора купли-продажи недействительным, вне рамок адвокатской деятельности, а также без предоставления ордера адвоката.

Адвокат П., не отрицая своего участия в указанных судебных заседаниях без позиционирования себя как адвоката, пояснил, что, представляя интересы Г., он фактически защищал свое право на жилище, поскольку также имел долю в жилом помещении по адресу…

Не ставя под сомнение наличие у адвоката П. личной заинтересованности в удовлетворении исковых требований Г., Совет вместе с тем констатирует, что наличие такого интереса вовсе не исключает того факта, что адвокат П. выступал в качестве представителя Г. в указанном гражданском деле, т. е. действовал не в личных интересах как сособственник квартиры, а в интересах Г., оказывая ему юридическую помощь. Такое представительство в гражданском судопроизводстве не может рассматриваться как совершение адвокатом П. действий в его собственных интересах, поскольку данная деятельность была направлена на удовлетворение исковых требований Г., и, по признанию самого адвоката П., в случае их удовлетворения именно Г. должен был приобрести право на ⅙ долю в праве общей долевой собственности на жилое помещение по указанному адресу. При этом у адвоката П. не имелось никаких препятствий для участия в этом жилищном споре в личном качестве.

Учитывая, что в силу подп. 4 п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» участие в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве является одним из видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, принятие поручения Г. на представление его интересов по указанному делу предполагало необходимость исполнения адвокатом П. комплекса профессиональных обязанностей по формализации его отношений с доверителем. Однако из установленных обстоятельств дела следует, что адвокат П. свои правоотношения с доверителем Г. не формализовал и в ходе производства по вышеуказанному гражданскому делу себя в качестве адвоката не позиционировал. В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат П. подтвердил, что соглашения об оказании юридической помощи он с Г. не заключал, вознаграждения от него не получал. Из протоколов судебного заседания Т. районного суда г. Москвы от 20 декабря 2024 г. и 29 января 2025 г., а также решения Т. районного суда от 29 января 2025 г. по гражданскому делу следует, что П. действовал в качестве представителя истца Г. по доверенности без указания на наличие у него статуса адвоката.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, оказывая Г. юридические услуги (правовую помощь) при описанных обстоятельствах, адвокат П. действовал вне рамок адвокатской деятельности, чем нарушил положения подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и абз. 1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой и в данной части, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной. Вместе с тем непредставление адвокатом П. в Т. районный суд ордера адвоката на оказание юридической помощи Г. не может рассматриваться как самостоятельный дисциплинарный проступок, поскольку это явилось следствием выведения

адвокатом П. своей юридической помощи за рамки адвокатской деятельности и отсутствия соглашения, заключенного между ним и доверителем Г. как правового основания для выдачи ордера и оказания юридической помощи. При таких обстоятельствах оснований для самостоятельной квалификации непредставления адвокатом П. ордера Совет не усматривает.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании адвокатом П. основополагающих требований законодательства и профессиональной этики, а также то, что за осуществление адвокатской деятельности лицами с приостановленным адвокатским статусом закон безальтернативно предусматривает прекращение статуса адвоката (п. 3.1 ст. 16, подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Помимо этого, Совет учитывает упорное нежелание адвоката П. признать очевидную недопустимость своего профессионального поведения, что свидетельствует о наличии у него целей, не соответствующих назначению адвокатской профессии. Совет принимает во внимание значительный стаж профессиональной деятельности адвоката П. и отсутствие у него предыдущих дисциплинарных взысканий, однако в силу грубого и неоднократного характера нарушений не считает эти обстоятельства влияющими на выбор меры дисциплинарной ответственности. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит возможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это, вопреки императивному требованию законодательства, свидетельствовало бы о допустимости подобного профессионального поведения адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого П. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные по настоящему дисциплинарному делу обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности П., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь п. 3.1 ст. 16, подп. 6 п. 1, подп. 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса

профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– нарушение взаимосвязанных предписаний п. 3.1 ст. 16, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абз. 1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он, имея приостановленный статус адвоката, представлял интересы истца Н. при рассмотрении Х. районным судом г. Москвы гражданского дела по иску Н. к Г.А., Б., Г.К. о признании утратившими право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета, приняв участие в судебных заседаниях данного суда Москвы по указанному гражданскому делу, состоявшихся 26 марта и 18 июня 2024 г., в качестве представителя истца Н., допущенного к участию в судебном заседании по устным ходатайствам Н.;

– нарушение положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абз. 1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в оказании Г. юридических услуг (правовой помощи) в виде представления его интересов в гражданском судопроизводстве, а именно в состоявшихся 20 декабря 2024 г. и 29 января 2025 г. судебных заседаниях Т. районного суда г. Москвы по гражданскому делу по иску Г. к А., К. о признании договора купли-продажи недействительным, вне рамок адвокатской деятельности.

Установить в отношении П. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

2.11. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия допустимого повода для его возбуждения, признав доводы судьи о некорректном поведении адвоката в суде неконкретными и не подтвержденными доказательствами.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи С. городского суда Республики К. Г. от 24 февраля 2025 г. в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 23 июля 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по обращению (частному постановлению) судьи Г. от 24 февраля 2025 г. в отношении адвоката Б., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Б., извещенный надлежащим образом, письменно уведомил Совет о получении Заключения Квалификационной комиссии и ознакомлении с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее

выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Б. осуществлял защиту А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, ч. 2 ст. 292 УК РФ, по уголовному делу в С. городском суде Республики К.

В частном постановлении указано, что в ходе рассмотрения уголовного дела адвокат Б. употреблял некорректные выражения в адрес участников процесса, заявлял необоснованные отводы судье, государственному обвинителю без указания оснований, предусмотренных ст. 61 УПК РФ, не реагируя при этом на сделанные замечания.

Адвокат Б. дисциплинарные обвинения в его адрес отрицал, указал, что с доводами частного постановления не согласен, высказал мнение о предвзятом к нему отношении судьи Г.

В соответствии с положениями подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно указать в жалобе (обращении) конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) данного кодекса, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Обращение судьи Г. от 24 февраля 2025 г. в отношении адвоката Б. указанным критериям не соответствует. Выдвинутые дисциплинарные обвинения заявителем не конкретизированы, поскольку им не указано, когда именно и какие именно действия (бездействие) допустил адвокат Б. при осуществлении защиты А. по указанному уголовному делу, которые были расценены председательствующим судьей как нарушающие требования адвокатской этики. Какими-либо доказательствами доводы обращения также не подтверждены, поскольку никаких иных документов, помимо протокола предварительного слушания, протокола судебного заседания и ордера адвоката Б., в материалы дисциплинарного производства из суда не поступило, несмотря на то что заявителю было письменно предложено представить не только протокол и ордер, но и заявления адвоката Б. об отводе судьи и иные доказательства в обоснование изложенных в частном постановлении доводов.

С учетом вышеуказанного Совет лишен возможности дать оценку данным доводам при том, что адвокат Б. какие-либо нарушения со своей стороны категорически отрицает, настаивая на предвзятом отношении к нему со стороны заявителя, и утверждает, что частное постановление является реакцией на его бескомпромиссную позицию при осуществлении защиты А.

Совет также учитывает, что адвокат Б. осуществлял защиту подсудимого А. на основании соглашения, при этом жалоб на качество оказываемой им юридической помощи от самого

подсудимого А., являющегося ее получателем, в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

При этом только при реализации в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ судьей своих полномочий по обеспечению участия адвоката-защитника для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, судья (суд) обладает правом на выдвижение в отношении такого адвоката дисциплинарного обвинения в отказе от защиты и/или ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей перед доверителем. Такое полномочие судьи (суда) в отношении назначенного по его поручению защитника проистекает из взаимосвязанных положений чч. 1 и 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в случаях, предусмотренных законом, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления – право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и ч. 7 ст. 49, ч. 2 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих вопросы участия защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Однако во всех случаях, когда адвокат-защитник или адвокат-представитель приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с согласия) иными лицами, только доверитель адвоката, которому он оказывает юридическую помощь, вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с отказом от принятой на себя защиты, а также с ненадлежащим оказанием юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по обращению (частному постановлению) судьи С. городского суда Республики К. Г. от 24 февраля 2025 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2.12. Адвокат получила предупреждение за подачу апелляционной жалобы на приговор без выяснения позиции доверителя. Совет отметил, что реализация права на оплату работы по назначению должна осуществляться при соблюдении требований профессиональной этики.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы Б., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы от 08 апреля 2025 г. в отношении адвоката Ч.

Квалификационная комиссия 04 июня 2025 г. вынесла Заключение: 1) о нарушении адвокатом Ч. подп. 3

п. 4 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат не вправе… занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя», «Адвокат обязан: честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле»), что выразилось в подаче ею 27 марта 2025 г. необоснованной апелляционной жалобы на приговор мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы Б., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы, от 12 марта 2025 г. по уголовному делу, без выяснения позиции доверителя Е. и вопреки ее воле;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по обращению мирового судьи Б. от 08 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ч., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, подала письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного производства без ее участия, в котором также сообщила, что факт нарушения признает, апелляционную жалобу отозвала и просит о вынесении справедливого решения. Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката Ч.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения против адвоката Ч.:

– в подаче 27 марта 2025 г. на приговор в отношении Е. от 12 марта 2025 г. необоснованной апелляционной жалобы вопреки позиции доверителя, мотивированной личными материальными интересами адвоката, а не интересами подзащитной Е., которая была согласна с приговором и не желала его обжаловать;

– в необоснованном обращении в суд с заявлением о взыскании судебных расходов по оплате труда адвоката за ознакомление 11 марта 2025 г. с материалами уголовного дела, с которым адвокат была ознакомлена на стадии предварительного расследования.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы, обязанности которого исполняла мировой судья судебного участка № … района Я. г. Москвы Б., в период с 11 февраля по 13 марта 2025 г. находилось уголовное дело по обвинению Е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ. Защиту обвиняемой Е. на стадии предваритель-

ного расследования и в суде первой инстанции осуществляла адвокат Ч., которая в порядке ст. 50, 51 УПК РФ была назначена защитником по заявке АИС АПМ № … от 23 января 2025 г., размещенной дознавателем ОМВД России по району Я. г. Москвы, и продолжила на основании ордера от 11 марта 2025 г. № … защиту в суде в соответствии с п. 2 Рекомендаций Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации об обеспечении непрерывности защиты по назначению, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2019 г.

Уголовное дело рассмотрено судом в особом порядке судебного разбирательства в двух судебных заседаниях – 24 февраля и 12 марта 2025 г., в последнем из которых участвовала адвокат Ч., с постановлением обвинительного приговора от 12 марта 2025 г. и назначением Е. наказания в виде штрафа в размере …руб.

12 марта 2025 г. адвокат Ч. подала мировому судье заявление о выплате вознаграждения за ознакомление 11 марта 2025 г. с материалами уголовного дела в размере …руб. и за участие в судебном заседании 12 марта 2025 г. – …руб., а всего – …руб. Двумя постановлениями мирового судьи от 13 марта 2025 г. заявление о выплате вознаграждения за участие в судебном заседании 12 марта 2025 г. удовлетворено, а в удовлетворении заявления о выплате вознаграждения за ознакомление 11 марта 2025 г. с материалами данного уголовного дела отказано.

27 марта 2025 г. адвокат Ч. обжаловала в апелляционном порядке как оба указанные постановления мирового судьи от 13 марта 2025 г., касающиеся выплаты ей вознаграждения, так и приговор суда в отношении Е. от 12 марта 2025 г.

Переходя к оценке выдвинутых заявителем дисциплинарных обвинений, Совет приходит к следующим выводам.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает дисциплинарного проступка в подаче адвокатом Ч. заявления в суд об оплате ее труда по ознакомлению 11 марта 2025 г. с материалами уголовного дела. Ознакомление с материалами уголовного дела в целях подготовки к судебному заседанию входит в полномочия защитника по оказанию подсудимому юридической помощи. Кроме того, после поступления материалов уголовного дела в суд по нему принимаются процессуальные решения, затрагивающие права и интересы доверителя адвоката, с которыми адвокат обязан ознакомиться. Не ознакомившись с материалами уголовного дела в полном объеме после его поступления в суд, адвокат также не может знать, изменились ли объем материалов уголовного дела и последовательность расположения подшитых в деле документов со времени ознакомления с ним защитника на стадии предварительного расследования. Таким образом, ознакомление с материалами дела в суде является самостоятельным действием адвоката, направленным на осуществление защиты подсудимого в соответствии со ст. 49, 53 УПК РФ. Следовательно, за выполнение этой работы адвокату также должно выплачиваться вознаграждение, если он участвует в деле по назначению суда. Осуществляя 11 марта 2025 г. ознакомление с материалами уголовного дела, адвокат Ч. реализовывала свои полномочия по осуществлению защиты подсудимой Е., которые предоставлены ей уголовно-процессуальным законом, и была вправе ставить перед судом вопрос об оплате своего труда.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестно-

сти адвоката Ч. в данной части неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

К иному выводу Совет приходит в отношении дисциплинарного обвинения в подаче адвокатом Ч. необоснованной апелляционной жалобы вопреки интересам доверителя.

В соответствии с подп. 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя. Согласно подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, и не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно, в том числе в определении от 26 мая 2020 г. № 1107-О, указывал, что адвокат, оказывая юридическую помощь, участвует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и, выступая в таком качестве, преследует не личные интересы, а интересы представляемого им лица. Единственным исключением из правила о тождественности интересов адвоката и его доверителя в уголовном судопроизводстве является осуществление защиты в условиях самооговора.

Подача апелляционной жалобы защитником производна от волеизъявления осужденного. Адвокат, являясь профессиональным советником по правовым вопросам, используя свои профессиональные знания, фактически транслирует волю доверителя суду. Позиция осужденного, который согласен с назначенным наказанием, должна являться для адвоката определяющей. В соответствии с пп. 5, 16 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу и обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и адвокат убежден в отсутствии самооговора.

Согласно п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат-защитник обязан обжаловать приговор:

1) по просьбе подзащитного;

2) если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный;

3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

Указанные нормы защитник обязан разъяснить осужденному и в случае отказа от обжалования приговора зафиксировать отказ в его письменном заявлении адвокату.

В соответствии со ст. 389.15, 389.17 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, в апелляционном порядке являются существенное нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона, несправедливость приговора, вы-

явление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ч., вопреки приведенным выше требованиям, при подаче апелляционной жалобы на приговор суда от 12 марта 2025 г. не выяснила желание осужденной Е. обжаловать его и ее отношение к назначенному наказанию. При этом Е. 08 апреля 2025 г. подано заявление мировому судье о согласии с приговором и несогласии с поданной адвокатом Ч. апелляционной жалобой, а назначенный судом штраф в размере …руб. был оплачен полностью до вступления приговора в законную силу. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ч. действовала вопреки воле подзащитной.

Довод адвоката Ч. о наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона при вынесении приговора Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку он сводится к утверждению о допущенном, по ее мнению, нарушении судом ее права на получение вознаграждения. Иными словами, свои действия по обжалованию приговора в отношении доверителя адвокат Ч. объясняет личными мотивами, которые не связаны с позицией ее доверителя и не направлены на защиту интересов последней.

Кроме того, как правильно отметила Квалификационная комиссия, в силу ч. 3 ст. 131 УПК РФ при решении вопроса о выплате сумм, относящихся к процессуальным издержкам, допускается вынесение судом постановления без проведения судебного заседания и без участия заинтересованных лиц. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» не разрешенный в приговоре или ином итоговом судебном решении вопрос о распределении процессуальных издержек может быть разрешен судом по ходатайству заинтересованных лиц или по инициативе суда как до вступления в законную силу такого решения, так и в период его исполнения.

Не подвергая сомнению право адвоката Ч. на получение вознаграждения за оказанную юридическую помощь, Совет отмечает, что для защиты этого права адвокат должен избирать надлежащие способы, не влекущие ущерба правам и законным интересам подзащитного. Адвокат Ч. обжаловала постановление мирового судьи об отказе в выплате ей вознаграждения, что являлось достаточной мерой защиты права на получение вознаграждения. Подача же апелляционной жалобы на приговор в отношении доверителя вопреки интересам последней по мотивам несогласия адвоката-защитника с решением судьи об отказе в оплате ее труда не только не способствовала защите права на получение вознаграждения, но и являлась недопустимым злоупотреблением полномочиями защитника со стороны адвоката Ч.

Совет также отмечает, что подача апелляционной жалобы на приговор от 12 марта 2025 г. могла повлечь неблагоприятные для доверителя последствия в виде увеличения срока погашения судимости в связи с задержкой вступления приговора в законную силу.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Ч. в данной части опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ч. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, сопряженный с совершением действий вопреки позиции и интересам доверителя при очевидном наличии у адвоката Ч. возможности защиты своего права иными способами, не создающими рисков для интересов доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Ч., свидетельствующее о незнании или игнорировании ею основополагающих профессиональных требований, Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что ранее она к дисциплинарной ответственности не привлекалась, признала допущенное нарушение, предприняла действия для минимизации негативных последствий для доверителя, отозвав поданную апелляционную жалобу. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Ч. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Ч. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать свои знания и повышать свой профессиональный уровень (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение подп. 3 п. 4 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат не вправе… занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя», «Адвокат обязан: честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле»), что выразилось в подаче ею 27 марта 2025 г. необоснованной апелляционной жалобы на приговор мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы Б., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № … района Я. г. Москвы, от 12 марта 2025 г. по уголовному делу, без выяснения позиции доверителя Е. и вопреки ее воле.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по обращению мирового судьи Б. от 08 апреля 2025 г., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.13. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, обвиненного в попытке незаконного обогащения за счет средств федерального бюджета при предъявлении к оплате расходов, связанных с работой по назначению. Вместе с тем Совет отметил, что адвокатам необходимо тщательно обосновывать свои запросы о возмещении таких затрат.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. городского суда К. от 20 февраля 2025 г. в отношении адвоката А.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по обращению судьи М. городского суда К. от 20 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката А.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве судьи М. городского суда К. находились материалы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. и о продлении срока содержания под стражей в отношении Ш.

Защиту К.С. и Ш. по указанным материалам по назначению суда осуществлял адвокат А.

Оба материала были назначены к слушанию на 20 февраля 2025 г. один за другим, с 10.10 час. до 10.15 час. и с 10.16 час. до 10.23 час.

Адвокатом А. были поданы заявления на оплату его труда по двум делам – ознакомление с материалами дела, участие в судебном заседании и оплата проезда.

20 февраля 2025 г. постановлениями судьи К. адвокату А. было отказано в удовлетворении требований в части оплаты проезда, поскольку им не представлены документы, подтверждающие понесенные расходы.

В обращении заявителя против адвоката А. выдвигается дисциплинарное обвинение в попытке незаконного обогащения за счет средств федерального бюджета, поскольку он подал два заявления о возмещении расходов на проезд по разным делам, рассмотренным судом в один день (20 февраля 2025 г.), т. е. при фактическом однократном посещении суда, что, по мнению заявителя, противоречит интересам его подзащитных, связанных с возмещением расходов по оплате услуг адвоката, в том числе

и расходов по проезду, которые адвокат фактически не понес.

Адвокат А., не соглашаясь с дисциплинарным обвинением, указал, что по окончании рассмотрения двух дел им было подано два заявления о возмещении процессуальных издержек, в том числе расходов, понесенных на оплату проезда к месту проведения судебного заседания, в размере 300 руб. (по каждому делу), что на 300 руб. меньше фактически понесенных им транспортных расходов. Указал, что дважды являлся в М. городской суд: 07 февраля 2025 г. (для ознакомления с делами), а также 20 февраля 2025 г. (для участия в рассмотрении вышеуказанных дел), – при этом для передвижения от офиса коллегии адвокатов до суда и обратно он пользовался общественным транспортом (автобусом/метро/трамваем). При передвижении общественным транспортом из офиса коллегии адвокатов в М. городской суд и обратно он мог воспользоваться следующими маршрутами: от остановки «…» на автобусе до станции метро «…», далее на метро до станции «…», затем на трамвае до остановки «…» и обратно; от остановки «…» на автобусе до станции метро «…», на метро до станции «…», дальше на трамвае до остановки «…» и обратно; от остановки «…» на автобусе до станции метро «…», затем на метро до станции «…», далее на трамвае до остановки «…» и обратно. Указал, что каких-либо льгот, позволяющих ему пользоваться бесплатным проездом в общественном транспорте, он не имеет.

Объяснения адвоката А., в том числе о маршруте следования и способе перемещения, ничем не опровергнуты.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относятся суммы, выплачиваемые адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий, и проживанием.

Согласно пп. 2 и 5 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 01 декабря 2012 г. № 1240, проезд к месту производства процессуальных действий и обратно к месту жительства, работы или месту временного пребывания оплачивается адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению суда, не свыше стоимости проезда, в частности, автотранспортом общего пользования (кроме такси); метрополитеном; в случае отсутствия документов, подтверждающих произведенные расходы на проезд, к заявлению о возмещении расходов на проезд прилагается справка транспортной организации о минимальной стоимости проезда к месту производства процессуальных действий и обратно, в частности, автомобильным транспортом (в автобусе общего типа), действовавшей на дату прибытия к месту производства процессуальных действий и дату отбытия обратно к месту жительства, работы или временного пребывания.

Согласно ответу заместителя начальника отдела по работе с пассажирами ГУП «Мосгортранс» В. от 28 апреля 2025 г. с 01 января 2025 г. стоимость проезда в общественном транспорте города Москвы по проездному билету – Билет «Единый» составляет 75 руб.

В этой связи минимальная стоимость одной поездки от офиса коллегии ад-

вокатов, в которой осуществляет свою профессиональную деятельность адвокат А., до М. городского суда и обратно составляет (75+75+75) х 2 = 450 руб. Следовательно, 07 и 20 февраля 2025 г. адвокатом А. на проезд было потрачено всего 900 руб.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что в феврале 2025 г. адвокат А. несколько раз оплачивал проезд в общественном транспорте г. Москвы, используя банковскую карту.

Доказательств наличия у адвоката А. каких-либо льгот, позволяющих ему пользоваться бесплатным проездом в общественном транспорте, материалы дисциплинарного производства не содержат.

Кроме того, адвокатом А. было заявлено к возмещению из средств федерального бюджета по 300 руб. по каждому делу, что на 300 руб. меньше фактически понесенных им транспортных расходов.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает дисциплинарное обвинение в попытке незаконного обогащения адвокатом А. за счет средств федерального бюджета необоснованным, а презумпцию его добросовестности неопровергнутой.

Вместе с тем Совет считает необходимым отметить, что с целью предотвращения подобных претензий адвокатам необходимо более тщательно обосновывать свои запросы о возмещении затрат, в том числе транспортных, представлять в суд совместно с заявлением о возмещении процессуальных издержек, связанных с оплатой проезда к месту производства процессуальных действий и обратно, информацию о маршруте следования, видах использованного общественного транспорта и расчет фактически понесенных транспортных расходов, а также документы, подтверждающие произведенные расходы на проезд, либо справки транспортной организации о минимальной стоимости проезда. При этом указанное заявление должно подаваться по каждому конкретному делу, для участия в рассмотрении которого адвокат являлся в суд.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по обращению судьи М. городского суда К. от 20 февраля 2025 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Дисциплинарные производства иных категорий

3.1. Адвокат получил предупреждение за публичное комментирование в телепрограмме обстоятельств уголовного дела, в котором он не участвует, а также за недопустимые обвинительные утверждения, нарушающие презумпцию невиновности.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителя – адвоката Г. и адвоката Ш. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Г. от 27 января 2025 г. в отношении адвоката Ш.

Квалификационная комиссия 12 марта 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ш. взаимосвязанных положений п. 2 ст. 5, п. 5 ст. 9, пп. 2.1, 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан… избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения; адвокату следует воздерживаться от публичных комментариев обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует… адвокату следует воздерживаться от публичного, не связанного с участием в судопроизводстве, порицания подозреваемых и обвиняемых лиц»), выразившемся в том, что 03 января 2025 г. в ходе съемок телепередачи, показанной в эфире российского федерального телеканала «…» 21 января 2025 г. (выпуск № …), адвокат Ш. дал публичные комментарии обстоятельств уголовного дела, находящегося в производстве К. межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ч. Республике, в котором он не участвует, а также допустил в них порицание лица, подозреваемого в совершении преступления («…видны хорошо глаза, злые глаза достаточно. Хозяин магазина улыбается, а у злодея глаза злые…»; «С одного выстрела убивает. Он идет с этим ружьем, проходит мимо свидетеля. Поднимается по ступенькам магазина, выходит, идет пешком, до какого-то домика доходит и там следы его теряются»; «Преступление тщательно планировалось. Он точно продумал, и он шел до конца»), что противоречит принципу презумпции невиновности и нарушает права В., задержанного по подозрению в совершении данного преступления.

Заявитель – адвокат Г. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился.

Адвокат Ш. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии не согласился, указав, что его суждения относились к видеозаписи, но не относились непосредственно к доверителю адвоката Г., имени которого он не только не называл, но и не знал его в тот момент, когда давал свой комментарий. Цели нарушить его права и затруднить защиту он не преследовал и не мог преследовать по указанной причине. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Ш. выразил сожаление о том, что, давая комментарий, он не учел об-

щие профессионально-этические требования к публичному поведению адвоката.

Совет, рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства полно и правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым изменить объем дисциплинарного обвинения и квалификацию дисциплинарного нарушения.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

03 января 2025 г. в ходе съемок телепередачи, показанной в эфире российского федерального телеканала «…» 21 января 2025 г. (выпуск № …), адвокат Ш. дал публичные комментарии обстоятельств уголовного дела, находящегося в производстве К. МРСО СУ СК РФ по Ч. Республике, в котором он не участвует. В этом комментарии содержались, в частности, следующие высказывания: «…видны хорошо глаза, злые глаза достаточно. Хозяин магазина улыбается, а у злодея глаза злые…»; «С одного выстрела убивает. Он идет с этим ружьем, проходит мимо свидетеля. Поднимается по ступенькам магазина, выходит, идет пешком, до какого-то домика доходит и там следы его теряются»; «Преступление тщательно планировалось. Он точно продумал, и он шел до конца».

Факт дачи указанного комментария и его содержание достоверно установлены в результате дисциплинарного разбирательства и признаются адвокатом Ш.

Оценивая содержание этого комментария адвоката Ш. на предмет его соответствия профессионально-этическим требованиям и с учетом выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет отмечает следующее.

В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Поскольку адвокат Ш. давал указанный выше комментарий именно в этом качестве и его адвокатский статус был указан в титрах вместе с его именем и фамилией, его принадлежность к адвокатскому сообществу была очевидной.

Согласно требованиям пп. 2.1, 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокату следует воздерживаться от публичных комментариев обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует, а также от публичного, не связанного с участием в судопроизводстве, порицания подозреваемых и обвиняемых лиц.

Приведенное выше содержание публичного комментария адвоката Ш. этим требованиям явно не соответствует, поскольку в нем комментируются обстоятельства деяния, являющегося предметом расследования по уголовному делу, в котором адвокат Ш. не участвовал и не участвует. Кроме того, приведенные выше суждения адвоката Ш. представляют собой публичное порицание лица, совершившего это деяние, кто бы этим лицом ни являлся.

Об этом свидетельствует употребление адвокатом Ш. в комментарии выражений с откровенно негативной эмоциональной окраской: «глаза злые», «злодей», противопоставление «злых глаз» «злодея» «улыбающемуся хозяину магазина».

Помимо этого, публично комментируемые действия неизвестного ему лица, при совершении которых адвокат Ш. не присутствовал и обстоятельства которых не знает, он квалифицирует как совершение особо тяжкого умышленного преступления – убийства. Об этом, вопреки доводам адвоката Ш. об обратном, свидетельствуют содержащиеся в комментарии его утверждения о «тщательно спланированном» и «точно продуманном» преступлении в сочетании со словами «с одного выстрела убивает».

При этом адвокат Ш. как профессиональный советник по правовым вопросам не может не знать, что в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Он также не может не знать о том, что вина – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его последствиям. Формами вины являются умысел и неосторожность. Согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку. Пункт 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ предусматривает, что виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотивы относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при производстве по уголовному делу.

При этом в силу ч. 1. ст. 28 УК РФ «деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть». Помимо этого, ст. 37–42 УК РФ предусмотрен ряд обстоятельств, устраняющих преступность деяния.

Согласно ч. 1 ст. 49 Конституции РФ «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Согласно ч. 1 ст. 14 УПК РФ обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Адвокату Ш. при даче анализируемого комментария было достоверно известно об отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, которым какое-либо лицо было бы признано виновным в совершении убийства при обстоятельствах, являвшихся предметом его комментария. Само по себе ознакомление с видеозаписью, полученной с камеры видеонаблюдения, со всей очевидностью такой приговор не заменяло и заведомо не давало адвокату Ш. оснований для приведенных выше утверждений о том, что зафиксированное этой видеозаписью деяние является убийством.

По этим причинам приведенные выше высказывания адвоката Ш. не могут рассматриваться как сделанные с позиций права и в соответствии с профессионально-этическими требованиями, поскольку они построены на преждевременных, субъективных и осуждающих оценках, формирующих негативное отношение к любому лицу, заподозренному в совершении анализируемого им деяния. Кроме того, эти высказывания адвоката Ш. явились прямым следствием игнорирования им свойственной адвокатской деятельности правозащитной функции. Являясь актом грубого попрания основопола-

гающего принципа презумпции невиновности, приведенные публичные высказывания адвоката Ш. способствуют формированию у неопределенного круга лиц представления об адвокатуре как о сообществе, члены которого могут добровольно содействовать правоохранительным органам, поддерживая их обвинительную деятельность через публичные утверждения о совершении кем-либо преступлений в отсутствие вступившего в законную силу приговора суда. Это, в свою очередь, наносит ущерб авторитету адвокатуры и способствует подрыву доверия к ней.

Совет также отмечает, что адвокат Ш. не осуществлял профессионального участия в уголовном деле и, в частности, не представлял интересы потерпевшего. Следовательно, его обвинительные и порицающие комментарии не были обусловлены исполнением профессиональных обязанностей по участию в судопроизводстве и не были направлены на защиту чьих-либо прав в установленном законом порядке. По этим причинам они также не могут рассматриваться как допустимые с точки зрения этических стандартов адвокатской профессии.

Поскольку публичная функция, связанная с представлением и анализом информации о законодательных процессах, состоянии правосудия, реализации и защите прав и свобод граждан является продолжением профессиональной деятельности адвоката, Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации утверждены Рекомендации по взаимодействию со средствами массовой информации (Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 21 июня 2010 г. (Протокол № 5), с изменениями, внесенными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. (Протокол № 18) (см.: Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2010. № 3 (29). С. 33–37; официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <https://fparf.ru>). Согласно абз. 3 преамбулы данных рекомендаций корпоративная культура адвокатского сообщества предполагает следование общим критериям, подчиненным общей миссии и назначению адвокатуры, которая является неполитической организацией и существует для осуществления юридической защиты прав и свобод человека. Кроме того, данные рекомендации предусматривают, что:

– «Адвокатам следует тщательно готовиться к выступлениям в СМИ: по возможности обговорить с журналистом вопросы, на которые он готов отвечать, а также предложить представить окончательный текст выступления на согласование во избежание неточностей и ошибок. Желательно заранее отвести вопросы, на которые адвокат не вправе давать ответы» (п. 1.5);

– «Адвокаты должны выступать в СМИ с позиций права» (п. 2.1);

– «Адвокат должен давать точную правовую оценку противозаконным и противоправным действиям, направленным против личности, ущемляющим права и свободы человека» (п. 2.3);

– «Адвокат ограничен требованиями профессиональной этики. Выступая в СМИ, он должен давать себе отчет в том, что по его выступлению судят обо всей корпорации. Высказывая мнение по тому или иному вопросу, он должен уточнить, чье это мнение – его собственное или конкретного органа (организации), который он представляет. Адвокат вправе высказывать собственное мнение, но при этом каждый раз должен уточнять, что это его личная позиция, а не позиция всего сообщества

или организации, в которой он работает» (п. 3.1);

– «Комментарии событий и фактов должны быть конкретными и компетентными. Прежде чем высказать собственную точку зрения, необходимо точно, без политических, корпоративных или групповых оценок, изложить фабулу дела» (п. 5.1);

– «Излагая свою точку зрения, следует опираться на факты, действующие нормы закона и правоприменительную практику» (п. 5.2);

– «Адвокат не несет ответственности за возможную интерпретацию СМИ его публичных выступлений. Тем не менее, общаясь с журналистами, давая комментарии по тому или иному правовому вопросу, адвокату, по возможности, следует следить за тем, чтобы его слова не были преподнесены массовой аудитории в искаженном виде» (п. 5.4);

– «Выступления с комментариями по существу ‘‘громких’’ дел, в которых адвокат не участвует, публичная оценка существа этих дел, высказывание о виновности или невиновности обвиняемых расценивается адвокатским сообществом как непрофессиональное поведение и заслуживает порицания» (п. 5.5);

– «Донося до СМИ информацию по конкретным делам о судебных спорах организаций и граждан, следственных и иных процессуальных действиях, адвокат должен руководствоваться презумпцией невиновности, не допускать необоснованных, не подкрепленных точными фактами и материалами дела суждений и умозаключений, соблюдать тайну следствия и адвокатскую тайну (в том числе, если речь идет о его процессуальных противниках)» (п. 6.1).

Этим требованиям, установленным органом адвокатского самоуправления в соответствии с его компетенцией и в силу этого обязательным для всех адвокатов, публичные высказывания адвоката Ш. также не соответствуют.

Совет соглашается с доводом адвоката Ш. о том, что на момент дачи комментария он не был осведомлен о личности подозреваемого, и по этой причине не намеревался нарушить права именно В., впоследствии привлеченного к уголовной ответственности за совершение деяния, видеозапись которого адвокат Ш. комментировал. Данный довод не опровергнут, и по этой причине Совет полагает необходимым исключить из дисциплинарного обвинения адвоката Ш. указание на то, что его действия «нарушают права В., задержанного по подозрению в совершении данного преступления». Совет также исключает как избыточную квалификацию дисциплинарного нарушения адвоката Ш. по п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку оно полностью охватывается квалификацией по п. 5 ст. 9 и пп. 2.1 и 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет подчеркивает, что вне зависимости от этого обстоятельства адвокат Ш. как лицо, обладающее специальными знаниями в области права, а также специальным статусом, и в силу этого обязанное соблюдать все профессионально-этические требования, должен был учитывать, что по подозрению в совершении преступления может быть задержано конкретное лицо, и в этом случае его комментарии неизбежно будут восприниматься как описание поведения и характеристики конкретного лица, заподозренного в совершении преступления. В связи с этим адвокат Ш. был не вправе предрешать вывод суда о виновности даже неизвестного ему лица в совершении преступления (убийства) и высказывать негативные, порицающие суждения в его адрес.

Грубо нарушив предписания п. 5 ст. 9, пп. 2.1 и 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также игнорируя приведенные выше рекомендации, адвокат Ш. не обеспечил компетентность и профессионально-этическую корректность своего комментария, сведя его к субъективной и преждевременной оценке деяния как тщательно спланированного и продуманного особо тяжкого преступления – убийства, что предполагает виновность в его совершении конкретного лица вне зависимости от того, было ли оно известно адвокату Ш. на момент дачи комментария.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональное поведение адвоката Ш. не соответствовало требованиям законодательства и профессиональной этики, в силу чего признает его поведение недопустимым и наносящим вред авторитету адвокатуры, презумпцию его добросовестности опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения при описанных обстоятельствах установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих требований профессиональной этики. Совет также учитывает, что адвокат Ш. допущенное нарушение признал, выразил сожаление в связи с его совершением, имея значительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При указанных обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Ш. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений п. 5 ст. 9, пп. 2.1, 2.2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («…в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан… избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»; «адвокату следует воздерживаться от публичных комментариев обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует…»; «адвокату следует воздерживаться от публичного, не связанного с участием в судопроизводстве, порицания подозреваемых и обвиняемых лиц»), выразившееся в том, что 03 января 2025 г. в ходе съемок телепередачи, показанной в эфире российского федерального телеканала «…» 21 января 2025 г. (выпуск № …), адвокат Ш. дал публичные комментарии обстоятельств уголовного дела, нахо-

дящегося в производстве К. межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ч. Республике, в котором он не участвует, а также допустил в них порицание лица, подозреваемого в совершении преступления («…видны хорошо глаза, злые глаза достаточно. Хозяин магазина улыбается, а у злодея глаза злые…»; «С одного выстрела убивает. Он идет с этим ружьем, проходит мимо свидетеля. Поднимается по ступенькам магазина, выходит, идет пешком, до какого-то домика доходит и там следы его теряются»; «Преступление тщательно планировалось. Он точно продумал, и он шел до конца»), что противоречит принципу презумпции невиновности.

3.2. Адвокату объявлено предупреждение за недостойное поведение, выразившееся в употреблении оскорбительных, в том числе нецензурных, высказываний в адрес сотрудников Адвокатской палаты города Москвы в деловой переписке.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… от 19 мая 2025 г. № … в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия 18 июня 2025 г. вынесла Заключение о нарушении адвокатом К. положений п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии», «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению», «В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»), выразившемся в том, что он 15 апреля 2025 г. со своего адреса электронной почты <…gmail.com> обратился по электронной почте в службу технической поддержки АИС АПМ по адресу <lk-support@advokatymoscow.ru> с вопросом: «*Суды не могут изменить старые банковские реквизиты оплаты. Что делать?*», а после получения ответа о том, что данный вопрос не относится к компетенции технической поддержки АИС АПМ, в этот же день отправил по электронным адресам технической поддержки АИС АПМ (<lk-support@advokatymoscow.ru>) и Адвокатской палаты города Москвы (<info@advokatymoscow.ru>) несколько сообщений, в которых содержались неуважительные, грубые и оскорбительные, в том числе нецензурные, высказывания в адрес сотрудников Адвокатской палаты города Москвы и ее руководителя, уничижительно названного адвокатом К. «приседатель»: «*а на *уя вы нужны, если не можете решить вопрос???*», «*Я оплачиваю взносы! Зарплата из них! Решите вопрос, чтобы мне по 51-м приходила оплата! За*бали туда-сюда…*», «*Ок, переадресуйте им, пусть ответят! За*бали отписками!!!*», «*приседатель, лично я не могу*

поменять банковские данные, в том числе для оплаты по 51-м. Дайте указуху для решения вопроса», «*В связи с тем, что я являюсь плательщиком для отдыха руководства, необходимо решить вопрос об актуальности банковских реквизитов!!!*».

Адвокат К., вовремя получивший Заключение Квалификационной комиссии и надлежащим образом извещенный о времени рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, своего представителя не направил. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также учитывая требования п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося участника.

Совет, рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, соглашается с выводами Комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие обстоятельства.

Адвокат К. является членом Адвокатской палаты города Москвы с 2006 г., с декабря 2024 г. осуществляет адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете. В направленном адвокатом К. в Адвокатскую палату города Москвы уведомлении от 10 декабря 2024 г. об учреждении адвокатского кабинета указаны номер телефона и электронный адрес <…gmail.com>, по которым с ним осуществляется связь. Эти же сведения размещены на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы.

15 апреля 2025 г. адвокат К. по электронной почте с указанного выше своего адреса обратился в службу технической поддержки АИС АПМ по электронному адресу <lk-support@advokatymoscow.ru> с вопросом: «*Суды не могут изменить старые банковские реквизиты оплаты. Что делать?*». После получения ответа о том, что данный вопрос не относится к компетенции технической поддержки АИС АПМ, и ему надлежит обращаться в техническую поддержку КИС СОЮ, адвокат К. в этот же день отправил с того же электронного адреса по электронным адресам технической поддержки АИС АПМ и Адвокатской палаты города Москвы <info@advokatymoscow.ru> несколько писем, в которых содержались неуважительные, грубые и оскорбительные, в том числе нецензурные, высказывания в адрес сотрудников Адвокатской палаты города Москвы и ее руководителя, приведенные выше с необходимыми изъятиями.

В своем представлении вице-президент Адвокатской палаты города Москвы… выдвинул в отношении адвоката К. дисциплинарное обвинение в том, что содержание отправленных им в адрес Адвокатской палаты города Москвы электронных писем явно не соответствует манере делового общения, унижает достоинство адвоката и наносит вред авторитету адвокатуры, не соответствует требованиям Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. признал факт отправки указанных электронных писем и их содержание, принес извинения за их недопустимое содержание и охарактеризовал их как «безосновательная и беспочвенная обсценная лексика», а также признал, что подобное поведение не может быть оправдано никакими причинами.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установ-

ленным факт отправки анализируемых электронных писем самим адвокатом К. со своего электронного адреса. Каких-либо оснований для сомнений в этом Совет не усматривает.

В п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся четкие нравственные ориентиры, а также критерии и требования к поведению адвоката, которые должны соблюдаться всеми адвокатами в силу подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» как при осуществлении профессиональной деятельности, так и вне ее. Системное толкование данных положений в их взаимосвязи приводит к выводу о том, что адвокат должен при любых обстоятельствах избегать поведения, которое может дискредитировать его самого и, как следствие, подрывать доверие к нему и умалять авторитет адвокатуры.

Переходя к оценке лексики и стилистики приведенных в представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы… фрагментов сообщений адвоката К., а также анализируя переписку в целом, Совет приходит к выводу о том, что сообщения, направленные адвокатом К. 15 апреля 2025 г. со своего адреса электронной почты сотрудникам службы технической поддержки АИС АПМ Адвокатской палаты города Москвы на адрес электронной почты <lk-support@advokatymoscow.ru>, а также на общий адрес электронной почты Адвокатской палаты города Москвы <info@advokatymoscow.ru>, носят крайне невежливый, грубый, неуважительный и оскорбительный характер, содержат нецензурную брань (обсценную лексику), что явно не соответствует ни обстоятельствам, ни практике делового общения, принижает честь и достоинство адвоката К. как человека и как адвоката, а также наносит ущерб авторитету адвокатуры, то есть нарушают законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении при описанных обстоятельствах дисциплинарного нарушения установленной.

При определении меры дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное нарушение Совет учитывает его умышленный и грубый характер, сопряженный с демонстративным игнорированием основополагающих требований профессиональной этики, явным неуважением к коллегам и сотрудникам Адвокатской палаты города Москвы. Такое поведение адвоката К. Совет признает недопустимым. Вместе с тем Совет учитывает, что адвокат К., имея длительный стаж адвокатской деятельности, привлекается к дисциплинарной ответственности впервые, нарушение признал и принес извинения за свои действия. С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату К. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвока-

та, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение требований п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии», «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению», «В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения»), выразившееся в том, что он 15 апреля 2025 г. со своего адреса электронной почты <…gmail.com> обратился по электронной почте в службу технической поддержки АИС АПМ по адресу <lk-support@advokatymoscow.ru> с вопросом: «*Суды не могут изменить старые банковские реквизиты оплаты. Что делать?*», а после получения ответа о том, что данный вопрос не относится к компетенции технической поддержки АИС АПМ, в этот же день отправил по электронным адресам технической поддержки АИС АПМ (<lk-support@advokatymoscow.ru>) и Адвокатской палаты города Москвы (<info@advokatymoscow.ru>) несколько сообщений, в которых содержались неуважительные, грубые и оскорбительные, в том числе нецензурные, высказывания в адрес сотрудников Адвокатской палаты города Москвы и ее руководителя, уничижительно названного адвокатом К. «приседатель»: «*а на *уя вы нужны, если не можете решить вопрос???*», «*Я оплачиваю взносы! Зарплата из них! Решите вопрос, чтобы мне по 51-м приходила оплата! За*бали туда-сюда…*», «*Ок, переадресуйте им, пусть ответят! За*бали отписками!!!*», «*приседатель, лично я не могу поменять банковские данные, в том числе для оплаты по 51-м. Дайте указуху для решения вопроса*», «*В связи с тем, что я являюсь плательщиком для отдыха руководства, необходимо решить вопрос об актуальности банковских реквизитов!!!*».

3.3. Дисциплинарные обвинения в отношении адвоката, которую группа других адвокатов обвиняла в неуважительном поведении по отношению к коллегам во время судебного процесса, признаны недоказанными, вследствие чего дисциплинарное производство прекращено. Вместе с тем Совет потребовал от адвоката более тщательного выбора формулировок в публичных выступлениях (в том числе в суде) и в процессуальных документах.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе… с участием заявителей – адвокатов Б.М., Г., С., Я. и представителя адвоката Б. – адвоката Л. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвокатов Б.М., Г., С., Я. в отношении адвоката Б.

Квалификационная комиссия 14 мая 2025 г. вынесла Заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе адвокатов Г., Я., С. и Б.М. в части доводов жалобы о том, что в судебном заседании П. районного суда г. Москвы по рассмотрению уголовного

дела, состоявшемся 23 января 2025 г., адвокат Б. назвала адвоката Б.М. «убожеством», а в судебном заседании, состоявшемся 06 февраля 2025 г., назвала адвоката Г. «придурком», а также в части доводов жалобы о ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Б. при допросе свидетеля К. и о том, что адвокат Б. называла АБ «…» организованной преступной группой, которая фальсифицирует доказательства и участвует в создании подложных доказательств, осуществляет уголовное преследование подзащитного адвоката Б. – Я.К., и представила название АБ «…» и историю его создания в негативном окрасе, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе адвокатов Г., Я., С. и Б.М., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Заявители – адвокаты Б.М., Г., С. и Я. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним; с выводами, изложенными Комиссией, не согласились, поскольку считают, что заявленные ими нарушения в действиях адвоката Б. имели место.

Отвечая на вопросы Совета от имени всех заявителей, адвокат Г. пояснил, что на самом деле оскорбление было. По их убеждению, из представленной ими «усиленной» аудиозаписи хорошо слышно, как адвокат Б. в присутствии судьи и секретаря дважды назвала адвоката Г. «придурком», в судебном заседании в том же составе охарактеризовала адвоката Я. как «убожество». Помимо этого, заявляя отвод адвокатам-заявителям, назвала Адвокатское бюро «…» «ОПГ» в негативном контексте – как «организованную преступную группу». Последующее утверждение Б., что она имела в виду «правовую группу», является ее попыткой оправдаться. Адвокат Б. также передразнивала свидетеля, которому адвокат Я. оказывала юридическую помощь. Это выглядело максимально некорректно, и суд сделал адвокату Б. замечание. Действиями адвоката Б. была нарушена адвокатская этика, за что ее нужно привлечь к дисциплинарной ответственности. Заявители полагают, что Заключение должно быть отправлено Советом Квалификационной комиссии «для повторного изучения дела». Адвокат Г. также пояснил, что на аудиозаписи четко слышно, как при заявлении им отвода адвокат Б. говорила про «ОПГ…» и фальсификацию доказательств, а также передразнивает свидетеля при его допросе в суде. Он и его коллеги не реагировали в судебном заседании на некорректные высказывания адвоката Б. путем обращения внимания председательствующего с предложением отразить данный факт в протоколе судебного заседания, полагая это неуместным в отношении коллеги. Иными доказательствами выдвинутых ими дисциплинарных обвинений они не располагают.

Адвокат Б., извещенная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явилась, обеспечила явку своего представителя – адвоката Л. Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию

решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся адвоката Б.

Представитель адвоката Б. – адвокат Л. в заседании Совета подтвердил своевременное получение им и его доверителем Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что под сфальсифицированными доказательствами адвокат Б. имела в виду представленное адвокатом Б.М. на предварительном следствии финансовое обязательство поддержки одной из компаний, где подпись от имени подзащитного адвоката Л. – М. была фальсифицирована, о чем заявлялось соответствующее ходатайство. Защита подготовила по этому поводу заключение специалиста, который затем был допрошен в суде. При этом подлинность двух копий данного документа заверена адвокатом Г. Кроме того, сделанный их процессуальными оппонентами – адвокатами АБ «…» перевод этого документа значительно искажает его смысл. Есть сомнения и в достоверности показаний свидетелей, поскольку их готовили адвокаты АБ «…». Также в деле фигурирует пять иностранных компаний, признанных потерпевшими, но часть из них была ранее ликвидирована, о чем никто из их представителей – адвокатов АБ «…» не сообщил.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

При рассмотрении П. районным судом г. Москвы уголовного дела по обвинению Б.С., М. и Я.К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, адвокаты Г. и Я. участвовали в качестве представителей потерпевших и оказывали юридическую помощь свидетелям, а адвокат Б. являлась защитником подсудимого Я.К.

По мнению заявителей, выраженному в их жалобе, поведение адвоката Б. при рассмотрении судом указанного уголовного дела порочит честь и достоинство адвоката, умаляет авторитет адвокатуры, поскольку она в ходе судебных слушаний позволяла себе грубое и оскорбительное поведение, в том числе в отношении адвокатов-заявителей, а также Адвокатского бюро «…», в котором они состоят, а именно:

– в судебном заседании 23 января 2025 г. назвала адвоката Я. «убожеством», прокомментировав ее появление в зале судебного заседания следующим образом: «*Еще одно убожество, прости Господи*»;

– в судебном заседании 31 января 2025 г. передразнивала манеру речи свидетеля К., юридическую помощь которому оказывали адвокаты-заявители, в связи с чем суд сделал ей замечание;

– в судебном заседании 06 февраля 2025 г. назвала адвоката Г. «*придурком*»;

– в тот же день, заявляя отвод представителям потерпевших – адвокатам Б.М., Г., С. и Я., указала, что Адвокатское бюро «…» является «организованной преступной группой, которая фальсифицирует доказательства и участвует в создании подложных доказательств, осуществляет уголовное преследование», представила название АБ «…» и историю его создания в негативном окрасе;

– в тот же день, 06 февраля 2025 г., представила суду ордер на защиту Я.К., заполненный с нарушениями требований, установленных приказом Министерства юстиции РФ от 23 сентября 2024 г. № 282 «Об утверждении формы

ордера, требований к его заполнению и оформлению».

Рассматривая выдвинутые против адвоката Б. дисциплинарные обвинения, Совет, прежде всего, отмечает, что в своей дисциплинарной практике органы адвокатского самоуправления последовательно исходят из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Применительно к настоящему дисциплинарному разбирательству обязанность доказывания выдвинутых дисциплинарных обвинений, а также опровержения позиции адвоката Б. возложена на заявителей – адвокатов Б.М., Г., С. и Я.

Совет также учитывает, что документов, подтверждающих процессуальный статус адвоката Б.М. в указанном уголовном деле при его рассмотрении П. районным судом г. Москвы, не имеется. Из пояснений участников дисциплинарного разбирательства следует, что адвокат Б. представляла потерпевшего – компанию «Б.Л.», а адвокаты Г. и С. представляли другого потерпевшего – АО «…». Адвокат Я. также оказывала юридическую помощь свидетелю К. При этом содержащиеся в жалобе дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Б. касаются ее поведения в судебных заседаниях 23, 31 января и 06 февраля 2025 г. Однако заявители – адвокаты Б.М. и С. в этих заседаниях участия не принимали.

В соответствии с положениями подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, поданная в адвокатскую палату другим адвокатом, является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства, тем не менее ни один из адвокатов-заявителей не наделен правом выдвигать дисциплинарные обвинения в защиту других адвокатов-заявителей, которые при этом реализуют свое право на обращение с жалобой самостоятельно.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части доводов жалобы, выдвинутых адвокатами Б.М., Г. и С. в защиту интересов адвоката Я., а также в части доводов, выдвинутых адвокатами Б.М., С. и Я. в защиту интересов адвоката Г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Б. все выдвинутые заявителями дисциплинарные обвинения последовательно отрицает, утверждая, что не произносила приписываемых ей реплик в отношении адвокатов Г. и Я. В подтверждение этих доводов адвокат Б. представила аудиозаписи судебных заседаний 23 января и 06 февраля 2025 г., полученные ею в официальном порядке в суде, а также фрагменты протокола судебного заседания за соответствующие даты. При изучении в ходе дисциплинарного разбирательства как этих материалов, так и в результате прослушивания представленных заявителями аудиозаписей (в том числе и «усиленных»), не было обнаружено указанных в жалобе заявителей реплик адвоката Б. в адрес адвокатов Г. и Я. По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в рассматриваемой части ввиду недоказанности заявителями соответствующих дисциплинарных обвинений.

К такому же выводу Совет приходит применительно к дисциплинарному обвинению в передразнивании адво-

катом Б. манеры речи свидетеля К. Совет не усматривает в поведении адвоката Б., включая содержание заданных ею вопросов и манеру ведения допроса свидетеля, нарушений требований профессиональной этики. Совет также учитывает, что ни от самого К., ни адвоката Я., оказывавшей ему юридическую помощь в ходе допроса в суде, никаких жалоб и возражений по поводу поведения адвоката Б. суду не заявлялось. Доказательств обратного в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Оценивая дисциплинарное обвинение в том, что в судебном заседании 06 февраля 2025 г. адвокат Б. называла АБ «…» и входящих в его состав адвокатов, включая заявителей, «организованной преступной группой», которая фальсифицирует доказательства и участвует в создании подложных доказательств, Совет считает необходимым отметить следующее.

Адвокат Б. рассматриваемое дисциплинарное обвинение также отрицает и указывает, что никогда не называла АБ «…» организованной преступной группой, не говорила о вхождении в нее заявителей, но заявляла и заявляет *«о существовании организованной правовой группы, которую можно назвать "…", в которую входят лица, в том числе не являющиеся адвокатами, и которая отстаивает свои корыстные интересы в рассматриваемом уголовном деле»*. Данными обстоятельствами – наличием личного интереса лиц, связанных с АБ «…», в том числе его учредителей и партнеров, в исходе уголовного дела, а также необходимостью допроса адвокатов-заявителей в качестве свидетелей по уголовному делу, адвокат Б. обосновывает заявленные ею в устной и письменной форме в заседании 06 февраля 2025 г. ходатайства об отводе всех адвокатов-заявителей от участия в уголовном деле. При этом в материалах дисциплинарного производства нет доказательств того, что адвокат Б. употребляла в отношении АБ «…» и/или адвокатов-заявителей словосочетание «организованная преступная группа». Адвокаты Б. М. и С. в заседании Квалификационной комиссии пояснили, что адвокат Б. употребила аббревиатуру «ОПГ», которая была ими расшифрована как «организованная преступная группа».

Между тем объяснения адвоката Б. о том, что в отношении АБ «…» и связанных с ним лиц она использовала выражение «организованная правовая группа», подтверждается содержанием зафиксированного в протоколе судебного заседания выступления адвоката М.А. – защитника подсудимого М., которая в заседании суда 13 марта 2025 г. отметила справедливость употребления адвокатом Б. в отношении АБ «…» выражения «организованная правовая группа», а также высказалась о недопустимости со стороны адвокатов АБ «…» изобретать несуществующие формы правовых документов («правовой оксюморон») и формировать доказательства по уголовному делу. В своем выступлении адвокат М.А., в частности, сказала: *«Организованная правовая группа, под именем которой адвокаты "…" часто участвуют… часто меняются и участвуют с судебных заседаниях, сформировали… пакет документов…»*.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Б. называла АБ «…» и адвокатов-заявителей «организованной преступной группой», подлежит прекращению как необоснованное, поскольку дисциплинарное обвинение должно быть основано только на доказательствах и не может быть основано на предположении.

Вместе с тем Совет отмечает, что адвокат обязан проявлять уважение к коллегам (в том числе процессуальным оппонентам) и избегать использования выражений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию, как того требуют подп. 7 п. 1 ст. 9, пп. 1 и 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. В соответствии с этими требованиями адвокату также надлежит избегать использования двусмысленных выражений, включая аббревиатуры, которым в контексте процессуального конфликта может быть придана негативная или оскорбительная коннотация. Таким двусмысленным выражением в рассматриваемом случае явилась использованная адвокатом Б. аббревиатура «ОПГ», общераспространенным содержанием которой является «организованная преступная группа». При этом адвокату Б. ничто не препятствовало в использовании вместо этой аббревиатуры выражения «организованная правовая группа», которое она, согласно ее утверждениям, действительно имела в виду. В этом случае ею было бы соблюдено давно сформированное и являющееся традицией адвокатуры профессиональное правило говорить не так, чтобы ее можно было понять, а так, чтобы нельзя было не понять. В связи с этим Совет считает необходимым указать адвокату Б. на то, что ей, в том числе с учетом наличия у нее ученой степени доктора юридических наук и большого опыта публичных выступлений, следует более тщательно продумывать и подбирать выражения и лексику, используемые как в общении с коллегами, так и в процессуальной деятельности.

Применительно к иным, приведенным выше, высказываниям адвоката Б. в заседании 06 февраля 2025 г., в том числе содержавшимся в заявленном ею письменном ходатайстве, Совет приходит к следующим выводам.

Эти высказывания, включая утверждение о фальсификации доказательств и манипулировании ими, произнесены адвокатом Б. при заявлении в судебном заседании 06 февраля 2025 г. отвода всем адвокатам-заявителям как представителям потерпевших. Изучение письменного текста ходатайства, а также протокола и аудиозаписи судебного заседания показывает, что приведенные в жалобе высказывания приведены адвокатом Б. в качестве доводов, обосновывающих заявляемый отвод. При этом адвокат Б. ссылалась на фактические обстоятельства, которые, по ее мнению, подтверждали наличие заинтересованности руководителей и партнеров АБ «…» в исходе рассматриваемого уголовного дела, свидетельствовали об активном и непосредственном участии адвокатов-заявителей в событиях, связанных с обстоятельствами рассматриваемого уголовного дела, в подготовке заявителями показаний свидетелей, представлении документов сомнительного происхождения и/или содержания. Перечень таких документов и существо претензий к ним были приведены адвокатом Б. и в пояснениях в ходе дисциплинарного разбирательства, а также ее представителем – адвокатом Л. в заседании Совета.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокат не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за доведение им до суда сведений, которые, по его мнению, подтверждают наличие правовых и фактических оснований для отвода участников судопроизводства, в том числе являющихся адвокатами. Иное означало бы лишение адвоката права на профессиональную независимость в оценке обстоятельств, выработке и реализации тактики и стратегии защиты интересов доверителя. При таких обстоятельствах с учетом того, что

рассматриваемые утверждения адвоката Б. были ею обоснованы и при этом не были высказаны в оскорбительной форме, ее профессиональное поведение в данной части не может быть признано нарушающим требования адвокатской этики. По этой причине дисциплинарное производство в данной части также подлежит прекращению.

Оценивая довод жалобы о представлении адвокатом Б. суду ордера, оформленного с нарушением нормативных требований, Совет отмечает, что предполагаемое заявителями несоблюдение адвокатом Б. формы и порядка заполнения ордера адвоката никаким образом их прав не нарушает. При этом установление соответствия или несоответствия ордера адвоката-защитника требованиям к его содержанию является прерогативой суда, однако председательствующая судья К. ордер адвоката Б. от 06 февраля 2025 г. приняла, не усмотрев препятствий для ее вступления в уголовное дело в качестве защитника подсудимого Я.К. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по жалобе адвокатов Б.М., Г., С. и Я.:

в части доводов жалобы о том, что в судебном заседании П. районного суда г. Москвы 23 января 2025 г. по рассмотрению уголовного дела адвокат Б. назвала адвоката Б.М. «убожеством», а в судебном заседании 06 февраля 2025 г. назвала адвоката Г. «придурком», а также в части доводов жалобы о ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Б. при допросе свидетеля К. и о том, что она назвала АБ «…» организованной преступной группой, которая фальсифицирует доказательства и участвует в создании подложных доказательств, осуществляет уголовное преследование подзащитного адвоката Б. – Я.К., и представила название АБ «…» и историю его создания в негативном окрасе, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;

в оставшейся части – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА

Оформить подписку
на электронную версию
можно на сайте
newtech.legal

SCAN ME
SCAN ME
SCAN ME
SCAN ME

- Как только номер журнала готов, он сразу доступен в вашем личном кабинете.
- Есть поиск по рубрикам, номерам, авторам статей и ключевым словам.
- Вам доступен архив выпусков на весь период подписки.
- Можно управлять подписками, сохранять важные статьи, оценивать материалы и знакомиться со свежими выпусками в личном кабинете.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

@CRIMINALMAGRU
@UGPRAVO
CRIMINALMAG.RU

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы 2

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 146 от 29 мая 2025 года
«Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) 2

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 147 от 29 мая 2025 года
«Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 10

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 148 от 29 мая 2025 года
«О награждении адвокатов» 13

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 149 от 29 мая 2025 года
«Об определении полномочий Президента, первых вице-президентов,
вице-президентов и членов Совета Адвокатской палаты города Москвы» 16

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 178 от 26 июня 2025 года
«Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) . . .25

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 179 от 26 июня 2025 года
«Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 36

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 180 от 26 июня 2025 года
«О награждении адвокатов» 39

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 200 от 15 июля 2025 года
«Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) . . .41

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 201 от 15 июля 2025 года
«Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 45

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 202 от 15 июля 2025 года
«О награждении адвокатов» 47

Отзыв на законопроект Минюста РФ
«О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»
(утвержден Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы
от 23 июля 2025 года (протокол № 10) 49

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 229 от 19 августа 2025 года
«Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) . . .59

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 230 от 19 августа 2025 года
«Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 63

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 231 от 19 августа 2025 года «О награждении адвокатов» 66

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 248 от 25 сентября 2025 года «Об исполнении статей 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» (извлечение) . . . 68

Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 249 от 25 сентября 2025 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» 75

Адвокатское сообщество 78

Обзор дисциплинарной практики 80

В помощь адвокату 342

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 2 (167) 2025

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
С.Б. Зубков (председатель),
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант,
И.А. Поляков, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
01.11.2025

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
127055 Москва, Сущевская ул., 12/1
+7 (499) 350–0015
www.rpspress.ru, info@rpspress.ru

Отпечатано в типографии
«OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»,
109316 г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru

Формат 70 × 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл.-печ. л. 21,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 58900

© Адвокатская палата
города Москвы, 2025

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2025